А. И. ГИППИНГ

Нева и Ниеншанц

ББК 63.3 (2-2 СПБ)

Федеральная целевая программа
«Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии
и книгоиздания России»)

Подготовка текста **В. А. Вальковской**
Комментарий профессора
картографии **Уллы Эренсверд** (Швеция)
Заключение **Г. Б. Лебедева**
Перевод комментария **О. Логош и В. Петрова**

© В. А. Вальковская, подготовка текста, 2003
© Улла Эренсверд, комментарий, 2003
© О. Логош, В. Петров, перевод, 2003
© Редакция альманаха «Российский Архив», 2003

ISBN 5-86566-045-4

АНДРЕЙ ИОГАНН ГИППИНГ И СУДЬБА ЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ТРУДА о НЕВЕ и НИЕНШАНЦЕ

вступительная статья
А. Лаппо-Данилевского

В начале XIX-го столетия общая история Финляндии все еще оставалась довольно мало разработанной: Портан и другие ученые преимущественно останавливались на изучении отдельных сторон предмета. Среди исследователей, продолжавших подготавливать таким образом научное его понимание, Андрей Иоганн Гиппинг вскоре занял довольно видное место: в первой половине прошлого века он напечатал несколько работ, касавшихся, главным образом, истории Финляндии и Ингерманландии; важнейшие из его трудов выходили отдельными книжками, а более мелкие статьи и заметки появлялись в местных журналах и газетах. Тем не менее главный труд Гиппинга, посвященный истории города Ниена и его крепости, до сих пор известен был лишь отчасти и в полном виде еще не вышел в свет: смерть помешала автору окончить печатание своего произведения, а А. А. Куник, наблюдавший за изданием, был отвлечен от него другими работами, и только теперь оказалось возможным завершить дело, не доведенное им до конца. Ввиду того, однако, что Гиппинг и его книга уже отошли в область прошедшего, кажется, не лишним будет сообщить несколько биографических сведений об авторе предлагаемого труда и несколько справок касательно последующей его участи.

Предки Андрея Иоганна Гиппинга давно уже поселились в Новой Финляндии: его дед Генрих, а затем и отец Давид последовательно занимали должность священника в приходе Перно [1]. Андрей Иоганн Гиппинг родился в том же приходе

[1] A. J. Hipping, Beskrifning öfwer Perno Socken i Finnland, St. Petersberg, 1817, pp. 82, 94–95, 96–97; тут же автор упоминает и о прадеде своем Петре Гиппинге.

www.aroundspb.ru

18-го декабря 1788 года; но долго оставаться в родительском доме ему не пришлось: двенадцатилетним мальчиком он поступил в гимназию в Борго, а оттуда через четыре года отправился в Обо; выдержав здесь экзамен у Портана, он был зачислен в студенты обоского университета и слушал лекции профессоров по различным отраслям знаний [1].

Впрочем, научные занятия не помешали молодому Гиппингу почувствовать склонность к искусствам: желая усовершенствоваться в музыке и живописи, он в конце 1807 года отправился в Петербург; здесь он вскоре был определен дирекцией императорских театров «музыкантом»; свои обязанности он исправлял с «усердием» до 1811-го года [2].

В то время при отце его, священнике Давиде Гиппинге в Перно освободилось место «адъюнкта», которое он и предложил занять своему младшему сыну; последний принял предложение и 18 апреля 1812 года был рукоположен в священники; но он лишь на короткое время остался в родном приходе. В том же году назначенный, по высочайшему повелению, законоучителем в Петербургскую гимназию, Гиппинг стал преподавать там Закон Божий молодым людям финского происхождения, в чем и получил удостоверение в виде особого свидетельства, выданного ему от комиссии финляндских дел [3].

Приблизительно с того же времени Гиппинг начал предаваться и литературным занятиям: еще до отъезда своего в Перно он успел в 1810 году напечатать «опыт шведско-русских разговоров», за составление которого император Александр I удостоил пожаловать его золотою табакеркою [4]. Через несколько лет Гиппинг выступил с новым трудом, уже касавшимся местной истории: в русской столице, куда он снова

---

[1] А. И. Гиппинг, Автобиографическая записка, сохранившаяся в бумагах А. А. Куника; последние хранятся в Академии Наук при его библиотеке; см. картон «Ingaria», «Ст. Ладога».

[2] Подлинный аттестат об увольнении Гиппинга из дирекции, определившей его на службу 1 декабря 1808 г., помечен 26 мая 1811 года; аттестат удостоверен подписью члена конторы дирекции Императорских театров Ивана Бельского и печатью дирекции; см. бумаги А. А. Куника.

[3] Подлинное свидетельство от 17 февраля 1813 года за подписью барона Ивана Аминова и за печатью Комиссии см. в бумагах А. А. Куника.

[4] A. J. Hipping, Försök till Svenska och Ryska Samtal. St. Petersburg 1810; издание было распродано в течение двух лет; см. А. Гиппинг, О финской литературе в журнале: «Соревнователь Просвещения и Благотворения» за 1820 г., № 11, с. 226.

вернулся, ему все же не хотелось забывать и свой родной приход; его описанию он посвятил целую книжку [1]. Возможно, однако, что ученое направление нашего автора окончательно сложилось еще позднее. В 1820 году получив, по рекомендации академика Круга, место библиотекаря у государственного канцлера графа Румянцева, Гиппинг привел в порядок его библиотеку и снабдил ее новыми каталогами. В течение нескольких лет заведуя богатым хранилищем известного мецената, он, надо думать, воспользовался столь благоприятными условиями для того, чтобы пополнить свои познания в области источников русской истории. Подобно Лербергу и, может быть, не без влияния его исследований, свидетельствовавших, «сколь полезны летописи российские для (изучения) древней финляндской истории», и сам Гиппинг заинтересовался теми же источниками [2]. В то время он уже печатал некоторые из своих работ по истории Финляндии и Ингерманландии: одну из них он посвятил канцлеру графу Румянцеву, «благородному и неутомимому покровителю всех исторических знаний» [3], а другую поднес академику Фрэну, с которым он вступил в сношения [4]. Избранный в члены »вольного общества любителей российской словесности», молодой ученый и в его трудах поместил любопытную статью о финской литературе [5].

---

[1] См. выше. с. 4, сн. [1].

[2] А. Гиппинг. О финской литературе в журнале: «Соревнователь Просвещения и Благотворения» за 1820 г., № 11, с. 224; ср. A. C. Lehrberg, Ueber die Wohnsitze der Jemen, ein Beitrag zur Geschichte Neu-Finnlands; исследование было доложено Академии в 1811 и 1812 гг.; известный сборник исследований (Untersuchungen) Лерберга был издан под редакцией Круга в 1816 г.

[3] A. J. Hipping, Bemerkungen über einen den Sussischen Chroniken erwähnten Kriegszug der Russen nach Finnland, St.-Petersburg, 1820; эта работа в переводе К. Гаке появилась и в журнале: «Соревнователь Просвещения и Благотворения» за 1820 г., №№ 4 и 5.

[4] A. J. Hipping, Pontus de la Gardie oder Nachforschungen über eine in der Gegend um St.-Petersburg bekannte Volkssage. St.-Petersburg, 1819 (в библиотеке Академии Наук имеется и тот экземпляр, который автор поднес Фрэну). В бумагах Фрэна сохранилось письмо к нему Гиппинга, в котором он рекомендует знаменитому ориенталисту «магистра Шегрена (Siögren) из Обо»; см. Переписку Фрэна в Азиат. Музее. Письмо Гиппинга без указания года; известно, что Шёгрен приехал в Петербург в 1820 году; см. заметку об академике А. М. Шёгрене в Жур. Мин. Нар. Просв. 1855 г., № 4, с. 2. Ср. еще ниже с. 6, сн. 1 и 3.

[5] А. И. Гиппинг. О финской литературе, перевод В. Брайкевича в журнале: «Соревнователь Просвещения и Благотворения» за 1820 г., № 11, сс. 213–229. Почти в то же время (1821 г.) Гиппинг был выбран и в члены Скандинавского литературного Общества в Копенгагене.

Гиппинг оставался в должности библиотекаря государственного канцлера до 1823 года, когда он, 27 февраля, был назначен, по высочайшему повелению, пастором в Вихтис, – приход, который он впоследствии описал в особо изданном им сочинении [1].

Таким образом, снова переселившись в Финляндию, Гиппинг должен был ограничить и круг своих научных занятий: он сосредоточил их на истории Ингерманландии и в особенности на истории шведского города Ниена в его крепостью, давно уже описанных одним из русских писателей [2]. Свой обзор ижорской истории, основанный на изучении разнообразных источников, Гиппинг напечатал в Гельсингфорсе в 1836 году на шведском языке. В этой книге, представлявшей, по словам Шёгрена [3], «очень ценную монографию», автор выразил намерение в следующем году издать вторую часть; она должна была «содержать собственно историю Ниена с приложением некоторых до того времени неизвестных документов, касающихся этого давно разрушенного и забытого города» [4]. Хотя Гиппинг вскоре затем снова переменил место своего служения и, наконец, был призван к исполнению должности пастора в Новой Кирке (1847 г.), он не оставил своих научных работ: время, свободное от отправления своих обязанностей, он охотно посвящал обработке истории города Ниена с его крепостью; вместе с тем он продолжал печатать и другие свои исследования.

---

[1] A. J. Hipping, Beskrifning öfver Wichtis Socken. Helsingfors, 1845. Составитель вышеуказанного некролога А. М. Шёгрена сообщает, что «в конце 1822 года» он «возвратился в Петербург и определен был библиотекарем к графу Н. П. Румянцеву» (Жур. Мин. Нар. Просв. 1855 г., № 4, с. 3); но Гиппинг определенно ссылается на 27 февраля 1823 года; во всяком случае Шлгрен заменил его в должности библиотекаря при гр. Румянцеве. Круг был также высокого мнения о Шёгрене; см. E. Kunik, Verschiedene Nachrichten über Krug's historische Laufbahn in Ph. Krug's Forschungen..., Bd. I (1848), ss. CLV–CLVI.

[2] Афанасий, арх. Холмогорский: Описание трех путей из России в Швецию, составленное в 1701, изд. П.Б. в Ж.М.В.Д. 1838 г., ч. XXIX, сс. 266–267 (описание «града Канец и посада»); ср. с. 271.

[3] А. Шёгрен, Записка о научных заслугах А. Гиппинга, 1842 г. в Арх. Конфер., № 34; здесь автор записки называет книгу Гиппинга «eine sehr schätzbare Monographie».

[4] A. J. Hipping, Neva och Nyenskans intill St. Petersburgs Anläggning. Första Delen, Helsingfors, 1836; ср. А. Куник, Разбор сочинения пробста А. Гиппинга под заглавием «Нева и Нюэнсканс»... в XXII присуждении Дем. нагр. (1853), сс. 50.

В то время Гиппинг уже состоял членом финского общества наук, а также членом других научных и литературных обществ [1]. Вскоре его работы были оценены и Академией Наук. Уже в 1840 году, по поводу приведения им в порядок древностей в академическом музее («рунических жезлов и календарей»), Шёгрен, а вместе с ним Грефе и Круг предложили внести его имя в списки кандидатов в члены-корреспонденты Академии; но в то время избрание Гиппинга не состоялось по каким-то случайным обстоятельствам, и только в 1844 году, по предложению Шёгрена, ценившего в нем »тонкого исторического исследователя», Гиппинг был, действительно, избран в члены-корреспонденты Академии по разряду исторических и политических наук [2].

Исследования Гиппинга не ускользнули, конечно, и от внимания А. А. Куника, о чем между прочим можно судить по экземпляру ижорской истории, сохранившемуся в библиотеке покойного академика и снабженному, надо думать, его заметками; он также мог оказать некоторое влияние и на избрание Гиппинга в члены-корреспонденты. Во всяком случае, несколько позднее, в письме от 9 августа 1851 года, А. А. Куник писал Погодину о том, что «отчасти для здоровья, отчасти исполняя дружеское приглашение, он ездил этим летом два раза в..... Выборгскую губернию, где у пробста Гиппинга нашел почти совсем обработанное им на шведском языке сочинение о шведском городе и крепости Ниеншанце»; высказывая далее свое мнение о большом значении труда Гиппинга и о тесной связи его содержания с историей основания Петербурга, А. А. Куник сообщает, что он уговорил Гиппинга издать

---

[1] Сам Гиппинг сообщает, что он был избран между прочим в следующие общества: 1834 г. янв. 30 в члены Северного Общества древней письменности в Копенгагене; 1835 г. апреля 11 в члены финского литературного общества в Гельсингфорсе; 1841 г. апреля 5 в члены общества наук в Гельсингфорсе.

[2] Прот. Общ. Собр., 1844 г., параграф 116. Круг, покровительствовавший Гиппингу, скончался 4 июня 1844 г.; но А. А. Куник, был избран Общим Собранием в адъютанты лишь 5 октября 1844 г., т. е. незадолго до избрания Гиппинга в члены-корреспонденты (Прот. 1844 г., параграф 95). Комиссия, которая была избрана для обсуждения вопроса о замещении одной вакансии, открывшейся по разряду исторических и политических наук, состояла из академиков: Френа, Клиппена, Шёгрена и Броссе; по крайней мере двое из них давно уже знали Гиппинга; Шёгрен представил записку о его научных трудах; из трех предложенных комиссией кандидатов двое были подвергнуты баллотировке; Гиппинг соединил в свою пользу наибольшее число голосов; см. Прот. Ист.-Фил. Отд., 1844 г., параграфы 190, 203, 209.

это сочинение на русском языке [1]. И действительно, вскоре затем Гиппинг перевел первую часть своего труда, несколько дополнив ее, а вторую часть представил в рукописи на русском языке на Демидовский конкурс.

В первой части своего сочинения Гиппинг дает обозрение мирных и преимущественно враждебных отношений между Россией и Швецией с древнейших времен и до заключения Столбовского мира. Эта часть представляет, по словам ее рецензента, как бы «введение в историю Ниена: а потому и не должно удивляться, если автор одни происшествия излагает в сокращенном виде, а другие проходит молчанием...». После кратких исторических сведений о р. Неве и народах, обитавших вблизи ее берегов в древнейшее время, а также разбора сказания о призвании Варягов славянскими и финскими племенами, автор обозревает историю той же местности при русских князьях Владимире Святославиче и Ярославе Владимировиче и следит за последующей ее судьбой, зависевшей, главным образом, от отношений между шведами и новгородцами; эти отношения осложнялись той ролью, какую в них играли и некоторые финские племена, в особенности ям, а также ливонские рыцари и иностранные купцы; вскоре по заключении Ореховского договора на них стали оказывать заметное влияние и московские, и литовские князья. Вслед за тем автор пользуется продолжительным перерывом, наступившим с конца XV-го века во враждебных столкновениях, чтобы дать представление читателю о положении края, его пятинах, уездах (присудах) и погостах, о дворцовых и других землях, о сельском населении, его оброках и данях, его религиозном быте и экономическом состоянии. После утверждения Густава Вазы на шведском престоле борьба между Швецией и Россией из-за господства на побережьях Невы возобновляется; автор следит за нею до заключения Тявзинского договора, а затем и в смутное время, вслед за которым шведское господство, в силу Столбовского договора, утвердилось здесь на несколько десятилетий. Гиппинг заканчивает первую часть своего труда заявлением, что он в следующей части намерен «изложить историю города и крепости Ниеншанца» и таким образом предложить как бы введение в историю С.-Петербурга. В начале автор дает довольно любопытную главу о внутреннем состоянии Ингерманландии в XVII веке,

www.aroundspb.ru

[1] Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI, 1897 г., с. 483.

доказывающую, по словам рецензента его труда, как тщательно составитель изучал историю шведских государственных учреждений, и сколь коротко он был знаком с бытом финских крестьян. Автор рассказывает далее о происхождении города Ниена [1], о привилегиях, данных ему Густавом Адольфом, и о мерах, принятых его дочерью и преемницей, Христиной, для возвышения благосостояния города, особенно его торговли, имевшей политическое значение; о покорении Ниеншанца в 1657 году ратью Алексея Михайловича; о возвращении Ингерманландии шведам по Кардисскому миру в 1661 году и о восстановлении благосостояния города; о дальнейшем развитии его привилегий и торговли, а также об обстоятельствах, вредно отзывавшихся на его преуспеянии и ускоривших разрыв между Россией и Швецией. Вместе с тем Гиппинг довольно подробно излагает историю местного управления краем и сообщает некоторые сведения о шведских генерал-губернаторах, наместниках или ландсгевдингах, далее о городском самоуправлении, а также о комендантах крепости, о некоторых бургомистрах и других замечательных лицах, живших в городе и его окрестностях. Вслед за тем автор переходит к обозрению топографических известий, карт и планов, на основании которых он и дает представление о положении и виде Ниена, его крепости и окрестностей, и, присовокупив несколько замечаний о названиях поселений, о значении слова «погост» и местоположении некоторых деревень, заканчивает свой труд описанием церковного управления и церковного быта Ингерманландии, а также присоединяет несколько данных об устройстве школы в Ниене. Гиппинг доводит свое повествование до покорения крепости Ниеншанца Петром Великим 1 мая 1703 года; впрочем, автор не останавливается на подробном описании гибели крепости и города Ниена, хотя это и можно было сделать на основании известных в то время источников [2].

Третья часть сочинения состоит из актов, относящихся более или менее к истории Ниена. Они писаны большей частью на шведском языке и извлечены из архивов: стокгольм-

---

[1] Впрочем, Гиппинг полагал, что поселение могло возникнуть здесь и до шведского владычества; см. ч. I, сс. 256–257.

[2] H., Untergang der Stadt und Festung Nyen am Finnischen Meerbusen und Entstehung St.-Petersburgs в жур.: «Das Inland», VI Jahrg. (1841), Sp. 605–607 и др.

ского, обоского, нарвского и выборгского [1]. Число актов простирается до 67 номеров.

Кроме того, Гиппинг предполагал приложить к своему труду несколько планов крепости и города с их окрестностями; и действительно, в Библиотеке Академии удалось разыскать тринадцать карт, уже напечатанных: двенадцать из них были приготовлены для издания самим Гиппингом и им описаны, а одна (№ 13) была найдена А. А. Куником в архиве Главного Штаба и в снимке присоединена к остальным [2].

После детального разбора сочинения Гиппинга его рецензент А. А. Куник пришел к следующему заключению: труд Гиппинга далеко не удовлетворяет настоятельной потребности в подробной критической истории древней Ингрии, и даже те происшествия и предметы, которые исключительно вошли в состав его сочинения, требуют разнообразных дополнений, особенно по русским источникам; но, с другой стороны, нельзя не согласиться, что Гиппинг первый обнял всю историю Ингерманландии и что теперь легко пополнять этот предмет сведениями из документов, которыми до сих пор не умели пользоваться по их отрывочной форме, каковы, напр., многие акты, находящиеся в изданиях Археографической Комиссии. Впрочем, при изображении «связи происшествий, одного за другим следующих», автор мог бы выразить ее яснее и резче. Во всяком случае, изложение его очень просто и сжато и только изредка он дает волю своему чувству [3].

Вместе с тем и собрание карт и планов, приложенных к труду Гиппинга, заслуживало внимания: ему удалось достать их из шведских архивов и таким образом составить коллек-

---

[1] Впрочем, с того времени, когда они были напечатаны, старейшие документы, например, известная книга привилегий г. Ниена и др. были перемещены из выборгского архива в Государственный архив в Гельсингфорсе. В архиве выборгского магистрата, судя по справкам, наведенным по моей просьбе б. архивариусом г-жою Святихиной, приложение № LIX, например, уже не хранится.

[2] А. Куник. Op. cit. в XXII Присужд. учрежденных П. Н. Демидовым наград.

[3] А. Куник. Разбор сочинения пробста А. Гиппинга под заглавием: Нева и Нюэнсканс или Введение в историю С.-Петербурга в «Двадцать втором присуждении учрежденным П. Н. Демидовым наград» 23 мая 1853 г., сс. 51, 56–57 и др.

цию, продолжением которой можно считать сборник «планов С.-Петербурга», вышедших в то же время [1].

Ввиду достоинств сочинения Гиппинка, Академия Наук, согласно предложению А. А. Куника, присудила автору «половинную премию Демидова с прибавочною суммою для издания полного сочинения и принадлежащих к нему планов».

Сочинение Гиппинга печаталось под наблюдением А. А. Куника по рукописному переводу, кажется, им самим исправленному. Судя по сохранившемуся рукописному тексту русского перевода, первая часть подверглась довольно значительной переработке, чего нельзя сказать про вторую. Хотя почти весь текст и весьма значительная часть приложений были уже отпечатаны в течение ближайших лет, но А. А. Куник не кончил начатого им дела. Можно указать на некоторые обстоятельства, вероятно, задержавшие своевременное его завершение. Подкравшаяся болезнь в течение нескольких лет мешала А. А. Куник работать с прежнею энергией, что, конечно, отзывалось и на ходе издания истории Ниена [2]: оно подвигалось довольно медленно, а между тем сам Гиппинг узнал о находке новых материалов, касающихся истории той же местности преимущественно в конце XVII-го и в XVIII веке; старик радовался находке и полагал, что вновь найденные акты прольют много света на историю Ингерманландии, а также восточных провинций и что они могли бы значительно пополнить содержание его книги [3]. Сам автор, однако, едва ли был в состоянии взяться за такое дело: хотя в 1856–1858 гг. он все еще печатал мелкие статьи и заметки в местных журналах и газетах, но почти в то же время принял на себя исполнение новых обязанностей: высочайше пожалованный званием доктора теологии, он вскоре затем (в 1859 г.) был назначен «контракт-пробстом» выборгской епархии и инспектором школ в Выборге. В одном из последних своих

---

[1] Н. Цылов, Планы С.-Петербурга в 1700 г. (т. е. план местности, впоследствии занятой городом), 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 г., СПб. 1853 г.

[2] В письме от 24 июля 1858 года А. А. Куник писал проф. К. К. Ширрену: «...eine schleichende Krankheit hinderte mich mehrere Jahre emsig zu arbeiten...», из переписки проф. К. К. Ширрена с А. А. Куником и другими учеными, главным образом, по поводу издания русско-ливонских актов и литовских дорожников.

[3] А. И. Гиппинг, Письмо А. А. Кунику от 6 мая 1860 г. в бумагах последнего.

www.aroundspb.ru

писем к А. А. Куник, от 6 мая 1860 года, Гиппинг уже высказывал предчувствие близкой своей кончины: за несколько месяцев до смерти своей он получил «радостное известие», что печатание его труда скоро закончится и что карты к нему готовы, но скончался 8 ноября 1862 года, не дождавшись выхода в свет своей истории «Невы и Ниеншанца» [1]. Переписка с проф. К. К. Ширреном, а также письма к последнему Наньерского и других ученых показывают, насколько в то время А. А. Куник был поглощен изданием «Русско-Ливонских актов» [2]. Впоследствии постоянно отвлекаемый многими другими работами и изданиями, между прочим и предпринятым им исследованием о «Двине и Неве» [3], он до самой своей смерти не успеш завершить печатание труда Гиппинга о «Неве и Ниеншанце». Последние его страницы допечатаны без всяких изменений по тому же рукописному переводу, который был положен в основу всего издания и теперь хранится в Отделении рукописей библиотеки Академии наук [4].

---

[1] А. И. Гиппинг, Автобиографическая записка и письмо от 4 февраля 1862 года А. А. Куник у в бумагах последнего.

[2] См. вышеуказанную переписку проф. К. К. Ширрена с А. А. Куником и другими учеными.

[3] Kunik, Düna und Neva: Beiträge zur historischen Ethnographie Russlands und zur russischbyzantinischen Chronologie (lu le 19 mai 1893 et le 17 août 1894); представляя свой труд для напечатания в «Bulletin», авор указал на следующие заглавия своих статей: 1) «о происхождении и постепенном распространении имени Чудь» и 2) «Об области Норома в Низовье Западной Двины», см. Прот. Ист. Фил. Отд. 1893 г., ст. 80. А. Билеиштейн приводит письма к нему А. А. Куника, относящиеся к тому же периоду времени и между прочим трактующие «о названии Нерома» и проч. см. B. Bielenstein, Votrag zum Andenken an dem Akademiker Dr. Ernst Kunik 1900. По свидетельству проф. К. фон Бонсдорфа, еще в 1890 г. А. А. Куник имел намерение напечатать «рукопись Гиппинга так же, как и некоторые другие хранящиеся в Академии документы»; см. C. von Bonsdorff, Neva och Nyenskans in «Acta Societatis Scientiarum Fennicae», tomus XVIII Helsingforsiae, 1891, введение.

[4] Рукопись хранится в Рукописном Отделении Библиотеки Императорской Академии Наук за № 16. 5. 38 и содержит следующие материалы. Том первый: 1) «Neva och Nyenskans», на шведском языке (стр. 1–262). Это – первая часть текста, с отличиями от напечатанной в 1836 году и критическими заметками, писанными на полях по-русски. Вслед затем «Ammärkningar» на шведском языке (стр. 181); примечания к той же первой части, с отличиями от напечатанных в 1836 году и с несколькими отметками и заметками; две из них писаны чернилами по-русски; большинство – карандашом. 2) «Перевод со шведского, переделанный и напечатанный»: отрывки русского перевода текста со значительными исправлениями, писанными другою рукою; далее «листы из разных мест перевода, оказавшиеся неудобными

В настоящее время сочинение Гиппинга, конечно, устарело, в особенности после появления обстоятельного исследования проф. К. фон Бонсдорфа о том же предмете. Автор, к сожалению, не имел возможности, по независящим от него обстоятельствам, воспользоваться тем, что было уже сделано Гиппингом, но и помимо его работ тщательно собрал много новых материалов об истории Ниена и Ниеншанца в архивах Гельсингфорса и Стокгольма, а также ездил для той же цели в Ревель, Нарву и Дерпт. Некоторые из важнейших привилегий, данных городу Ниену, и несколько карт, приложенных Гиппингом к своему сочинению, были также, независимо от него, изданы проф. К. фон Бонсдорфом в приложении к своему исследованию [2]. Переработать сочинение Гиппинга или сделать из него извлечения оказалось, однако, затруднительным, так как все три части давно уже были отпечатаны почти целиком. Ввиду того, что это сочинение все же представляет некоторый интерес для истории науки и содержит несколько полезных указаний относительно предмета, еще очень мало разработанного в русской исторической литературе, Историко-Филологическое Отделение постановило выпустить его в свет вместе с приложенными к нему любопытными картами и планами, но не для продажи, а для рассылки в библиотеки и другие учреждения, и для раздачи некоторым ученым.

для печати и потому или вовсе выключенные, или написанные вновь», с замстками и отмстками карандашом; наконец, примечания к первой части в русском переводе в двух экземплярах: один экземпляр с добавлениями и многими исправлениями; другой – приготовленный для печати, писанный другою рукою и почти без помарок; некоторые из персправленных страниц первого экземпляра попали в состав второго экземпляра примечаний. Том второй: 1) «Нева и Ниэншанц, составил А. Гиппинг, часть II», русский перевод с поправками, впрочем, часто только стилистического характера: на лл. 1–476 текст, но без той части, которая соответствует сс. 156–216 печатного текста; далее, сс. 1–162 (помеченные карандашом) соответствуют только что указанным сс. 156–216 печатного текста; наконец, сс. 1–65 – примечания, с некоторыми отличиями напечатанные во второй же части.

[2] C. v. Bonsdorff, Nyen och Nyenskans в «Acta Societatis Scientiarum Fennicae», tomus XVIII Helsingforsiae, 1891, pp. 349–504, с приложением четырех карт. Труд г. фон Бонсдорфа вызвал рецензию Г. В. Форстена, напечатанную в Жур. Мин. Нар. Пр. за 1892 г., № 5, сс. 172–181.

Глава 1

ИСТОРИЯ Р. НЕВЫ И ПЛЕМЕНА, ОБИТАВШИЕ ВБЛИЗИ ЕЕ БЕРЕГОВ В ДРЕВНЕЕ ВРЕМЯ: ФИННЫ И СКАНДИНАВЫ; ВАРЯГИ И СЛАВЯНЕ; ПРИЗВАНИЕ ВАРЯЖСКИХ КНЯЗЕЙ ПЛЕМЕНАМИ СЛАВЯНСКИМИ И ФИНСКИМИ

Того, кто хотя поверхность просматривал бытописания народов, заметил, вероятно, что есть страны, которые, как бы по преимуществу, предназначены служить театром великих и важных событий. Частью естественное их положение, замечательное какими-либо особенными удобствами для жизни человека, частью случайные обстоятельства, порождающие различные столкновения и передвижения народа, сообщают некоторым странам столь громкую известность, что при одном имени их какое-то чувство благоговейного изумления невольно теснится в душу каждого, хотя сколько-нибудь знакомого с их минувшею судьбою.

Из таких прославленных местностей, замечательнейшую для нас, обитателей севера, составляет Нева, с прилежащими к ней землями; не потому только, что теперь на берегах этой реки красуется великолепная столица России, где Повелитель миллионов, напутствуемый благословениями своего народа, мирно довершает отважные предначертания Петра Великого, но и потому в особенности, что берега этой реки в продолжение многих веков служили театром кровавой борьбы, долженствовавшей решить вопрос о политическом первенстве той или другой из двух держав европейского севера – первенстве, которое главнейшим образом, бесспорно, зависело от обладания Невою и ее берегами.

По скудости древнейших исторических источников невозможно решить, какой именно народ первоначально населял невские побережья. Мы знаем только, что с того времени, когда свет истории начал проникать в эти страны, они были обитаемы народами финского племени. Но когда и откуда пришли эти народы, были ли они здесь первыми поселенцами

или нашли уже предшественников – на все это нет ответа в наших письменных памятниках. Посему, оставляя в стороне эти вопросы, требующие более глубокого и обстоятельного исследования, нежели какое в этом сочинении, по самой цели его, может быть допущено, бросим, во-первых, беглый взгляд на естественное положение прилежащей к Неве местности, чтобы указать важность ее значения как в отношении государственной политики, так и частной промышленности.

Река Нева, которая в длину, от Шлиссельбурга до впадения ее в море, имеет около 60 верст, может считаться одним из главных путей для внешней торговли России. Протекая между Карелией на севере и Ингерманландией на юге – странами равно бедными по своей природе и мало способными для жизни человека, эта река обязана своей исторической известностью, конечно, не качеству своих побережий, а именно тому обстоятельству, что она образует как бы устье Ладожского озера, которое посредством других озер и рек открывает путь как в северные, так и в южные и юго-восточные области России. Такое удобство водных сообщений через Неву с внутренностью богатого и обширного края заставляет предполагать, и не без основания, что нева, действительно, уже в глубокой древности была известна и считалась важным путем для сношений Запада с отдаленным Востоком. Но в прежнее время эти сношения, без сомнений, сопряжены были с весьма многими затруднениями, большая часть которых теперь уже не существует, после того, как прорытие Ладожского и других каналов, равно как и прочие меры просвещенного правительства, так много содействовали к облегчению внутреннего судоходства России. Можем также полагать, что некогда и самая Нева имела совершенно другой вид, нежели теперь, когда проведение многих каналов и другие усилия человека в соединении с непрерывным, хотя незаметным для глаза, действием самой природы постепенно понизили в ней уровень воды, подняли и укрепили ее берега, и тем предписали ей определенное течение. В прежнее же время вся эта низменная площадь, на которой основан Петербург, равно как и все береговое пространство, может быть, до самого Волхова составляли, по всей вероятности, мелкое и вязкое дно озера, по которому, между бесчисленных отмелей, окаймленная отовсюду болотами, извивалась река, не имевшая ни прочно очерченных берегов, ни постоянного русла. И часто, во время западных ветров, воды этой реки, встречая сильный отпор со стороны

www.kronshtadt.ru

моря, широко разливались по окрестной равнине, подвергая опасности жизнь и имущество немногочисленных ее обитателей. И не меньшая опасность грозила здесь и мореходам, которые, застигнутые бурею, нигде, до самого устья Волхова не могли найти себе безопасного пристанища. Новейшие геологические разыскания, произведенные на южной стороне реки, в пластах известкового сланца и в других породах земли, представляют несомненные доказательства тому, что море некогда действительно господствовало над всею невскою равниной, что, впрочем, очевидно и для простого наблюдателя при одном поверхностном взгляде на эту местность. Наконец и самое имя этой реки, если оно происходит из языка нынешних обитателей ее побережий, вполне подтверждает наше мнение, ибо Newo есть финское слово, которое означает «болото, трясину или вообще всякое топкое и низменное место».

Какими же явлениями открывается история Невы и прилежащих к ней земель? Когда, и по случаю каких событий эта местность впервые упоминается в наших памятниках? – Спорро Стурлесон, которого можно назвать древнейшим шведским летописцем, выдает окрестности Черного моря, в нынешней южной России, за первобытную родину народов скандинавского племени. Он повествует, будто бы вскоре после Рождества Христова римские полководцы начали производить отдаленнейшие завоевания и порабощали все народы, почему многие старейшины племен должны были бежать из своих владений. Между таковыми был и Один, который с толпою народу покинул отечество и пришел, во-первых, в Гардарик (Gardarike, – так называли скандинавы новгородскую область [1]). Оттуда обратился он к югу, в Саксонию (Saxland), потом в Данию, наконец прибыл в Швецию и поселился в Древней Сигтуне, где дал свои законы и ввел поклонение богам. – Допуская, что в этом повествовании, основанном, без сомнения, на древних языческих преданиях, выражается действительный факт, нельзя однакоже не заметить, что столь значительное переселение, в продолжение которого были завоеваны и заселены многие государства, не могло совершиться при жизни одного человека, и в такое короткое время, как говорит предание. Оно, без сомнения, совершилось постепенно, посредством нескольких отдельных переселений, а в таком случае понятно, во-первых, что воспоминания о древней родине, обновляемые время от времени новыми пришельцами оттуда, могли долго сохраниться на севере, и, во-вторых,

что сношения между скандинавами и позднейшими обитателями их прежнего отечества могли быть совершенно прерваны только по прошествии длинного ряда годов. То и другое, действительно, подтверждается многими мифическими преданиями: вся мифология скандинавов представляет как бы отражение счастливой геройской жизни их предков не только на севере, но и на юге, в плодородных, прекрасных равнинах Черноморья. Там, говорит предание, было жилище богов, о котором с таким восторгом пели скальды при дворах королевских. Туда, в страну блаженства, с пламенным рвением стремился каждый герой севера, чтобы там, в Асгарде, перед Одином повергнуть свой мечь окровавленный.

Все это однакоже не имеет никакого отношения к Неве, самое имя которой ни разу не упоминается у Спорро, хотя он, впрочем, много говорит о Гардарике и Хольмгарде (Holmgard – название главного города в Гардарике). Но если вникнуть в ход сообщаемого им события, то кажется, что оно должно было касаться и Невы. Положим, согласно общепринятому мнению, что все это повествование об Одине и его странствованиях облечено в мифический образ, на котором не может быть основана историческая истина. Но под этою оболочкою, кажется, сокрыт действительный факт: по крайней мере то не может подлежать сомнению, что скандинавы подобно прочим народам германского племени, суть выходцы из Азии, которые во времена доисторические передвинулись от окрестностей Черного моря на скандинавский север. Спрашивается: каким же путем совершился их переход? Пришли ли они через Германию и Данию в Швецию, или через Россию к Неве, и отсюда, вдоль берегов Балтийского моря, через Аланд в Упландию, где лежала Сигтуна, обыкновенно почитаемая средоточием боготворения Одина в Швеции? Общее мнение, конечно, признает первую гипотезу наиболее вероятною и справедливою, но есть однакоже обстоятельства, которые наводят на нее тень сомнения и как бы говорят в пользу последней. Как, например, согласить с этим предположением то отношение сродства, которое существует между языками немецким и исландским, или древне-скандинавским? Кажется, что отношение между ними долженствовало бы быть прямо обратное существующему, если бы упомянутое предположение было справедливо; т. е. если бы обитатели Скандинавии пришли из Германии, и следовательно, оттуда принесли с собою свои наречия, в таком случае немецкий язык

в отношении к сим последним должен бы быть коренной; исландский же, напротив, должен бы представлять уже наречие выродившееся и испорченное, подобно языкам всех народов, отделившихся от родного корня. А между тем в действительности выходит прямо наоборот: язык исландский, как ныне употребительный, так и встречающийся в письменных памятниках, есть язык очевидно коренной, древний и стройный, по мере же приближения к югу правильные формы его постепенно изменяются, и наконец почти исчезают в нижне-немецком (Niederdeutsch или Oberdeutsch). Такое соотношение, существующее между этими наречиями, объяснилось бы совершенно естественно, если бы допустить, что переселение скандинавов на север совершилось восточным путем, т. е. через Неву и южную Финляндию. Укажем еще на другое обстоятельство: в Финляндии еще теперь находится шведское население, которое занимает почти весь морской берег, начиная от реки Кюмени до самой Остроботнии. По достоверным же сведениям, шведы еще в 15-м столетии обитали и по сю сторону Кюмени вдоль побережья вплоть до Выборга, хотя здесь язык их теперь уже вымер, вследствие усиления финской народности [2]. Может быть, что в древние времена жилища их простирались по берегам и далее к востоку, до самой Невы, что кажется тем более вероятным, что берега Эстляндии и Лифляндии также были некогда населены шведами, потомки которых местами встречаются там и в настоящее время. – Трудно согласиться, чтобы столь обширно рассеянное население могло быть следствием колонизации, хотя и стараются обыкновенно таким образом объяснить это явление. Напротив, должно полагать, что все эти скандинавские поселения, встречающиеся в Финляндии, Эстляндии и Лифляндии, суть следы древнего переселения какого-то племени, которое, прибыв к Неве, разделилось: одна часть двинулась далее, другая же признала за лучшее остаться на перепутьи и заселить поморье.

Если бы это предположение подтвердилось дальнейшими разысканиями, то оно открыло бы совершенно новое поле для разработки древнейшей русской истории, которую доселе ставят как бы в зависимость от шведской. Может быть, тогда удалось бы открыть и определить точнее как происхождение, так и место жительства тех Варягов, которые основали русское государство, и еще впоследствии нередко являлись храбрыми союзниками в походах русских князей. И действительно, если бы только можно было признать несомненно

доказанным, что скандинавы пришли в нынешние свои жилища с восточной стороны, то для перехода их отсюда нельзя было бы указать иного пути, как через Неву; ибо отсюда, с устьев Невы, начинается море, которое открывало для них свободный путь и в Скандинавию, и в другие страны Европы, отсюда же, вверх по Неве, пролегал для них путь и обратно, в их прежнюю родину, в так называемую Великую Швецию и в Грецию, где также представлялось обширное поприще для их воинской деятельности. – Наше предположение о переселении скандинавов на север через восточные страны, вытекая из соображения таких обстоятельств, которых иначе нельзя объяснить удовлетворительно, имеет уже некоторое основание; но оно озарится еще более ярким светом, когда мы рассмотрим и сличим со скандинавскими преданиями те известия, какие Нестор сообщает о варягах и их странствованиях по нынешней России еще до основания в ней первого русского княжества. Причисляя варягов к народам скандинавского племени и вместе с тем различая их как народ особый, от шведов, норвежцев, англичан и других, Нестор говорит, что варяги жили по Варяжскому морю, по которому обитали также ляхи, пруссы и чудь, что жилища варягов по этому морю тянулись на восток до предела Симова и на запад до земли Английской и Волошьской, т. е. в одну сторону глубоко внутрь России, а в другую до Англии и Франции (Vallandi-Normandie) [3]. Вероятно, эти варяги были такие вольные обитатели берегов, которые господствовали на море, не подчиняясь власти какой-либо державы, и которых вожди в древних шведских памятниках назывались морскими королями. Далее Нестор повествует, что варяги приходили из заморья и брали дань с чуди, славян, мери и кривичей [4]. Но не только в новогородской области, в которой жили упомянутые данники, были известны эти варяги: они проникали чрез внешнюю юго-западную Россию до самого Константинополя, с которым, как видно, находились в постоянной связи. Слова Нестора об этом следующие: «Бе путь из Варяг в Греки; и из Грек по Днепру, и верх Днепра волок до Ловоти, по Ловоти внити в Илмерь озеро великое, из него-же озера потечет Волхов и в течет в озеро великое Нево, того озера внидет устье в море Варяжьское, и по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому-же морю ко Царюгороду» и т. д. [5]

Такое ясное описание пути, по которому странствовали варяги в Грецию и обратно и которого крайними точками

www.alfred-lib.spb.ru

являются Нева и Константинополь, невольно возбуждает недоверие к общепринятому мнению, будто варяги жили по другой стороне моря, и заставляет догадываться, что они жили именно близ Невы. Показание Нестора, что варяги приходили за данью из заморья, нисколько не противоречит этому, ибо южные берега Финляндии в отношении к новгородской области, конечно, могли называться заморьем. Хотя обстоятельное развитие и подтверждение этой догадки несовместно с целью нашего сочинения, состоящей в том, чтобы изложить историю реки Невы и в особенности крепости Ниеншанца на основании известных источников, но мы не можем однакоже не обратить внимания, по крайней мере, на одно обстоятельство, говорящее в пользу высказанного нами мнения, а именно: еще в XVI веке были на берегах Невы деревни и дворы, имена которых ясно указывают, что варяги некогда, действительно, здесь обитали. Эти деревни теперь уже несуществуют: там, где они стояли, воздвигнуты каменные палаты или дачи. Самые названия их давно изгладились из памяти, но сохранились еще в старинных актах. Так, из новгородской Окладной Книги 1500 года узнаем, что было пять деревень, которые все стояли на Неве, и каждая называлась *Варягово* [6]. Предоставляя читателю самому судить о причине этих названий, и нисколько не настаивая на непогрешимости нашей догадки, удовольствуемся пока найденным у Нестора показанием, что историческая известность Невы современна первому появлению варягов в земле русской. Приняв это показание за исходную точку, мы можем отсюда безопасно начать наши разыскания о первоначальной судьбе этой реки.

Состояние России до того времени, когда она подверглась влиянию варягов, нам мало известно. Из летописи видно только, что вся эта обширная страна была обитаема множеством отдельных мелких народцев, которые находились в вечной вражде между собою, и потому не могли противиться оружию народов соседственных, более их сильных или смелых. В IX столетии многие из них уже утратили свою независимость: славянские поколения, жившие по Днепру, попали под владычество хозаров – народа, населявшего в то время древнюю родину скандинавов на берегах Дона, а славяне северные вместе с соседними финскими племенами сделались данниками варягов. Вскоре однако эти данники восстали и изгнали своих властителей. Но тогда прежние раздоры возобновились между ними с удвоенной силой. Такие бедствия

пробудили наконец в этих народах мысль о необходимости общей верховной власти: «поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву», – сказали они и отправили послов за море к одному из варяжских поколений или союзов, известному под именем *Руси*. Посланные сказали тамошним князьям: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет, идите княжить и владеть нами». Три брата – Рюрик, Синеус и Трувор приняли это предложение и с толпой варягов прибыли в землю призвавших их племен. Сначала Рюрик утвердился в Ладоге, Синеус на Белоозере, а Труворг в Изборске; по смерти же младших братьев Рюрик перенес свое местопребывание в Новгород и оттуда стал господствовать один над всею страною племен, участвовавших в призвании. Страна эта, которой коренные обитатели были славяне и финны, получила тогда от имени пришельцев название *Руси*, которое впоследствии распространилось и на прочие земли, завоеванные потомками Рюрика, и, таким образом, стало означать все русское государство [7].

В этом сказании город Ладога, во-первых, останавливает наше внимание. Нестор говорит, что Ладога была основана только Рюриком; но если принять в соображение его же описание пути, по которому варяги еще до времен Рюрика странствовали в Грецию, то нельзя, кажется, не согласиться, что Ладога долженствовала служить сборным местом, где соединялись дружины этих скитальцев для дальнейшего похода по рекам через земли чуждых и враждебных им народов. Притом же не естественно, чтобы Рюрик, призванный на княжение, вздумал поселиться вдали от своих новых подданных, на месте, дотоле необитаемом. Да наконец и самое положение этой местности близ устья Волхова, при самом начале столь важного пути во внутренность края, ясно говорит, что здесь непременно должен был уже давно существовать город или укрепленное поселение. Посему слова Нестора о построении Ладоги Рюриком, вероятно, означают только построение им подле прежнего города новой крепости, как безопасного убежища для себя и своих спутников среди народа, на покорность которого он не мог еще вполне полагаться. В скандинавских сагах часто упоминается о Ладоге, хотя под несколько измененным именем город этот называется *Альдейгаборг*, каковое имя составлено из предыдущего, через перестановку букв в первом слоге, подобно как и название озера Ладоги – *Альдаген*, которое встречается и в ганзейских

грамотах. Но то, что в этих сагах говорится о королях в Альдейгаборге и их геройских подвигах, очевидно, принадлежит к баснословию. Может быть, эти рассказы и основаны на древних преданиях, но по их содержанию они уже давно признаны незаслуживающими внимания истории [8]. Заметим наконец, что если бы мнение некоторых, будто древний Альдейгаборг лежал ближе к устьям Невы, и заслуживало внимания, то во всяком случае не подлежит сомнению, что каждый, желавший посетить этот город, должен был ехать Невою. В Старой Ладоге еще и ныне находятся развалины, которые, по народному преданию, считаются остатками замка, служившего местопребыванием первого властителя Руси (*Рюриковым домом*). Впрочем, другие утверждают, что это следы той каменной стены, которою ладожский посадник Павел в 1116 году обнес город [9]. Нестор называет Ладожское озеро *великим озером Нево*, шведские же летописцы дают ему название *Белого озера* (Hvita träsket). Вероятно, они, по недостатку точных географических сведений, полагали, что это озеро соединяется с Белым морем, или, может быть, смешивали его с Белым озером, при котором, как говорит Нестор, брат Рюрика Синеус имел свое пребывание.

Но гораздо важнее Ладоги, для нашей истории о Неве, значение Новгорода. Это весьма древний город, начало которого невозможно определить с точностью. По сказанию Нестора, Новгород так же древен, как Киев. В исландских сагах Новгород везде именуется *Хольмгардом* (Holmgard), а самая область новгородская носит название Gardarike (Гардарик). Происхождение этих названий объяснить довольно трудно. Исландское gardr, также как и шведское gård, означает поместье или вообще поземельное владение, которое имеет определенные границы или ограду и носит свое особое название; так, например, Nygård, Malmgård, Gammelgård суть названия имений *Ни, Мальм, Бос* и проч. Часто и к общеупотребительному собственному имени какой-либо местности прибавляют еще слово gård, для означения, что эта местность по величине значительнее обыкновенной крестьянской усадьбы, и что она составляет собственность лица высшего сословия. Так, в новой Финляндии значительное господское имение никогда не называют одним только собственным его именем, но всегда к имени прибавляют слово gård, означающее, что это имение дворянское; например, имения: *Аньяла, Раттула, Сарвлакс, Омине* и многие другие называются обыкновенно Anjala gård,

Rattula gård, Sarflax gård и проч. – Названия подобных имений большей частью происходят от какого-либо особенного качества самой местности. Посему и Хольмгард должно бы собственно означать значительное владение, которое преимущественно состояло из островов (holm), и, следовательно, находилось где-нибудь на морском берегу. Но такое значение этого имени вовсе не идет к нынешнему Новгороду, который, как известно, не окружен островами и озерами, и, следовательно, никак не может называться островным владением или городом-островом. Некоторые полагают, что Хольмгард то же, что *Холмогоры*, т. е. главный город древней Биармии при Белом море, и что имя это оттуда перешло потом на Новгород, когда поездки скандинавов в Биармию прекратились. Но это мнение не имеет ни малейшего основания, ибо ни в одной из исландских саг, или сказаний, как исторических, так и баснословных, в которых упоминается о путешествиях в Биармию, ни слова не говорится ни о Хольмгарде, ни о Холмогорах. Притом же ниоткуда не видно, чтобы город Холмогоры существовал уже в то время [10]. Но что с уверенностью можно утверждать, так это то, что скандинавы уже во времена Ярослава называли Новгород Холмгардом. Посему я вполне уверен, что не от Холмогор произошло это название; но весьма возможно, что оно перешло на Новгород от какого-нибудь другого места, и едва ли не прежнему месту жительства Рюрика и его варягов обязан Новгород этим скандинавским именем.

Мы знаем, что варяги были обитатели морских берегов и властители моря. Прибрежные острова и скалы служили для них безопасным пристанищем, откуда они зорко следили за движением каждого корабля, приближавшегося к их берегам, и внезапно бросались на свою добычу. На одном из таких островов, вероятно, имел свое местопребывание глава этих пиратов, известных в Скандинавии под именем викингов. Этот неизвестный остров, следовательно, и был первоначальный, настоящий Хольмгард. Когда же властитель его, Рюрик переселился в Новгород и соорудил для своего местопребывания новую крепость над Волховом, подле прежнего славянского города, то здесь явился уже новый *гард*, который, по имени прежнего, мог называться у скандинавов также Холмгардом. Это название в скандинавских памятниках распространилось и на самый Новгород, как непосредственное владение Рюрика, между тем как туземцы видели в ново-

построенной крепости только новую часть своего прежнего города и не различали ее по имени от сего последнего. – Власть Рюрика, из нового своего средоточия, как видно, довольно быстро распространилась по нынешней северо-западной России, до Изборска, Белоозера, Ростова, Мурома и Полоцка. Эти города и, может быть, также и другие отдаленные пограничные местности Рюрик, по словам летописца, роздал во владение знатнейшим из своих единоземцев, вероятно на правах феодальных [11]. Таким образом в пределах основанного им государства, кроме главного, властительного *гарда*, каким был Новгород, возникли еще многие другие, второстепенные *гарды*, т. е. поместья, или феоды, принадлежавшие сподвижникам Рюрика. Вот почему и самое это государство получило у скандинавов название Гардарики, т. е. государства, состоящего из гардов или поместий. Такое происхождение названий Хольмгарда и Гардарики кажется весьма естественным. Впрочем, точнейшие разыскания по этому предмету, равно как и по вопросу о первоначальном местопребывании Рюрика и варягов, мы предоставляем тем, которые поставляют решение таких частных вопросов специальной целью своих ученых занятий. Для нас же гораздо важнее было бы разгадать ту таинственную причину, которая побудила славян новгородских и их союзников избрать себе князя из чуждого племени. Нельзя не согласиться, что это призвание Рюрика славянами и финнами представляет одно из наиболее странных и необъяснимых явлений в истории. Как, в самом деле, объяснить: почему эти племена, которые, как кажется, составляли уже род общественного союза и имели свое народное правление, которые, по словам летописца, совещались между собою о лучших способах к устранению раздоров и междоусобий, – почему они, сознав необходимость более твердой верховной власти, не избрали себе князя из своей среды, из своих старейшин, в числе которых, конечно, были мужи мудрые и смышленые, но, напротив, предпочли им властителя иноплеменного, и притом происходившего из того самого враждебного племени, насильственную власть которого они незадолго перед тем свергли с себя общим восстанием? [12] Не принимая на себя обязанности рассмотреть обстоятельно столь важный и многосложный вопрос, который притом же и не имеет прямого, непосредственного отношения к нашему предмету, мы полагаем, однако же, что некоторые общие соображения касательно этого вопроса не покажутся здесь лишними.

Очень мало, или, лучше сказать, почти ничего неизвестно о европейском северо-востоке до IX века. Первые достоверные, хотя, к сожалению, краткие и потому не всегда ясные сведения о состоянии этой обширной страны и ее обитателей, до времени основания в ней русского государства, сообщает Нестор, писатель XI века. Из его сказаний видно, что большая часть нынешней европейской России, еще задолго до призвания князей варяжских, была обитаема народами оседлыми, которые жили по течению рек небольшими обществами под управлением своих родовых князей, или старейшин. Пространные равнины с плодородною почвою, реки и озера, изобильные рыбою, вековые леса, со множеством пушных зверей определили род их жизни и занятий; земледелие издавна составляло главный их промысел. Но эти мелкие общества, раскинутые на огромном пространстве равнин и отделенные друг от друга лесами и пустынями, находились еще на низкой степени развития. Получая от щедрой природы все необходимое для удовлетворения ограниченных нужд своих, они еще не чувствовали никакой потребности сближаться между собою; кроме войн, порождаемых страстями, между ними не было еще других сношений, и хотя у некоторых из них существовали уже города, свидетельствующие о первых успехах гражданственности, но не было еще торговли, этого главного двигателя образования. Еще менее можно предполагать существование связей и сношений их с другими, более отдаленными, чуждыми странами; если же и были какие, так это только со странами, лежащими к югу и юго-востоку, куда направление главных рек как-будто указывало им дорогу. С западной же Европой они не имели никаких сношений. Река Нева не служила тогда, как теперь, путем соединения Европы восточной с западною, и не приносила, как теперь, обитателю восточной равнины плодов гражданственности и образования, но, напротив, грозила ему гибелью и разорением, ибо здесь, начиная от устьев Невы, господствовал элемент для него враждебный. Здесь начиналось море, на берегах которого природные условия развили иной род жизни, совершенно чуждый и незнакомый земледельцу: обитатели этих скалистых и бесплодных берегов под суровым северным небом по необходимости должны были избрать море поприщем своей деятельности и в борьбе с волнами и бурями снискивать себе пропитание. Такая жизнь, исполненная вечной тревоги и опасностей, тем не менее имеет какую-то неизъяснимую

прелесть для моряка, взлелеянного среди бурной стихии, и вместе с тем могущественно действует на развитие его сил душевных и телесных. Господствуя на море, быстро переносясь из одной страны в другую и сталкиваясь с различными народами, моряк всегда превосходил не только отвагою и презрением опасности, но и умом и опытностью мирного земледельца, прикованного к своей хижине, а такое превосходство служило для него и правом на владычество над последним. Понятно, что эта морская жизнь, развившаяся на берегах Балтийского моря, не могла не обнаружить своего влияния на обитателей восточной равнины.

Так было, по сказанию Стурлесона, и на скандинавском севере. В то время, как мирные поселяне внутри страны начали соединяться в небольшие общества под властью так называемых областных королей (Fylkis Konungr), вдоль морских берегов также возникали союзы, которые хотя и не владели землею, но, господствуя на море, имели такое же, как и первые, или, может быть, еще большее влияние на общественное развитие. Вожди их, отличавшиеся умом и отвагою, считали себя равными другим королям и обыкновенно назывались морскими королями (Saekonungr). Так, в саге об Инглингах говорится: «В то время (при короле Эйстене), разоряли Швецию разные короли датские и норвежские, равно как и многие морские короли, которые повелевали большими военными силами, но не владели землями, ибо только тот и мог по праву называться морским королем, кто никогда не спал под закопченою кровлею и не пивал из рога при огне родного очага». Таков был морской король Сёльви (Sölvi), родом из Югославии, который даже дерзнул напасть на самого короля упсальского Эйстена, и овладел его престолом [13].

Но кроме морских королей, на морях европейского севера известны были своими подвигами также и викинги, которых обыкновенно сравнивают с морскими разбойниками, так как они воевали на море и нередко, в надежде на добычу, нападали на мирных жителей. Впрочем, это сравнение не совсем верно: по крайней мере из скандинавских памятников видно, что викинги были большей частью лица знаменитого происхождения, что они свято соблюдали законы чести, славились умом и доблестями душевными, следовательно, их скорее можно назвать рыцарями моря [14]. Цель морских королей, равно как и викингов, очевидно, состояла в том, чтобы образовать морскую державу, которая могла бы подчинить себе

континентальные, и такое стремление, без сомнения, произвело бы важные перевороты, если бы монархическое начало, развивавшееся внутри страны, не успело, посредством соединения отдельных областей под одно общее правление, противопоставить ему оплота, достаточно сильного, чтобы не только остановить его, но и совершенно истребить этих властителей моря, прежде чем они со своей стороны успели сосредоточить свои силы. Начало такому усилению монархической власти положил шведский король Ингиальд Злой (Jllråda), пример которого нашел ревностных последователей в его преемниках, и, таким образом, жизнь викингов на восточном берегу Швеции должна была мало-помалу прекратиться. В Дании и Норвегии она продолжалась еще довольно долго и даже успела там, между мирными обитателями, вселить тот дух своеволия, столь свойственный морякам, который впоследствии, особенно в Норвегии, причинил сильные потрясения и, как ниже увидим, привел эту страну в соприкосновение с Россией.

Итак, по мере того как Швеция, благодаря усилиям своих королей, была все более и более защищаема от нападения викингов, самый род жизни ее береговых обитателей должен был получить другое направление: мирные занятия купца и земледельца заменили прежние морские разбои и грабительства, порядок и спокойствие водворились на месте вечной тревоги и опасностей. Но если здесь викинги были наконец совершенно уничтожены усилившеюся властью королевской, зато на берегах Финского залива они остались господствующими под именем варягов, и успели, как кажется, образовать независимую державу, которая хотя и повиновалась еще разным властителям, но стремилась однако же к одной определенной цели, т. е. имела ввиду, с одной стороны – увеличить свое могущество обращением окрестных народов в своих постоянных данников, с другой – устроить свои внутренние отношения введением законного порядка и общей власти. Вероятно, эти варяжские викинги вовсе не производили набегов через Эрезунд на западную Европу, ибо они имели у себя под рукою другое, гораздо выгоднейшее поприще для своей деятельности: Нева открывала им путь в землю славян и финнов, которых они обременяли поборами и, может быть, нередко подвергали жестоким притеснениям. Разумеется, если бы эти племена состояли тогда под одной общей верховной властью – самоуправству викингов и здесь также была бы противопоставлена преграда. Но этого не было, здесь не было

такого сильного и отважного человека, который, соединив разрозненные племена в одно целое, стал бы в оборонительное положение и выпроводил незваных гостей; между самими племенами, как говорит Нестор, господствовали раздоры, не было никакого единодушия, и потому варягам не трудно было через Неву вторгаться в их земли и принуждать беззащитных жителей к платежу наложенной на них дани. Если же и случалось, и может быть нередко, что притеснители были прогоняемы, то не надолго: при первых же распрях между туземцами они возвращались с новыми силами и, разумеется, подвергали непокорных тем большему угнетению, чем большее встречали от них сопротивление, и чем больше должны были употребить усилий для восстановления и поддержания своего над ними господства. При таком положении дел, продолжавшемся, может быть, уже долго, туземцам надлежало наконец убедиться в необходимости допустить к себе варягов и соединиться с ними под одной общей верховной властью; тем более что такое соединение действительно представляло для них немаловажные выгоды. Добровольно призывая к себе на княженье одного из варяжских предводителей, без сомнения, с хорошей стороны им известного, и предоставляя ему, по договору, право на дань определенную, они могли приобрести в нем беспристрастного судью и решителя своих споров, блюстителя общего порядка и спокойствия и надежного оберегателя границ; следовательно, избавляясь от междоусобий, от насильственных и тягостных поборов, от вечной тревоги и опасностей внешних, могли спокойно предаваться своим мирным занятиям. Наконец, они могли приобрести еще возможность участвовать в морской торговле, обменивая через посредство варягов свои произведения, особенно дорогие меха, на произведения запада; ибо варяги, как известно, были не только морскими воинами, но и предприимчивыми купцами, которые для торговли пускались в отдаленнейшие страны. – Что же касается до самих варягов, то для них соединение со славянами и финнами, конечно, представляло еще большие выгоды. Доселе бездомные скитальцы или, может быть, уже обладатели скалистых берегов южной Финляндии, они приобретали теперь в новом обществе значение высшего, первенствующего сословия, делались в нем главными двигателями новой жизни и вполне упрочивали свое доселе шаткое положение. Вместе с тем, становясь бесспорными обладателями давно знакомого им водного пути во внутренние богатые земли, они видели

перед собой обширнейшее поприще для воинской и торговой предприимчивости, видели возможность осуществить в близком будущем свои давнишние, постоянные помыслы и стремления, т. е. достигнуть благословенного юга, куда так могущественно манили их и рассказы о сокровищах роскошной и изнеженной Греции, и религиозные предания о древней священной родине, об этом жилище богов с его таинственным Асгардом. Конечно, они с радостью должны были откликнуться на сделанное им предложение.

Однако же при всей важности и очевидности обоюдных выгод призвание варягов союзом славян и финнов все-таки представляло бы явление необыкновенное, если бы мы должны были допустить, что между этими народами доселе, и уже с давнего времени, существовали одни только враждебные отношения, и что призванные варяги были те самые, которые недавно были изгнаны. Но такое предположение прямо противоречило бы словам Нестора, который называет изгнанных неопределенно варягами, а тех, к которым отправлено было посольство – варяго-руссами, следовательно, ясно различает сих последних от прежних грабителей. Известно, что варяги, хотя и составляли по своему происхождению и ремеслу как бы один народ, но подразделялись на несколько поколений или союзов, товариществ, которые имели своих особых вождей и действовали отдельно друг от друга, воюя нередко и между собой. Следовательно, если одни варяги были врагами славян и финнов, то другие могли быть их друзьями и союзниками, могла даже помогать им в изгнании прежних властителей. Должно полагать, что варяго-руссы находились именно в таких дружественных отношениях к племенам, их призвавшим, и что они, где бы ни было их первоначальное местопребывание, были в то время ближайшими соседями этих племен, господствуя на северных берегах Финского залива, где вождь их Рюрик своим умом и правосудием, вероятно, приобрел уже добрую славу. Это предположение, по крайней мере, нисколько не противоречит исторической вероятности; между тем как совершенно неестественно было бы полагать, что послы славян и финнов отправились искать князя куда-то далеко за море и избрали неизвестного им дотоле владетеля. Неестественно также, чтобы варяги могли жить где-либо вдали от русской земли, если они, как видно из последующей истории, всегда первые поспевали на помощь русским князьям при каждой опасности: они непременно должны были находиться

где-нибудь по соседству, так сказать, под рукою у русских, и всего вероятнее, что они обитали именно на берегах южной Финляндии, где, как мы уже выше упоминали, еще и теперь существует довольно значительное скандинавское население. Наконец и приведенное нами известие Нестора, что варяги жили по морскому берегу на восток до предела Симова, также ясно указывает на давнее заселение варягами берегов Финского залива, как крайнего восточного углубления Балтийского моря. Итак, допуская на основании этих соображений, что Рюрик и его руссы были ближайшими соседями призвавшим их народам, и притом не всегда им враждебными, мы находим, что последние, призывая к себе этого князя, действительно могли руководствоваться дальновидными политическими расчетами, подобными отчасти тем, какими в последующее время руководствовались поляки, избравшие на престол, по прекращении дома Пясты, великого князя литовского Ягелло.

В призвании Рюрика участвовали, вместе со славянами, также и племена финские. Несмотря на совершенное отсутствие исторических свидетельств, можно принять почти за несомненную истину, что финны уже с незапамятных времен населяли невские побережья как на карельской, так и ижорской сторонах; но как они в древности называли себя – утвердительно сказать невозможно. Впрочем, если по-современному судить о прошедшем, то можно полагать, что они носили различные названия и говорили различными, хотя и близко родственными наречиями. Нынешнее финское население Петербургской губернии состоит из четырех главных поколений, которые различаются между собой не только диалектическими особенностями наречия, но также некоторыми обычаями и местною одеждою. Эти поколения суть: a) *Са́ваки* (Sawakot), b) *Эвремейны* или *Эгремейны* (Äyråmöiset, Äkrämöiset), c) *Вадьяне* (Watjalaiset) – в русских летописях *Вод* и *Вожане*, и d) *Ингрики* (Ingerikot) – в летописях *Ижера*, *Ижеряне*.

Са́ваки, которые все исповедуют лютеранскую веру, не составляют здесь сплошного населения какой-либо местности, но живут смешанно с эвремейнами и ингриками, преимущественно в приходах *Келтушском* (село Колтуши, финск. Kelttu) с его отделом *Рябово*, *Славянским*, *Кобринским*, *Шпанковским*, с отделом *Колпино* (финск. Kolppana), *Скворцским*, *Губаницким*, *Молошковичским*, *Новосе́лкским*, *Каттилским* или *Котельским* (с. Котлы, финск. Kattila), *Копорским* и *Серебетским* (с. Жеребята, Serebetha). Вероятно, эти Са́ваки,

равно как и некоторые из других отдельно живущих здесь семейств, которых фамильные прозвища напоминают *Саволакс*, суть позднейшие выходцы из этого прихода в Новой Финляндии; ибо сюда, на невские побережья, которые в прежнее время от тяжких войн часто превращались в пустыню, вероятно, по распоряжению правительства нередко переводимы были жители из других стран, чтобы вновь заселить и обработать опустошенные местности.

Эвремейны также поселены в вышепоименованных приходах, но только ближе к Петербургу, особенно же в приходах *Тюрисском* (Мартышкино, финск. Tyris), *Дудергофском, Ропшинском* (отдел Скворицкого прихода), *Ингрисском* (село Ижора), и *Лизильском* (Лисино). Они находятся также и на карельской стороне, как по направлению к Кексгольму, так и к Выборгу, где они, вероятно, составляли некогда главное население, ибо там, в южных частях Выборгской губернии, еще и ныне целый уезд – Эвреяский (Äyгрään pitäjä), носит от них свое имя. Посему те из них, которых жилища разбросаны на берегах Невы, кажется, также явились здесь вследствие позднейшего переселения.

Вадьяне, или Водь, Вожане русских летописей, вероятно, принадлежат к древнейшим обитателям нынешней Петербургской губернии. В настоящее время они живут только в самой западной части ее, в Нарвском уезде, особенно же в приходах *Каттилском* и *Сойкинском*, но в древности, без сомнения, занимали гораздо большее пространство. Русские дают им также название *Чудьй* (в им. п. *Чудья́*), которое, очевидно, происходить от летописного *Чудь*, и сохранилось за ними, вероятно, с того времени, когда этот народ был еще опасным противником новгородцев и занимал, может быть, всю нынешнюю Ингерманландию. Что Чудь или Водь действительно была некогда народом сильным и многочисленным – видно, во-первых, из того, что, Нестор, в числе союзных племен, участвовавших в призвании князей, именует Чудь на первом месте, что, конечно, было бы невозможно, если бы этот народ не имел тогда, по крайней мере, равного значения с прочими членами союза, и во-вторых, из того, что один из пяти правительственных округов, на которые, уже долго спустя после Рюрика, была разделена область новгородская, получил от имени Води название Водской пятины, и потом долго сохранял это название, сделавшееся известным и употребительным даже в чужих краях.

Глава 2

ИСТОРИЯ ТОЙ ЖЕ МЕСТНОСТИ СО ВРЕМЕН ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА ДО СМЕРТИ ЯРОСЛАВА ВЛАДИМИРОВИЧА

Ингрики должны быть признаны вслед за вадьянами, если не коренными, то, по крайней мере, древнейшими обитателями нынешней Петербургской губернии. Они живут теперь в соседстве с вадьянами в приходах *Тюрисском*, *Серебетском* и *Копорском*, но в прежнее время, вероятно, населяли и другие местности, и, подобно вадьянам, состояли с русскими в более тесных связях нежели два преждеупомянутые народа – са́ваки и эвремейны, которые исповедуют лютеранскую веру, между тем как ингрики и вадьяне принадлежат к греко-российской Церкви. Русские летописные названия ингриков – Ижера, Ижеряне, равно как и позднейшее Ижора, происходят от финского Ingeriläiset, или, вернее, от древнего коренного имени народа Ingeri, которое в русском, сообразно с духом языка, утратило свой носовой звук и изменило g на *ж*, приняв окончания *а* и *яне* [15].

Между сими, по названию и отчасти языку, различными финскими народами, которые населяли и населяют прилежащие к Неве земли, замечательны Ижера или Ингрики, особенно в том отношении, что происхождение и значение данного им и их стране имени можно объяснить довольно естественно из хода исторических событий, тесно связанных с историей Невы, и потому заслуживающих особенного нашего внимания. Но мы дойдем до этих любопытных событий в своем месте, рассказав сперва, на основании русских и иностранных источников, те явления, которые им предшествовали и которых театром служили берега Невы со времен Рюрика.

По смерти Рюрика Нева и ее побережья, казалось, преданы были как бы забвению; по крайней мере в русских летописях, кроме путешествия и, к сожалению, малоизвестных нам

правительственных распоряжений Ольги, мы не находим ничего такого, что бы указывало на особенную заботливость первых киевских властителей – Олега, Игоря и Святослава об этом отдаленном северном крае. Но по смерти последнего из них открываются здесь новые явления. Намереваясь навсегда переселиться в завоеванную им Болгарию, Святослав перед походом разделил русскую землю между тремя своими сыновьями, отдав Ярополку Киев, Олегу землю Древлянскую, а Владимиру Новгород. Последний, испуганный обнаружившимся по смерти отца властолюбием старшего брата, который отнял жизнь и владения у князя Древлянского, бежал за море и в продолжение некоторого времени укрывался между варягами или на финском берегу, или в Швеции; дарованное же ему отцом княжество было между тем управляемо посадниками, или наместниками, присланными от Ярополка, который, кажется, имел намерение лишить и младшего брата его владений. Но Владимир после двухлетнего отсутствия возвратился с толпою варягов и, изгнав наместников Ярополковых, не только утвердился в Новгороде, но вскоре, при помощи тех же варягов, низвергнул своего брата с престола киевского и таким образом сделался единовластителем Руси. Когда же наемные варяги, гордясь оказанной услугой и считая себя и впредь необходимыми для князя, потребовали, чтобы каждый житель Киева, ими будто бы завоеванного, уплатил им по две гривны откупа, то Владимир не только не согласился на это, но принял свои меры против их своеволия и наконец дозволил им по их просьбе отправиться в Грецию, удержав при себе только немногих, более надежных. Действительно, пора уже было князю устранить этих, конечно храбрых и верных, но вместе с тем буйных и опасных союзников от того влияния на государство, какое они доселе имели, и дать им почувствовать, что наемное войско не должно простирать своих притязаний далее определенного ему по договору. Однако порядок и спокойствие на Руси не были еще так упрочены, чтобы и впредь не настояло более надобности в этих наемниках: до правильного устройства военных сил было еще далеко, а рать из туземцев, по причине разбросанности народонаселения, не могла быть собираема тотчас в минуту опасности, варяги же, для которых война была постоянным ремеслом, всегда готовы были помогать тому, кто больше платил им. Поэтому мы скоро опять увидим их в Новгороде как союзников русского князя [16].

Имея двенадцать сыновей, Владимир разделил между ними свое государство. Этим он, вероятно, надеялся прочнее утвердить власть свою над отдаленными областями и содействовать скорейшему распространению в них христианской веры; но раздел породил свои обыкновенные следствия: междоусобия не замедлили обнаружиться еще при жизни Владимира. Между тем государство часто было тревожимо врагами внешними, особенно же скандинавскими викингами, которые, по старой привычке, нападали на береговые земли и разграбляли все, что только попадалось под руку. В числе таких грабителей был и один ярл из Норвегии по имени Эрик Гаконсон, которого отец перед Олафом Трюгвасоном был первым лицом в государстве. В 997 году этот Эрик снарядил войско, поплыл в Финский залив и, вступив во владения конунга Волдемара (без сомнения, в нынешнюю Ингерманландию), начал жечь, грабить и истреблять все на пути своем и даже выжег и разрушил самый Альдейгаборг (Ладогу). Пять лет продолжал он таким образом свирепствовать в Гардарики, а на возвратном пути опустошил еще острова Даго и Эзель, где овладел четырьмя кораблями датских викингов [17]. Такой отдаленный набег знаменитого норвежского ярла был вызван не одной только страстью к геройским подвигам и приключениям, но и самой необходимостью, а именно теми переворотами, которые потрясали тогда Норвегию. Считаем не лишним войти здесь в некоторые подробности касательно следствий этих потрясений, заставивших многих знаменитых изгнанников искать убежища в России.

Норвежский король Эрик Биёдскалле (Bjodskalle) имел сына по имени Сигурда, который, подобно многим из своих соотечественников, искал славы в походах и странствиях по чужим землям. Посетив, между прочим, и Гардарики, он приобрел здесь полное доверие конунга Волдемара (Владимира) и поступил в его службу. Между тем сестра его Астрида, остававшаяся в Норвегии, вступила там в супружество с королем Трюгви Олафсоном, от которого имела сына, знаменитого впоследствии под именем Олафа Трюгвасона. В то время Норвегия была разделена на множество мелких государств, владетели которых все назывались королями, и никто из них не хотел подчиниться какой-либо общей власти, но каждый стремился покорением соседних владений возвысить свое собственное могущество. Следствием этого были беспрерывные междоусобия, среди которых и Трюгви Олафсон, шурин

Сигурда, был злодейским образом убит, и малолетнему сыну его Олафу грозила та же участь. В таком бедственном положении мать этого младенца Астрида принуждена была покинуть отечество и на чужбине искать себе и своему сыну защиты и убежища. Сначала она удалилась в Швецию к одному родственнику по имену Гакону Старому, у которого прожила около двух лет. Узнав же, что брат ее Сигурд находится в большой милости у конунга Волдемара в Гардарики, и надеясь найти там больше безопасности для своего сына, она решилась отправиться туда и отыскать брата. Но жестокая судьба все еще преследовала Астриду и ее сына, которому, по словам Снорро, было только три года, когда он с матерью погинул берега Швеции. Направляя свой путь к Неве, знаменитые странники подверглись нападению эстляндских пиратов: почти все спутники их были убиты, а имущество разграблено; сами же они хотя и остались в живых, но были проданы в рабство. В обмен за Олафа, проданного одному эстляндцу, разбойники получили дорогой плащ.

Шесть лет прожил Олаф в Эстляндии, следовательно, ему было уже 9 лет от роду, когда случай привел к нему дядю его Сигурда, которого конунг Волдемар послал вместо себя для сбора обычной дани. Заметив в толпе мальчика, не похожего с виду на обыкновенного эстляндца, Сигурд спросил о его имени и происхождении. Когда же ему рассказали судьбу этого мальчика, то он, убедясь, что это королевский сын и его близкий родственник, выкупил его и привез с собою в Хольмгард. Здесь опять случилось происшествие, имевшее решительное влияние на будущность Олафа. Об этом Снорро говорит почти так: Однажды Олаф, живший у своего дяди, шел по площади и узнал в собравшейся толпе того самого пирата, который при разграблении судна на эстляндском берегу убил его воспитателя Торольфа. Приведенный в бешенство, он тотчас, не смотря на юность свою, нанес случившимся при нем небольшим топором столь сильный удар этому человеку, что топор засел в голове пораженного; потом поспешно побежал к дяде и объявил о случившемся. Последний, предвидя опасные последствия этого поступка, поспешил искать покровительства княгини, и открыл ей имя и происхождение мальчика. Она действительно приняла Олафа под свою защиту, но народ был в исступлении и требовал казни виновного; ибо в Хольмгарде общественная безопасность была свято соблюдаема и закон предписывал предавать смерти каждого, кто без

суда убил другого. Однако при посредничестве конунга утих наконец общий ропот и последовало примирение.

С того времени молодой Олаф был принят ко двору и воспитывался подобно княжескому сыну. Так он провел у конунга Волдемара около девяти лет и слыл не только красивейшим, но и храбрейшим из всех дотоле известных норманнов. Он был возведен даже в звание военачальника ополчений, обязанных охранять границы от вражеских нападений. – Вероятно, это поручение касалось именно Ингерманландии и прилежащего к Неве поморья, которые так часто страдали от викингов. Кроме вверенных его начальству народных ополчений, он, по словам Снорро, держал еще собственную значительную дружину, платя ей из того жалованья, какое сам получал от конунга за службу. Но так как он пользовался великими почестями и был весьма любим всем подвластным ему народом, то это возбудило к нему зависть туземных вельмож, которые и начали представлять конунгу, что этот иноземец будто бы лично для него опасен, ибо находится в особенной милости у княгини. Когда же конунг, поверив этой клевете, стал обращаться с Олафом суровее обыкновенного, то последний, для избежания дальнейших неприятностей, решился возвратиться в Норвегию, куда манила его и надежда на возможность достигнуть отцовского престола. Так он и сделал: снарядил корабль, проплыл Неву и пустился в Балтийское море [18].

Это повествование Снорро, хотя излагаемые в нем события совершенно не известны русскому летописцу Нестору, тем не менее кажется весьма вероятным. – Мы скоро опять увидим, как высоко ценили в Норвегии русское гостеприимство и покровительство, когда будем говорить о пребывании Олафа Святого в России; а теперь посмотрим, что повествуют русские летописи о новгородских событиях, касающихся Невы и ее побережий.

При разделе государства между сыновьями Владимира, Новгород, а с ним и земли, прилежащие к Неве, достались Ярославу. Владимир требовал, как исстари было установлено, чтобы Новгород уплачивал ежегодно по 2000 гривен Великому князю киевскому, как главе государства; но Ярослав не хотел исполнять этой обязанности. Что было тому причиною, собственное ли его стремление к независимости, или дух своеволия, гнездившийся в Новгороде, как наследие варягов, еще во времен Рюрика, – не знаем; довольно, что Ярослав реши-

тельно отказался от повиновения, и провозгласил себя независимым от Киева. Этот неожиданный поступок сына, добротою отца возведенного в правители Новгорода, разгневал Владимира, который решился вооруженною рукою смирить непокорного [19].

Сведав об угрожающей опасности, Ярослав спешил призвать на помощь варягов, но смерть Владимира отвратила преступную войну сына с отцом. Между тем, варяги собирались в Новгород, и число их, кажется, ежедневно возрастало. Живя праздно в ожидании похода, эти буйные наемники дерзко оскорбляли мирных граждан и жен их. Тогда новгородцы, выведенные из терпения, восстали и многих из них перебили; но Ярослав, нуждавшийся в помощи варягов, принял их сторону и коварно повелел убить многих новгородцев, в наказание за их самоуправство. Такой поступок мог иметь для него тем более опасные последствия, что он, поссорившись с новгородцами, в то же самое время получил известие о смерти своего отца и злодеяниях старшего брата, Святополка. Но великодушие подданных вывело его из затруднения: они примирились с варягами, простили смерть своих братьев и поддержали князя. Что сделал потом Ярослав и как он достиг престола киевского – это не входит в пределы нашего сочинения, ибо цель наша – указать только, какое влияние имели варяги еще во время Ярослава на дела правительства, и как необходима была еще их помощь. Впрочем, и помощь их, часто опасная, не всегда служила якорем спасения, – это испытал Ярослав на опыте: после кратковременного княжения в Киеве, разбитый наголову сильным противником, он только сам-пять, беглецом возвратился в Новгород.

Его положение было теперь в высшей степени опасно: все его надежные помощники варяги или пали в битве, или рассеялись; туземная рать также погибла, а на новые жертвы со стороны новгородцев нельзя было рассчитывать; между тем торжествующий враг мог нагрянуть на него в самом его убежище или погубить его злодейством. В такой крайности он уже решился было покинуть свое княжество и, подобно отцу, бежать куда-то за море, может быть, к каким-либо преданным ему варягам при Финском заливе, или в Швецию, или, может быть, в Норвегию, король которой Олаф столько лет пользовался русским гостеприимством. Суда стояли уже в готовности к отплытию и Нева, казалось, должна была увидеть другого русского князя бегущим из отечества. Но новгородцы

уже много пролили крови за Ярослава, и он был им дорог; отпустить его – значило принять посадника от Святополка и подчиниться власти Киева, а они искали самостоятельности. Вот почему они разрубили ладьи Ярославовы, сказав: «еще хотим биться за тебя». Собрав по добровольной раскладке деньги для найма вспомогательного войска, они призвали новые толпы варягов и сами ополчились [20]. Между тем Святополк, противник Ярослава, известясь о его вооружениях, поспешил к печенегам и нанял многочисленные полчища их для своей защиты. Оба войска сошлись при Альте и сражались с равным ожесточением; наконец победа увенчала усилия Ярослава и упрочила за ним престол великокняжеский.

Но еще много забот предстояло Ярославу. Хотя после нескольких лет борьбы с остальными соперниками спокойствие внутри государства и было наконец восстановлено, но не легко было справиться с варягами. Не предвидя более надобности в их помощи, Ярослав желал бы навсегда устранить их от вмешательства в дела Руси, но это могло иметь свои опасные последствия: прежние друзья могли сделаться его врагами и возобновить свои обычные набеги на северные берега его владений, или – что еще хуже, могли явиться орудием враждебной для него политики государств соседних, особенно Швеции, где в это время действительно помышляли о завоеваниях на востоке.

Может быть, до Ярослава дошли слухи о той замечательной речи, с которою один из шведских старейшин по имени Торгни обратился к королю Олафу (Olafr Skautkonungr), когда на сейме в Упсале рассуждали о необходимости мира с Норвегией и о брачном союзе норвежского короля Олафа Толстого (обыкновенно известного под именем Святого) с принцессой Ингигердой, дочерью короля шведского, на что последний никак не хотел согласиться. В этой смелой речи Торгни вспоминает о том, как прежние знаменитые короли шведские Эрик Эмундсон, Бьёрн и Эрик Победоносный каждое лето предпринимали отдаленные походы и покорили своему скиптру Финляндию, Карелию, Эстляндию, Курляндию и другие восточные страны, и как они притом были внимательны к нуждам народа и охотно слушались разумных советников. «Нынешний же наш конунг, продолжает он, никому не дозволяет высказать своего мнения, если только оно не согласно с его желаниями; но льстивым речам внемлет с величайшим удовольствием. По своей беспечности и слабости он

теряет из рук завоевания предков, а думает покорить Норвегию, о чем не помышлял ни один из прежних конунгов, и что многим людям причинит великую тягость. Посему мы, поселяне, желаем, чтобы ты, конунг, помирился с норвежским конунгом и отдал за него дочь твою Ингигерду; если же ты пожелаешь потом воротить те области на востоке, которыми владели твои отцы и деды, то в этом предприятии мы все готовы следовать за тобою» [21]. Слова эти, встреченные громким одобрением всего многочисленного собрания, не могли не победить упорство короля. Когда же он нашелся вынужденным согласиться на предложенный союз с Норвегией, то, вероятно, зашла также речь и о приготовлениях к какому-либо общему предприятию против России. Понятно, что весть об этом, которая легко могла дойти до Ярослава, должна была заставить его подумать о мерах к отвращению опасности. Зная, что принцесса Ингигерда назначена служить залогом примирения Швеции с Норвегией, и зная также, что отец ее был бы весьма рад, если бы этот брак не состоялся, Ярослав поспешил тотчас отправить послов к королю шведскому и предложил свою руку его дочери, уверенный, что если предложение его будет принято, то исчезнет и вся опасность нападения со стороны Швеции. Действительно, расчеты его увенчались блистательным успехом: король норвежский отказался от своей невесты и вступил в брак с ее сестрою, а принцесса Ингигерда согласилась отправиться в Россию и быть супругой Ярослава.

Рассматривая ход и последствия этих переговоров, можно с вероятностью полагать, что Ярослав, кроме желания обезопасить себя браком с Ингигердою от неприязненных действий Швеции, руководствовался еще и другими политическими соображениями: так как его владения на берегах Невы и Финского залива страдали от набегов варяжских викингов, то для защиты их он желал найти в Швеции такого человека, который, будучи сам из викингов, знал бы как способ их нападения, так и средства к отражению, и который притом не находился бы в дружеских отношениях к королю шведскому, и, следовательно, не стал бы благоприятствовать могущим впредь обнаружиться с его стороны враждебным замыслам. Именно такого человека нашел он в ярле Рагнвальде, родственнике Ингигерды, который вместе с нею прибыл в Россию. Правда, в повествовании об этом событии отъезд Рагнвальда в Россию приписывается самой Ингигерде, которая

желала спасти его от гнева и преследований своего отца и потому постановила одним из условий своего согласия на брак, чтобы этот родственник ее ехал с нею в Россию и получил там то же звание, каким пользовался в Швеции; однако из самого брачного договора довольно ясно видно, что дело это было следствием других, более глубоких соображений, ибо в договоре именно постановлено, чтобы Рагнвальд, по прибытию в Россию, сделан был «ярлом Альдейгаборга и всего принадлежащего к нему округа», т. е. правителем Ладоги и земель, прилежащих к Неве и Финскому заливу [22].

Здесь мы встречаем первое сказание, в котором определительно упоминается о Неве и прилежащих к ней странах. Замечательно однако же, что в русских летописях нет ни слова ни о супружестве Ярослава со шведскою принцессой, ни о ярле Рагнвальде и его назначении правителем Ладоги. Вероятно, занятые изображением хода внутренней борьбы того времени, летописцы упустили из виду эти события, или, может быть, считали их маловажными и не заслуживающими особенного внимания. Как бы то ни было, во всяком случае молчание их не дает еще никакого повода сомневаться в повествовании Снорро, которое, представляя все признаки исторической истины, не только не противоречит русским известиям, но, напротив, служит им важным дополнением. В отношении же истории Невы это сказание скандинавского летописца тем более важно, что оно представляет такие факты, которые могут служить точкой опоры для нашего дальнейшего повествования, а потому мы считаем необходимым подвергнуть его более тщательному рассмотрению.

Снорро говорит, что Рагнвальд получил от княгини Ингигерды *Альдейгаборг с принадлежащей к нему областью*, и сохранил то же звание ярла, каким пользовался в Швеции. Но в чем именно состояла теперь его должность – определить трудно. Известно, что в Швеции ярл был после короля первым лицом в государстве; он обыкновенно помогал королю в управлении и вместо него предводительствовал войсками. Таково, по крайней мере, общее мнение об этом звании. Вероятнее, впрочем, что такие ярлы назначались как наместники королевские для управления пограничными областями и для охранения их от неприятельских нападений. Так и этот Рагнвальд Улфсон был ярлом Вестготландии – области, подверженной частым нападениям датчан, где поэтому нужен был бдительный надзор, таким же наместником княжеским был

он, вероятно, и в России, управляя Ладогою и ее областью, более других страдавшей от набегов и грабительства викингов. Следовательно, должность его, кажется, отчасти соответствовала должности нынешнего губернатора, с той только разницей, что ему вверено было начальство и над военными силами. В средневековых латинских летописях Jarl переводится словом Comes. Соответствует ли этому русское название *посадник* – не решаюсь сказать утвердительно, хотя, впрочем, в летописях часто упоминается о посадниках как главных правителях в Ладоге. Гораздо важнее было бы знать, как далеко простиралась вверенная Рагнвальду область и какие именно заключала в себе погосты, или приходы.

Принимая в соображение, что нынешняя Ингерманландия первоначально была известна у финнов под именем Ingerin-maa (земля Ингери, т. е. Ингрия), откуда шведы, прибавив, по незнанию финского языка, еще лишнее слово land (земля), составили Ingermanland, и что финское собственное имя Ingeri соответствует такому же шведскому Ingegård, можно с уверенностью заключить, что Ингерманландия получила свое название от имени княгини Ярославовой Ингигерды, и что страна эта, как уже доказано неопровержимыми доводами Шегрена, действительно составляла свадебный подарок Ярослава своей новобрачной, которая назначила туда правителем своего родственника Рагнвальда [23]. Таким образом, вопрос этот надлежало бы признать окончательно решенным, и следовательно, нынешняя Карелия, то есть страна, лежащая к северу от Невы, вовсе не принадлежала в таком случае к области Рагнвальда. Но в тех ли самых пределах заключалась Ингерманландия в то время, как и теперь? не имело ли ее финское название Ingerin-maa в старину более обширного значения, если не в России, где оно, как чисто финское, могло быть вовсе неизвестно, то по крайней мере между самими финнами, а также и в Швеции, где оно сделалось известным, вероятно, через викингов и употреблялось впоследствии в значении имени народа (nomen gentile)? В русских памятниках, начиная с XV века, все страны, лежащие как к югу, так и к северу от Невы, известны под общим именем *Водской пятины*, которая простиралась от Волхова на запад до реки Луги, и на север через Неву, по западному берегу Ладожского озера далеко внутрь нынешней восточной Финляндии. Она разделялась на две половины: *Полужскую* и *Карельскую*. Первая лежала по правому берегу Луги и ее притоку Оредежи,

простираясь на северо-запад до Финского залива, и заключала в себе 25 погостов, к которым причислялся и город Яма. Другая же, Карельская часть, шла по левому берегу Волхова, через Неву до Сестры реки и оттуда далее в Карелию, где захватывала части нынешних губерний Выборгской и Куопиоской. К ней принадлежали 35 погостов с городами Копорьем, Ладогою, Орешком (ныне Шлиссельбург) и Корелою (Кексгольм). Итак, если земли по обоим берегам Невы принадлежали к той же Карельской половине Водской пятины, то, стало быть, при размежевании их Ингерманландию вовсе не считали особой областью, а принимали в соображение только древние границы погостов, которые, как видно, не везде совпадали с нынешними границами этой области; так, например, Спасский-Городенский погост заключал в себе земли по обоим берегам Невы, от ее истока до устьев, следовательно, лежал одной частью в нынешней Ингерманландии, другой в Карелии [24]. Отсюда ясно, что даже и при учреждении погостов (а начало их относится ко временам Св. Ольги) Нева не считалась границей между двумя особыми по управлению областями, Ингерманландией и Карелией. Такой правительственной границей она, по всей вероятности, сделалась уже гораздо позже и, может быть, не ранее XVII столетия, т. е. во времена шведского владычества над этими странами. Посему, за неимением ясных исторических свидетельств, нельзя допустить, чтобы брачный подарок Ярослава своей супруге состоял из одной только Ингерманландии в нынешнем ее объеме, напротив, более вероятным кажется, что этот подарок заключал в себе и часть Карелии, по крайней мере южную, т.е. обнимал все земли, подвластные Ярославу на берегах Невы и Финского залива.

С того времени, как Рагнвальд Ульфсон сделался правителем Ладоги с ее округом, нападения викингов на эти страны прекратились; по крайней мере ни в русских летописях, ни в северных сагах о них более не упоминается. Но зато тем деятельнее стали теперь дружественные сношения между Скандинавией и Россией. Особенно из Норвегии, все еще терзаемой внутренними смутами, многие знаменитые выходцы приезжали в Россию и находили здесь или безопасное убежище или почетное служебное поприще, открывавшее путь к славе и богатству. Из числа последних известен особенно Эймунд, сын Ринга, одного из тех мелких конунгов, которых уничтожил Олаф Святой, соединивший Норвегию в одно государство.

О подвигах этого Эймунда сохранилась отдельная сага, замечательная тем, что это единственная из всех исландских саг, которая повествует исключительно о событиях России. В ней говорится, что Эймунд, узнав, по возвращении из морского похода, о переворотах, совершившихся в Норвегии во время его отсутствия, решился покинуть отечество. На общем совещании с дружиною положено было отправиться в Гардарики и предложить свои услуги тому из тамошних конунгов, от которого можно ожидать большей платы. Общество состояло из 600 человек, во главе его стояли конунг Эймунд и друг его Рагнар. После благополучного плавания, достигнув Невы, эти искатели счастья отправились прямо в Хольмгард к конунгу Ярославу (Jarizlafr), который воевал тогда со старшим братом своим, киевским конунгом Буриславом (Burizlafr, Святополк), и потому, нуждаясь во вспомогательном войске, охотно принял их в свою службу. Он обязался отвести им приличное помещение (замок для жительства), давать все готовое содержание и сверх того платить каждому простому воину по одной унции, а начальствующим лицам по полторы унции серебра, или взамен серебра выдавать жалованье бобровыми и собольими мехами по оценке. Договор был заключен на год. Когда же этот срок кончился и конунг, которому они оказали уже великие услуги, хотел возобновить условие, то они потребовали ту же сумму золотом и получили ее, ибо помощь их была еще нужна. Но когда Ярослав, по окончании войны, в которой он остался победителем, не предвидел более надобности в их помощи и стал задерживать следующее им жалованье, то они, оставив его, отправились в Полоцк к его племяннику Вартилафу (Vartilafr, вероятно, Вратислав, т. е. Брячислав; в саге он назван братом Ярослава). Принятые в его службу, они стали помогать ему в войне против того самого конунга Ярослава, которому дотоле служили. – Таков был обычай норманнов: они всегда верно служили тому, у кого состояли на жалованьи, и нисколько не считали за бесчестье по окончании срока найма перейти на сторону его противника, которому служили опять с такою же верностью, если только им хорошо платили. Это они доказали и теперь. По словам саги, они взяли в плен княгиню Ярославову Ингигерду, которая всегда сопутствовала своему супругу, и потом, благодаря ее умному посредничеству, успели склонить враждующие стороны к примирению. Таким образом война кончилась. По мирному договору Ярослав удержал за собою

Новгород и большую часть государства, а Вартилаф получил Киев (Konugard), Эймунд же, за оказанные им великие услуги, сделался конунгом полоцким и вместе с тем главным военачальником ополчений, обязанных защищать пределы Гардарики; но он не дожил до старости и вскоре умер бездетным, еще при жизни Ярослава и его супруги. По тому же договору Рагнвальд Ульфсон остался по прежнему ярлом в Альдейгаборге. Он достиг глубокой старости и жил еще в то время, когда Олаф Святой, бежавший из Норвегии (о чем мы скоро будем говорить), укрывался в России. С этим знаменитым изгнанником Рагнвальд находился в большой дружбе, равно как и с княгиней Ингигердой, благорасположением которой он пользовался до самой своей кончины. Сага изображает Ингигерду княгиней умной и милостивой, имевшей сильное и благотворное влияние на дела, о Ярославе же отзывается как о человеке весьма расчетливом и вместе с тем гордом и суровом по характеру [25]. Хотя эта сага во многом, особенно же в собственных именах и в хронологии, не согласуется с известиями Нестора, но тем не менее нельзя, кажется, не видеть в ней повествования о тех самых междоусобиях, которые возгорелись по смерти Владимира, сперва между Ярославом и Святополком, а потом между первым и племянником его Брячиславом полоцким. Посему она может служить отчасти дополнением русских известий об этом времени, представляя притом весьма любопытную характеристику норманского быта.

Вероятно, вскоре после Эймунда нашел убежище в России, подобно своему предшественнику Олафу Трюгвасону, и другой король норвежский Олаф Гаральдсон, прозванный Святым. Содержание сохранившейся о нем саги в общих чертах состоит в следующем.

Олаф был сын норвежского короля Гаральда, по прозвищу Гренландца (Grenski). Мать его называлась Астою. По смерти первого супруга она вышла за одного из норвежских князей, или мелких конунгов (Småkonungr), по имени Сигурда Сюра, у которого Олаф получил воспитание. Все время царствования Олафа Трюгвасона молодой Олаф Гаральдсон и вышеупомянутый Эймунд Рингсон, связанные с детства узами искренней дружбы, провели в дальних морских походах. Отсутствие их продолжалось еще долго по смерти короля Олафа, когда Норвегия, вследствие возобновившихся внутренних раздоров, впала в руки королей шведских, датских

и своих собственных честолюбцев, которые стремились на перерыв друг перед другом к верховной власти. В это то смутное время возвратился из похода Олаф Гаральдсон. Будучи еще молод и предприимчив, он решился освободить свое отечество от власти чужеземцев, чтобы потом, усмирив прочих мелких конунгов, сделаться верховным повелителем всего государства. Сначала предприятие его шло успешно: действуя то хиростью, то отвагою, нередко жестокостью, он твердо стремился к своей цели. Между тем и Эймунд Рингсон также возвратился из похода, но, не желая подчиниться его власти, он вскоре покинул отечество и, как уже выше было сказано, отправился со всею подвластною ему дружиною в Россию. Олаф же продолжал свои завоевания и действительно сделался королем всей Норвегии. Но вскоре счастье ему изменило. Дух возмущения, который на время был подавлен его строгостью, вскоре воспламенился снова, и с такой яростью, что Олаф уже не считал себя безопасным в своем государстве, где вся власть и сила перешли в руки ярла Гакона. Оставленный почти всеми, Олаф нашелся вынужденным покинуть отечество и, в сопровождении своей супруги Астриды, сына Магнуса и немногих верных вассалов отправился сперва в Швецию, где в провинции Нерике провел зиму, а потом, с наступлением весны, когда корабль для него со свитою был приготовлен, переплыл оттуда в Россию; супруга же его осталась в Швеции.

Итак, этот, недавно еще столь могущественный властитель Норвегии, беглецом въезжал теперь в Неву, ища себе убежища в России. Здесь он, действительно, был весьма радушно принят Ярославом и его супругою Ингигердою, своею бывшею невестою. По словам саги, ему предоставлено было даже право на доходы с одной области, весьма достаточные для приличного содержания как его, так и всех его спутников, что он и принял с благодарностью. Впрочем, во все время своего пребывания в России он постоянно предавался такой скорби и унынию, что наконец вознамерился даже, как говорит сага, постричься и запереться в стенах монастырских. Ярослав и его супруга всячески старались облегчить горесть знаменитого изгнанника, и, наградив друга его ярла Рагнвальда большими поместьями в новгородских пределах, предложили также и ему во владение обширную область в южной части государства. Но вся их доброта не могла, однако же, заглушить в Олафе страстного влечения к родине.

Воспоминание о прежнем величии и надежда, что озлобление врагов его, может быть, уже уступило место чувству справедливости, имели непреоборимое влияние на его решение. В 1029 году прибыл он в Россию, а год спустя, отпраздновав со своими венценосными друзьями Рождество Христово, покинул уже Новгород, щедро снабженный по приказанию Ярослава подводами и всем необходимым для путешествия. Сына своего Магнуса оставил он у Ярослава для воспитания.

Спеша так рано, в середине зимы, оставить Новгород, Олаф явил тем самым новое доказательство преданности к старому другу и родственнику своему Рагнвальду Ульфсону, с которым он и провел в Ладоге остальные зимние месяцы. Но едва только вскрылись воды и началось судоходство, тотчас снаряжен был корабль и при первом попутном ветре Олаф направился в Неву, быстро удаляясь от страны гостеприимства и поспешая на встречу последней судьбе, ожидавшей его на родине. Там, еще в том же году он пал в сражении при Стикластаде. Прах его покоится в Нидаросе. Смуты же в Норвегии, еще и по смерти его, продолжались по-прежнему [26].

Сын Олафа, Магнус имел только пять лет от роду, когда был привезен в Россию. Пробыв здесь столько же времени и получив тщательное воспитание при дворе Ярослава, он был уже умным и благородным отроком в то время, когда норвежцы, убежденные наконец в необходимости иметь законного короля, прислали к нему послов с предложением норвежской короны. Главами этого торжественного посольства были Эйнар и Кальф Арнесон, прежние противники Олафа. Прибыв осенью через Неву в Ладогу, они тотчас отправили некоторых из своей свиты в Новгород уведомить Ярослава о возложенном на них поручении. Узнав об этом, Ярослав, его супруга и некоторые бояре, призванные на семейный совет, положили отправить за послами и принять их с подобающей честью. По прибытии их было постановлено, чтобы все норвежцы, находившиеся в Новгороде, признали себя подданными Магнуса; причем Эйнар и Кальф Арнесон, со всем посольством, также присягнули ему на верность, а он со своей стороны обещал, по достижении норвежского престола, объявить всеобщее помилование и обнадежил всех своей защитой и покровительством. Когда, таким образом, приняты были все меры, могшие обеспечить счастливый исход столь важного предприятия, принц Магнус отправился, подобно отцу своему, вскоре после Рождества Христова из Новгорода в Ладогу и оттуда, по

вскрытии Невы и оснастке судов, направил свой путь в Швецию. Здесь присоединились к нему еще новые толпы спутников, с которыми он через Гельсингланд и Иамтланд вступил в Норвегию. Тогда норвежцы без большого сопротивления провозгласили его своим королем; но так как он был еще малолетен, то Кальф Арнесон, по условию, утвержденному еще в Новгороде, сделался его воспитателем и советником в делах правления. Характер Магнуса всего лучше выражается прозванием *Добрый*, которое утвердила за ним история [27].

Между поборниками Олафа Святого в сражении при Стикластаде был также и брат его Гаральд Сигурдсон, впоследствии прозванный Строгим (Hardradi). По смерти Олафа Гаральд, которому тогда было только 15 лет, был спасен своими друзьями и перевезен в Швецию. Там провел он зиму вместе со многими из своих спутников, а в следующее за тем лето, нашедши случай к отплытию, отправился в Россию, где и был принят весьма радушно. Вскоре он был назначен предводителем земских ополчений вместе с Эйлифом, сыном ярла Рагнвальда. Вероятно, самого Рагнвальда Ульфсона в то время уже не было более в живых, так как сын занимал теперь его должность, охраняя прилежащие к Неве земли от неприятельских нападений, несколько лет провел Гаральд в России, занятый беспрестанными походами. Но, соскучив наконец такою жизнью, он стал помышлять о более блистательном поприще, и, надеясь найти его при дворе императора, отправился в Константинополь. Там он, действительно, вскоре явился предводителем Варангов, и совершил с ними много великих и славных подвигов. Между тем, еще в бытность его при дворе Ярослава, воспламенилось любовью его семнадцатилетнее сердце. Плененный красотой Елисаветы, дочери Ярославой, он охотно открыл бы ей тотчас свои чувства, если бы для получения руки ее достаточно было одной только молодости его и высокого происхождения; но обычаи того времени требовали, чтобы искатель руки принцессы был славным рыцарем. Это преимущественно и заставило его искать славы в Константинополе. Теперь же, когда молва о его рыцарских подвигах раздалась по всей Европе, он нашел, что цель его сердечных желаний может быть достигнута, и потому поспешил возвратиться в Россию, куда он еще прежде переслал все свое золото и прочие драгоценности. Получив, по прибытии сюда, согласие своей возлюбленной и ее родителей, он зимой отпраздновал свою свадьбу в Новгороде; потом,

в начале весны, молодая чета отправилась в Ладогу, а оттуда на кораблях Невою и морем в Сигтуну, и наконец благополучно прибыла в Норвегию, где Гаральд вскоре потом вступил на престол своих предков. От супружества с Елисаветою он имел двух дочерей Марию и Ингигерду [28].

По смерти Ярослава прекратились мало-помалу все дружественные связи между Россией и скандинавским севером. Введение Христианской веры в Швеции и Дании, в соединении с более твердой королевской властью, постепенно укротили тот воинственный пыл, который дотоле волновал обитателей севера; в России же частью внутренние раздоры, возобновившиеся с новой силой вследствие окончательного разделения государства, частью нападения внешних врагов, угрожавших с юга и запада, слишком озабочивали князей и не дозволяли им продолжать прежних сношений со Швецией, состояние которой также было не совсем спокойно. С этого времени и Альдейгаборг совершенно исчезает из скандинавских памятников, но зато город Ладога чаще прежнего начинает появляться в русских летописях, которые представят нам отселе довольно обильные материалы для истории Невы и ее побережий.

www.aroundspb.ru

Глава 3

ВРАЖДЕБНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НОВГОРОДЦЕВ, ШВЕДОВ И КАРЕЛОВ К ЯМИ

Говоря о племенах славянских, населявших русское государство, Нестор перечисляет поименно и многих инородцев, которые в его время платили дань Руси, и в числе таких данников именует также народ *Ямь* [29]. Это финское поколение, которое теперь называет себя Hämäläiset (мн. ч. от Hämäläine, что значит лицо из племени Hämeh), имеет для нас особенно важное значение по той тесной связи, в какой находится судьба его с историей невских побережий; ибо, по разысканиям Шегрена, подкрепленным как историческими, так и лингвистическими доводами, эти «Ямляне» (имя совершенно равное этимологически финскому Hämäläiset, и употребленное в Никоновской летописи) обитали первоначально не в нынешних своих оседлостях, но далее к востоку, вокруг Ладожского озера, а следовательно и по берегам Невы, откуда они уже впоследствии, вытесненные, вероятно, карельцами, передвинулись в нынешнюю Новую Финляндию [30]. Не имея ввиду вдаваться в какие-либо критические разыскания, мы можем вполне положиться на авторитет знаменитого исследователя и признать за дело решенное, что *Ямь* или *Ямляне* обитали некогда в нынешней Ингерманландии, а потому самому и должны уделить им место в нашем повествовании. Впрочем, и без предположения об их древнем пребывании на берегах Невы они имеют не меньшее право на наше внимание; именно по тем враждебным отношениям, которые довольно рано открылись между ними и новгородцами, и которые, особенно при вмешательстве шведов, представляют как бы предварительный акт великой борьбы между Россией и Швецией за обладание Невою, равно важною для той и другой державы.

Итак, мы можем допустить, что ямляне, эпоха переселения которых с востока совершенно неизвестна, занимали уже с незапамятных времен нынешние свои жилища в Финляндии. В таком случае представляется, во-первых, следующий нелегко разрешимый вопрос: что было причиною борьбы, продолжавшейся в течение нескольких столетий между ними и новгородцами, несмотря на то, что эти два народа были разлучены друг от друга так, что один не мог попасть в землю другого иначе, как морем или через Карелию, обитатели которой, однакоже, гораздо позже начала этой борьбы упоминаются в русских летописях? На это можно отвечать только предположениями; именно можно с вероятностью допустить: 1) что новгородцы, или поселившиеся в Новгороде варяго-руссы вскоре после времен Рюрика силою оружия обратили ямь в своих данников и впоследствии карали их за непокорность; 2) что Рюрик был главою тех варягов, которые населяли северное побережье Финского залива, и при помощи их, еще до призвания на престол новгородский, господствовал над ямлянами, которые, по удалении властителя, обнаружили стремление к независимости и тем подали повод к обоюдным раздорам, и 3) что ямляне обычными в то время морскими разбоями и набегами на прибрежные владения новгородцев возбудили в последних единодушное желание смирить хищников и лишить их на будущее время возможности продолжать свое ремесло. Обстоятельное рассмотрение всех этих случаев, очевидно, завлекло бы нас далеко от нашего предмета, но мы не можем, однако, уклониться от указания некоторых из тех обстоятельств, которые, по нашему мнению, должны быть приняты в соображение при решении этого вопроса.

Северный берег Финского залива, начиная от реки Кюмени до Або, заселен скандинавцами, которых финны называют Ruotsi, Roussi, Ruotsalaiset, т. е. Русью или Руссами, перенося это имя и на шведов, как их соплеменников [31]. Повыше этих *Руоцы* на севере, в расстоянии 40 или 50 верст от берега, начинается область Ями (Hämeen-maa). Шведы называют ее Тавастией, или Тавастландией (Tawastland), а жителей ее Тавастцами (Tawaster) или Тавастландцами; настоящееже имя этого народа – Hämeh, Hämälaiset (= Ямь, Ямляне) шведам вовсе не известно, из чего можно догадываться, что они не имели с ним никаких прямых сношений. Нельзя сказать определенно, почему именно шведы называют Ямь Тавастцами – именем, очевидно, не финским, а иностранным; впрочем, кажется, что это

имя напоминает какого-то могущественного в той стране иноземца, скандинавского или германского происхождения, который, быть может, господствовал над большей частью Ями. Из истории известно, что знаменитая фамилия *Таваст* действительно существовала в Финляндии в средние века, и двое из этой фамилии занимали даже епископское седалище в Або; посему нет ничего невероятного в том предположении, что эта фамилия, хорошо знакомая шведам, подала им повод к наименованию подвластного ей народа не собственным его именем, а именем владетельной фамилии. Стало быть, если Рюрик пришел в Новгород из страны *Руоцы* при Финском заливе, и если оставшиеся там единоземцы его, к которым, вероятно, принадлежал и какой-нибудь Таваст, продолжали именем своего прежнего князя властвовать над ямлянами, то этот народ, конечно, мог еще и впоследствии считаться данником князя новгородского, как потомка Рюрикова. – Замечательно, что епископ Магнус, упоминаемый в хронике финляндских епископов, назван произшедшим «от благородного и славного вассала Олафа Таваста». Время жизни этого вассала нам неизвестно, но, вероятно, память о нем во времена автора хроники еще сохранялась в предании [32]. Слово *вассал* имеет здесь весьма важное значение, указывая на прежние подчиненные отношения фамилии Таваст к владетелю какой-то другой страны. Но какой именно? – Положительно отвечать на это невозможно. Шведским вассалом род этот, по всей вероятности, не мог быть, ибо все шведские древние памятники свидетельствуют, что Финляндия до самого ее завоевания шведами всегда была враждебной Швеции, морские берега которой часто были опустошаемы финнами, а такое явление, конечно, было бы невозможно, если бы сильнейший человек в Финляндии был вассалом шведской короны. Притом же, из речи старейшины Торгни на упсальском сейме, о которой мы уже упоминали, видно, что Финляндия во времена Олафа Скауткопунга, в начале XI века, считалась уже давно потерянною для Швеции. Посему более вероятным кажется, что этот Олаф Таваст и его предки были вассалами новгородского княжества, и что они впоследствии, пользуясь выгодным своим положением на берегу моря, начали стремиться к независимости, и даже нападали вместе с подвластною им Ямью на береговые земли новгородской области, особенно в то время, когда русские князья были озабочены другими делами, более для них важными, нежели поддержание господства над страною Ями с ее болотами, озерами и пустынями.

Итак, причина враждебных отношений, продолжавшихся между новгородцами и Ямью, начиная с XI века, в течение нескольких столетий объясняется, как нам кажется, довольно удовлетворительно посредством этих предположений, которые могут быть признаны тем более вероятными, что они подтверждаются отчасти и чисто историческими свидетельствами. Так, например, в шведской рифмованной хронике, написанной около ста лет спустя по завоевании шведами Тавастландии, когда прежние отношения долженствовали быть еще в свежей памяти, говорится: «Они заселили ту область народом христианским, который, как я знаю, и теперь там обитает, и так как та область стала вполне христианскою, то я полагаю, что она уже потеряна для конунгов русских». В сочинении же Якова Циглера, известном под названием *Schondia*, находятся следующие замечательные слова: Habiut Eningia antiqvitus titulum regni (tanta est ejus amplitudo) nunc titulum dynastiae tenetque eam Sclavorum gens et lingva. Fuit superiori aetate ritus Graeci, donec dominum habuit Moschum. Hoc vero tempore sub rege Sveciae existit, et communionem Occidentalis Ecclesiae tuetur [33]. Во всяком случае отсюда ясно, что Финляндия или, по крайней мере, часть ее, со включением и области Ями, принадлежала русским прежде ее завоевания Шведами в XII и XIII столетиях.

Первое известие русских летописей о делах с Ямью относится к XI столетию; именно под 1042 годом говорится, что князь Владимир Ярославич ходил войной на Ямь и победил их, причем, однако, войско его сильно пострадало от конского падежа [34]. Можно, пожалуй, согласиться, что здесь разумеется не морской поход, а сухопутный, и что враги эти подверглись нападению не в Финляндии, а где-нибудь поближе, куда легко было добраться на конях, т. е. можно допустить, что место этого действия было в окрестностях озера Ладоги или даже в самой Ингерманландии, и что народ ямь, стало быть, в то время действительно обитал здесь. Но допущением этого предположения нисколько не отрицается еще возможность одновременного пребывания другой части того же народа в Финляндии, ибо ямь было племя обширное и многочисленное, которое при переселении своем с востока на запад, продолжавшемся, может быть, весьма долго, очень легко могло одной отраслью своей утвердиться уже в нынешних своих жилищах, между тем как другая оставалась еще на берегах Ладоги. Напротив того, трудно было бы допустить, чтобы это,

столь многолюдное племя, могло все разом выйти из Ингерманландии и через дикую Карелию пробраться в нынешние свои оседлости.

В пользу мнения о жительстве ями в XI столетии где-то по соседству с Русью и, вероятно, в самой Ингерманландии, говорит отчасти и то обстоятельство, что русские, или собственно новгородцы карали войной одновременно с Ямью также и Чудь и даже по преимуществу последних, вероятно по той причине, что и они также, будучи данниками Руси, уклонялись от исправления своих ежегодных повинностей. Чудь, без сомнения, были финны, но какой именно финский народ летописец разумеет под этим именем – решить трудно. Чудь-собственно обитали вокруг озера Пейпуса, которое потому и называется Чудским озером; впрочем, народы этого племени встречаются и в разных других местах, так что точных границ их места жительства определить невозможно. Видно, однако, что они уже в древние времена были ближайшими соседями северным славянам и даже состояли с ними в тесном союзе; ибо вместе терпя невзгоду от варягов и вместе изгнав потом грабителей, они вместе же со славянами призвали на княженье Рюрика, и таким образом первые из финнов вошли в состав нового государства. Впрочем, в этом союзе, вероятно, участвовали только ближайшие чудские соседи Новгорода и Пскова, поколения же более отдаленные оставались еще независимыми. Но между тем это соединение одной части чудского племени со славянами под общей верховной властью, кажется, именно и подало повод преемникам Рюрика считать все народы этого племени как бы принадлежащими к русскому государству и стремиться к покорению тех из них, которые уклонялись от платежа ежегодной дани; а так как эти народы, со своей стороны, отличаясь, подобно всем вообще финнам, упорным и непреклонным характером, мужественно отстаивали свою независимость, то между ними и русскими необходимо завязалась борьба кровавая и долговременная, нередко увлекавшая к восстанию, вероятно, и те чудские поколения, которые сначала добровольно соединились со славянами. – Должно впрочем заметить, что русские летописцы, которым имя *финны* было вовсе неизвестно, называют чудью, кажется, всех народов финского племени и вообще употребляют это название весьма неопределенно, то в общем, племенном значении, то в частном, разумея под ним иногда то, иногда другое отдельное поколение, населявшее

известную местность. Эта неопределенность побудила и знаменитого критика Шлецера признать имя *чудь* общим названием как собственно чудских, так и финских племен, и такое мнение разделяли также и другие ученые, пока новейшие исследования не объяснили различия между чудью и финнами.

Как бы ни было, разумелись ли под именем чуди предки нынешних эстов, или вожане, или ижера, или все они вместе, во всяком случае несомненно, что русским было много дела с этим народом, и что Эстляндия в особенности служила целью их походов. Уже во времена Ярослава чудь, как видно, пыталась защищать свою независимость, ибо летописец повествует, что Ярослав в 1030 году не только ходил на них войною и победил их, но и нашел необходимым основать в земле их город Юрьев (Дерпт), как оплот против их набегов. Такие же походы совершены были еще в 1054 и 1060 годах и оба сопровождались большой потерей в людях [35]. Девять лет спустя (1069) новгородцы сражались с вожанами, а в 1078 году ходили в Заволочье с князем Глебом Святославичем, который там был убит [36]. По всему видно, что положение дел в Ингерманландии и Эстляндии было тогда не удовлетворительно и требовало мер сильных и решительных. В 1105 году новгородцы отправились «в Ладогу на войну», а в 1116 тамошний посадник Павел «Заложи Ладогу город камян», т. е. обнес город каменною стеною или, может быть, построил в нем каменную крепость; между тем князь Мстислав, в том же году, ходил с новгородцами на Чудь и взял город их «Медвежю голову», т. е. Оденпе [37]. Спустя семь лет сын его Всеволод ходил с новгородцами на Ямь и победил их; но поход этот был сопряжен с большими затруднениями, особенно же войско терпело от недостатка и дороговизны съестных припасов, ибо печеный хлеб, как жалуется летописец, «купляху по ногате» [38]. Затем по прошествии опять семи лет в 1130 году тот же князь с новгородцами ходил на Чудь, опустошил их страну, выжег жилища, самих изрубил, а жен и детей отвел в неволю. И недалее как в следующем же году он снова ходил на Чудь и, вероятно, действовал с такою же лютостью; но видно, что и Чудь, доведенные до отчаяния, жестоко мстили за падших братьев и за разорение своих земель, ибо летописец упоминает, что в последний поход погибло много добрых новгородцев [39]. Таким образом, война с обеих сторон ведена была с равным упорством и, быть может, новгородцы и в следую-

щем году опять двинулись бы против своих непокорных данников, если бы внутренние смуты не задержали их на время.

В 1132 году, когда Всеволод Мстиславич, вызванный своим дядей, великим князем Ярополком из Новгорода в Переяславль, и выгнанный оттуда другим дядею Юрием Суздальским, возвратился в Новгород, то обнаружилось сильное смятение между гражданами, пришли также псковичи и ладожане и изгнали князя из города. Однако мятежники вскоре одумались, воротили его с пути и восстановили опять на престоле. С тех пор прошло 4 года, в продолжение которых Всеволод, по-видимому, жил в добром согласии со своими подданными, и даже ходил опять (1133) на чудь с новгородцами; но в 1136 году неудовольствие вспыхнуло сильнее прежнего. Теперь новгородцы уже сами призвали псковичей и ладожан против своего князя и сначала заперли его с женою, с детьми и с тещею в доме епископа под крепкою стражею, а потом, после двухмесячного заключения, решительно выгнали из города [40]. Нет сомнения, что главной причиной этих несчастий, постигших Всеволода, была борьба княжеских партий, от которой в то время, по выражению летописца, «раздралась земля русская», и от которой страдал и самый Новгород. Но этою причиною, по нашему мнению, не вполне объясняется участие, принятое в смутах новгородских гражданами Пскова и Ладоги, которые сперва сами прибыли в Новгород и изгнали оттуда своего князя, а потом нарочно были призваны новгородцами для той же цели. Значит, они почему-то в особенности были недовольны этим князем и составляли главную опору неприязненной ему партии, которая без их помощи не надеялась восторжествовать над его приверженцами, как видно, сильными в Новгороде. Почему же именно псковичи и ладожане более самих новгородцев были вооружены против Всеволода? Не повредил ли он чем-нибудь их частным, торговым интересам?.. К этой догадке невольно приводит нас рассмотрение некоторых из тех событий, о которых упоминает летописец, как о явлениях современных изложенной им борьбы партий. Так как эти события, касающиеся торговли Новгорода с западной Европой, тесно связаны с историей Невы, то они, хотя бы и не имели предполагаемой нами связи с судьбою Всеволода, необходимо должны занять место в нашем повествовании.

Призвание Рюрика долженствовало иметь решительное влияние на торговлю Новгорода и окружавших его славяно-

www.knigafund.ru

финских племен с западными, заморскими странами; ибо с этого времени начались частые и деятельные сношения норманнов с новым русским государством, основанным их единоплеменниками. Хотя, конечно, целью этих сношения первоначально были воинские предприятия, но следствием их необходимо долженствовали быть благодеяния мирной торговли, которая в особенности развилась в Новгороде, Пскове, Ладоге и других главных пунктах, занятых варягами. Раннее и быстрое развитие торговли России, особенно же Новгорода через Неву со странами забалтийскими, не подлежит сомнению, несмотря на то, что первые, положительные известия о ней в русских летописях встречаются не ранее XII столетия. Замечательно, что эти известия по времени совпадают со сказанием о внутренних смутах, которыми кончилось княжение Всеволода; именно, летописец говорит, что в 1130 году на возвратном пути из Готландии потонуло 7 ладей со всем их грузом и сами пловцы также погибли, кроме немногих, которые спаслись и воротились домой благополучно [41]. Далее, под 1132 годом, сообщает он приведенное нами известие о первом неудовольствии на Всеволода, а два года спустя (1134) упоминает, что новгородцев заключили под стражу в Дании; наконец, спустя опять два года, под 1136 годом, повествует об изгнании Всеволода из Новгорода при содействии граждан Пскова и Ладоги [42]. Отсюда видно, что в это время новгородцы вели уже деятельную морскую торговлю, что они сами, на своих судах, посещали Готландию, Данию и, вероятно, также другие страны, отвозя свои произведения и привозя товары иноземные. Без сомнения, и купцам других наций был уже известен путь через Неву в Россию и, таким образом, эта живая торговля много содействовала к возвышению богатства и благосостояния не только Новгорода, но и тех мест, через которые пролегал путь ее. Особенно же Ладога, где купеческие суда, приходившие с моря, вероятно, выгружали свои товары, долженствовала пользоваться от нее значительными выгодами. Посему, если предположить, что Всеволод возвышением торговых пошлин или другими распоряжениями стеснил свободу иностранной торговли, то понятна будет причина неудовольствия на него как ладожан, так и других, извлекавших свои выгоды от этой торговли. Если же еще и поступок датчан, арестовавших купцов новгородских, был, может быть, возмездием за убытки, понесенные их торговлей от несправедливых мер князя новгородского, то известие об этом, полу-

ченное в Новгороде, должно было еще более усилить общее неудовольствие, окончательным следствием которого было изгнание князя. Таким образом, Всеволод сам мог быть отчасти причиной постигших его насчастий.

Усиление торговой деятельности России в это время, без сомнения, много зависело от большей свободы и безопасности мореплавания. Ибо прежде, когда море было во власти викингов, торговля часто страдала от грабежей и разбоев, хотя законы викингов и предписывали не трогать торгового судна; но теперь, после того как правительства Швеции, Дании и Норвегии, соединив свои усилия, обуздали и истребили викингов, торговые суда могли уже беспрепятственно совершать свое плавание. Только в Финском заливе иногда грозила им еще опасность от хищности прибрежных жителей, не знакомых с благоустроенным правлением; но и это зло, как увидим, вскоре было уничтожено мерами России и Швеции.

Упоминая о ями, которым одновременно с вожанами и чудью подвергались нападениям новгородцев, мы допустили, что этот народ мог составлять восточную отрасль обширного племени ями, обитавшую в то время где-то вне Финляндии, и впоследствии или исчезнувшую, или, может быть, примкнувшую к своим западным соплеменникам. Обратимся же теперь к другой, западной отрасли этого племени, т.е. к ямлянам, или тавастцам, действительно обитавшим в Финляндии, по крайней мере с XII века, и взглянем, во-первых, на отношения их с одной стороны к новгородцам, с другой к шведам – отношения, которые породили между сими последними многовековую борьбу, столько прославившую невские побережья.

Ямляне, или тавастцы, которые, по искоренении других викингов, остались властителями моря, находили свою выгоду в сохранении этой власти, и усердно продолжали ремесло пиратов, тревожа купеческие суда и нападая на прибрежных жителей как России, так и Швеции. Следовательно, вместо того, чтобы самим быть данниками России, они искали поживы в ее владениях. Русские же, или, вернее, новгородцы, которые видели в иностранной торговле главный источник своего благосостояния, разумеется, считали своей важнейшей обязанностью защиту этой торговли и устранение всех препятствий, затруднявших ее движение. Посему им необходимо было положить конец тем грабежам и разбоям в Финском заливе, от которых она всего более страдала, а для достижения этой цели они решились, по-видимому, совершенно

разорить страну ями и истребить ее хищное население; так, по крайней мере, можно объяснить себе цель тех жестокостей, какие в этой стране совершаемы были новгородцами во время их частых походов. Можно также полагать, что другой целью этих походов на ямь было собирание дани, хотя летописцы и не упоминают об этом.

Шведы руководствовались в отношении к финским пиратам почти теми же побуждениями, как и новгородцы, но средство, избранное ими для достижения цели, было вернее: чтобы прекратить морские разбои финнов, они решились завоевать самую их страну и заградить хищникам доступ к морю, заняв береговые пункты достаточно вооруженной силой. В этом предприятии они имели перед новгородцами то явное преимущество, что находили себе сильную поддержку в духовной власти Рима; ибо папы, видя в распространении христианской веры верное средство к распространению собственной своей власти, всеми способами старались возбуждать и поощрять религиозную ревность западного духовенства и рыцарей к обращению северных язычников. – Перейдем теперь к самим событиям, в которых ясно выразились эти различные цели и побуждения.

Смуты в Новгороде, о которых мы уже говорили, не прекратились с низложением Всеволода: после него еще четыре князя в течение десяти лет сменились на новгородском престоле. Можно полагать, что слухи о всех этих переворотах и о современных с ними войнах Новгорода с чудью и другими окрестными народами дошли до ямлян, или тавастландцев, которые с радостью решились воспользоваться случаем, по-видимому, столь благоприятным для хищнического набега. Они тотчас снарядились в поход и в 1142 году напали на область новгородскую, вероятно, со значительными силами. Но предприятие их кончилось несчастливо: ладожане поспешно ополчились, пошли на грабителей, убили из них 400, а прочих всех забрали в плен, так что ни один не воротился [43]. Морем ли или сухим путем приходили эти враги – летописец не сказывает; но из самых слов его: «приходиша Емь и воеваша область новгородскую» очевидно, что здесь речь идет о народе, не принадлежавшем к новгородской области, но напавшем на нее извне. Следовательно, эти «Емь» были не другие какие-либо, но именно обитатели Финляндии, которые посему, вероятно, приходили морем.

Современно с этим нападением Ями обнаружилось воинское движение и со стороны Швеции, неизвестно, однако, против кого и с какою именно целью: летописец говорит только, что в том же (1142) году шведский князь в сопровождении епископа, с флотилией из 60 морских судов (шнек) напал на купцов, шедших с товарами из-за моря в трех ладьях; но не имел успеха, ибо купцы, убив до полтораста человек своих противников, отбились и ушли со своими ладьями в Новгород [44]. В этом сказании современного летописца, кажется, только число убитых несколько преувеличено, но самый факт, по своей сущности, не подлежит сомнению, несмотря на то, что о нем ничего не говорится в шведских памятниках. Быть может, что это появление на море столь значительной шведской флотилии состояло в связи с начатым вскоре за тем покорением Финляндии, к которому Швеция, вероятно, уже тогда была побуждаема и религиозными интересами папского престола, и своими собственными расчетами, как политическими, так и торговыми.

Хотя знаменитый ганзейский союз в то время еще не был вполне организован, но будущие члены его, прибалтийские города Германии, Дании и Швеции вели уже обширную морскую торговлю, и, манимые сокровищами богатого Востока, наперерыв друг перед другом старались приобрести и сохранить драгоценную для них дружбу Новгорода. В особенности Швеция, по праву ближайшего соседа и, может быть, по чувству единоплеменства с основателями русского государства, помышляла о первенстве в этой дружбе. Не довольствуясь скромной долей участницы в общих торговых выгодах, она вознамерилась, по-видимому, укрепиться на берегах Финского залива и овладеть входом в Новгород, чтобы таким образом устранив прочих соперников или поставив их выгоды в зависимость от своих собственных, сделаться главной посредницей в торговле России с западной Европой. Конечно, трудно согласиться, чтобы такие смелые планы могли принадлежать самому шведскому правительству того времени, но они могли быть задуманы другой, более просвещенной и хитрой политикой, под влиянием которой находилась тогда Швеция, наравне с прочими государствами католического мира, – именно политикой римского первосвященника, которая во мраке средних веков действительно отличалась необыкновенной ясностью и дальновидностью во всех своих предначертаниях, и, стремясь к всемирному владычеству, умела с удивительным

искусством, как бы управляя ходом самих событий исторических, приводить в исполнение самые отважные предприятия. Естественно, что Швеция, в которой тогда, при короле Сверкере Древнем, христианство уже окончательно восторжествовало над язычеством, должна была доказать теперь свою преданность к новой вере приведением Финляндии к подножию папского престола, и разумеется, что политика папы, желая еще более воспламенить в короле и нации религиозную ревность к этому подвигу, не преминула указать и на те материальные выгоды, какие исполнение его обещало для самой Швеции как в политическом, так и торговом отношениях. Итак, можно почти наверное полагать, что план завоевания Финляндии, исполнение которого начато было 14 лет спустя, был уже задуман в это время, и что вышеупомянутая морская экспедиция шведов имела целью рекогносцировку местности и собрание сведений, необходимых для успеха столь важного предприятия. Вот почему и епископ – вероятно, какой-нибудь член монашествующего ордена – должен был, как агент папский, участвовать в этом походе; предводителем же, вероятно, был не сам король, а сын его Карл или какой-нибудь шведский ярл, названный в летописи «свейским князем» [45].

Мы доселе не имели еще случая говорить о карелах. И в самом деле, довольно странно, что в то время, когда опасности внутренние и внешние беспрестанно угрожали Новгороду, когда чудь, ижера, вожане восставали против его владычества, и даже вдали жившие ямляне вторгались в его пределы, что в это тревожное время одни только карелы оставались, как видно, мирными и покорными данниками Новгорода, и не только не пытались воспользоваться случаем для восстановления своей независимости, но даже решились наконец действовать против своих соплеменников, как бы в интересах Новгорода. Вероятно, подстрекаемые новгородцами и, может быть, увлекаемые также жаждой мести за какие-нибудь личные обиды или просто жаждой добычи, они, как говорит летописец, в 1143 году пошли войной на Ямь; но были разбиты и на двух кораблях бежали обратно [46].

www.aroundspb.ru

Глава 4

ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ СТРЕМЛЕНИЯ ШВЕДОВ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИХ ВЛАДЫЧЕСТВА В ФИНЛЯНДИИ, ИХ ОТНОШЕНИЯ К ЯМИ И НОВГОРОДЦАМ; БОРЬБА ПОСЛЕДНИХ С ЛИВОНСКИМИ НЕМЦАМИ И РАСПРИ С КНЯЗЬЯМИ; УСИЛЕНИЕ ШВЕДОВ В ФИНЛЯНДИИ: ОСНОВАНИЕ ВЫБОРГСКОЙ КРЕПОСТИ; ОСНОВАНИЕ И ПАДЕНИЕ ЛАНДСКРОНЫ; РОЛЬ ГАНЗЫ В БОРЬБЕ МЕЖДУ ШВЕДАМИ И НОВГОРОДЦАМИ; ОРЕХОВСКИЙ ДОГОВОР 1323 ГОДА

Хотя теперь положения ямлан, угрожаемых враждою новгородцев, шведов и своих ближайших соседей и соплеменников карельцев, и было весьма затруднительно, однако они не хотели еще отказаться от обычного ремесла грабителей, и, питая особенную ненависть к новгородцам, решились снова попытать счастья в набеге на их владения. Почитая зимнее время более удобным для похода, они в 1149 году вторгнулись, вероятно, по льду через Финский залив в страну Води. Но не смотря на внезапность нападения и на довольно значительные силы грабителей, простиравшиеся по показанию летописца до 1000 человек, предприятие их имело столь же плачевный исход, как и предыдущее; ибо новгородцы, сведав о нашествии, поспешно выступили на встречу в числе 500 человек, и, соединясь с вожанами, нанесли хищникам столь жестокое поражение, что из всей толпы их ни один не спасся [47]. – Кажется, этот страшный удар образумил наконец ямлян, которые долго потом не смели тревожить новгородских владений, и весьма вероятно, что они, сознав слабость своих сил и невозможность дальнейшей борьбы с могущественным противником, вскоре должны были бы совершенно подчиниться русскому господству, если бы Швеция, руководимая завоевательной политикой Рима, не вмешалась в дела Финляндии и тем самым не сообщила иного направления ходу событий.

Покорение Финляндии, как уже замечено, представляло для Швеции чрезвычайно важные выгоды как в отношении политическом, так и торговом. Но главной побудительной причиной к этому предприятию были, конечно, интересы папы и католицизма: ими преимущественно движим был преемник Сверкера, король Эрик Святой, который, как покорный сын католической церкви, всегда считал своей священнейшей обязанностью содействовать распространению христианства не только в своих владениях, но и в странах соседних. Тотчас по вступлении на престол с величайшей ревностью занялся он приготовлениями к походу и на другой же год (1156), сопровождаемый епископом упсальским Генрихом и многими монахами, во главе значительного ополчения внес крест и меч на берега Финляндии. Высадка произведена была на самой юго-западной оконечности, при устье реки Авра (Aurajoki), и там, где ныне стоит город Або, возникло первое шведское укрепление, долженствовавшее служить убежищем в случае опасности от язычников. Но сначала все обошлось, кажется, благополучно, без всякого кровопролития, ибо в этой местности и далее к северу, вдоль берега, обитало слабое и не воинственное финское поколение, называвшееся *Суомлянами* (Suomelaiset, *Сумь* русских летописей), которое, не отличаясь, подобно прочим финнам, хищническим духом, укрывалось от враждебных столкновений с соседями, и даже не было известно доселе под своим собственным именем ни шведам, ни русским. Подвергшись внезапному нападению, эти суомляне или разбежались и скрылись в лесах, или подчинились требованиям пришельцев и приняли крещение. Посему король Эрик Святой, видя, что предприятие не требует особенных усилий, на другой же год с большею частью войска возвратился в Швецию, поручив епископу Генриху продолжать дело обращения язычников. Но тогда туземцы, ободренные малочисленностью оставшихся шведов, обнаружили сопротивление и начали преследовать проповедников новой веры. Сам епископ Генрих за свою апостольскую ревность принял венец мученика и впоследствии, причтенный католической церковью к лику святых, признан покровителем Финляндии. Мощи его в богатой серебряной раке хранились в соборной церкви города Або до времен Петра Великого, который, по докладу губернатора Дугласа, повелел перевезти их в Петербург [48].

Но шведская колония в Финляндии продолжала, однако же, возврастать постепенно, не встречая особенно важных за-

трудней. Конечно, туземцы неохотно покидали своих прежних богов, и только из страха принимали крещение, а потому, при каждом удобном случае, являлись отступниками от новой веры, изгоняли или убивали миссионеров и нередко пытались совершенно истребить или вытеснить пришельцев. Но действуя без единодушия, отдельными, нестройными толпами, они, разумеется, не могли иметь успеха и своей бессильной враждой только навлекали на себя мщение победителя. Притом же, будучи разделены на мелкие, враждебные друг другу поколения, они сами своими вечными раздорами и междоусобиями часто подавали шведам повод вмешиваться в их дела и распространять над ними свое влияние. Часто, например, случалось, что то или другое поколение, угрожаемое вторжением неприятеля, прибегало к помощи шведов и, узъявляя готовность креститься, умоляло о присылке вспомогательного войска, священников и учителей; но по миновании опасности возвращалось опять к прежним богам своим и изгоняло проповедников христианства, за что обыкновенно подвергалось жестокому наказанию. О таком вероломстве финнов, как видно, знал и папа Александр III, который в булле к архиепископу упсальскому Стефану, к подвластным ему епископам и ярлу (dux) Гутторму (вероятно, начальствовавшему шведскими войсками в Финляндии) предписывает: «остерегаться их обмана и коварства и не давать им, в случае нужды, никакой помощи и защиты, пока они не отдадут в залог своих укреплений, если таковые у них имеются, или не представят других верных ручательств в своей покорности» [49].

При таком ходе событий можно было уже с самого начала предвидеть, что Финляндия одними собственными своими силами не в состоянии защищать себя от католицизма и шведского владычества, и что одно только могущественное вмешательство новгородцев может остановить успехи оружия и политики шведов. Между тем новгородцы первоначально не обратили никакого внимания на действия своих будущих противников и спокойно допустили их утвердиться в юго-западной части Финляндии. Было ли это с их стороны следствием беспечности или самонадеянности, или, может быть, они считали себя не вправе вступаться за тех финнов, которые, как сумляне (сумь), не принадлежали к числу новгородских данников, – но во всяком случае это бездействие их ободрило шведов и вызвало их к предприятию более смелому и решительному. Имея ввиду покорение всей Финляндии, они

вознамерились отрезать новгородцам доступ в эту страну чтобы потом распоряжаться в ней без соперников. С этой це лью они в 1164 году внезапно явились под Ладогою, думая без труда овладеть ею. Но ладожане, хотя и были застигнуты врасплох, не потеряли, однако, присутствия духа: они сами зажгли свои дома в предместьях и засели в крепости с посад ником Нежатою, отправив поспешно гонца к князю и новго родцам с просьбой о скорой помощи. Между тем шведы, не теряя времени, двинулись на приступ, но были отражены со значительным уроном и отступили к реке Вороной, или Сал ме. Пять дней спустя явились и новгородцы с князем Свято славом и посадником Захариею, и тотчас, 28 мая, ударили на неприятеля с такой силой, что почти совершенно его истре били: из 55 шнек, составлявших неприятельских флот, 43 были взяты, и только на остальных 12 судах весьма немногие из шведов, большей частью израненные спаслись от смерти или плена, чтобы свидетельствовать на родине о совершенной неудаче этого первого опыта их борьбы с русскими [50].

После столь блистательной победы надлежало, по-види мому, ожидать, что новгородцы не замедлят отомстить шве дам за их дерзкое нападение и примут решительные меры к совершенному изгнанию их из Финляндии. Но, к удивле нию, ничего подобного не случилось: новгородцы не только не думали о шведах, но даже в течение слишком 20 лет не обра щали никакого внимания на дела Финляндии; по крайней мере о походах их в эту страну до 1186 года ничего не гово рится в летописях. Причиною тому, без сомнения, были за труднительные обстоятельства, в каких в это время находился самый Новгород. Уже с кончины Мстислава Великого (1132) Новгород присвоил себе право избирать и изгонять своих князей и при каждом новом избрании ограничивал власть княжескую; но в 1161 году вследствие соглашения между Рос тиславом и Андреем Боголюбским – великими князьями ки евским и суздальским, этот вольный город вынужден был принять к себе незадолго пред тем изгнанного им сына Рос тиславова Святослава, и притом «на всей воле его» – как ска зано в летописи, т. е. без всяких ограничительных условий. Шесть лет терпели у себя новгородцы этого, насильно им на вязанного и нелюбимого ими князя, пока наконец смерть отца (1167) не избавила их от власти сына. Но Святослав, бегством спасший себя от позорного изгнания или заточения, начал мстить новгородцам, разоряя их волости. Сторону его принял

Андрей Боголюбский с князьями смоленскими и полоцкими; новгородцы же обратились к врагу Андрееву, новому великому князю киевскому Мстиславу Изяславичу, и призвали на престол юного сына его Романа. Тогда пламя войны охватило всю русскую землю. В этой упорной борьбе новгородцы, сражаясь за свою независимость, покрыли себя бессмертною славою: они разбили и почти истребили под своими стенами в 1170 году многочисленные ополчения суздальские и тем сильно расстроили властолюбивые замыслы своего могущественного противника. Но князь Суздальский, не успев покорить Новгород открытой силой, прибегнул к другим средствам: отрезав новгородцам все пути в южные и восточные области Руси, остановил их торговлю, не пускал к ним хлеба, – и вольный город принужден был смириться. С этого времени наибольшая опасность постоянно угрожала Новгороду со стороны великих князей суздальских, наследников политики Андрея, которые при каждом удобном случае старались стеснять вольность новгородскую. К этой опасности присоединились и другие, особенно же частые восстания чуди. В 1176 году, зимою, поднялась, по выражению летописца, «вся чудская земля», и многочисленные толпы хищников устремились на Псков, но потерпели совершенное поражение, причем, однако, и псковитяне лишились многих из лучших мужей своих. Три года спустя новгородцы огнем и мечом опустошили чудскую землю до самого моря, где нанесли непокорным данникам окончательное поражение. С такой же лютостью действовали они в соединении с псковитянами в 1191 и 1192 годах и, чтобы ослабить мятежные племена, каждый раз выводили от них целые толпы пленников. Этим способом упорство чудских племен было наконец сломлено, так что в 1212 и 1214 годах они уже с поклоном встречали Мстислава Удалого и беспрекословно платили следующую с них дань, две части которой князь отдал новгородцам, а третью своей дружине [51].

Понятно, что новгородцы, озабоченные как непокорностью своих ближайших данников, так и властолюбием князей суздальских, и притом часто не ладившие со своими собственными князьями, не могли предпринять ничего решительного против шведов. Самый поход их в Финляндию в 1186 году – тридцать лет спустя по основании там первой шведской колонии, был только частным предприятием новгородской молодежи, или «молодцев» – как сказано в летописи, которые под

предводительством какого-то Вышаты Васильевича ходили на Ямь и, набрав пленников, возвратились благополучно [52].

Впрочем, за нападение на Ладогу шведам, кажется, отомстили вместо новгородцев карелы: по свидетельству шведских источников, карелы в 1188 году проникли из Балтийского моря в озеро Мелар, опустошили его берега и сожгли древний многолюдный город Сигтуну; причем убили упсальского архиепископа Иоанна и вместе с другими драгоценностями похитили серебряные церковные врата, которые, как говорит предание, ныне, под названием *шведских*, украшают Софийский собор в Новгороде. Странно, однако, что об этом набеге на Швецию ничего не говорится в русских летописях; между тем как в них замечены и менее важные события того времени; например, предыдущий поход на Ямь в 1186 году или последующий, бывший в 1191 году, когда новгородцы вместе с карелами опять ходили на Ямь, опустошали их страну, жгли селения и истребляли скот. При этом случае, вероятно, и шведские поселенцы, если они уже проникли к ямлянам, не избежали разорения, хотя, впрочем, в летописи об них не упоминается [53].

Современно этим известиям летописец упоминает также о невзгоде, которой подверглись в Новгороде иностранные купцы, вероятно, вследствие враждебных отношений, существовавших между шведами и новгородцами. Так как это обстоятельство угрожало Швеции прекращением ее невской торговли, то мы должны обратить на него особенное внимание.

Мы уже выше упоминали, что торговля Новгорода с западными прибалтийскими странами гораздо древнее сохранившихся о ней известиях и, вероятно, ведет свое начало со времен варягов; а что она в первой половине XII столетия производилась уже весьма деятельно, что новгородцы уже хорошо знали тогда путь в Готландию и Данию, равно как и иноземные гости в богатый Новгород это достаточно подтверждается указаниями летописей, особенно же известием о сооружении церкви в Новгороде иностранными купцами в 1156 году. Церковь эта стояла на торговой площади и называлась церковью *Святые Пятницы*; на содержание ее определен был особый сбор со всех иноземных купцов, приезжавших в Новгород. В 1181 году, 3 июля она сгорела от молнии, а в 1207-м была вновь выстроена на счет иноземцев [54]. Это обстоятельство, что в Новгороде была католическая церковь, прямо ведет нас к заключению, что число торговавших здесь запад-

ных католиков было весьма значительно, и что они, пользуясь свободою богослужения, пользовались и другими правами и преимуществами; стало быть, они не только были терпимы, но состояли под особенным покровительством Новгорода; а такое положение приобретается не вдруг, не в какое-нибудь короткое время, но постепенно, и, следовательно, указывает на давнее начало дружественных сношений и особенную важность их для самого Новгорода.

Такой дружбой новгородцев пользовались купцы разных наций: шведы, норвежцы, датчане, немцы. Но шведы, или готландцы, без сомнения, были старшими их друзьями, ибо вследствие ближайшего племенного родства их с основателями русского государства, равно как и вследствие давних дружественных сношений между владетельными домами России и Швеции, скрепленных неоднократными родственными узами, они, конечно, могли первые, и уже с давнего времени, приобрести те права и льготы, которые впоследствии предоставлены были и прочим. – Между всеми городами Швеции город Визби на острове Готланд, благодаря чрезвычайно выгодному своему положению производил наиболее обширную и деятельную торговлю с Новгородом. И эти однажды установившиеся торговые связи, освященные давностью и скрепленные обоюдною пользой, не пострадали даже и от враждебных отношений, обнаружившихся между шведами и новгородцами; по крайней мере в первое время, после нападения шведов на Ладогу, шведские или, собственно, готландские купцы по-прежнему продолжали посещать Новгород, где беспрепятственно пользовались правами, предоставленными их предкам, и с таким же гостеприимством, без сомнения, встречаемы были и новгородцы в Готландии. Но в 1188 году совершенно неожиданно произошел разрыв: новгородцы схватили и заключили под стражу готландских варягов; никого из своих купцов не пустили весною за море, и не дали посла варягам, но выслали их без мира [55]. Известие это слишком кратко и темно. Нет даже и намека на причину разрыва и угадать ее трудно. Сами ли купцы навлекли на себя какими-либо противозаконными поступками гнев новгородцев или они пострадали за враждебные Новгороду действия своего правительства?.. Последнее, впрочем, кажется более вероятным. Можно полагать, что шведы в первое время, по утверждении своем в Финляндии, не касались еще той части ее, которая считалась подвластною Новгороду, и что они не ранее как лет 30 спустя

начали тревожить новгородских данников, о чем новгородцы достоверно узнали, вероятно, только во время похода своего на Ямь, в 1186 году. Разумеется, что они тотчас потребовали удовлетворения, и, получив отказ, решились отомстить Швеции теми средствами, какие были у них под рукой, т. е. во-первых, арестовали купцов и прервали со своими врагами торговые сношения, во-вторых, подстрекнули карелов к нападению на Швецию, в котором, вероятно, и сами приняли некоторое участие, и наконец, вторгнулись в 1191 году в страну Ями и уничтожили находившиеся там шведские поселения, а может быть, проникли и далее, ибо финляндские известия относят приблизительно к этому времени первое сожжение города Або русскими [56]. Таким образом, все эти события могут быть рассматриваемы как естественные последствия, проистекшие от одной и той же причины.

Целые тринадцать лет новгородцы пребыли тверды в своем решении, и во все это время ни один готландский корабль не появлялся на берегах Невы. Конечно, и для новгородцев прекращение столь давней и деятельной торговли было тягостно, но они могли еще переносить это положение, потому что сношения их с другими торгующими нациями, вероятно, продолжались по-прежнему. Притом же около этого времени иностранная торговля проложила себе еще новый путь в Россию: за 30 лет до разрыва с готландцами бременские купцы открыли случайно Ивонию и при устье Западной Двины вскоре возникла их первая фактория, откуда еще до основания Риги иностранные товары шли сухим путем в Псков, а следовательно, и в Новгород [57].

Но готландцам невозможно было жить без новгородской торговли, составлявшей главный источник их благосостояния; посему летом 1201 года пытались они возобновить древнюю дружбу, но не имели успеха; осенью явились они снова, уже сухим путем, и тогда только умилостивились новгородцы «и дали им – как говорит летопись – мир на всей воле своей», т. е. сами предписали им условия [58].

Но восстановленная таким образом на Неве и в Финском заливе торговая деятельность вскоре подверглась новой опасности, порожденной также делами шведов в Финляндии, которые со времени последнего похода новгородцев на Ямь находились, кажется, в опасном положении: слабые остатки поселенцев и монахов с трудом держались там против озлобленных язычников, которые угрожали им совершенным

истреблением. В такой крайности эти недавние властители туземцев, видя, к величайшему своему прискорбию, что и Швеция, терзаемая в то время кровавою борьбою за престол между домами Сверкера и Бонде, не в состоянии подать им деятельной помощи, обратились с мольбами и жалобами к папскому престолу. Посему папа Гонорий III строго предписал, чтобы христиане не продавали оружия и жизненных припасов варварам, удручающим юную Церковь Христову. Еще строже восстал против торговли с язычниками папа Григорий IX. В нескольких окружных посланиях к северным епископам и духовенству он повторяет предписание, чтобы они воспретили купцам под страхом церковного наказания торговать с руссами и привозить язычникам оружие, лошадей, корабельные снасти, жизненные припасы и другие товары; даже грозить проклятием и отлучением от церкви всем христианам, которые будут доставлять язычникам в Карелии, Ингрии, лапонии и Ватландии против христиан шведского государства оружие, железо, деревянные изделия и пр. [59] Но самое повторение таких строгих указов ясно доказывает уже, что они не достигали своей цели, что жажда корысти действовала на купцов сильнее, чем все угрозы церкви.

Однако шведские поселенцы в Финляндии мало-помалу оправились; распри между язычниками, без сомнения, помогли им более, нежели все папские буллы. Притом же, преследуя свою цель в течение слишком полувека, они, вероятно, имели уже между туземцами ревностных приверженцев, которые, будучи с малолетства воспитаны в новой вере, с пламенным усердием содействовали к ее дальнейшему распространению. Таким образом из положения оборонительного они вскоре перешли опять к действиям наступательным и снова начали тревожить новгородских данников. – Между тем смуты внутренние, распри с князьями, борьба с Суздалем опять задерживали новгородцев, так что они в течение слишком 30 лет не могли обращать внимания на дела Финляндии. Наконец, примирясь с князем Ярославом Всеволодовичем, они вторгнулись летом 1227 года в страну Ями, «повоевали всю землю» – как говорит летописец, и возвратились с множеством пленников. Должно полагать, что ямляне в это время были уже католиками и находились под властью шведов и что католические миссионеры начали проникать уже в самую Карелию. Этим объясняется известие Суздальского летописца, который говорит, что Ярославль в том же году, послав

священников, окрестил множество карелов, едва не всех обитателей Карелии. – Неизвестно, сами ли карелы пожелали единоверием скрепить свой союз с русскими, или Ярослав силою принудил их креститься; но, во всяком случае, крещение их (если известие справедливо) было, кажется, политической мерой, долженствовавшей предохранить их от католицизма и шведского владычества [60].

Хотя летописцы и говорят о множестве пленных, приведенных Ярославом, однако ямляне, как видно, не слишком пострадали от этого похода; по крайней мере они не смирились и не только не сделались покорными данниками новгородцев, но, напротив, решились немедленно отомстить своим врагам. На другой же год они числом около 2000 человек ворвались через Неву в Ладожское озеро и начали разорять прибрежные селения. Весть об этом пришла в Новгород 6 августа и новгородцы с князем Ярославом тотчас на легких гребных судах пустились в Ладогу. Но еще до их прибытия ладожане с посадником Володиславом погнались за хищниками и, тревожа их повсюду, тесня с места на место, принудили наконец бежать обратно. Между тем новгородцы успели уже занять Неву, расположившись у острова Ореховца, где ныне Шлиссельбург. Посем ямляне, найдя выход из озера запертым, в недоумении отступили к южному берегу; но здесь опять настигли их ладожане со своим неутомимым посадником и целый день бились с ожесточением; наконец к вечеру отступили и заняли противолежащий островок. В ту же ночь враги прислали просить мира, но получили отказ. Тогда, доведенные до отчаяния, они изрубили своих пленников и, покинув лодки, бежали в лес, но и там не нашли спасения. Хотя новгородцы, простояв несколько дней на Неве и поссорившись между собою, возвратились без всякого участия в деле, даже не дождавшись ладожан, однако последним помогли ижеряне: они встретили спасавшихся через их леса неприятелей и большую часть из них истребили; остальных же, которые успели перебраться через Неву на северный берег, добили карелы, так что весьма немногие из ямлян, участвовавших в этом набеге, добрались до родины с печальной вестью о гибели всех своих товарищей [61].

Такое решительное поражение и опустошение, постигшее страну Ями в предыдущем году, без сомнения, снова поколебали там шведское влияние. Туземцы, недавно обращенные к католицизму, увидели теперь, что новая вера не спасла их от

разорения, не даровала им победы над новгородцами, не сделала их ни сильнее, ни счастливее в борьбе с их старинными врагами, но напротив, казалось, навлекла на них бедствия, жесточайшие прежних. Естественно, что они возненавидели эту насильно им навязанную веру и, отвергнув ее, сделались злейшими врагами и гонителями ее проповедников, которых многолетние труды и усилия были таким образом почти совершенно уничтожены. Булла папы Грирория IX, данная 9 декабря 1237 года, ясно свидетельствует, что незадолго перед тем ямляне действительно восстали на своих просветителей, что делу последних угрожала величайшая опасность и что в самом Риме сознавали необходимость прибегнуть к мерам решительным для спасения погибавшего в Финляндии католицизма. В этой достопамятной булле наместник св. Петра с прискорбием говорит архиепископу упсальскому и его суффраганам, что «народ, именуемый *Тавастцами* (здесь это имя в первый раз придается Ямлянам), который вашим и предшественников ваших великим трудом и тщанием был обращен к истинной вере, ныне, при содействии врагов креста, своих ближних соседей, снова вероломно возвратился к древнему заблуждению и, соединясь с некоторыми варварами, с помощью дьявола, совершенно истребляет юное насаждение Церкви Божьей в Тавастии». Затем, упоминая о муках и истязаниях, каким отступники подвергают священников и немногих истинно верующих, св. Отец повелевает проповедовать в Швеции и на соседних островах крестовый поход против этих клятвопреступников и варваров, и всем благочестивым католикам, которые станут под знаменем креста, объявляет отпущение грехов с предоставлением той же неприкосновенности и тех же выгод, как если бы они шли в святую землю для освобождения гроба Господня [62]. Два года продолжались на скандинавском севере воззвания к священному походу, наконец усилия духовенства воспламенили фанатизм религиозный и толпы грешников, жаждущих спасения, соединились под знаменем креста; но эта грозная туча, собиравшаяся над ямлянами, неожиданно получила другое направление, вследствие тех бедствий, какие в то время посетили Новгород и всю Россию.

Несмотря на свое богатство – плод обширной и деятельной торговли, Новгород, расположенный под суровым северным небом, в стране малоплодородной, часто в неурожайные годы страдал от непомерной дороговизны и голода; но никогда

еще бедствие не доходило до такой степени, как в тридцатых годах XIII столетия. Уже под 1228 годом летописец жалуется, что в ту осень день и ночь шли беспрерывные дожди, так что с Успенья Богородицы до дня Николая Чудотворца не было ни одного светлого дня, нельзя было ни косить, ни сеять. От того в следующем году урожай был весьма скудный и цены на хлеб чрезвычайно возвысились. Но наиболее страшных размеров достигли страдания бедного народа в 1230 году, когда необыкновенно ранний и жестокий мороз, бывший на праздник Воздвиженья, 14 сентября, истребил все посевы. Тогда за один печеный хлеб стали платить по 8 кун, за бочку ржи 20 гривен, а в деревнях 25; бочка пленицы стоила 40, пшена 50, овса 13 гривен. От страшной дороговизны народ толпами бежал в другие города и страны, а кто остался, – умирал с голода. И вскоре весь город представил одну ужасающую картину божьего гнева: по всем улицам, на торгу, на мосту, – везде валялись трупы; голодные псы пожирали их или таскали повсюду их растерзанные члены; хоронить было некому, каждый думал только о себе. – Наконец архиепископ приставил благочестивого мужа, который с утра до вечера разъезжал по городу, собирая мертвых и отвозя их в скудельницу, вырытую на Прусской улице. Эта огромная могила вместила в себе 3030 тел; вскоре и две другие скудельницы также были наполнены доверху. Между тем дороговизна все возрастала. Бедные питались мхом, водяным клевером, сосновой и липовой корой, ильмовыми листьями, – всем, что кому на мысль вспадало. Иные ели конину, собак, кошек, а некоторые даже... трупы мертвых! Были и такие изверги, которые нападали на живых и убивали, чтобы питаться их мясом. Другие злодеи поджигали дома людей зажиточных и таким образом разграбляли их запасы хлеба и прочее имущество. Казалось, что люди, вместо того, чтобы, видя пред собой казнь божию, смириться и сделаться лучшими, только ожесточались в душе и теряли всякое человеческое чувство. Не было сострадания к ближнему, исчезла любовь родственная, расторглись все узы семейные и гражданские: брат не щадил брата, отец сына, мать дочери, сосед соседу не уломлял куска хлеба. «Не было милости между нами», – прибавляет летописец, – «но туга и печаль повсюду, на улице скорбь при встрече друг с другом, дома тоска при виде детей, плачущих хлеба или умирающих. А за хлеб мы платили уже по гривне и дороже; – из-за хлеба отцы и матери сами отдавали детей своих в неволю купцам

иноземным! И это горе было не в одной нашей земле, но по всей области русской, кроме одного Киева». – Если так было в богатом Новгороде, то каково же долженствовало быть положение тех бедных людей, которые обитали на невских побережьях, где почва земли еще бесплоднее?.. Но если нельзя не скорбеть душою, читая в летописи эту грустную повесть о страданиях Новгорода, то нельзя также не возрадоваться вместе с летописцем, когда он под следующим годом восклицает с благоговейным восторгом: «открыл Бог милосердие Свое на нас, грешных, сотворил милостью Свою вскоре!.. приплыли немцы из заморья с житом и с мугою и сделали много добра, – а уже город сей был при конце своем» [63].

Двухлетния страдания вскоре были забыты и жизнь обыденная, с ее мелочными заботами, с ее горем и радостями потекла своим обычным путем. Но в это время грозные тучи уже нависли на восточном небосклоне России: те самые враги, неотразимую силу которых русские незадолго перед тем изведали на берегах Калки, появились на Яике и нижней Волге. То были монголы, которые вскоре губительным потоком нахлынули на русскую землю. Рязань, Москва, Владимир и другие города мгновенно исчезли под их ударами и в какие-нибудь три месяца злополучного 1238 года вся Русь восточная покрылась трупами и развалинами, а год спустя та же участь постигла Русь юго-западную, Польшу и Венгрию. Страх и трепет объяли и всю остальную, германскую Европу; но – заслоненная Славянскою, она спаслась от гибели, по-видимому, неизбежной. Новгород и Псков также спаслись благодаря своему положению на дальнем севере, среди болот и топей. Но зато они подверглись опасности с другой стороны: на них с севера и запада устремились толпы фанатиков под знаменем св. креста, во имя веры и церкви католической.

Мы уже видели, что вследствие буллы Григория IX в Швеции собралось крестоносное ополчение, имевшее целью наказать отступников ямлян и окончательно утвердить над ними шведское владычество. Между тем пока шли приготовления к походу, пришла весть о бедствиях России, разгромленной татарами. Естественно, что эта весть побудила руководителей предприятия расширить первоначальный план его и двинуть ополчения прямо на Новгород; ибо теперь можно было рассчитывать, что Новгород не получит помощи от других русских княжеств и что он один, своими собственными силами, не устоит против многочисленной рати крестоносцев,

что он, следовательно, может быть легко покорен теперь или
что он будет по крайней мере вынужден отречься от своих
притязаний на Финляндию, и таким образом старинный спор
за обладание этой страной решится окончательно в пользу
Швеции и католицизма. Такие расчеты должны были казать
ся для шведов тем более вероятными, что одновременно и
быть может, по предварительному соглашению с ними реши
лись напасть на псковские и новгородские владения с запада
еще другие ревнители католицизма. То были германские
выходцы, которые уже во второй половине XII века мало
помалу почти незаметно начали утверждаться в Ливонии
сначала бременские купцы, занесенные бурей к устью Запад
ной двины (1159 г.), изведав выгоды торговли с туземцами
завели там свою контору; вскоре затем явились католические
миссионеры с крестом и евангелием, а для содействия им
в деле обращения упорных язычников время от времени на
чали появляться дружины кающихся рыцарей, желавших под
знаменем креста омыть грехи свои кровью ближнего; наконец
эти временные дружины заменились постоянным воинским
учреждением под названием ордена Меченосцев или Братьев
Христова воинства, возникшим здесь в самом начале XIII сто
летия, одновременно с основанием Риги – первого немецкого
города. Став таким образом твердою ногою на почве ливонии
и покорив южную часть ее по нижнему течению Двины, при
надлежавшую князьям полоцким, эти пришельцы вскоре об
ратили свое оружие на север и начали тревожить поколения
чудские, подвластные Новгороду. Хотя новгородцы нередко
наносили рыцарям жестокие поражения, однако последние
действуя постоянно на туземцев и напрягая все свои силы
достижению одной только цели, мало-помалу восторжество
вали над своими противниками и прибрали к своим рукам их
бывших данников. В 1224 году наконец и самый Юрьев
(Дерпт), служивший со времен Ярослава главным средото
чием русского господства в северной Ливонии, пал пред их
оружием, и – вся страна к западу от Наровы и Чудского озер
была потеряна для русских. Такие успехи подстрекнули ры
царей к дальнейшим предприятиям, которые, однакоже, были
для них гибельны: надеясь воспользоваться борьбой внутрен
них партий, столь обыкновенной в Новгороде и Пскове, они
в 1233 году в соединении с псковскими изгнанниками уже
захватили было Изборск, но были разбиты и прогнаны пско
витянами; а в следующем году за ту же дерзость были ещ

вторично наказаны князем Ярославом, который, предводительствуя новгородскими и переяславскими ополчениями, нанес им сильное поражение под Юрьевым и предписал условия мира; но еще ужаснейшее поражение потерпели они в 1237 году в походе на Литву, где погибла большая часть рыцарей вместе с их геррмейстером. Эти несчастья подвергли владычество немцев в Ливонии величайшей опасности, но в том же 1237 году последовало соединение ордена Меченосцев с другим, более могущественным орденом – Тевтонским, которым распространял тогда свое господство в стране пруссов, по южному берегу Балтийского моря. Этот союз обновил силы рыцарей Меча и прочнее прежнего скрепил их господство над Ливонией, а современные бедствия России и приготовления к походу на Новгород, производившиеся в Швеции, возбудили в них несомненную надежду на возможность раздвинуть свои владения еще далее насчет Пскова и Новгорода. – Таким-то образом эти два северные русские княжества, случайно спасшиеся от татарского погрома, подверглись одновременно величайшей опасности со стороны своих западных соседей.

Труден, но славен был для Новгорода 1240 год. О событиях этого достопамятного года летописец начинает сказание свое таким образом: «Пришли, – говорит он, – шведы в силе великой, с ними норвежцы, Сумь и Ямь; шведы с князем и епископами своими. И было их многое множество. Пришли они на кораблях в Неву и стали при устьи Ижоры, думая взять Ладогу, Новгород, – словом сказать, всю область новгородскую. Но еще преблагий и премилостивый человеколюбец Бог соблюл нас и защитил от иноплеменников...» В это время княжил в Новгороде юный и доблестный князь Александр Ярославич, отец которого был тогда великим князем Владимирским. Сведав о нашествии сильного врага, князь Александр не хотел дожидаться вспомогательного войска от отца своего, но, возложив надежду на помощь божию, тотчас двинулся в поход, и с одними только новгородцами и ладожанами стремительно ударил на стан неприятельский. Июля 15-го, в Воскресенье, на память св. Кирика и Иулиты завязалась на берегах Невы кровавая битва и шведы потерпели страшное поражение: множество пало их на месте, множество было изранено; «тут был убит и воевода их», – говорит летописец; «иные же сказывали, – прибавляет он, – будто и епископ также был убит». Разбитый враг уже не осмелился ждать

рассвета, но, отправив наперед два корабля с телами знатнейших из падших воинов и пометав все прочие трупы в одну огромную яму, поспешил в ту же ночь сняться с якоря и со стыдом бежал обратно [64].

Успешнее действовали сначала другие враги России – ливонские немцы. Пользуясь борьбой партий, раздиравшей Псков, и ведомые псковским изгнанником князем Ярославом Владимировичем, они захватили Изборск, разбили пришедших на выручку псковичей, гнали их до самого Пскова, выжгли посад и осадили город, опустошая, между тем, окрестные селения. Осажденные держались в продолжение недели, но между ними не было единодушия: какой-то Твердило Иванкович, как видно, глава сильной партии, неприязненной тогдашнему правительству, держал сторону врагов и принудил сограждан вступить с ними в переговоры. Псковитяне должны были выдать детей знатнейших граждан в заложники, принять к себе немецкий гарнизон и вручить правление изменнику Твердилу, который, господствуя во Пскове, начал с немцами опустошать новгородские селения. Но такими успехами немцы еще не удовольствовались. Зимою того же года они вместе с чудью вторглись в новгородские владения, покорили вожан, обложили их данью и в погосте Копорьи построили крепость. Отсюда начали они потом производить опустошительные набеги во все стороны и даже в расстоянии 30 верст от Новгорода били и грабили купцов и жгли селения; а по Луге отобрали у поселян всех коней и скот, так что с наступлением весны нельзя и нечем было пахать землю. Но что же новгородцы! Почему они не остановили дерзкого врага? Почему не поспешили спасти своих младших братьев псковитян от руки иноплеменников? – Новгородцы подобились тогда стаду без пастыря: у них не было Невского героя. Оскорбленный своеволием и непокорностью граждан, он вскоре после славной победы покинул неблагодарных и со всем двором своим удалился к отцу в Переяславль. Оставшись без князя, новгородцы не знали, что делать, а между тем опасность угрожала им отовсюду: кроме немцев и чуди, поднялись на них еще и хищные литовцы. В такой крайности они вспомнили о своем доблестном князе и послали к нему архиепископа с лучшими гражданами, умоляя помиловать виновных и поспешить на спасение. Александр явился и – все переменилось: новгородцы, ладожане, карелы, ижеряне – все бодро двинулись за своим любимым вождем; Копорский городок, постро-

енный немцами, исчез мгновенно, немецкий гарнизон его отправлен пленным в Новгород, а вожане и чудь, перешедшие к неприятелю, – были на страх другим изменникам, повешены. Потом, в начале 1242 года, когда брат Александров, князь Андрей Ярославич привел на помощь полки великокняжеские, Псков также быстро был исторгнут из рук неприятеля и Александр двинулся на Ливонию. Но немцы, видя опасность, собрали все свои силы, подняли всю чудскую землю и устремились навстречу; Александр отступил и построил свои полки на льду Чудского озера. Здесь 5-го апреля, в субботу произошла жестокая битва, названная в летописях *Ледовым побоищем.* Немцы острой колонной прорвали ряды русского воинства и уже мечтали о победе, но сильным ударом сбоку были приведены в расстройство и потерпели совершенное поражение: 400 рыцарей пало на месте, 50 было взято в плен, а чудь, обращенные в бегство, на пространстве семи верст усеяли путь по озеру своими трупами [65]. Эта блистательная победа озарила новой славой Невского героя. И вскоре спасенная им отчизна святой Ольги священным торжеством приветствовала своего избавителя, а Россия – удрученная бедствиями Россия с благоговейным восторгом внимала рассказам о его дивных подвигах, черпая в них утешение в своей скорби и отрадную надежду на лучшую будущность. Потомство прозвало Александра *Невским* за его первую славную победу, а церковь причла его к лику святых за благочестивую жизнь и мужественные труды, поднятые на защиту веры и отечества. Нетленные мощи его, покоившиеся во Владимире, Петр Великий перенес на берега Невы, где под охранением их святыни процвела юная столица России, и с того времени название *Невского* вдвойне приличествует святому ратоборцу.

Когда таким образом крепкие мышцы князя Александра и его героев в прах разбили все высокомерные замыслы врагов России и когда Швеция горьким опытом убедилась в своем бессилии поколебать Новгород и утвердить свое господство на берегах невы, то она снова обратилась к Финляндии. Там власть ее все еще колебалась и дела находились в опасном положении: ямляне, кроме немногих, преданных католицизму, все были непримиримыми врагами новой веры и упорно отстаивали свою независимость, истребляя повсюду шведских поселенцев и их заведения. Необходимо было принять решительные меры к совершенному покорению этих злобных врагов, чтобы обезопасить от их преследований новонасаж-

денную Церковь и положить прочное основание шведскому господству в Финляндии. Исполнение этого важного предприятия принял на себя ярл Биргер, близкий родственник короля и полновластный правитель государства. Снарядив значительный флот и собрав войско, воодушевленное ревностию к святому делу, он двинулся в путь летом 1250 года, и, достигнув Финского залива, высадился на берег, как говорят шведские известия – *в гавани Тавастцев*, которая, вероятно, находилась при впадении реки Кюмени, близ нынешней Котки, или крепости Свартгольма. Туземцы, узнав о нашествии, ополчились и храбро встретили врагов, но были разбиты и обращены в бегство. Повелев без пощады истреблять всех упорных язычников и оставлять жизнь только тем, которые немедленно примут крещение, Биргер преследовал бегущих и проник далеко внутрь их страны, где при одном озере соорудил укрепленный замок Тавастборг, существующий еще и поныне близ города Тавастгуса. Хотя пребывание его здесь продолжалось не более года, но оно было достаточно для окончательного покорения всей этой области, обитатели которой с тех пор уже не были более опасны для шведов [66].

Ни в это время, ни в последующие годы новгородцы не могли воспрепятствовать распространению шведского владычества в Финляндии, будучи озабочены отражением беспрерывных вторжений хищных литовцев и в особенности борьбою с властителями Ливонии. Последние после поражения на Чудском озере, мольбами склонив своих победителей к заключению мира, недолго однакоже хранили его условия: в 1253 году они опять напали на Псков и выжгли посад, но, встретив сильное сопротивление и сведав, что новгородцы идут на помощь к осажденным, сняли осаду и поспешно удалились. Тогда новгородцы, перейдя через Нарову, напали на их владения и, как говорит летописец, «сотворили всю волость их пусту», причем усердно помогали им и карелы, причинившие много зла Эстонии. В том же году новгородцы еще вторично, с другой стороны вместе с псковитянами вторгнулись в Ливонию, разбили рыцарей и предписали им условия мира [67]. Но между тем как рыцари открыто, с оружием в руках боролись с русскими, духовные власти Ливонии также оставались не в бездействии: они тайными путями стремились к своей цели, стараясь найти себе единомышленников между финскими подданными Новгорода и приобщить к своей пастве всех язычников, живших на невских побережьях. Булла папы Ин-

покентия IV от 19 марта 1255 года ясно свидетельствует, что эти поборники католицизма действительно успели уже, как они сами доносили папе, «обратить в христианство довольное число (modicam multitudinem) соседственных язычников». Обрадованный такими успехами архиепископ рижский уже причислил Ватландию, Ингрию и Карелию к своей духовной области и обратился к апостольскому седалищу с просьбой о дозволении поставить для этих стран особого епископа, на что и последовало от 3 августа того же года разрешение и благословение апостольского наместника [68]. Весьма вероятно, что архиепископ, вооруженный папским полномочием, немедленно приступил к исполнению своего намерения, и что он, следовательно, и был главным виновником обнаружившегося в следующем году покушения поставить крепость на реке Нарове в русских владениях, имея в виду утвердить здесь престол нового епископа. Исполнители же этого предприятия, упоминаемые в летописи «Свеи, Емь и Сумь, и Дидман с своею волостью», были, вероятно, только союзниками архиепископа, которые тем охотнее согласились содействовать ему, что видели в этом деле и собственные выгоды: для шведов весьма важно было отвлечь внимание новгородцев от Финляндии, а для Дидмана, если он, как вероятно, был датский вассал в Эстляндии, не менее важно было построением пограничной крепости обезопасить свои владения от вторжений новгородцев. Что же касается до рыцарей, о которых при этом случае не упоминается в летописи, то вероятно, что они, будучи тогда в мире с русскими и во вражде со своими духовными властями, и не участвовали в этом предприятии [69]. Итак, архиепископ рижский со своими союзниками вознамерился в 1256 году воздвигнуть крепость на Нарове с целью поставить здесь епископа для вожан, ижеры и карелов. Новгородцы, которые в то время были без князя, сведав о замыслах неприятеля, тотчас послали к своему доблестному защитнику, князю Александру Ярославичу, звать его с полками на помощь, а сами между тем начали по всей области собирать войско. Этих приготовлений было уже достаточно, чтобы устрашить врагов, которые не отважились ждать нападения, но сочли за лучшее удалиться заблаговременно. Таким образом, когда князь Александр в начале зимы прибыл в Новгород, то врагов уже не было на Нарове; тем не менее он, однако же, двинулся в поход, сопровождаемый митрополитом. Никто не знал, куда он идет; думали – на Чудь; но князь, дошед до

Копорья, простился с митрополитом и, напутствуемый его благословением, направился со своими полками и с добровольными охотниками из новгородцев на Ямь. Это был трудный поход по льду через Финским залив, в короткие зимние дни, среди вьюг и метелей; «шли, не видя ни дня, ни ночи, и многие погибли на пути», – говорит летописец. Наконец, преодолев все препятствия, войско вступило в страну Ями, где многих избило, других захватило в плен, и, отомстив таким образом туземцам и шведам за их поход к Нарове, возвратилось благополучно [70].

После этого проходит довольно долгое время, в продолжение которого летописи ничего не говорят ни о столкновениях между шведами и новгородцами, ни о походах последних на Финляндию; очевидно потому, что новгородцам в это время было не до шведов и некогда было думать о Финляндии. Кроме борьбы с ливонскими немцами, ознаменованной возвращением Юрьева (1262 г.), блистательной победой при Раковоре, или Везенберге (1268 г.), и вообще веденной победоносно, новгородцы всего более озабочены были частыми распрями с князьями и происходившими от того внутренними волнениями. Так, уже при князе Александре, в 1257 и 1259 годах в Новгороде господствовали сильные волнения по поводу перечисления жителей и обложения их ордынскою данью. Еще большие смятение обнаружились в княжение Ярослава, на которого в 1270 году поднялась вся область новгородская: псковичи, ладожане, карелы, ижера, вожане ополчились и стали за Новгород; только посредничество митрополита отвратило кровопролитие. Потом возгорелась вражда между князем Василием Ярославичем и племянником его Димитрием Александровичем, и еще ужаснейшая между последним и братом его Андреем. Преследуя друг друга, эти князья беспрестанно сменялись на престоле святой Софии и держали Новгород в постоянном волнении. Борьба их отразилась и на берегах Невы, где Димитрий поставил в Копорском погосте в 1280 году каменную крепость для хранения своей казны, равно как и для собственного убежища на случай опасности; но два года спустя эта крепость была срыта новгородцами в отмщение за нападение приверженцев князя на Ладогу, а в 1297 году опять возобновлена ими для обороны от неприятельских вторжений. Все эти обстоятельства, затруднительные для Новгорода, были в высшей степени благоприятны для шведов, доставляя им возможность беспрепятственно распространять свое гос-

подство в Финляндии. Нет сомнения, что они в это время уже проникли в Карелию, и часть ее жителей обратили в католическую веру; это ясно подтверждается внезапно обнаружившейся переменой отношений русских князей к карелам, которые доселе всегда были мирными и покорными данниками Руси и верными союзниками Новгорода, а теперь навлекают на себя гнев и мщение русских. Уже в 1269 году Ярослав Ярославич хотел идти на них войною, но по просьбе новгородцев отложил свое намерение, а в 1278 году новгородцы уже сами сопутствовали князю Димитрию Александровичу, который «со всею низовскою землею» ходил на Карелию. Летописец говорит, что князь «казнил Корелу и взял землю их на щит», т. е. карал их смертью и опустошением страны, как изменников, отпавших от русской власти [71].

Пользуясь все еще продолжавшимися неустройствами Новгорода и междоусобиями сыновей Александровых, шведы отважились, наконец, возобновить свои нападения на невские побережья. В 1283 году они (летописец называет их немцами) вошли Невою в Ладожское озеро и избили новгородских купцов, торговавших с обонежским краем. Между тем ладожане решились отрезать им обратный путь и стали в Неве, где и сразились с врагами; летописец, однако, не сказывает, чем кончилось дело. Кажется, впрочем, что враги не слишком пострадали, ибо в следующем году эти так называемые немцы явились вторично в лойвах и шнеках под предводительством воеводы, названного в летописи Трундом. Как и в предыдущем году, они прошли вверх по Неве в Ладожское озеро, чтобы взять вооруженною рукою дань на Карелах. В этот раз новгородцы с посадником Семеном и с ладожанами расположились в засаде при устье Невы и, дождавшись возвращавшихся с награбленной добычей неприятелей, нанесли им 9 сентября такое поражение, что только малые остатки их спаслись бегством [72].

Столь частые нападения шведов, кажется, должны были бы побудить новгородцев к принятию более действенных мер для безопасности своих владений; но надеясь на свою силу, они, как видно, считали достаточным наказывать своих врагов, нанося им каждый раз жестокие поражения и вознаграждая себя за понесенные убытки опустошением их владений в Финляндии. К сожалению, эта система возмездий, усиливая обоюдное ожесточение, способствовала только к продлению неприязненных действий без всякого решительного резуль-

тата. Так, в 1292 году удальцы новгородские с княжескими воеводами вотгнулись в Тавастландию и, повоевав страну, возвратились «все здрави», по выражению летописца; а за ними шведы в том же году в числе 800 человек проникли в Неву и, разделясь на две равные партии, бросились одновременно разорять берега Ингерманландии и Карелии. Однако им не поздоровилось: как ижерцы, так и карелы, не дожидаясь помощи новгородцев, храбро встретили грабителей и большую часть их положили на месте, а других забрали в плен [73].

Вероятно, что это с такими ничтожными силами и так необдуманно произведенное нападение, о котором притом ничего не говорится в шведских известиях, было предпринято без участия и содействия правительства, одними только шведскими поселенцами в Финляндии, в соединении, может быть, с туземцами, увлеченными жаждой мести за последний набег новгородцев; потому оно и не могло иметь другого, лучшего исхода. Но в следующем году уже само правительство выступило на театр действий и сооружением Выборгской крепости положило прочное основание шведскому господству в юго-западной Карелии. Виновником этого важного подвига был Торкель Кнутсон, который тогда при малолетнем короле Биргере стоял во главе правления с титулом государственного Маршалка (Marscalcus regni). Вооружив значительное войско и собрав все необходимое для успеха предприятия, он двинулся к берегам Карелии, где в углублении обширного залива немедленно приступлено было к сооружению крепости. Другим замечательным лицом, участвовавшим в этой экспедиции, был вестерский епископ Педер Элави, который, принудив большую часть окрестных карелов принять католическую веру и присягнуть королю шведскому, умножил ими число рабочих рук и тем так много содействовал к скорейшему сооружению этой крепости, что еще в том же году все главные части ее были окончены, и посему Торкель, с большею частью войска мог возвратиться в отечество, поручив главное начальство над оставшимися одному храброму вождю, которого имя, к сожалению, неизвестно, но который своими делами вполне оправдал оказанное ему доверие [74].

К счастью шведов, новгородцы не могли помешать им при возведении этой крепости, будучи в то самое время сильно озабочены нашествием татар, приведенных князем Андреем Александровичем, который, преследуя своего старшего брата, укрывшегося во Пскове, занял уже Волок и оттуда гро-

зил Пскову и Новгороду. Посему не прежде как склонив богатыми дарами татарского предводителя к отступлению и примирившись с князем Андреем, могли новгородцы подумать о шведах. Но это было уже в начале следующего, 1294 года; именно в начале великого поста Андрей сам прибыл в Новгород и, окончательно утвердившись на престоле святой Софии, поспешил отправить к «свейскому городу» князя Романа Глебовича Смоленского, Юрия Мишинича и тысячкого Андреяна с новгородцами. Но так как в то же время лучшие граждане вместе с посадником должны были отправиться вслед за своим князем в Торжок, где Андрей намеревался захватить в плен своего брата и тем положить конец многолетней борьбе, то число лиц, участвовавших в походе против шведов, было незначительно, и, когда они прибыли к Выборгу, гарнизон встретил их без страха, тем более что крепость была уже исправно вооружена и снабжена всем необходимым для выдержания осады. Несмотря на то, 10 марта во вторник на пятой неделе великого поста новгородцы храбро двинулись на приступ, но, встреченные градом стрел и камней, отступили, большей частью раненые. В том числе один из знатных граждан – Иван Клекачевич был ранен смертельно и умер вскоре по возвращении в Новгород. К большому несчастью осаждающих, ночью, вслед за неудачным приступом случилась оттепель: вода сильно разлилась под городом и возобновление приступа сделалось невозможным; к тому же и кони много терпели от бескормицы. При таких обстоятельствах нечего было делать, пришлось оставить шведов в покое и возвратиться без успеха [75].

По удалении русских шведы тотчас с величайшей деятельностью начали распространять свое господство в Карелии и в короткое время 14 приходов, или общин, обращенные к католицизму, подчинились их власти. Проникнув таким образом до берегов Ладоги, они, по сказанию шведской рифмованной хроники, овладели там Кексгольмом. Но едва только вождь их Сигге Лаке успел утвердиться в своем завоевании и отправить часть военнопленных в Выборг, как явились русские и после кровопролитного приступа взяли крепость обратно, истребив почти всех своих противников; только двое из них спаслись бегством, прочие же, в том числе и Сигге, пали под мечами победителей, которые употребили потом все средства, чтобы укрепить это место и сделать его на будущее время недоступным для шведов. – О взятии шведами Кексгольма

от русских и о скорой потере его упоминает и Олай Петри в своей хронике, но с этим не вполне согласно известие нов городского летописца, который под 1295 годом говорит: «По ставиша Свеа, с воеводою своим Сигом, городок в Корел Новгородци же шедше город разгребоша, а Сига убиша, не пустиша ни мужа» [76]. Это разногласие, в сущности не важное достаточно объясняется последующим известием того же ле тописца, помещенным под 1310 годом, именно: «В лето 6818 Ходиша Новгородци в лодьях и в лойвах в озеро, и идоша в реку Узьерву, и срубиша город на порозе нов, ветхый сме тавше» [77]. Отсюда видно, что еще до основания города Ко релы, ныпешнего Кексгольма, находилась на реке Вокше или Узьярве русская крепостца, неизвестно когда построенная и называвшаяся, вероятно, также Корелою, или Корельским городком, а у шведов известная под именем Кексгольма. Сле довательно, этот старый Кексгольм, вслед за основанием Вы борга, как утверждают шведские хроники, действительно мог быть взят шведами, хотя о том и не упоминается в русской летописи. Но вероятно также, что завоеватели нашли это укрепление недостаточным для своей цели и потому в 1295 году возвели подле него или поблизости, на более выгодном месте новую крепостцу, которая в том же году была взята и разрушена новгородцами. Что же касается до показания риф мованной хроники, что русские, взяв от шведов обратно свой город, сильно укрепили его, то здесь, очевидно, разумеется событие, случившееся уже 15 лет спустя, т. е. построение нов городцами в 1310 году на пороге, при устье Вокши нынешнего Кексгольма [78].

Весть о потере Кексгольма и истреблении находившегося там шведского отряда сильно огорчила королевского намест ника Торкеля, но не только не остановила его в стремлении к окончательному покорению Финляндии, но напротив, каза лось, побудила к мерам еще более решительным для достиже ния давно задуманной цели. Видя, что шведское господство даже и над южною Финляндией не может быть прочно, доко ле новгородцы будут иметь возможность беспрепятственно тревожить этот край внезапными набегами, он решился на подвиг чрезвычайно смелый – овладеть Невою, поставив на ней шведскую крепость с значительным гарнизоном, чтобы таким образом не только преградить новгородцам доступ в Финляндию, но и самую морскую торговлю их подчинить влиянию Швеции. Исполнение этого важного предприятия

было, однако, на время приостановлено, по случаю бракосочетания юного короля Биргера с дочерью датского короля Эрика V, по имени Мертою. Но тотчас по окончании свадебных пиров и празднеств, которые, по словам летописцев, превосходили пышностью и великолепием все, дотоле виданное и слышанное на Севере, – начались деятельные приготовления к походу; а в мае 1300 года под личным предводительством самого Маршалка двинулась в путь экспедиция, долженствовавшая нанести смертельный удар могуществу Новгорода. Но вот что говорит летописец новгородский об успехе этого предприятия.

«Того же лета (в 1300 году) придоша из замория Свеи в силе велице в Неву; приведоша из своей земли мастеры, и из великого Рима от папы мастер приведоша нарочит, поставиша город над Невою, на усть Охты реки, и утвердиша твердостию несказаньною, поставиша в нем порокы, похвалившеся оканьнии нарекоша его Венец земли; бе бо с ними наместник королев, именем Маскалка (Маршалк); и посадивше в нем мужи нарочитыи с воеводою Степем, и отъидоша, князю великому тогда не будущю в Новгороде.

В лето 6809 (1301). Приде князь великыи Андреи с полкы низовьскыми, и иде с Новгородци к городу тому. И приступиша к городу месяца Маия 19, на память святого Патрикия, в пяток пред Сшествием святого Духа, и потягнуша крепко; силою святыя Софья и помощью святою Бориса и Глеба твердость та ни во что же бысть за высокоумье их, зане всуе труд их без божиа повеления: град всят бысть, овых избиша и изсекоша, а иных извязавше поведоша с города, а град запалиша и разгребоша. А покои, Господи, в царствии своем душа тех, иже у города того головы своя положиша за святую Софью» [79].

С большей подробностью повествуют об этом событии шведские хроники, и хотя повествование их и не чуждо явных вымыслов и преувеличений, однако будучи в главных чертах согласно с беспристрастным сказанием русской летописи, оно представляет некоторые любопытные частности, заслуживающие внимания. По их рассказам, дело происходило так.

В Духов день, 1300 года, Торкель Кнутсон выступил из Стокгольма с отборным войском, на 1100 (по Эрику Олаю, на 1200) прекраснейших судах, изобильно снабженных съестными припасами, разного рода военными снарядами и всем необходимым для успешного выполнения его великого пред-

приятия. С такими средствами беспрепятственно вступил он в Неву, служившую целью похода; ибо здесь решился он сооружением пограничной крепости увенчать полторастолетние усилия шведов, направленные к завоеванию Финляндии, почему и самая крепость долженствовала получить громкое и, в отношении к завоеванной стране, справедливое название Ландскроны, (венец страны). Место для крепости избрано было чрезвычайно удобное, на небольшом мысу при впадении в Неву реки Охты, или Сварты, как она называется в шведских известиях. Кроме того, что эта местность, обтекаемая с юга Невой, с севера Охтой и, следовательно, достаточно защищенная самой природой, требовала меньших издержек и усилий при ее искусственном укреплении, она представляла еще и прекрасную пристань, ибо река имела здесь весьма достаточную глубину; так что суда могли становиться вплоть у самого берега, «борт к борту и корма к корме» – как сказано в хронике, не подвергаясь при том никакой опасности от бури. Итак, оставалось только высадиться на берег и, не теряя времени, приступить к делу.

Весть об этом сильно встревожила русских; они спешили вооружиться и, собрав судовую и конную рать, готовились дружно ударить на шведов, чтобы уничтожить их постройки в самом начале. Но последние вознамерились предупредить нападение и с этой целью отправили отряд из 800 человек на судах в Ладожское озеро, где, как слышно было, на одном острове собралась уже часть русского войска. Цель, однако же, не была достигнута, ибо страшная буря застигла на полпути шведскую флотилию и пригнала к берегам Карелии. Там, вытащив свои суда на сушу и таким образом спасшись от гибели, шведы тотчас принялись жечь селения, грабить и убивать мирных жителей и в течение пяти дней, пока свирепствовала буря, продолжали такую потеху. Наконец, когда озеро успокоилось, они поспешили в обратный путь, отказавшись от дальнейших поисков, ибо съестные припасы их были уже на исходе. На острове Ореховце нашли они свой передовой отряд и часть их остановилась там для усиления стражи, прочие же отправились далее к главному войску.

Но не успели еще оставшиеся на Ореховце отдохнуть после трудного плавания, как заметили на озере более 1000 ладей, направлявших путь свой прямо к острову. Тут нечего было думать, надлежало убраться как можно скорее, и шведы, сев на суда, пустились бежать вниз по реке. Русские, следуя за

ними, сделали из сухого леса плоты, огромные и высокие, как дома, зажгли их и пустили по течению, намереваясь поджечь ими суда, стоявшие при крепости. К счастью, шведы еще во время успели протянуть, как говорит хроника, под поверхностью воды цепь через реку, – и огненные батареи русских, задержанные этой преградой, сгорели без вреда для шведского флота. Между тем русские высадились на берег; по счету хроники, их было 31 000; ярко блестели их шлемы и панцыри, мечи и копья, озаренные солнцем, когда они приближались к крепости. В это время на стенах крепости возвышалось уже 8 башень с бойницами, а сторона, обращенная к полю, была сверх того защищена глубоким рвом, прорезывавшим пространство между двумя реками. Все это, однако же, не остановило русских, которые смело двинулись на приступ. Наибольшая опасность угрожала шведам на южной оконечности рва, где русские, несмотря на отчаянное мужество гельзингерцев, защищавших этот пункт, подошли к стенам и, подсаживая друг друга, отважно взлезали наверх. К счастью, на помощь к утомленным уже защитникам подоспели Матс Кеттильмундсон, Генрих фон Кюрлен, Педер Порсе и другие знаменитые рыцари, и после упорной схватки русские были выбиты из крепости. Тогда шведы, ободренные успехом, сами перешли ров и кровавый бой закипел на открытом поле; наконец русские отступили и засели в соседнем лесу, за крепкими завалами. За одним из таких завалов, при опушке леса виднелось более 1000 русских, которые в своих дорогих доспехах, ярко позлащенных лучами вечернего солнца, представляли зрелище, приятное для глаза. К ним-то, спокойно смотревшим на крепость, решился обратиться юный христианский витязь Матс Кеттильмундсон с предложением вступить с храбрейшим из них в единоборство. Облекшись в крепкую сталь, он сел на боевого коня и с копьем в руке гордо выехал на поле между крепостью и русским станом; но там он простоял до позднего вечера, тщетно поджидая противника: русские не приняли вызова, никто из них не чувствовал охоты потешить храброго паладина. «Хвалю сего мужа за его доблесть, и порицаю язычников, свольчь презренную!» – восклицает здесь, негодуя на русских, шведский поэт-летописец. На другой день еще до рассвета русские поднялись в обратный путь, предоставив шведам спокойно довершить свое дело.

Когда, таким образом, крепость была окончена постройкой, исправно вооружена и снабжена продовольствием – всеми

овладело страстное стремление на родину; посему и положено было главному войску изготовиться к обратному походу, а для охранения крепости оставить 300 человек гарнизона под начальством храброго рыцаря Стена. С шумной радостью двинулись в путь счастливцы и скоро достигли устья Невы но здесь противный ветер задержал их на несколько времени и это было несчастьем для соседней Ингерманландии, ибо храбрые рыцари, скучая бездействием, высадились на берег и пустились рыскать кругом, сжигая бедные хижины и убивая мирных жителей. Скоро, однако же, ветер переменился и прекратил их кровавую потеху: все поспешили на суда и около Михайлова дня благополучно достигли берегов родины.

Между тем для оставшихся в Ландскроне вскоре настали дни скорби и бедствий. В казармах и кладовых, построенных наспех и уже под осень, оказалась страшная сырость, от которой все припасы гнили и портились, а люди почти все заболели мучительной цингой и весьма многие умерли. В таком отчаянном положении некоторые из гарнизона уже поговаривали, что надо отправить вестника на родину и просить правительство о скорейшей помощи; но другие были противного мнения: «зачем огорчать знаменитого Маршалка», – говорил их начальник, стараясь утешить страждущих надеждой на помощь Божью. Весной сила болезни несколько ослабела и больные начали оправляться, но зато настала другая беда: явилось многочисленное русское войско, с которым соединились и карелы. Желая выманить шведов из крепости, русские сначала поставили главное войско в засаде и отправили мимо крепости к устью Невы около сотни рабочих, которые – как говорит хроника – начали там вколачивать сваи, показывая вид, будто хотят перегородить реку. Подстрекаемые любопытством шведы в числе 20 человек вышли посмотреть на их работу и уже попали было в западню, однако, к счастью, успели еще пробиться назад и возвратились в крепость, которую тотчас осадило все русское войско. Пользуясь огромным превосходством своих сил, русские день и ночь продолжали беспрерывный приступ, сменяя утомленные отряды свежими и не оставляя осажденным ни минуты для отдыха. К большему еще несчастью последних в крепости произошел пожар, – и всякая возможность к дальнейшему сопротивлению исчезла. Видя, что все главные пункты один за другим перешли во власть русских, и помышляя уже о собственной только жизни, воевода Стен положил было оружие... «Зачем огорчать

знаменитого Маршалка!» – с укоризною закричал ему в ту самую минуту Торкель Амундсон и, пронзив копьем неприятельского воина, тотчас был изрублен победителями. – Еще немногие из храбрых защитников, укрывшись в одном подвале, оборонялись с мужеством отчаяния; наконец и они положили оружие, когда русские, желая прекратить бесполезное кровопролитие, клятвенно обязались пощадить жизнь их. Затем крепость была сожжена и разрушена до основания и торжествующий победитель с добычей и пленниками двинулся обратно, оставив за собой дымящуюся груду безобразных развалин. Так пала знаменитая Ландскрона [80].

Если бы русские, пользуясь одержанной победой и страхом, наведенным ею на противников, тотчас ударили на Финляндию, то быть может, им удалось бы уничтожить не вполне еще утвердившееся там шведское господство и возвратить свои прежние владения, – и это тем вероятнее, что шведские поселенцы и гарнизоны, рассеянные в Финляндии, едва ли могли бы в то время получить деятельную помощь из Швеции, ибо там с 1304 года возгорелась между королем и его младшими братьями кровавая борьба, среди которой и знаменитый Торкель Кнутсон пал под секирою палача, после тринадцатилетнего мудрого правления. Но к несчастью, такие же междоусобия терзали и Россию. Враждуя между собою за престол великокняжеский и изгоняя друг друга с помощью монголов, князья русские давно уже отвыкли от внешних завоеваний, а без них и новгородцы не могли предпринять ничего важного. Довольствуясь тем, что уничтожили опасные замыслы шведов, они в 1302 году заключили мирный договор с Данией и тогда же начали ограждать свой город каменной стеной для защиты не столько от врагов иноплеменных, сколько от властолюбия самих великих князей, угрожавших постоянной опасностью вольному городу [81]. Эта опасность еще увеличилась, когда, по смерти Андрея Городецкого, великим князем сделался ближайший сосед Новгорода Михаил Ярославич Тверской. Между ним и новгородцами тотчас обнаружились несогласия. Последние особенно жаловались на его наместников, из коих один, какой-то Федор Михайлович, находившийся во Пскове, малодушно покинул свой пост при нападении ливонских рыцарей (1307 г.), и на пути ограбил селения в новгородской волости, а другой – Борис Константинович, сидевший в Кореле, своим грабительством возбудил общее озлобление туземцев и заставил многих из них бежать

к шведам [82]. Это-то обстоятельство, вероятно, и побудило новгородцев построить в 1310 году на месте прежнего городка новую крепость – нынешний Кексгольм при устье Вокши, о чем мы уже говорили выше.

Спустя 10 лет по разрушении Ландскроны новгородцы признали, наконец, возможным возобновить наступательные действия против шведов в Финляндии. «В лето 6819, – говорит летописец, – ходиша Новгородци воиною на немецьскую землю, за море, на Емь, с князем Дмитрием Романовичем, и переехавше море взяша первое Купецьскую реку, села пожгоша и головы поимаша, а скот изсекоша; и ту убиен бысть Костянтин Ильин сын Станимировича в загоне. Потом взяша Черную реку всю, и тако по Черной придоша к городу Ванаю, и взяша город и пожгоша, а Немци взбегоша на детинец – бяше бо место вельми сильно твердо, на камени высоце, не имея приступа ни откуду же, – и сослаша с поклоном просяще мира; Новгородци же мира не даша и стояша 3 дни и 3 ночи, волость труче, села великая пожгоша, обилие все потравиша, а скота не оставиша ни рога; и потом идуче взяша Кавгалу реку и Перну реку, и выидоша на море и придоша здорови вси в Новъгород» [83].

Столь жестокое опустошение Тавастландии, разумеется, возбудило в шведах жажду мщения: в 1313 году они произвели внезапный набег, вероятно из Выборга, в ладожское озеро и сожгли город Ладогу, воспользовавшись отсутствием посадника и граждан, которые, по словам летописца, «выехали в войну» куда-то; в следующем году им удалось возмутить многих карелов, которые перебили всех находившихся в Карельском городке русских и сдали город неприятелю. Но когда явились новгородцы, предводимые великокняжеским наместником Федором, то большая часть жителей, не причастных к злодеянию, тотчас передалась на их сторону, и потому город был возвращен без труда, шведы же и изменники карелы, захваченные победителями, были преданы смерти [84]. В 1317 году шведы опять ворвались в Ладожское озеро и побили много обонежских купцов, а в следующем году новгородцы ходили на шведов за море, в юго-западную Финляндию, взяли Абовский замок и другой, соседний замок, принадлежавший епископу, и, много воевавши, возвратились благополучно [85].

Но война со шведами была для новгородцев делом слишком неважным в сравнении с той внутренней борьбой, которая во все это время не умолкала между Москвой и Тверью

и в которой Новгород, для поддержания собственной самостоятельности, необходимо должен был принимать деятельное участие.

Неохотно признав Михаила Ярославича своим князем, однако с честью посадив его в 1308 году на престоле св. Софии, новгородцы вскоре изменили ему и, пользуясь его невольным продолжительным пребыванием в Орде, приняли сторону Юрия Даниловича Московского; но зато потерпели в 1315 г. от возвратившегося с татарскими полками князя Михаила жестокое поражение под Торжком и уже обязались было дорого заплатить за мир, который, впрочем, не состоялся, ибо на другой же год Михаил двинулся на Новгород. Новгородцы подняли теперь всю свою волость: псковичи, ладожане, рушане, карелы, ижера, вожане – все стали за Новгород и принудили Михаила к отступлению, которое сделалось гибельным для его войска, заблудившегося между озерами и болотами; но мирные предложения новгородцев были им все-таки отвергнуты. Между тем князь Юрий Московский, прожив три года в Орде, снискал милость хана Узбека, женился на его сестре и, получив ярлык на великое княжение, двинулся в 1318 году с татарскими полками на соперника. В 40 верстах от Твери произошла битва, в которой Михаил остался победителем, но к собственному своему несчастью; ибо за эту победу он на другой год кончил жизнь свою в Орде смертью мученика. Таким образом Москва, казалось, восторжествовала; но доколе доблестные сыновья Михаиловы княжили в Твери, Юрий Данилович не мог считать себя безопасным на престоле великокняжеском, а потому и старался поддержать к себе расположение новгородцев, чтобы при случае иметь в них верных союзников. В 1322 году он сам, по просьбе граждан, приехал в Новгород и тотчас занялся приготовлениями к походу, чтобы изгнать шведов из Выборга. Полученное в то самое время известие о неудачном нападении шведов на Кексгольм не только не остановило, но еще ускорило предприятие. Построив камнеметные орудия (пороки) и собрав значительное ополчение, новгородцы под предводительством самого великого князя явились под Выборгом и целый месяц продолжали осаду, громя стены 6-ю пороками; избили много шведов, других забрали в плен, некоторых повесили, однако прочно построенные стены противились всем их усилиям; произведенный ими приступ также не имел успеха и стоил притом жизни нескольким из знатнейших новгород-

цев [86]. Впрочем, отступление осаждающих, вероятно, вызван было не столько этою неудачею, сколько известием о переме не, происшедшей в то время в великом княжении: хан Узбек казнивший князя Михаила по наветам его врагов, вскоре убе дился в его невиновности и, справедливо разгневанный на князя московского, даровал великое княжение старшему сыну Михаилову Димитрию. Столь неожиданно лишенный пре стола, Юрий Данилович решился тотчас по возвращении из похода отправиться в Орду, чтобы умилостивить хана; но встреченный на пути братом нового великого князя, Александром Михайловичем, потерпел поражение и, потеряв казну и пожитки, только с немногими спутниками укрылся во Пскове. Оттуда новгородцы опять призвали его к себе, клятвенно обязавшись стоять за него против соперника. Дорожа таким расположением вольных граждан, князь Юрий, на досуге, снова занялся их внешними делами.

Неоднократные вторжения неприятелей Невою в Ладожское озеро давно уже указывали новгородцам на необходимость более действенных мер для защиты их владений, а потому, вероятно, опасаясь и теперь подобного же возмездия со стороны шведов за свой последний поход к Выборгу, они решились наконец, вместо нападения на врагов, как бывало прежде, исполнить сперва то, чего требовала их собственная безопасность: летом 1323 года, предводимые князем Юрием, новгородцы двинулись к Неве и при истоке ее из Ладожского озера на острове Ореховом основали крепость *Орешек*, или *Ореховец*, нынешний Шлиссельбург. Замечательно, что вместо ожидаемого нападения шведов по странному стечению обстоятельств сооружение этой крепости ознаменовалось в том же году заключением в стенах ее первого мирного договора между Россией и Швецией.

Почти уже 200 лет шведы и новгородцы боролись за обладание Невой и Финляндией, и доселе ни та, ни другая сторона не думала еще прекратить борьбу предложением мира; теперь же совершенно неожиданно «приехали, – говорит летописец, – великие послы от короля шведского и заключили мир вечный с князем и Новгородом по старой пошлине» [87].

Шведское посольство составляли Эрик Туресон (Бьёльке), Хемминг Эдгислесон, выборгский комендант Петр Ионсон и священник Видемунд; их сопровождали Людвиг и Федвер, купцы из Готланда. Договор был заключен от имени короля шведского Магнуса Эриксона с великим князем Юрием,

с его посадником Варфоломеем, с тысяцким Авраамом и со всеми новгородцами. По этому первому письменному договору, заключенному между Швецией и Россией, Швеции уступлены были в знак дружбы три карельские прихода, или общины (gislalagh): Саволакс, Яскис и Эвряпя. Границей назначалась черта, идущая от Финского залива вверх по Сестре реке, далее по реке Сяиоки, отделяющей приходы Раутус и Саккола от Валкьярви, потом по западной части нынешнего Кексгольмского уезда, и чрез озера Пуровеси, Оривеси и Юоярви в Куопиосской губернии, и наконец по восточной границе нынешней Улеоборгской губернии до норвежской границы. Далее было постановлено, чтобы купцы немецкие из Любека, Готланда и Швеции пользовались свободным и беспрепятственным проездом через Неву в Новгород и обратно, дабы шведы и их подданные, особенно же граждане Выборга не причиняли им, равно как и новгородским купцам, никакой обиды и насилия, ни на сухом пути, ни на море, и чтобы вообще для всех, едущих с мирной целью, как с той, так и с другой стороны путь был открыт повсюду; чтобы в Карелии не было воздвигаемо никаких новых укреплений – ни шведами, ни русскими; чтобы должники, изменники, рабы и вообще преступники, укрывающиеся на той или другой стороне, были обоюдно выдаваемы по законному требованию; чтобы шведы не приобретали себе в русской Карелии, равно как и русские в шведской никакой недвижимой собственности; чтобы шведы не помогали в войне жителям Нарвы, если последние не исправятся в винах своих перед великим князем и новгородцами, чтобы вследствие какой-либо ссоры, могущей возникнуть между шведскими и русскими подданными, мир между государствами не был нарушаем, но чтобы виновный сам отвечал перед законом. «Да наслаждаются миром, – говорится далее, – все новгородцы и все их города и земли, заключающиеся в означенных пределах, равно как и вся земля шведская и выборгская». Этот договор, утвержденный крестным целованием, заключили великий князь новгородский и все новгородцы с королем шведским, со всем королевством шведским и с Выборгом, 1323 года, сентября 12-го (feria secunda post nativitatem virginis). «А кто преступит крестное целование, – сказано в заключение, – того да накажет Бог и пресвятая Богородица» [88].

Внезапность заключения этого договора в то самое время, когда обе стороны готовились, по-видимому, к энергическому

www.aroundspb.ru

продолжению военных действий, равно как и первое, главней шее его условие, предоставляющее всем иноземным купца беспрепятственный путь в Новгород и обратно, и наконец ве роятное участие в переговорах самих ганзейских купцов, со провождавших шведское посольство, не оставляют, кажется никакого сомнения в том, что мир этот вызван был не столько потребностью в нем самих воюющих, сколько торговыми ин тересами могущественной Ганзы. Деньги во все времена уп равляли миром, и нет ничего удивительного, если торговая коалиция, имевшая в то время сильное влияние на дела евро пейского Севера, употребила все зависящие от нее средства чтобы принудить короля шведского и новгородцев к обоюд ной уступчивости в таком деле, от которого зависело ее соб ственное благосостояние.

Изобилие в произведениях всех царств природы, которым Провидение благословило Россию, и удобство сообщений че рез эту страну с отдаленной Азией сделали ее как бы новой Колхидою для прочей Европы, которая, как свидетельствуют исторические памятники, уже с давних времен состояла с нею в тесных торговых сношениях. Так, Дитмар Мерзебургский упоминает, что уже в начале XI-го века в Киеве обитало много датчан, а Адам Бременский говорит, что датчане в его время совершали поездку водою в Новгород иногда в четыре не дели [89]. Разумеется, если предпринимались такие отдаленные путешествия, то не с другой какой-либо целью, кроме тор говой. Существование в Новгороде и Ладоге католических церквей, о которых, как уже замечено, упоминают известия XII-го века, равно как и русской, православной церкви в горо де Визби на Готланде также ясно говорит о давней и тесной дружбе между северными купцами, особенно же между Нов городом и островом Готландом, служившем еще задолго до образования Ганзейского союза средоточием северной торговли.

Мы видели также, что в 1188 году новгородцы вследствие каких-то неудовольствий внезапно прервали свои торговые сношения с готландцами, и только по прошествии тринадцати лет, в 1201 году, возобновили с ними древние связи. К этому-то времени, вероятно, и относится дошедший до нас любопыт ный акт на латинском языке, в котором изложены все права и привилегии, какими готландские купцы, по исконному обы чаю, пользовались в Новгороде. Из этого акта видно, что рус ские считали Берко, или Бьёркё (Березовый остров) точкою,

с которой начиналась их морская граница; это однако же не значит, что отсюда начиналась действительная граница между Россией и Швецией: до основания Выборга граница русских владений в Финляндии простиралась по крайней мере до Кюмени, а может быть, и далее к западу. Но Бьёркё именуется в договоре как место, далее которого не простиралась ответственность русских за безопасность торговцев, потому что северный берег Финского залива от Або до Бьёркё усеян сотнями островов и скал, среди которых, особенно в случае кораблекрушения, мореплаватели легко могли сделаться жертвою насилия и хищничества береговых жителей, не вполне подчиненных власти Новгорода; берег же от Бьёркё до Невы представляет местность, совершенно открытую и без скал, так что здесь одни только песчаные отмели, при устьях Невы, могли угрожать опасностью неопытному мореходу. Посему-то Новгород, принимая под свое покровительство иноземных гостей, обязывался отвечать только за те обиды и несправедливости, которым они могли бы подвергнуться во время своего плавания от Берго до Новгорода, равно как и на обратном пути до означенного места.

Это обещанное покровительство принимало еще большую обязательную силу, когда купец достигал воды, называемой *Ни*, под которою, кажется, разумеется не только самая Нева, но и залив, лежащий при ее устьях, может быть, до самого Кронштадта. Здесь древний закон, утвержденный обычаем, принимал купца, потерпевшего аварию или кораблекрушение, под свою особенную защиту, строго запрещая грабить или иным образом обижать его, не повелевая, напротив, оказывать ему всевозможную помощь и пособие. По тому же постановлению иноземным купцам предоставлялось право пользоваться для своих потребностей лесом в пределах новгородских владений, как на пути в Новгород, так и обратно. Равным образом каждый купец мог беспрепятственно посылать в различные места России своих сыновей для обучения русскому языку, и сам также мог поселиться, где пожелает, для производства торговли. Такого рода торговцы, оставаясь в России на более продолжительное время, назывались зимними гостями, и, по своим правам и обязанностям, составляли, кажется, особое общество; те же, которые, прибыв летом и исправив дела свои, в том же году возвращались, назывались летними гостьми. Они также пользовались безопасностью и покровительством по древнему обычаю, как во время

пребывания в Новгороде, так и на пути туда и обратно. Сверх того упомянутый трактат содержит в себе еще много других льгот и преимуществ, предоставленных иноземным купцам в Новгороде, и оканчивается словами: «точно такими же правами, какие готландские купцы испросили себе у новгородцев, должны и новгородские пользоваться в Готландии» [90].

Что же касается самого фарватера от Бьёркё до Невы, то он отличался от нынешнего: суда шли обыкновенно вдоль левого берега залива, мимо деревень Сейвисто, Инно и Ваммельсуо в Новокиркском приходе; потом, проехав деревню Лахту, входили в большую Невку по северной стороне Крестовского острова (где в XVII веке была устроена таможня), и мимо Аптекарского острова (Korpi saari) вступали наконец в большую Неву. Нынешний же фарватер стал входить в употребление только со времени шведского владычества над Ингерманландией, когда как этот, так и прежний фарватер были промерены шведскими инженерами. Оба они подробно показаны на составленной в 1701-м году карте (см. «Атлас» к Истор. Невы и Ниэнш.).

Теми же правами и льготами, какие издавна предоставлены были в Новгороде готландцам, пользовались впоследствии и все города Ганзейского союза, образовавшегося около половины XIII века. Контора этого союза, учрежденная в Новгороде, считалась одной из важнейших по обширности своих торговых оборотов, а по времени основания была древнее Бригской, Лондонской и Бергенской, обязанных ей своим существованием. Все торговые заведения и лица, подведомственные этой конторе, пользовались особенным покровительством новгородцев, которые с величайшею заботливостью смотрели за неприкосновенностью прав и личной безопасности своих иноземных гостей, не дозволяя даже и самим князьям своим оскорблять их безнаказанно или нарушать в чем-либо свободу их торговли. Так, когда в 1270 году обнаружилось решительное восстание против Ярослава Ярославича, то, между прочими причинами неудовольствия новгородцы указывали, как на одну из важнейших, что князь стесняет живущих в Новгороде иноземцев, заставляя их выселяться или выводя насильно из города: когда же эта распря, продолжавшаяся, кажется, целое лето, была прекращена посредничеством митрополита, то Новгород торжественно обязал своего князя новой договорной грамотой отказаться от всякого прямого и непосредственного участия в иноземной торговле: «а в Немеч-

ком дворе, – говорится в грамоте, – чтоб торговати нашею братиею, а двора ти не затворяти, а приставов ти не приставливати» [91].

В это же время, в начале 1270 года, великий князь Ярослав вместе с посадником Павшею, с тысяцким Ратибором, со старейшинами и со всеми новгородцами заключили мир с немецкими и готландскими послами и подписали новый договор, которым торговые права и льготы, кажется, впервые официально распространены были на всех членов Ганзейского союза, т. е. на всех «немецких сынов и Готландцев и всех латинских языков» – как сказано в договоре. Этот договор, уцелевший в пергаментной рукописи на нижне-немецком наречии, хранящейся в ганзейском архиве города Любека – по своему содержанию вообще сходен с предыдущим латинским трактатом, хотя, впрочем, и уклоняется от него в некоторых пунктах. Так, между прочим, по этому акту новгородцы принимают на себя ответственность за безопасность своих гостей не от Бьёркё, а только на пути их от *Кетлингена* (Ketlingen) в Новгород и обратно до означенного места, и притом слагают с себя и эту ответственность в таком случае, если гость отправится для торговых дел в Карелию, и если там что-либо с ним приключится. Равным образом здесь постановлено, чтобы пойманный в воровстве между Кетлингеном и Ладогою (Aldagen) был привезен в Ладогу, и там судим по его закону; пойманный же между Ладогою и Новгородом должен быть, также по его закону, судим в Новгороде. Следовательно, иноземные купцы за учиненные против них на пути преступления не могли сами судить и наказывать виновных. – Что касается до упоминаемого здесь *Кетлингена*, то покойный академик Круг, основываясь на «Древней Российской Идрографии», доказал уже, что под этим именем должно разуметь нынешний Кронштадтский остров, который в старину назывался *Котлин* остров, и по имени которого и все восточное углубление Финского залива, начиная от устья Наровы до Выборга, называлось *Котлино* озеро [92].

Но если на основании договорных грамот иностранные купцы пользовались совершенной безопасностью во владениях новгородских, то не таково было их положение на пути по Финскому заливу до Котлина, или Кетлингена, равно как и обратно отсюда на родину. Не говоря о естественных несчастьях, которые и в настоящее время случаются здесь чаще, нежели на других водах, мореходы нередко подвергались на

этом пути опасности от хищничества прибрежных обитателей, все еще не покидавших своего древнего ремесла пиратов; притом же и само шведское правительство, стараясь подчинить своему влиянию или вовсе уничтожить морскую торговлю Новгорода, с явной неприязнью смотрело на участие в ней купцов других наций. Это в особенности почувствовали немецкие купцы с того времени, когда шведы, построив Выборг, стали отсюда открыто нападать на иностранные торговые суда, шедшие в Новгород или возвращавшиеся оттуда. Потому-то город Любек должен был обратиться к римскому императору и, по его ходатайству, получил от короля Биргера особую охранную грамоту от 4 марта 1295 года, сроком на один год для беспрепятственной торговли с Новгородом. Подобную же королевскую грамоту испросили себе любские купцы и в 1303 году сроком также на год и притом с условием, чтобы они не провозили к русским оружия, железа, стали и не имели с собою никаких железных и стальных изделий, кроме тех, какие необходимы для их собственного употребления. – Вероятно, последовавшие затем обстоятельства не дозволили уже королю Биргеру возобновить этой грамоты; ибо с 1304 года между ним и его младшими братьями, герцогами Эриком и Вальдемаром возгорелась междоусобная война, в которой король сперва, вероломно захваченный в своем замке, был низложен с престола, а потом, восстановленный по договору в 1310 году, принужден был довольствоваться только третьей частью своих владений, уступив две трети, в том числе и Финляндию, своим враждебным братьям. Посему новая охранная грамота, которую получили купцы по просьбе любекского магистрата в 1306 году, была выдана уже от имени герцогов, управлявших тогда государством. Наконец, в 1312 году эта грамота была заменена постоянной привилегией, в силу которой всем купцам на все предбудущее время предоставлялось право свободного и беспрепятственного проезда со своими товарами через Неву в Новгород и обратно, и вместе с тем предписывалось, чтобы купцам – в случае кораблекрушения или других несчастий, могущих случиться на пути или во время стоянки на Неве – не было делаемо никаких обид и насилий, но чтобы им, напротив, оказываемо было всевозможное пособие, и чтобы все спасенное имущество было возвращаемо пострадавшему хозяину или, в случае его смерти, законным наследникам. Из этого видно, что правители Швеции, несмотря на неудачную попытку построением Ландскроны утвер-

диться на берегах Невы, все-таки считали себя как бы владе-
телями этой реки, и что там иностранные купцы, при проезде
в Новгород, действительно имели временную стоянку. Это
подтверждается, впрочем, и другим позднейшим известием,
а именно: когда в 1597 году Гамбург старался восстановить
свои права на торговлю с Новгородом, то при этом случае
упоминается, что в прежнее время купцы имели позволение, в
случае надобности, строить на берегах невы складочные
места для своих товаров [93].

Но такие охранные грамоты и привилегии, даваемые ни-
чтожными, враждующими между собой властителями, едва
ли могли иметь какое-либо значение, особенно среди беспре-
станно возобновлявшейся борьбы между шведами и новгород-
цами. Если последние, в виду собственной пользы, благопри-
ятствовали иноземным купцам, то первые, уже потому самому,
должны были смотреть на них неприязненно и всячески пре-
пятствовать их сношениям со своими врагами. Со своей
стороны и новгородцы, без сомнения, уже не с прежним рас-
положением встречали старейших друзей своих готландцев,
видя в них подданных враждебной им державы. Таким обра-
зом вероятно, нередко проходили годы, в которые ни новго-
родские, ни ганзейские купцы не смели пускаться в путь со
своими товарами, и торговое движение на Неве и в Финском
заливе вовсе прерывалось. Но если такое положение могли
еще сносить воюющие державы, жертвуя своими торговыми
выгодами усилившемуся чувству взаимной ненависти или
политическим расчетам, то оно решительно противоречило
интересам нейтральной Ганзы, для которой безопасность мо-
реплавания, свобода и неприкосновенность торговли были
предметом первой необходимости. Посему чтобы упрочить и рас-
ширить свою торговлю, она должна была употребить все свое
влияние для примирения России со Швецией, и хотя о ее по-
средничестве между ними не сохранилось прямых известий,
но едва ли мы ошибемся, если скажем, что мир в Ореховце
был делом этого могущественного союза.

www.aroundspb.ru

Глава 5

ТЕ ЖЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЯЗИ С ОТНОШЕНИЯМИ НОВГОРОДЦЕ К ВЕЛИКИМ КНЯЗЬЯМ МОСКОВСКИМ И ЛИТОВСКИМ, А ТАКЖЕ К РЫЦАРЯМ ЛИВОНСКИ ДО ИСХОДА XV-го ВЕКА

Заключение Ореховского договора было по следним политическим действием князя Юрия Данилович который в следующем году в надежде воротить утраченны престол великокняжеский отправился в Орду и там погиб о руки непримиримого врага своего, князя Димитрия Тверског Вскоре и враг его был казнен за самоуправство по повелени Хана, а брат казненного, Александр Михайлович, хотя и полу чил престол великокняжеский, но не надолго: спустя два год гонимый гневом ханским за безрассудное избиение татар в Тв ри, он бежал во Псков и оттуда в Литву, – и княжество ег страшно опустошенное татарами, навсегда утратило значен первенствующего владения в земле русской. С этого времен с 1328 года, борьба за достоинство великокняжеское, столь дол раздиравшее русскую землю, прекращается; спорное достои ство переходит к князю московскому Иоанну Данилович Калите, и делается наследственным достоянием его Дом Москва является первенствующим городом, средоточием сев ро-восточной руси, и мало-помалу подчиняет своему влияни прочие удельные княжества, которых владетели, устрашенны участью Твери, не смеют уже противиться князю московском сильному не столько собственными средствами, сколько мил стью и доверием к нему хана Узбека. Подкрепляя все сво распоряжения волей хана и духовной властью митрополи всея Руси, Иоанн Калита решительно требует уже повинов ния от князей удельных, водворяет в Руси тишину, порядо спокойствие, и, усиливая всеми средствами свое наследстве ное княжество, явно стремится к утверждению единодержави которое действительно, с каждым поколением, приобретает в большую и большую крепость.

Столь важный переворот, произведенный политикой Калиты в судьбе восточной Руси, угрожал Новгороду величайшей опасностью. Доселе этот вольный город, в течение почти двух веков постоянно угрожаемый самовластием великих князей, всегда находил себе защитников между князьями удельными и, пользуясь княжескими междоусобиями, не только спасал свою независимость, но даже стеснял нередко власть князей, увеличивая свои права и льготы. Но теперь, когда Иоанн Калита в 1329 году прибыл в Новгород, окруженный целым сонмом князей удельных, новгородцы не могли не убедиться, что ни один из этих князей не будет уже их защитником, в случае разрыва с Москвою, и что Москва стала для них гораздо опаснее Твери. Хотя Иоанн, с честью посаженный на престол святой Софии, сначала и утвердил прежние договорные грамоты, обязуясь держать Новгород по старине, но прошло не более трех лет, как отношения изменились: в 1332 году, возвратясь из Орды, великий князь неожиданно объявил свой гнев новгородцам, потребовал от них «серебра закамского» и, в виде залога, захватил Торжок и Бежецкий Верх, а в следующем году сам, сопровождаемый князьями низовскими и рязанскими, явился в Торжке, вывел из Новгорода своих наместников и начал разорять волости новгородские. Тщетно напоминал ему Новгород о крестном целовании, звал его к себе, молил о мире, даже предлагал 500 рублей за мировую, – Иоанну нужно было больше: он мира не дал, и снова отправился к хану [94]. Уступить столь явному насилию – значило показать свою слабость и подать повод к дальнейшим притязаниям; посему Новгород решился остановить самоуправство Москвы в самом начале и нашел к тому верное средство.

Переворот, отчасти подобный произведенному Калитою, совершился в начале XIV века и в юго-западной Руси: литовский князь Гедимин в немногие годы (с 1315–1321) силой оружия, еще более искусной политикой соединил под своей верховной властью все древние княжества юго-западной Руси, обессиленные междоусобиями и набегами татарскими. В 1321 году после блистательной победы при Ирпени он с торжеством победителя вступил в Киев и, приняв титул великого князя Литовского и Русского, сделался обладателем государства сильного, самостоятельного, не подвластного монголам, и грозного для всех соседей. Вскоре затем влияние его распространилось и на Псковское княжество, где под его

покровительством спокойно княжил любимый псковитянами тверской изгнанник, князь Александр Михайлович, дочь которого впоследствии вступила в супружество с Ольгердом, сыном Гедиминовым. С этим-то сильным властителем литовским решился сблизиться и Новгород, утесняемый Москвою. Не знаем, как и на каких условиях совершилось это сближение, но кажется, что посредником при этом был непримиримый враг Москвы, князь Александр Тверской, а главным действователем со стороны новгородцев их деятельный архиепископ Василий; ибо летописец, рассказав, что владыка Василий после неудачных переговоров с Калитою в Переяславле, тотчас по возвращении оттуда, отправился во Псков, где крестил новорожденного сына Александрова Михаила, – вслед затем сообщает известие, что в том же (1333) году Бог вложил в сердце князю литовскому Наримонту, нареченному в крещении Глебу, сыну великого князя Гедимина, поклониться святой Софии, и что новгородцы отправили к нему на встречу посольство, приняли его с великой честью и, утвердившись обоюдно крестным целованием, «дали ему и детям его в отчину и в дедину Корельск со всей русской Карелией, Орехов, Ладогу и половину Копорья» [95]. Как видно, новгородцы расчитывали, в случае войны с Москвою, иметь в Наримонте храброго предводителя, а в отце его сильного союзника; но дело не дошло до войны, ибо Иоанн тотчас переменил свою тактику: в 1334 году он уже с любовью принял новгородское посольство, сам приехал в Новгород, обласкал граждан, весело пировал у них на Маслинной, а в следующем году, после вторичного посещения и столь же радушного приема, пригласил владыку, посадника, тысяцкого и знатнейших бояр к себе в Москву, где роскошным пиршеством отблагодарил их за угощение; о прежних же притязаниях не было уже и помину [96]. Таким образом, приняв к себе Наримонта, Новгород вполне достиг желаемой цели – остановил самоуправство князя московского. И хотя Иоанн, нуждаясь в деньгах, впоследствии и возобновлял свои требования, но, видя твердость граждан и опасаясь их связи с Литвою, уклонялся от явного разрыва.

Если же новгородцы, призвав Наримонта и отдав ему во владение места, прилежащие к Неве и Финскому заливу, имели в виду, кроме устрашения Москвы, еще и другую цель, – если они, как вероятно, надеялись найти в нем, на случай войны со Швецией, храброго защитника своих границ, то они

ошиблись; ибо этот сын Гедиминов, видно, не слишком дорживший полученным подарком и, может быть, мечтавший о престоле святой Софии, вскоре уехал к отцу, вероятно, недовольный тем, что Новгород примирился с Иоанном. – Между тем мир со швецией, заключенный в Ореховце и названный *вечным*, продолжался не более 14 лет, и был нарушен вследствие восстания, происшедшего в русской Карелии. Зимой 1337 года карелы, призвав на помощь немцев, т. е. шведов, перерезали русских купцов – новгородцев и ладожан и других последователей православной веры, находившихся в Корельске, потом бежали в Выборг, где тоже продолжали гнать и истреблять всех принадлежавших к православной церкви [97]. Язычники ли, или католики были эти карелы, и что было причиной их озлобления на православных неизвестно. Можно догадываться, что все это было делом католического духовенства, которое всегда отличалось духом религиозной нетерпимости и нередко прибегало к фанатизму толпы для достижения корыстных мирских целей, для распространения своего господства. Но может быть также, что это кровопролитие было следствием перехода Карелии под власть Наримонта, т. е. может быть, этот новообращенный христианин и поставленные им волости, увлекаясь религиозной ревностью, прибегли к каким-либо насильственным мерам при обращении туземных язычников, и тем возбудили общую ненависть к себе и ко всем русским, хотя последние никогда не дозволяли себе насилия в делах веры. Как бы то ни было, но это событие, в котором участвовали шведы, принявшие потом мятежников под свою защиту, было явным нарушением мира и должно было вызвать новую войну со Швецией.

Весной следующего (1338) года новгородцы с посадником Феодором двинулись в Неву и, став под Ореховым, отправили к шведскому правителю Выборга, по имени Стену, требовать объяснения и выдачи преступников. Хотя посольство не имело никакого успеха, однако новгородцы, все еще воздерживаясь от неприязненных действий, возвратились домой; а между тем шведы с мятежными карелами разорили Обонежье и внезапно явились под Ладогою, где сожгли посад, не взяв однако города. Тогда жажда мести овладела новгородцами: собрались охотники из удалой молодежи и тотчас устремились к Выборгу. Не трогая самого города, они опустошили его окрестности на огромное пространство кругом: выжгли посевы, перерезали скот, истребили все, чего не могли взять

с собой, и, обремененные добычей и пленниками, возвратились благополучно. Вслед затем шведы из Выборга, ища возмездия, напали на Толдогу, оттуда бросились на Водскую землю и к Копорью, но нигде не имели успеха, ибо против них были приняты меры предосторожности: жители Копорья, предводимые Федором Васильевичем, несмотря на свою малочисленность, смело ударили на врагов и нанесли им окончательное поражение; «князь же Наримонт, – прибавляет летописец, – находился в Литве, и хотя за ним неоднократно посылали, однако он не явился; напротив, вывел еще и сына своего Александра из Ореховца, оставив там только наместника» [98].

В том же году зимою прибыли в Новгород послы из Выборга от нового воеводы, по имени Петрика, и объявили, что король шведский искренно желает соблюдать мир с Новгородом и сожалеет о случившемся кровопролитии, виновником которого был воевода Стен, действовавший без воли и ведома короля, по собственному произволу. Тогда новгородцы послали двух уполномоченных Козьму Твердиславича и Александра Борисовича, которые заключили, вероятно, в Выборге, с упомянутым Петриком новый договор, во всем согласный с прежним, утвержденным в Орехове. Только касательно бежавших к шведам карелов, названных в летописи «Кобылитьскою Карелою», выдачи которых, как изменников, требовал Новгород, положено было договориться с самим королем. Посему в следующем году те же уполномоченные вместе с другими, в числе которых был и племянник архиепископа, именем Матвей, отправились морем в Швецию и оттуда к королю в Норвегию. Там король утвердил договор «по старым грамотам в городе Людовли» – как сказано в летописи; о Кобылитьской же Кареле сказал: «Если наши перебегут к вам, то казните их или вешайте, а если ваши придут к нам – мы поступим с ними так же, дабы такие перебежчики не нарушали вперед мира между нами; а этих Карелов не выдадим, потому что они крещены в нашу веру, да немного их и осталось, ибо почти все они уже померли, постигнутые гневом Божиим» [99].

Но если в этот раз мир с Новгородом и был самовольно нарушен правителем Выборга, как говорили шведы, то лет десять спустя уже сам король нарушил его своим безрассудством и возжег новую войну, бедственную для истощенной Швеции.

Мы уже упоминали о кровавых междоусобиях, раздиравших Швецию в царствование Биргера. Низложенный с престола своими братьями и потом принужденный разделить с ними государство, этот коварный король воспользовался наконец их доверчивостью и, лестью заманив к себе, уморил их голодной смертью в темнице; но тем самым возбудил ожесточенное восстание подданных и вскоре сам кончил жизнь свою изгнанником в Дании. Тогда на престол вступил, в 1319 году, его малолетний племянник Магнус Эриксон, по прозванию Смек, который по смерти Гакона Норвежского, своего деда по матери, получил и корону Норвегии. Но этому королю было только три года отроду; посему, до его совершеннолетия, правителем Швеции, с титулом Маршалка, сделался Матс Кетильмундсон, – тот самый, который еще юным рыцарем, по сказанию рифмованной хроники, прославился своей отвагой при сооружении Ландскроны. Заключение мира с Россией в Ореховце было одним из первых благоразумных распоряжений нового правителя, который, приняв государство совершенно растерзанное междоусобиями, разумеется, и думать не мог о каких-либо внешних, воинских предприятиях. Поддерживая мир и дружбу со всеми соседями, особенно же с могущественной в то время Ганзой, он обратил все свое внимание на внутреннее состояние государства: оживил торговлю и промышленность, умножил королевские доходы, выкупил заложенные коронные имения и вообще возвысил благосостояние народа, который благословил память мудрого правителя, умершего в 1337 году.

По смерти его все опять изменилось. Король Магнус, достигший двадцатилетнего возраста, сам принял кормило правления и, окружив себя юными, неопытными советниками, принялся строить воздушные замки. Крестовые походы, несмотря на папские воззвания, никогда не возбуждали особенного энтузиазма на скандинавском Севере, теперь же сочувствие к ним совершенно угасло уже и в западной Европе; но Магнус задумал было стяжать славу христианского витязя освобождением Гроба Господня. Вскоре, однако же, эта сумасбродная фантазия сменилась другою, в том же роде: русские у ослепленных фанатизмом католиков слыли язычниками или, еще хуже – еретиками; посему обратить их силою оружия в недра истинной, католической церкви – казалось для короля делом столь же богоугодным, как и борьба с турками за святыню христианства. К тому же это предприятие, которое,

казалось, легче было исполнить, могло доставить более су
щественные выгоды и – не меньшую славу. Итак, начали
приготовления к походу: из датчан, голштинцев и других на
емников собрано было многочисленное войско, на верност
и дисциплину которого, однако же, невозможно было пола
гаться, а между тем содержание его стоило огромных сумм
было тем более тягостно для государства, что и старые долг
сделанные также для найма иноземных ратников во врем
предшествовавших междоусобий, еще не все были уплачен
Набор этого своевольного иноземного войска возбудил
Швеции всеобщее неудовольствие; – тщетно, однако же, свя
тая Бригитта, известная в то время своими пророчествам
убеждала короля удалить этот развратный сброд иноземце
и положиться на Бога и собственное войско, или остаться луч
ше дома, угрожая в противном случае несчастьями и позором
Ни убеждения, ни угрозы ее не в силах были преодолеть е
упрямство, он только смеялся над ее зловещими предсказа
ниями; но последствия их оправдали [100].

В 1348 году Магнус предпринял поход во главе много
численной иноземной рати, которую, может быть не без осно
вания, шведские хроники обвиняют во всех несчастьях этог
похода. Остановившись при острове Бьёркё в удобной и спо
койной гавани, король отправил посольство к новгородцам
повелев сказать им: «пришлите на съезд своих философо
а я вышлю своих для состязания о вере, чтобы узнать, котора
вера лучше – ваша или наша; если ваша окажется лучшей
я пойду в вашу веру, если же наша, то вы ступайте в наш
и будем все как один человек; если же вы не захотите идт
в единоверие с нами, то приду на вас со всею моею силою
На такое странное предложение архиепископ, посадник, ты
сяцкий и все новгородцы, посоветовавшись между собой, бла
горазумно отвечали королю: «если желаешь узнать, кака
вера лучше – наша или ваша, то пошли в Царьград к патриар
ху, ибо мы приняли оттуда, от Греков, истинную православ
ную веру, и с тобою про веру спорить не станем; если же теб
учинена от нас какая обида – объяви: шлем к тебе послов дл
совещания». Послами назначены были тысяцкий Авраам
Козьма Твердиславич и несколько других бояр, которые от
правились к королю на остров Бьёркё и передали ответ новго
родцев. «Обиды мне от вас нет никакой, – отвечал им ко
роль, – но я хочу, чтоб вы пошли в мою веру, а не то – иду н
вас со всею моею силою». Посланные возвратились и запер

лись в Ореховце: вслед за ними явился и король со всем своим войском, осадил крепость, и в то же время начал крестить ижерян, а на тех из них, которые противились, отправил воинские отряды.

Узнав об этом, новгородцы тотчас отправили на помощь к ижерянам небольшую передовую дружину под начальством Никифора Лукинича, Якова Хотова и Михайла Феофилактова, которые побили до 500 человек шведов, других забрали в плен, наказали изменников и возвратились благополучно, потеряв только трех человек убитыми. Между тем собиралось главное войско: новгородцы, часть псковичей, новоторжцы и вся волость новгородская соединились и под предводительством посадника Федора Даниловича и наместников великого князя двинулись в Ладогу, а самому великому князю Симеону Иоанновичу послали сказать: «иди, князь, оборонять свою отчину, ибо на нас идет король шведский, преступив крестное целование». «С радостью иду к вам», – отвечал князь; однако собрался не скоро, и, не дошед даже до Новгорода, с дороги воротился в Москву; а в Новгород вместо себя послал брата своего Иоанна, который также не принял никакого участия в деле. Между тем 6 августа Магнус взял Ореховец; даровал, однако, свободу всем его защитникам, кроме тысяцкого Авраама, Козьмы Твердиславича и восьми других бояр новгородских, которых объявил своими пленниками, и затем, оставив часть своего войска в завоеванной крепости, возвратился с главными силами в Швецию, вынужденный к тому, вероятно, своеволием своих наемников и недостатком продовольствия.

Получив известие о взятии Ореховца шведами, брат великого князя, Иоанн, тотчас отправился из Новгорода обратно в Москву, «не прияв владычьня благословения и новгородского челобития» – как говорит летописец. Оставленные таким образом Москвою, оставленные вскоре затем и своими братьями псковитянами, новгородцы, однако же, не упали духом: осенью того же года они осадили Ореховец; всю зиму до начала великого поста простояли под его стенами и, наконец, на Федоровой неделе, во вторник на рассвете 24 февраля (следующего 1349 январского года) овладели крепостью. Шведский гарнизон, находившийся в Ореховце, был частью изрублен, частью взят в плен победителями, которые, поставив там свою дружину под начальством Якова Хотова и Александра Борисовича, с торжеством возвратились в Новгород [101].

Шведские хроники, в сущности согласные с этим достоверным сказанием новгородского летописца, присовокупляют еще, что король Магнус, по взятии Ореховца, освободил знатнейших пленников, взяв с них клятвенное обещание – доставить ему много золота и серебра, т. е. внести богатый выкуп за себя и уговорить прочих своих соотечественников к принятию католицизма: что он, тщетно ожидая потом исполнения этих условий, без пользы потерял только время и дал врагам возможность собраться с силами; что русские призвали к себе на помощь литовцев и татар, стеснили его со всех сторон и наконец совершенно заперли в какой-то реке, со всем его флотом; что из этого затруднительного положения король спасся только тем, что приказал прокопать канал, по которому флот его будто бы прошел из реки в море [102].

За такое вероломное нарушение недавно заключенного мира новгородцы решились искать возмездия и в 1350 году, предводимые сыном великокняжеского наместника Бориса, тысяцким Иваном Федоровичем и воеводами Михайлом Даниловичем, Юрием Ивановичем и Яковом Хотовым, пошли на шведскую Карелию. В понедельник 21 марта явились они под Выборгом и выжгли предместье, а на другой день разбили шведов, произведших вылазку, и погнали их обратно в крепость; потом опустошили огнем и мечом всю окрестную страну, перебили множество неприятелей, не пощадив ни жен, ни детей, взяли много пленных и возвратились с победой. Наказав таким образом своих врагов, новгородцы охотно вступили с ними в переговоры и в том же году в Юрьеве (Дерпте) обменяли взятых ими в Ореховце шведов на своих бояр, Авраама и его товарищей, которые почти два года пробыли пленниками в Швеции [103]. Тогда же, по всей вероятности, заключен был и мир или по крайней мере перемирие между воюющими державами. Хотя об этом упоминает одна только Никоновская летопись, но свидетельство ее, несмотря на молчание прочих источников, достаточно подтверждается уже тем, что с 1350 года в продолжение почти 30 лет нигде ни слова не говорится о каких-либо враждебных действиях между шведами и новгородцами: значит, борьба между ними действительно прекратилась на время. Притом же и некоторые из шведских хроник также утверждают, что мир был заключен, не упоминая, впрочем, где и когда это случилось. Наконец, без сомнения, об этом же мирном договоре упоминает и знаменитый в Финляндии Бо Ионсон в письме к архиепископу

упсальскому от 1374 года, говоря, что намерен отправиться в Выборг для переговоров с русскими о мире, так как около наступающего Духова дня кончается срок прежнему трактату между Россией и Швецией [104]. Итак, если принять в соображение, что в 1350 году, после размена пленных, новгородцы – как говорит летописец, возвратились из Юрьева 9 июня, т. е. около Духова дня, и что с этого времени до 1374 года ничего не слышно ни о враждебных действиях, ни о мирных переговорах между шведами и новгородцами, то нельзя, кажется, не согласиться, что в начале июня 1350 года в Юрьеве при размене пленных последовало и заключение мира, срок которому истекал, как видно из упомянутого письма, около Духова дня 1374 года. Вероятно также, что основанием этого договора служили условия прежнего Ореховского трактата, так как ход предшествовавшей войны не доставил ни той, ни другой стороне решительного перевеса, а следовательно, и права настаивать на изменении условий в свою пользу.

Впрочем, если король Магнус и согласился, может быть, по необходимости на заключение мира, то едва ли он действовал искренно; кажется, он хотел только обезоружить новгородцев и выиграть время для приготовления к новой борьбе, чтобы потом новыми подвигами загладить прежние неудачи. Известно по крайней мере, что он тотчас по заключении мира в 1351 году уже изыскивал средства к войне с Россией и даже просил помощи римского первосвященника, извещая, что ижерцы и карелы, присоединенные им к истинной церкви, будто бы жалуются ему на русских, которые их убивают, вешают и травят собаками, стараясь вновь обратить в свою веру. Вследствие сего папа Климент VI в своем апостольском послании к архиепископу упсальскому предписывает ободрить как шведов, так и других «соседственных островитян» провозглашением общей индульгенции всем, которые лично или посредством денежных пожертвований примут участие в священном походе против русских, дабы унять этих опасных врагов истинной веры и шведского государства [105].

Но Швеция, опустошенная в то время (1350 г.) страшной моровой язвой, была не в таком состоянии, чтобы думать о крестовых походах, да и самому королю Магнусу вскоре пришлось покинуть все мечты о воинской славе и завоеваниях и обратить внимание единственно на собственную судьбу свою. Принужденный уже отказаться от недовольной им Норвегии в пользу сына своего Гакона, он употреблял все усилия,

чтоб удержать за собою по крайней мере Швецию, где враждебное к нему расположение народа, в особенности аристократии чрезвычайно усилилось, вследствие его бесславного похода на Россию. Но самые меры, к которым он прибегнул, кажется, только ускорили его падение: вероломное нарушение договора о бракосочетании сына и наследника его Гакона с голштинской принцессой Елисаветой, и последовавшее за тем изгнание двадцати четырех шведских вельмож, настаивавших на исполнении этого договора, утвержденного государственным советом, и наконец бракосочетание Гакона с принцессой Маргаритой, дочерью короля датского Вальдемара III, явного врага Швеции, обнаружили тайные замыслы Магнуса, который, как утверждали, соединился с врагами отечества на гибель собственных своих подданных, т. е. хотел будто бы при помощи датчан уничтожить государственный совет и истребить всю шведскую аристократию. Посему изгнанные им вельможи спешили противопоставить ему племянника его Альбрехта, сына его сестры и герцога Мекленбургского. Имея повсюду множество приверженцев, они легко достигли своей цели: в Стокгольме в 1363 году Альбрехт был торжественно признан королем Швеции, а Магнус и сын его объявлены лишенными престола. Следствием этого переворота была междоусобная война, несколько лет раздиравшая Швецию и тем более гибельная, что она ведена была при помощи иноземцев. Наконец Магнус, взятый в плен своим племянником и освобожденный сыном, удалился в Норвегию и там кончил жизнь свою в изгнании в 1372 году. Вскоре умер и Вальдемар III (1375 г.), а за ним последовал и зять его Гакон VIII, король норвежский (1380 г.), оставив малолетнего сына Олафа, который под опекою своей матери Маргариты наследовал соединенные престолы Дании и Норвегии. Но и этот король вскоре сошел в могилу, не достигнув совершеннолетия, и тогда в 1387 году королевой датской и норвежской является Маргарита, уже заслужившая своим умом общую любовь и уважение народа.

Между тем в Швеции аристократическая партия недолго ужилась в мире со своим новым королем Альбрехтом, который вскоре показал, что он немец и что интересы немецких выходцев, толпою окруживших престол его, для него ближе к сердцу, нежели благо государства, вверившего ему судьбу свою. Его явное недоверие к шведским вельможам, безрассудная расточительность и щедрость к немцам, дерзость и на-

глость последних в обращении с народом произвели наконец то, что чувство ненависти к немцам пересилило и заглушило на время в шведской нации ее вековую неприязнь к датчанам. Посему, когда Альбрехт в виду усиления государственных доходов постановил отобрать в казну третью часть всех дворянских и духовных имений в Швеции и, несмотря на общее сопротивление, решился силой оружия привести в исполнение свою волю, то все восстало против него и взоры всех недовольных обратились с мольбой о помощи к повелительнице Дании и Норвегии. Умная Маргарита не замедлила воспользоваться столь благоприятным случаем для подчинения своему скипетру еще третьего скандинавского государства и с сильным войском вступила в Швецию. Король Альбрехт, разбитый ею наголову при Фальчёпинге в 1389 году, сам попался в плен вместе с сыном и после нескольких лет заточения должен был искупить свою свободу торжественным отречением от шведской короны. Таким-то образом Маргарита, провозглашенная королевою и в Швеции, соединила три северные государства в одну союзную монархию достопамятным Кальмарским договором (1397 г.).

Безопасный со стороны Швеции, потрясаемой внутренними переворотами, Новгород со стороны других соседей также не подвергался еще особенной опасности во все это время. Затруднительнее других были его отношения к государству Московскому. Но и потомки Калиты – Симеон, Иоанн и Димитрий, озабоченные делами с Ордою, Литвою и с князьями удельными, не могли еще прибегнуть к решительным мерам для уничтожения его самостоятельности и должны были по необходимости довольствоваться только номинальной властью над этой народной державой, предоставляя ей полную свободу действий. Если же Димитрий и, в особенности, Василий Дмитриевич иногда и покушались утвердить над нею свое действительное господство, то она каждый раз грозила им союзом с опасною для них Литвою и призывала к себе на пригороды князей, им враждебных, особенно же потомков Гедимина. С другой стороны, и великие князья литовские, при всем своем могуществе и страсти к завоеваниям, также должны были в отношении к Новгороду довольствоваться только ролью его союзников, ибо при каждой попытке сделаться его властителями встречали решительное противодействие от государей московских. Таким образом, поставленный между двумя сильными и равно властолюбивыми, но враждебными между

собою соседями, Новгород до самых времен Иоанна III искусно спасал свою самостоятельность, противопоставляя то тому, то другому из этих соседей союз с его соперником.

Мы упоминаем здесь об этих отношениях потому в особенности, что вследствие их новгородские пригороды на берегах Невы, в Ингерманландии и Карелии, часто отдаваемы были в виде вотчин или кормлений князьям из дома Гедиминова, которые за право владения ими обязывались служить Новгороду, предводительствуя его ополчениями против Москвы и других неприятелей. Так, еще в конце 1379 года, когда Димитрий Московский после победы над татарами при Воже начал грозить новгородцам за их частые грабежи и разбои на Волге, в Новгород явился князь литовский Юрий Наримонтович и следствием его появления было то, что в начале следующего года великий князь уже с любовью принял послов новгородских и заключил с ними мир «на всей старине новгородской и на старых грамотах» [106]. Юрия, о котором летописи уже более не упоминают, заменил в 1383 году брат его Патрикий, получивший в кормленье Ореховец, Корельск, половину Копорья и Лужское село. Но так как его распоряжения тотчас вызвали в данных ему городах общее неудовольствие жителей, обратившихся с жалобой к новгородцам, то в следующем году после сильной смуты, поднятой в самом Новгороде приверженцами князя, ему дали, взамен упомянутых местностей, Русу, Ладогу и Наровский берег. В 1386 году он является главным предводителем новгородцев против Димитрия Донского, который с сильным войском подошел к Новгороду, чтоб наказать его как за волжские разбои, так и за союз с Литвой. Впрочем, дело не дошло до битвы, ибо великий князь, видя, что граждане приготовились к отчаянной обороне, согласился на мир, взяв с них 8000 рублей серебром пени и, вероятно, обязав удалить Патрикия. Но в 1389 году опять другой потомок Гедимина – Симеон, или Лугвений Ольгердович предложил свои услуги Новгороду и получил во владение те самые города, которые первоначально даны были в вотчину Наримонту. Спустя три года этот князь, однако же, покинул невские побережья, вероятно, отозванный Витовтом, который, выдав в то время дочь свою за Василия Дмитриевича, не хотел на первых порах ссориться с зятем за Новгород, а потому новгородцы, оставленные Литвою, должны были, по крайней мере на время, прекратить свои распри с Москвою, удовлетворив притязаниям великого князя. Впрочем, в это время, когда

и Москва и Литва, преследуя идею централизации, равно тесnили князей удельных, не было недостатка в князьях-изгнанниках, искавших убежища в Новгороде и готовых служить ему мечом своим. Так, в 1393 году явился князь Константин Иванович Белозерский, который в продолжение нескольких лет усердно служил Новгороду, тщетно пытаясь воротить свой удел, уже поглощенный Москвою. Одновременно с ним упоминается какой-то литовский князь Роман Юрьевич, может быть, сын Юрия Наримонтовича; потом, в 1397 году вторично приехал Патрикий, вероятно бежавший от преследований Витовта, а в 1404 г. великий князь смоленский Юрий Святославич (княжеством которого завладел Витовт) явился вместе с сыном и несколькими другими князьями искать приюта в Новгороде и, принятый с честью, получил в кормление 13 пригородов, в том числе и бывшие прежде за Лугвением. Наконец, в 1407 году Витовт, после неоднократных распрей снова примирившийся с новгородцами, отпустил к ним, по их просьбе, храброго сподвижника своего князя Лугвения, который, получив обратно свои прежние владения, в течение пяти лет усердно служил Новгороду. Но в 1412 году он вторично был отозван Витовтом, который тотчас разорвал мир с Новгородом; впрочем, дело кончилось одними угрозами и спустя два года мир опять был восстановлен по-прежнему. Таким образом продолжались эти связи с Литвою и впоследствии, и только Иоанн III совершенно прекратил их, вместе с самобытностью Новгорода.

Главной целью, побуждавшей новгородцев призывать к себе князей литовских, было, без сомнения, желание пользоваться их услугами во время распрей с Москвой; но наделяя призываемых ими князей кормлениями в Ингерманландии и Карелии, они тем самым делали их естественными защитниками западной границы своих владений со стороны шведов и ливонских рыцарей.

О враждебных столкновениях между шведами и новгородцами после 1350 года ничего не слышно в продолжение 27 лет и, вероятно, во все это время мир между ними не был нарушаем. Но под 1377 годом мы находим известие, что молодые люди из Новгорода под предводительством трех воевод ходили «к Новугородку на Овле на реце, к немецкому», т. е. к нынешнему Нишлоту, основанному, как полагать должно, около того времени, и притом, в противность Ореховского договора, что, вероятно, послужило и поводом к походу. Под

этим городком – говорит известие – новгородцы стояли много дней, совершенно уничтожили его посад, разорили всю окрестную страну и возвратились благополучно, «со множеством полона немецкого» [107]. Шведы, как видно, не в силах были тотчас отомстить за это нападение; по крайней мере летописцы в продолжение 15 лет ничего не говорят об их вторжениях в новгородские пределы. Только под 1392 годом упоминается о «разбойниках Немцах» (без сомнения, шведах), которые с моря вторглись в Неву и разорили селения по обе стороны реки, за пять верст до Орешка. Но храбрый князь Симеон-Лугвений, владевший в то время этим городом, тотчас устремился на хищников и, настигнув их, одних истребил, других обратил в бегство, а взятых в плен отправил в Новгород. Потом в 1395 году опять явились «Немцы-Свея» и напали на недавно построенный городок Яму, но были разбиты и прогнаны князем Константином Белозерским. В следующем году они вторглись в русскую Карелию, на северный берег Ладожского озера, где разорили два прихода и сожгли церковь; но тот же князь Константин прогнал их и оттуда, а пленных прислал в Новгород [108]. После этого опять проходит лет 15, в продолжение которых ничего не слышно о шведах; но в 1411 году они снова появились на невских побережьях и овладели городком Тиверским. Узнав об этом, новгородцы в три дня изготовились к походу и по следам бежавшего неприятеля ворвались в шевдскую Карелию с силами, как видно, весьма значительными, ибо отдельными полками их начальствовали 13 воевод, под главным предводительством князя Симеона Ольгердовича. Предав огню и мечу все, встречавшееся на пути, они проникли до Выборга, сожгли и разрушили 26 марта его предместья и внешние укрепления, перебили множество неприятелей и возвратились с добычей и пленниками, потеряв со своей стороны, если верить летописцу, только одного человека, убитого под Выборгом. В то же время двинской посадник Яков Степанович ходил из Заволочья войной на Норвегию, по новгородскому повелению [109].

Эти безрассудные и дерзкие набеги шведов на новгородские владения, вызвавшие наконец справедливое возмездие, без сомнения, были произведены подобно многим предшествовавшим, без ведома и против воли королевского правительства, самими шведскими подданными в Финляндии, которые, будучи увлекаемы страстью к хищничеству и, может быть, жаждой мести за подобные же действия новгородских

подданных, мало заботились о том, в мире ли или во вражде с соседом находится их правительство. По крайней мере нет никакого основания подозревать участие самого правительства в этих враждебных действиях, особенно когда ни хроники, ни официальные акты шведские об них вовсе не упоминают; напротив, очевидным кажется, что Швеция, при тогдашнем стесненном положении своем, должна была совершенно отказаться от своей прежней завоевательной политики на востоке и принять в отношении к Новгороду положение чисто оборонительное. С другой стороны, мы видим, что и Новгород также не увлекался уже страстью к завоеваниям: особенно с того времени, как великие князья перестали являться к нему на помощь со своими полками, он брался за меч только для защиты своих пределов или для наказания врагов, нарушивших его спокойствие. Посему прежняя неприязненность отношений между двумя соперниками, как бы утомленными уже продолжительной борьбой, необходимо должна была ослабеть с половины XIV века и одни только частные распри и ссоры между их подданными в Карелии – явления весьма естественные при неопределенности границ и недостатке строгого надзора со стороны местных властей – вызывали еще, время от времени, взаимное раздражение и препятствовали утверждению между ними прочного мира и соседственной дружбы. Вероятно, следствием таких же распрей между пограничными обитателями было и то вторжение в шведские пределы, в котором абовский епископ Конрад (в грамоте к королю от 9 ноября 1464 г.) обвиняет русских, говоря: «что они недавно жгли и разоряли Яскинский и другие приходы Карелии». Некоторые полагают, что эти слова указывают на войну между Россией и Швецией, будто бы начавшуюся в 1462 и кончившуюся только в 1468 году перемирием, заключенным на пять лет; но ни в шведских, ни в русских летописях нет ни слова ни об этой войне, ни о перемирии [110]. Посему более вероятным кажется, что вторжение русских, о котором упоминает епископ Конрад, было не более, как хищнический набег жителей русской Карелии, за которым, конечно, могли с той и другой стороны последовать и другие, подобные же набеги, а потом и переговоры между правительствами, кончившиеся, может быть, действительно заключением какой-либо сделки или перемирия с определением срока для решения спорных вопросов и удовлетворения стороны обиженной. Но все это, вероятно, не выходило из ряда обыкновенных пограничных распрей,

по которым никак нельзя еще заключать о враждебности отношений между самими государствами; напротив, молчание современных русских летописцев о неприязненных столкновениях со Швецией после 1411 года заставляет предполагать, что таких столкновений – по крайней мере важных – не было и что в последнее время самостоятельного существования Новгорода отношения его к Швеции были, вообще, более мирные, нежели враждебные.

Не враждебны были отношения Новгорода и к другим его соседям на западе – к рыцарям и епископам ливонским: в течение всего XIV века летописцы упоминают только о двух походах новгородцев (в 1368 и 1370 годах) на помощь к псковитянам против рыцарей, которые продолжали по-прежнему, хотя без важных последствий, почти беспрерывную борьбу со Псковом, не смея, однако же, тревожить новгородских владений. Очевидной причиной такой осторожности их в отношении к Новгороду были тесные связи последнего с грозной в то время Литвой. Но когда, по смерти Витовта (1430 г.), в Литве начались неустройства, когда и союз Литвы с Польшей поколебался и когда гермейстером ливонским сделался честолюбивый Генрих Финке фон-Оверберг (1440 г.) – миролюбие рыцарей тотчас исчезло: осенью 1444 года они совершенно неожиданно напали на город Яму, сожгли его посад, разорили селения по Луге и потом послали сказать новгородцам: «не мы вас воюем, воюет князь Григорий Клевский из-за моря, за своего проводника и толка Ругодивца. А то все лгали Немцы», – замечает при этом летописец [111]. Здесь под именем князя Григория разумеется принц Эбергард Клевский, который еще в 1438 году вздумал отправиться в Палестину через Россию. Великий магистр прусского ордена писал об нем тогда же к князю Юрию Лугвениевичу, сидевшему на пригородах новгородских, прося благосклонно принять юного странника и доставить ему средства к безопасному путешествию. Но принц, как видно, встречен был с недоверчивостью в новгородских владениях и, кажется, преимущественно потому, что в свите его в качестве переводчика находился какой-то нарвский житель, которого, вероятно, сочли за шпиона. Как бы то ни было, только принц Эбергард, возвратившись в Ригу, жаловался на оскорбления, претерпенные от новгородцев [112]. Этим-то ничтожным предлогом воспользовался Орден и начал войну с Новгородом, конечно, не с тем, чтоб только наказать за оскорбление чести немецкого князя, но чтобы

посредством новых завоеваний расширить собственные свои владения.

За нападение рыцарей новгородцы, по обыкновению, тотчас отплатили им опустошением окрестностей Нарвы и всего левого берега Наровы, вверх до Чудского озера; а в следующем году рыцари опять ворвались в Ингерманландию и отдельными отрядами опустошили страну Води, берега Ижоры и Невы, между тем как сам геррмейстер с главными силами осадил Яму и 5 дней громил из пушек, однако без успеха: «самих Немцев, – говорит летописец, – много пало под городом, а другие, израненные, ушли в свою землю; в городе в то время был князь Василий Юрьевич, из суздальских князей». По удалении неприятеля новгородцы, в свою очередь, хотели немедленно посетить его за Наровою, но сильный конский падеж, обнаружившийся в городе и по всей волости, заставил их отложить предприятие; тем более, что Новгород страдал тогда от непомерной дороговизны: «не только в сем году, – говорит летописец под 1446 годом, – но и во все предшествовавшее десятилетие хлеб продавали по две коробьи на полтину, иногда больше, иногда меньше, а иногда и купить негде; горе и скорбь были всеобщие: только плач и рыдания слышались по улицам и по торжищу; многие падали и умирали от голода – дети пред глазами родителей, отцы и матери перед детьми своими; многие разбрелись кто куда – во Псков, в Литву, к Латинам, а другие даже Татарам и Жидам отдавали себя в рабство из хлеба». И в это же самое время тверской князь Борис разорял новгородские пограничные волости. При таких обстоятельствах, конечно, нельзя было и думать о войне с Орденом, и новгородцы отправили князя Юрия Лугвениевича в сопровождении нескольких бояр и купцов в Ригу с мирными предложениями; но посланные возвратились без мира, ибо геррмейстер требовал уступки всей реки Наровы, с находящимся на ней островом, на что Новгород не мог согласиться, как ни затруднительно было его положение [113].

Между тем уже с самого начала этой войны великий магистр тевтонский, глава соединенных Орденов, сильный своими связями, старался содействовать геррмейстеру ливонскому путем дипломатическим: просил папу пожертвовать церковные сборы с Ливонии и Пруссии на расходы для войны с неверными новгородцами и способствовать своими святыми молитвами успеху предприятия; обращался к императору, к курфюрстам, к князьям германским, прося их о содействии

и приглашая всех благочестивых рыцарей поспешить на защиту Ордена от злобных врагов христианства; убеждал великого князя литовского Казимира не давать помощи новгородцам, а города ганзейские – не посылать к ним хлеба, и то же самое предписал всем торговым городам Пруссии и Ливонии, повелев гермейстеру отправить вооруженные суда к устью Невы, дабы не пускать в Новгород ни одного корабля со съестными припасами; наконец его же старанием заключен был между гермейстером Финке и королем соединенной Скандинавии Христофором в 1447 году в городе Валке наступательный союз против Новгорода. Положено было: обеим договаривающимся сторонам начать войну одновременно, около Иванова дня, но каждой действовать отдельно, всеми своими силами, а именно: рыцарям осадить Нейшлос (Newsloss; *Яму*?) и Копорье (Capporg), а королю – Нётеборг (*Орехов*) Ландскрону и Валхаву (Walchaw; *Ладогу*?), прилежащие к границам его владений; впрочем, в случае особенной опасности, для которой либо стороны – другая обязывалась поспешить на помощь. Договор этот должен был иметь силу, начиная с Духова дня, в течение двух лет, в продолжение которых союзники обязывались прекратить все сношения с новгородцами, запереть все пути для их торговли, не вступать с ними ни в какие отдельные переговоры и не заключать мира иначе, как вместе. В соединении с ливонским решился действовать и тевтонский орден, войска которого – пехота, конница, артиллерия двинулись морем и сухим путем к Нарве. В то же время великий магистр повелел во всех владениях Ордена служить обедни с торжественными церковными процессиями и молиться всенародно об успехе христианского оружия в войне против язычников (contra paganos) новгородских и их союзников [114].

Удар страшный готовился, по-видимому, Новгороду, изнуренному голодом и болезнями и не имевшему никаких союзников. Но вот каковы, по словам псковского летописца, были последствия этих продолжительных и столь грозных приготовлений: «В лето 6956 (1448), князь Александр Васильевич (правнук Ольгердов, из князей Черторижских) с Новгородцами пошел противу князя-местера рижского (гермейстера), и против короля свейского Карла, – и стали Новгородцы на Нарове с князем Александром, бияся через Нарову реку с погаными Немцами, и пособил Бог и святая София премудрость Божия мужам Новгородцам с князем Александром: побили много поганых немцев, а иных многих на море в бусах побили, иные

потонули в море, иных в плен забрали, числом 84, а с ними и двух князей немецких взяли, и много добыли корысти молитвами благоверных князей; а других под Ямою городком побил князь Василий Васильевич (из суздальских князей) с мужами Новгородцами» [115].

Должно полагать, что между геррмейстером и его союзниками произошли какие-либо несогласия, расстроившие первоначальный план военных действий. Видно, по крайней мере, что в этой войне шведы, если и приняли участие, то весьма слабое, и что на берегах Невы никаких действий не было, а потому новгородцы, безопасные с этой стороны, могли сосредоточить все свои силы на берегах Наровы и, воспрепятствовав переправе рыцарей через реку, принудили их к заключению мира. К этому, без сомнения, немало способствовало и то обстоятельство, что псковитяне, заключившие в 1444 году, вследствие вражды с Новгородом, отдельное перемирие с Орденом на 10 лет, теперь (зимой 1447 г.) примирились с новгородцами и, вероятно, готовились с другой стороны ударить на орденские владения. Как бы то ни было, но в следующем году в день Успения Богородицы послы новгородские и псковские заключили на реке Нарове с геррмейстером, также с епископом и жителями Юрьева мир на 25 лет. Летописец не приводит условий этого мира, но замечает только, что «Юрьевцы возвратиша с студом и срамом вся старины псковские ко Пскову», т. е. должны были удовлетворить всем притязаниям псковитян; а отсюда следует, что и новгородцы, как победители, без сомнения, также получили полное удовлетворение [116].

В то же самое время, когда независимый Новгород мирным договором окончил свою, уже последнюю, борьбу с западными соседями, прекратились и в Московском государстве между потомками Иоанна Калиты последние кровавые распри за престол великокняжеский и общее твердое убеждение народа в законности и спасительности наследственного единодержавия по нисходящей линии, созревшее среди этих распрей, сделалось несокрушимой опорой престола Василия Темного и юного сына его Иоанна. Этот переворот в общественном мнении был смертным приговором для удельного разновластия, а вместе с тем и для политической самобытности Новгорода, который в XV веке хотя и славился своим богатством, горделиво называя себя Великим, но уже утратил свои древние доблести и в самой внутренней жизни своей

являл очевидные признаки близкого и неизбежного падения. Его патриархально-демократическое устройство, никогда не имевшее твердого, законами определенного основания и потому часто колеблемое страстями, превратилось мало-помалу в господство своекорыстной денежной аристократии или вернее, – в олигархию немногих разбогатевших фамилий, и с тех пор уже не свободный голос вольного народа, а козни партий, подкупы и насилие стали господствовать на вече, решая выбор правителей и все дела государственные. С тех пор и управление областями, вверяемое клевретам высших правителей, представляло картину печальную, которую летописец под 1446 годом, вслед за описанием бедствий голода, изображает такими чертами: «В то время не было в Новгороде правды и суда правого, восстали ябедники, стали наживаться доносами, жалобами и неправыми исками, и начали грабить по селам, по волостям и в самом городе, – и были мы в поругание соседям нашим, живущим окрест нас; от тяжких налогов и насильственных поборов по всей области слышались только вопли и рыдания, и общие проклятия на старейшин наших и город наш, ибо в нас не было ни милосердия, ни справедливости» [117]. Таково было положение, которым воспользовался Иоанн III, чтоб исторгнуть Новгород с его обширными владениями из рук олигархии и включить в общий состав Русского государства, под сенью своей самодержавной власти.

Но, совершив подвиг, неоспоримо благотворный для России и спасительный для самого Новгорода, отжившего свой век и уже не способного к поддержанию своей политической независимости, Иоанн впоследствии сделал чрезвычайно важную ошибку, уничтожив ганзейскую торговлю в Новгороде. Этот поступок тем более достоин сожаления, что никакие расчеты и соображения политические или экономические не вызывали его, что в нем не было никакой необходимости. Разгневавшись ларевельский магистрат, который за какое-то преступление самовольно предал сожжению одного русского, и потом – на сделанный по этому поводу запрос, дал ответ дерзский и оскорбительный, Иоанн излил месть свою на иноземных купцах, случившихся в то время, в 1495 году, в Новгороде: их числом 49 человек из Ревеля и Дерпта, из Любека, Гамбурга и других городов Германии, заключили в оковы и бросили в душные темницы; все их товары, ценою на миллион гульденов, описали на имя государя и отправили в Москву, а гостинные дворы и божницу запечатали. Хотя по проше-

ствии года, вследствие ходатайства соседних владетелей заключенные были отпущены на родину, но товаров им уже не возвратили и потому Ганза прекратила все сношения с Новгородом, переведя свою торговлю в Ригу, Ревель, Дерпт и впоследствии в Нарву. Так иссяк источник богатства и благосостояния Новгорода, а вместе с тем исчезло его прежнее многолюдство, ослабел дух предприимчивости и упало само умственное образование граждан.

Естественно, что этот удар должен был отразиться и на судьбе невских побережий, где за прекращением торгового движения необходимо последовало оскудение средств к жизни, распространилась общая бедность и многие селения совершенно опустели. А между тем борьба за эти побережья приняла еще более широкие размеры, ибо теперь Швеции пришлось иметь дело уже не с Новгородом, а с государством Московским, руководимым умом и волею одного самодержавного властителя.

Первые удары этого нового противника застали Швецию в весьма затруднительном положении. Основные условия Кальмарского союза были нарушены по смерти Маргариты (1412 г.) и Дания присвоила себе значение государства, господствующего над двумя другими членами союза, которые сделались как бы ее провинциями; оттого вековая неприязнь шведов к датчанам воспламенилась с новой силой и между ними началась война, продолжавшаяся с малыми перерывами в течение почти целого столетия. Уже при начале этой борьбы первый приемник Маргариты, слабый и недостойный племянник ее Эрик Померанский принужден был предоставить шведам права самоуправления и признать избранного ими правителя Карла Кнутсона, из фамилии Бонде, своим полномочным наместником, удержав за собою только титул королевский. Христофор Баварский, заменивший низложенного Эрика, также был королем Швеции только по имени; а по смерти его (1448 г.), когда в Дании избрали Христиана I Ольденбургского, Швеция отпала от Кальмарской унии и провозгласила королем своего правителя под именем Карла VIII. Все царствование этого короля протекло в беспрерывной борьбе с датчанами и с сильной в Швеции аристократической партией, ненавидевшей в нем защитника прав низших сословий. Хотя враги дважды изгоняли его из отечества, однако он, по воле народа, каждый раз снова был утверждаем на престоле и умер королем шведским (1470 г.). Тогда власть перешла

к племяннику его Стену Стуре, который, хотя и принужден был признать унию и предоставить Христиану I титул королевский, однако удержал звание наместника и управлял Швецией почти независимо. Но несмотря на его твердость и благоразумие, государство страдало от борьбы партий, которая еще более усилилась, когда, по смерти Христиана I, на датский престол вступил сын его Иоанн или Ганс (1481 г.). Этот король, желая окончательно покорить своей власти Швецию, вступил в тайную и явную борьбу с ее правителем: осуждал все его распоряжения, поддерживал всех врагов его и пользовался каждым благоприятным случаем, чтоб раздувать волнения. И в это-то самое время русские совершенно неожиданно вторгнулись в Финляндию.

Шведские хроники почти единогласно обвиняют в этом вторжении короля Иоанна, говоря, что он заключил тайный союз с русскими и предал им на жертву Финляндию, чтобы таким способом достигнуть господства над Швецией. Можно бы, пожалуй, усомниться в справедливости такого обвинения и признать его порождением чувства национальной неприязни к датчанам, если бы известия современных русских летописцев не устраняли в этом случае всякое сомнение. По их показанию, в июне 1493 года приехал в Москву посол от короля датского, по имени Иван (который в шведской рифмованной хронике назван рошильдским пастором, тайно отправленным в Россию). Его предложение «о любви и о братстве» – как сказано в летописи, было принято весьма благосклонно, что видно уже из того, что великий князь поспешил, вместе с ним, отправить в Данию своих послов Димитрия Ралева и Димитрия Зайцева, для уверения короля в своей готовности вступить с ним в дружеские сношения. Заключив условия договора и приведя короля к крестному целованию, русские послы возвратились в следующем году в сопровождении нового посла королевского Давида, который принял от Иоанна III окончательное утверждение договорной грамоты [118]. Настоящее содержание этого договора неизвестно, но нет сомнения, что бедствия, вскоре постигшие Финляндию, были его непосредственным следствием. Осенью 1495 года многочисленное русское войско, состоявшее из новгородцев, под предводительством Якова Захарьевича, из псковитян, с воеводой князем Шуйским, и московских ополчений, предводимых Даниилом Щенею, вторглось в шведскую Карелию и, опустошив ее огнем и мечом, сосредоточило все свои силы под

стенами Выборга. Об осаде этого города в русских летописях замечено только, что она была безуспешна и стоила жизни одному из начальников русского войска, Ивану Андреевичу Суботе-Плещееву, убитому из пищали. Шведские же хроники, повествуя о продолжительной и упорной борьбе, приписывают спасение Выборга благоразумию и геройской отваге его начальника Кнута Поссе. По их сказанию, окрестности Выборга мили на три кругом были уже с сентября заняты многими тысячами русских, главные силы которых расположились против крепости. Имея многочисленную осадную артиллерию, они с трех сторон возвели батареи и, действуя неутомимо, успели уже сбить две башни и сделать пролом в третьей. Наконец 30 ноября они со всеми силами устремились на приступ: одна часть их ворвалась в башню и овладела ею, а другая, приставив лестницы, овладела стеною и уже готовилась спуститься в город; но в это самое время, когда, по-видимому, не оставалось уже никакой надежды к спасению, Кнут Поссе поджег занятую русскими башню, под сводами которой, вероятно, находился склад пороха. Башня со страшным треском разлетелась, множество русских погибло; другие, объятые страхом, бежали и, сняв осаду, вскоре удалились [119]. Это событие, сохранившееся в памяти народа под названием *выборгского треска*, представлено суеверием и невежеством как действие волшебства и чародейства Кнута Поссе, который будто бы с помощью адской силы произвел страшный, оглушительный треск, поразивший русских паническим страхом [120].

Но с отступлением русских от Выборга не кончились еще бедствия Финляндии. Иоанн III, желая лично распорядиться ходом военных действий, сам прибыл в Новгород (17 ноября 1495 г.) и направил оттуда 17 января 1496 года новые ополчения под предводительством князя Василия Ивановича Косого и Андрея Федоровича Челяднина «на Гамскую землю», или Тавастландию. Эти воеводы проникли до самого Тавастгуса, разбили некоторые шведские отряды, выжгли и опустошили все на пути своем и благополучно возвратились в Новгород 6 марта со множеством добычи и пленных. Вслед затем весной того же года по повелению великого князя, князья Иван и Петр Ушатые с ратью из устюжан, двинян и обонежцев напали с севера через нынешнюю Олонецкую губернию на Каянию и разорили северную Финляндию до реки Торнео и Ботнического залива [121]. Таким образом в несколько месяцев

большая часть Финляндии была опустошена русскими, а между тем Швеция, терзаемая борьбою партий, не могла ни защитить ее, ни отомстить за ее разорение. Хотя государственный правитель Стен Стуре и готовился к походу на Россию и даже собрал уже для этой цели значительное войско в Финляндии; однако, опасаясь козней враждебной ему партии, не смел сам отлучиться из государства, а в то же время не смел и расстаться с людьми, ему преданными. Впрочем, родственник его Сванте Стурре с отрядом из 2000 человек на 70 морских судах вторгнулся в августе 1496 года в реку Нарову и успел захватить и разграбить без всякого сопротивления недавно построенный Ивангород, храбрый воевода которого князь Юрий Бабич прехрабро бежал, заслышав о приближении неприятелей [122]. Но этим случайным успехом и ограничились все враждебные действия шведов, ибо Сванте со своим ничтожным отрядом не только не мог думать о каких-либо дальнейших предприятиях, но, не смея даже держаться в занятой им крепости, поспешил тотчас удалиться с награбленной добычей и пленниками. За разорение Ивангорода русские, как видно, не считали даже за нужное наказать шведов и война с ними кончилась.

Между тем опустошение Финляндии русскими действительно помогло королю датскому достигнуть желаемой цели: в 1497 году Стен Стуре принужден был сложить с себя звание государственного правителя Швеции и король Иоанн I торжественно был коронован в Стокгольме шведскою короною. Но датское господство было непродолжительно: уже в 1501 году оно было низвергнуто и престарелый Стен Стуре снова стал во главе правления; по смерти же его, последовавшей в 1503 году, верховной властью завладел Сванте Стуре. Новый правитель, чтобы успешнее бороться с датчанами, тотчас поспешил обезопасить себя со стороны России и заключил с нею в 1504 году перемирие на 20 лет, которое в 1510 году, по новому договору, было продолжено на 60 лет. Этот последний договор по смерти Сванте был подтвержден от имени его сына и преемника Стен Стура Младшего в 1513 году, 9 мая в Новгороде [123].

www.aroundspb.ru

Глава 6

БЫТ ОБИТАТЕЛЕЙ НЕВСКИХ ПОБЕРЕЖИЙ В XV–XVI вв.: ПЯТИНЫ УЕЗДЫ (ПРИСУДЫ) И ПОГОСТЫ, ДВОРЦОВЫЕ И ДРУГИЕ ЗЕМЛИ ВОТСКОЙ ПЯТИНЫ; СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ, ЕГО ОБРОКИ И ДАНИ; РЕЛИГИОЗНЫЙ БЫТ; ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ КРАЯ

Итак, в исходе XV века при начале московской администрации настает для невских побережий, после длинного ряда кровавых войн, период шестидесятилетнего мира, долженствовавший иметь несомненно благотворное влияние на развитие их благосостояния. Каково же было здесь положение дел в эту эпоху? В каком состоянии находились торговля, промышленность и сельское хозяйство в этой стране во время ее перехода под власть Московского государства? Какую картину представлял в это время быт ее обитателей – религиозный, общественный и семейный? Вопросы чрезвычайно важные, заслуживающие полного понимания; но к сожалению, доступные для нас доселе памятники не дают на них ясного и положительного ответа. Древние летописцы повествуют только о войнах и походах, о преемстве и смене властителей, о сооружении храмов и монастырей, о разных знамениях или явлениях природы, о великих общественных бедствиях: голоде, моровых поветриях, наводнениях, пожарах и проч. Вообще их интересуют только судьбы сильных мира сего и явления крупные, выступающие, так сказать, из уровня обыкновенной жизни; сам же народ, толпа, обращает на себя их внимание только своими страданиями в годины бедствий или мятежами и восстаниями против своих властителей, – да и эти известия их о народе касаются преимущественно граждан властительного города. Посему у летописцев нечего искать сведений о правительственном устройстве, образе жизни, занятиях, нравах и обычаях обитателей невских побережий, и мы должны были бы оставить без ответа предложенные нами вопросы, если бы, кроме летописей, не уцелели еще другого рода памятники, могущие объяснить экономическое состояние

рассматриваемого нами края. Это так называемые писцовые или переписные книги новгородских пятин, составленные по распоряжению московского правительства и представляющие описание всех земель и угодий, с подробным указанием доставляемых ими доходов. Но эти книги, почти все, хранятся еще в архивах; те же, которые доселе изданы, представляют сырой материал, хотя и весьма богатый многоразличными данными, но требующий критической разработки и тщательного сличения с другими подобного рода памятниками, а этот труд, по существу своему, может быть исполнен только русскими учеными. Мы воспользуемся, однако, переписною книгой Вотской пятины 7008 (1500) года и некоторыми относящимися сюда исследованиями, чтобы представить, хотя отрывочные, заметки о тогдашнем состоянии невских побережий [124].

В исходе XV века владения Новгорода, за исключением Заволочья и некоторых земель на крайнем севере и юге, разделялись, как известно, на пять областей, из которых каждая носила название *пятины*, т. е. пятой части. Эти пятины были: Вотская, Шелонская, Обонежская, Деревская и Бежецкая. По всей вероятности, это разделение введено было только Иоанном III после окончательного покорения Новгорода; в древние же времена область новгородская разделялась на погосты, начало которых восходит к временам святой Ольги. Каково бы ни было происхождение и древнейшее значение слова *погост*, но в XV веке по переписным книгам оно имеет двоякое значение: 1) главное селение церковного, а вместе с тем, вероятно, и сельского округа, т. е. местность, на которой находилась церковь, с кладбищем и с домами священно- и церковнослужителей, и 2) самый округ церковный, или приход, т. е. совокупность всех селений, принадлежавших к одной церкви. Сверх разделения на пятины и погосты существовало еще разделение на уезды. Уезд, называвшийся также *присудом*, состоял из нескольких смежных между собой погостов, приписанных судом и данью к одному городу, служившему для них общим правительственным средоточием. В городе жил великокняжеский наместник и прочие уездные власти, там обыкновенно отправлялось правосудие, туда из всех погостов уезда доставлялись государственные подати и прочие казенные доходы, и оттуда исходили все приказы и распоряжения, касавшиеся жителей уезда, который и назывался по имени уездного города. В Вотской пятине, составлявшей северо-западную часть новгородских владений, было 6 уездов, весьма

не равных между собой по числу заключавшихся в них погостов.

1. Новгородский уезд, простиравшийся по всем пяти пятинам, был самый обширный: к нему принадлежали все без исключения погосты Бежецкой пятины, большая часть погостов Обонежской и ближайшие к Новгороду погосты трех остальных пятин, в том числе 20 южных погостов Вотской пятины.

2. Ямской уезд состоял только из Ямского околокородья (часть которого лежала за р. Лугою, в Шелонской пятине) и $2^1/_2$ погостов в низовьи Луги, по правому ее берегу.

3. Копорский уезд лежал по южному берегу Финского залива от реки Луги до Стрельны, простираясь на юг внутрь страны до реки Оредежи, и заключал в себе 14 погостов, с частью 15-го, именно Егорьевского Радчинского погоста, другая часть которого принадлежала к Ямскому уезду.

4. Ладожский уезд простирался по низовьям Волхова и по южному берегу Ладожского озера. К нему принадлежали 7 погостов Вотской пятины и еще несколько погостов на восточном берегу Волхова, в Обонежской пятине.

5. Ореховский уезд состоял из 8 погостов, лежавших по обоим берегам Невы, между Ладожским озером и Финским заливом.

6. Корельский уезд простирался на север от предыдущего, узкой полосой вдоль западного, северного и северо-восточного берегов Ладожского озера, и заключал в себе 7 погостов. – Следовательно, всех погостов, вместе с Ямским околородьем, в Вотской пятине было 60. Из них погосты Ореховского уезда, на которые в истории Невы необходимо обратить особенное внимание, занимали приблизительно следующее положение:

1) Спасский Городенский погост лежал узкой полосой по берегам Невы, от ее истока до устьев, преимущественно же по северному берегу, где крайнюю точку его на западе составляло «село Лахта» на берегу Финского залива.

2) Ивановский Куйвошский занимал самую северную часть уезда, от Ладожского озера на запад до шведской границы на реке Сае; северная же граница его совпадала с северной границей нынешней Петербургской губернии, а южную можно приблизительно обозначить чертой, идущей от верховья Саи через верховья реки Морьи к Ладожскому озеру. Нынешние почтовые станции Лемболово и Коркимяки, по кексгольмскому тракту, лежали в этом погосте.

3) Воздвиженский Корбосельский лежал на юго-запад от предыдущего, по левому берегу Сестры реки и от ее устья по Финскому заливу до Лахты, а на востоке простирался до Токсовского озера и заключал в себе нынешний приход Валкиасарский с частью Токсовского.

4) Ильинский Келтушский, окруженный с севера Куйвошским, с запада Корбосельским, с юга и юго-востока Городенским погостами, заключал в себе другую часть нынешнего Токсовского прихода и приходы Келтус и Рябово.

5) Егорьевский Лопьский простирался на восток от города Орешка, по южному берегу Ладожского озера до устья Лавы и вверх по рекам Лаве, Шелдихе и Назье.

6) Никольский Ярвосольский лежал на юг от Лопьского и Городенского погостов, по верхнему течению рек Назьи и Мьи, впадающей в Неву.

7) Никольский Ижерский – на запад от предыдущего, по рекам Тосне, Ижоре и Славянке.

8) Введенский Дудоровский простирался на юго-запад от Ижерского погоста, по дудергофским возвышенностям и прилегал к южному берегу Финского залива между реками Лигою (Лиговка) и Стрельною, на которой граничил с Кипенским погостом Копорского уезда [125].

Все земли в этих погостах, подобно как и в прочих областях Московского государства, принадлежали или великому князю, или частным вотчинникам, или духовным властям и учреждениям, т. е. архиепископу, монастырям и церквам. Земли великокняжеские были двух родов: *дворцовые* и *поместные*. Первые составляли частную собственность государя и находились под ведением особых властей, подчиненных непосредственно Дворцовому приказу. Доходы с них (кроме казенных податей) поступали не в государственную казну, а в частную казну великого князя. Такие дворцовые имения и описывались особо от прочих земель, в так называемых «дворцовых книгах». Из переписной книги, служащей для нас источником, видно только, что в некоторых из поименованных погостов (Ярвосольском, Ижерском, Дудоровском) были такие имение, но неизвестно, сколько их было и в каких именно местностях они лежали. Поместными землями назывались те, которые были отдаваемы боярам, детям боярским и другим служилым людям в поместье, вместо жалованья за их службу. Помещики, будучи временными владельцами таких земель, не могли распоряжаться ими как своей собствен-

ностью, но пользовались с них только доходами, доколе сами исполняли свои служебные обязанности. Если же кто из них, за смертью или по другим причинам, выбывал из службы, то поместье его отбиралось в казну и отдавалось или его сыну, если последний годился на службу, или другому родственнику или даже постороннему лицу. Поместные земли, еще не розданные во владение или отобранные от прежних владельцев, назывались, впредь до новой раздачи, *оброчными землями*, и жившие на них крестьяне платили оброк в казну великого князя. К разряду поместных земель принадлежали также и *наместничьи волости*, т. е. владения, присвоенные не лицу, а должности или званию наместника.

Имения частных вотчинников или так называемых «своеземцев» составляли их полную родовую собственность, которой они могли распоряжаться совершенно по своему усмотрению. Таких имений в северных погостах уезда было по числу больше, нежели поместий, но все они состояли из весьма малых поземельных участков, из которых многие были обрабатываемы самими владельцами. В Городенском погосте из 13 таких имений в самом крупном было только 6 крестьянских дворов.

Монастырские и церковные владения, несмотря на то, что больше половины их, по покорении Новгорода, было отобрано и обращено в поместные или дворцовые, все еще были довольно значительны, преимущественно в северных погостах. Так, между прочим в Корбосельском погосте 4 деревни «на Парколе» (Парголово), каждая из двух дворов, принадлежали монастырю Никольскому в Ореховце; деревня Рябово (где ныне лютеранская церковь) и 10 других деревень Келтушского погоста, в которых было всего 14 дворов, составляли волость Коневского монастыря, а часть Токсова, над озером, в том же погосте, принадлежала церкви Иоанна Предтечи в Ореховце. Большая же часть имений Коневского и Валамского монастырей лежала в Корельском уезде.

Сельское население этих имений, за исключением весьма немногих крепостных людей, у некоторых помещиков состояло из вольных крестьян, которые, не имея своих собственных земель, брали от землевладельцев на аренду большие или меньшие поземельные участки, обязываясь или предоставлять с них в пользу владельца известную долю – половину, треть, четверть ежегодного урожая, или уплачивать ему определенный по обоюдному условию оброк, частью деньгами, частью

разного рода сельскими произведениями. Такие крестьянские участки в новгородской области назывались *обжами*; величина их определялась приблизительно количеством посева ржи и числом копен сена, а именно: участок пахотной земли, на котором высевалось 4 коробья (нынешних 8 четвертей) ржи, и к нему пожня, доставлявшая от 20 до 30 копен сена, составляли обыкновенную крестьянскую обжу. Такое поле, засеваемое 4-мя коробьями, или 8-ю четвертями ржи, долженствовало заключать в себе поземельною мерою около 4 десятин, так как четверть ржи, при обыкновенном крестьянском посеве, высевается на полдесятине; если же в одном ржаном поле было 4 десятины: то при трехпольном хозяйстве в двух других полях, яровом и паровом, разумеется, было по столько же в каждом; следовательно, все количество пахотной земли, заключавшееся в одной обже, составляло около 12 десятин. Трудно сказать, какое пространство лугов заключалось в обже; кажется, впрочем, оно и не определялось со строгой точностью, а соразмерялось более с потребностями каждого крестьянского хозяйства, следовательно, могло быть и больше и меньше. Вероятно, означенное количество сена, от 20 до 30 копен, составляло приблизительно среднюю пропорцию, необходимую крестьянину для прокормления через зиму одной лошади и нескольких штук рогатого скота и овец, составлявших его стадо. Впрочем, и пространство пахотной земли не во всех обжах было равное, по количеству посева: в иной местности 3 и менее, а в другой 5, 6 и более, даже до 8 и 10 коробей посева считались за одну обжу. Такая разность, вероятно, условливалась качеством земли, т. е. большим или меньшим ее плодородием, равно как и самым положением местности, представлявшей большие или меньшие удобства для других промыслов, кроме хлебопашества. Что же касается до леса, покрывавшего в этой стране огромные пространства, то о нем как о предмете, не имевшем тогда никакой ценности, вовсе не упоминается в переписной книге. Вероятно, лес был общий, которым каждый мог пользоваться беспрепятственно, по мере надобности; мы видели, что в новгородских владениях даже иностранным купцам предоставлялось право свободно рубить лес для своих потребностей.

Так как государственная дань, или подать с каждой обжи или, собственно, с каждых трех обжей, т. е. с сохи, взималась в равном количестве, то отсюда следует, что обжи, хотя и представляли участки разной величины, считались однако

равными между собою в финансовом отношении, т. е. по ценности доходов, получаемых с них крестьянами; в противном случае явно несправедливо было бы облагать крестьянина, живущего на обже в 3 коробьи посева, или в 9 десятин пахатной земли, такими же повинностями, как и другого, имеющего 5 коробей посева, или 15 десятин пашни. Касательно обложения данью волостей новгородских, по окончательном покорении их Иоанном III в 1478 году, мы находим в летописи следующее известие.

«Новгородцы предложили Иоанну взимать на всех волостях новгородских дань с сохи по полугривне, т. е. по 7 денег. Государь велел спросить их: "что их соха"? Они сказали: "три обжи соха, а обжа – один человек на одной лошади орет; а кто на трех лошадях и сам третей орет, так то соха». Великий князь сначала захотел взять с обжи по полугривне; но владыка и все посланные от Новгорода ударили челом и начали умолять, чтобы государь пожаловал их своею милостию, взимал бы дань по их челобитию, т. е. однажды в год по 7 денег с трех обжей. И государь наконец уступил их молению, согласился взимать дань однажды в год с сохи по полугривне со всех волостей новгородских, на всяком, кто ни пашет землю, и на ключниках, и на старостах, и на холопах» [126].

Об этой дани, которая, вероятно, существовала и во время новгородского управления и, кажется, не изменилась еще и в рассматриваемое нами время, ничего не говорится в нашей переписной книге 1500 года; в ней исчисляются только доходы замлевладельцев с живших на их землях крестьян и с разных угодий, показаны также сборы в пользу посельского или ключника, а с некоторых местностей и корм, следующий наместнику. Доходы эти, чрезвычайно разнообразные, хотя и были для правительственных соображений вносимы со всей подробностью в переписные книги – назначались, однако же, не по распоряжению правительства, а по добровольному соглашению между владельцем и крестьянами, или, вернее сказать, по произволу самого владельца; причем, как видно, и количество обжей не принималось в соображение. Например: в Городенском погосте, в волости «Дуброва, на Неве устье Святой реки, на Лопьской стороне», с деревни *Большой двор*, в которой два пахаря, жившие в одном дворе, сеяли ржи 6 коробей, а сена косили 60 копен, т. е. имели две обжи, дохода новому владельцу шло «деньгами 3 гривны, а ключнику четвертка ржи, четвертка овса, полбочки пива, лопатка баранья,

горсть льну, овчина». И совершенно то же количество дохода получали тот же помещик и его ключник с деревни *Олешково на Святой реке*, в той же самой волости, хотя в этой последней деревне два пахаря, жившие также в одном дворе, имели только одну обжу земли в 3 коробьи посева и в 20 копен сена. Вот другой пример: в Куйвошском погосте, в волости Мустельского, «близко немецкого рубежа», в числе прочих показаны: деревня *Кудрино на Мустели*, и другая *Тимохино*, из которых в каждой было по одному двору, по два пахаря и по одной обже, но обжа первой была в 4 коробьи посева и в 20 копен сена, а другой в 5 коробей посева и в 30 копен сена; между тем с этой последней шло и старого, и нового дохода, как деньгами (старого $3^1/_2$ деньги, нового $1^1/_2$ гривны), так и разными сельскими продуктами – говядиной, бараниной, курами, маслом, сыром, солодом, пивом и проч., ровно в половину меньше, нежели с первой [127]. Под именем старого дохода, показанного в переписной книге с поместных и оброчных земель, разумеется доход, который получал владелец во время предшествовавшей переписи, произведенной, вероятно, вскоре после 1478 года; новым же доходом называется доход, современный переписи 1500 года. Этот доход только с немногих деревень, в южной части уезда, оставался еще равен старому, со всех же прочих он значительно увеличен, и притом весьма неравномерно. Помещики, кажется, сообразовались преимущественно со средствами крестьян, и более зажиточных облагали нередко огромными поборами. Например: с деревни *Коирово*, в Дудоровском погосте, состоявшей из четырех дворов и пяти крестьян на трех обжах (9 коробей посева и 90 копен сена), старого доходу шло 5 денег и четверти урожая, еще 2 гривны и 7 денег, баран, полоть мяса, $1^1/_2$ бочки пива, коробья овса, воз сена, пяток с горстью льну, 2 сажени дров, да ключнику 2 деньги и полкоробья ячменю. Или: с деревни *Осиново* на Неве, в Ижорском погосте, в которой значится 1 двор, 1 человек, 1 обжа в 3 коробьи посева и 15 копен сена, старого дохода шло только полбочки сигов, а нового, сверх того, еще 2 гривны и четвертая доля из урожая [128]. Вообще видно, что по платежу повинностей положение земледельцев на невских побережьях сделалось под московским владычеством гораздо тяжелее, чем прежде. Сравнительно легче было, кажется, положение тех крестьян, которые не занимались хлебопашеством, а спискивали себе пропитание разными другими промыслами. Они назывались непашенными, или позем-

щиками, и платили владельцу земли только за арендуемые ими дворы, так называемый «позем», обыкновенно по 3 или по 4 деньги с двора. Впрочем, число таких крестьян, занимавшихся исключительно рыболовством или мелочной торговлей, было весьма незначительно.

Коренные обитатели невских побережий – ижера, водь и карелы, давно уже принадлежали к христианской православной церкви и по делам религиозным зависели от сельских священников, поставляемых архиепископом новгородским. Жители каждого погоста составляли особую церковную общину, имели свою церковь на погосте и своего священника. Кроме того, в переписной книге показаны также некоторые села, имевшие свою особую церковь, и в разных местах, при описании деревень, упомянуты находившиеся при них часовни, а из описания в той же книге монастырских и церковных имений видно, что в Ореховце, кроме погостской церкви во имя Спаса Преображения, существующей и доселе на южном берегу Невы, были еще две городские церкви и два монастыря, да в городе Кореле (Кексгольме) были три церкви, вместе с погостской, и четыре монастыря; наконец к Карелии же причислялись еще монастыри Коневский и Валаамский, на островах Ладожского озера [129]. Итак, для религиозного развития народа здесь, как видно, не было недостатка в духовных лицах и учреждениях; при всем том, однако же, большинство финского населения этого края, причисляясь к христианской церкви только по имени, коснело еще во мраке языческих заблуждений, и более чтило и слушалось своих *Арбуев*, т. е. знахарей или гадателей, нежели священников. Такая привязанность к вере и обычаям языческим, господствовавшая почти во всей Вотской пятине, не укрылась от просвещенной религиозной ревности архиепископа новгородского Макария, попечениями которого даже и в отдаленной Лапландии в это время насаждены были семена христианства. Скорбя душой об упадке православия в местах, принадлежавших к его епархии, благочестивый архипастырь отправил своего соборного священника Илию, в сопровождении детей боярских Палицина и Ошманаева, во все погосты Копорского, Ямского, Ивангородского, Ореховского и Корельского уездов со святою водою и с окружной грамотой, писанной от 25 марта 1534 года, ко всем игуменам, священникам и дьяконам тех погостов, повелевая им немедленно, вместе с присланными и со всеми верными сынами церкви, приступить к истреблению всех

языческих мольбищ по селам, деревням и лесам и к утверждению заблудшегося народа в правилах христианской веры и нравственности [130]. Так как эта грамота сообщает многие любопытные черты религиозного и семейного быта, нравов и обычаев финского народонаселения невских побережий, то мы считаем необходимым подробнее изложить здесь его содержание.

«Здесь мне сказывали, – пишет архиепископ к подвластному ему духовенству, – что в ваших местах многие христиане с женами и с детьми своими уклонились от истинной христианской, православной веры и церкви Божией, и о церковном правиле не брегут, к церквам к божественной службе не ходят и к вам, к отцам своим духовным, к игуменам и попам, на покаянье не приходят, а молятся в своих скверных мольбищах деревьям и камням, по наваждению дьявола; что среды и пятницы и святых постов они не чтят и не правят, и в особенности в Петров пост многие едят скоромное, да и жертву носят бесам на те свои скверные мольбища, призывая злых отступников, чудских арбуев; что умерших своих кладут они в лесах по курганам и холмам, с теми же арбуями, а к церквам на погосты хоронить не привозят; что те из них, которые женаты, если у них родятся дети, призывают к своим родильницам сперва тех же скверных арбуев, которые дают младенцам их имена по своему, а вас, игуменов и священников, уже после того приглашают крестить своих младенцев; также и на пиры и празднества свои призывают они тех же скверных арбуев, которые ворожат у них на пиршествах, вызывая скверных бесов и смущая христианство своим нечестием. Таким образом (продолжает архипастырь), вследствие их развращенного учения те заблудшиеся христиане многое злочиние и непотребство творили доселе, к великому вреду для истинной веры и православного христианства; а между тем вы, игумены и священники, их от такового злочинства не унимаете и не направляете поучениями, по церковному преданию, на истинную христову веру православную. И то вы очень худо делаете, что о душах детей своих духовных не имеете попечения и не заботитесь об их образовании». Затем, извещая о посылаемых им лицах и о возложенном на них поручении, архиепископ предписывает не ограничиваться одним только истреблением видимых предметов обожания язычников, но стараться искоренить в народе самые понятия и верования языческие посредством христианских поучений;

особенно же приказывает он местному духовенству обратить внимание на главных развратителей народа – на арбуев, собирать их повсюду к упомянутому священнику Илие для слушания его поучений, а впоследствии самим часто поучать их с христианской любовью и кротостью, и строго смотреть за тем, чтобы эти закоренелые идолопоклонники отстали от своей прежней нечестивой жизни и скверных дел своих, чтоб они всегда исправно посещали церкви Божии, часто приходили на исповедь и каялись в своих заблуждениях. «Так как вам, – говорит он священникам, – предстоит о всех душах вверенной вам паствы дать ответ пред Богом в день судный, то вы не должны считать возложенное на вас дело маловажным и нестоющим внимания, но, напротив, вмените себе в наивысшую и священнейшую обязанность исправлять, поучать и руководить всех своих духовных детей, чтоб они впредь жили все в чистоте, в посте и в молитвах». Но если бы кто из арбуев и других упорных идолопоклонников стал уклоняться от поучений священников и продолжать свой прежний образ жизни, то архиепископ приказывает извещать о таких ослушниках тех землевладельцев, у которых они живут, с тем, чтобы владельцы не держали их у себя, но отправляли к нему, к архиепископу, в Новгород. Равным образом и посланным от него детям боярским повелевает он всех закоренелых и нераскаянных язычников брать под стражу и в сопровождении надежных людей отправлять к нему в Новгород, объявляя при том, что все такие законопреступники будут от государя в великой опале и от него, архиепископа, «в конечном извержении, без милости». Самим игуменам и священникам, которые не станут пещися о заблудшихся христианах, архиепископ также угрожает своей немилостью и строгим наказанием; всем же усердным и рачительным в исполнении своей священной обязанности посылает свое архипастырское благословение.

В том же послании своем архиепископ Макарий упоминает еще о противном христианской нравственности обычае пренебрегать узами законного брака, существовавшем в Чуди, в Ижере и Вотской земле, где многие мужья, отвергнув своих жен, жили с чужими женами или с девицами, равно как и жены, оставив своих мужей, жили в позорной связи с другими. Строго порицая столь явную безнравственность, он повелевает духовенству принять деятельные меры к ее уничтожению, и впредь всегда письменно доносить ему о всех

подобных непотребствах, замечаемых ими в семейной жизни туземцев. Преемник же его, архиепископ Феодосий, который в 1548 году признал необходимым возобновить все распоряжения своего предшественника, говорит по поводу того же языческого обычая, что там, по показанию достоверных свидетелей, не только ужья от своих законных жен и жены от мужей своих живут в преступной связи с другими, но и многие неженатые имеют обыкновение брать к себе девицу или вдову на сожительство без венчания, и держат ее недель 5, 6 и 10, иногда же и по полугоду, а потом, если кому принятая им наложница полюбится, вступают с нею в законное супружество, в противном же случае отсылают обратно в прежнее место ее жительства и берут к себе другую, с которой живут опять в такой же противозаконной связи. – Кроме того, Феодосий, осуждая в своем послании те же самые отступления от правил христианской веры и нравственности, как и его предшественник, и повторяя почти буквально все его предписания и наставления, восстает еще против неприличного, по его понятию, головного убора и одеянии чудских женщин. «В ваших же местах, в Чудской земле, говорит он духовенству, замужние жены и вдовы, старые и молодые, бреют себе голову и покров на голове и одежду на раменах носят, подобную мертвечьим одеждам». Находя такую одежду смешной и даже предосудительной для женского пола, он приказывает, чтобы этот, по его словам, «злой и бесчинный обычай» был немедленно уничтожен, и чтобы все женщины одевались, как прилично христианкам [131].

Хотя священник Илия, по свидетельству летописей, два года сряду объезжал погосты Вотской пятины, уча народ и истребляя огнем все видимые предметы обожания язычников, однако благие намерения архиепископа Макария, как видно, не были вполне достигнуты; так как преемник его должен был, спустя 14 лет, снова вооружиться против тех же заблуждений, все еще продолжавших заражать христианскую церковь. Но и усилия сего последнего также не достигли желаемой цели, несмотря на то, что он в своем послании обратился не только к духовенству, но и к князьям, боярам и детям боярским, т. е. ко всем землевладельцам, убеждая их, как верных сынов церкви, всеми зависящими от них средствами содействовать духовенству в истреблении языческого нечестия. Конечно, нетрудно было разрушить мольбища язычников, но против закоренелого суеверия и вековых обычаев, неразрывно

связанных с самым бытом туземцев, ничего не могла сделать материальная сила. Чтобы искоренить их, надлежало бы приступить к образованию, к перевоспитанию народа; но об этом, кажется, не помышляли еще и сами архипастыри новгородские, которые в своих посланиях настаивают преимущественно на том, чтобы обряды православной церкви были строго соблюдаемы всеми. Притом же продолжительные военные тревоги, вскоре наставшие для Ингрии и Карелии, и воспоследовавший затем переход этих стран под власть Швеции – государства лютеранского, необходимо должны были затруднить деятельность православного духовенства и ослабить его влияние на туземцев, которые в то же время легко ускользали и от надзора появившегося здесь нового, лютеранского духовенства, объявляя себя последователями православной церкви. Таким образом они в течение всего XVII века довольно спокойно могли сохранить свои старинные обычаи и верования. Когда же эти страны после почти столетнего шведского владычества снова вошли в состав Русского государства, то те из их обитателей, которые считались православными, поступив под более бдительный надзор православного духовенства, должны были, конечно, подчиниться уставам господствующей церкви; однако многие из них втайне, особенно в домашнем быту, долго придерживались еще древнего язычества и с особенным торжеством справляли между собой некоторые языческие праздники. Еще и в настоящее время в одном уголку Ингерманландии обитают остатки народа, известного у русских под именем *Чудьи*, которые, по некоторым свидетельствам, недалее как в конце прошлого столетия заметно отличались еще и языком и обычаями от всех своих соседей. Они справляли особые торжества в честь коня и какого-то морского чуда, вроде тритона, воздавая их изображениям божеские почести; питали также глубокое уважение к колдунам, прибегая к их советам во всех важных случаях; женщины их, вступая в замужество, брили свои головы и отличались от всех особого покроя головным убором и одеждой. Ныне эти так называемые Чудья, которые на своем языке называют себя "Wadjalaiset", живут в окрестностях Ямбурга, преимущественно в селениях Каттила, Бабино, Мукова, Великие Извозы и Мармовка [132].

Что касается до состояния промыслов и сельского хозяйства рассматриваемой нами местности, то об этом предмете, при скудости и почти совершенном отсутствии источников,

www.aroundspb.ru

нельзя сказать ничего положительного. Без сомнения, в прежнее время, в эпоху цветущего состояния новгородской иностранной торговли, путем которой служила Нева, берега этой реки были и населеннее и богаче, нежели впоследствии, когда крутые меры Иоанна III почти уничтожили эту торговлю, заставив купцов ганзейских покинуть Новгород и перенести свои конторы в города Ливонии, особенно в Нарву, куда, через южные местности Вотской пятины, преимущественно уже сухим путем, направился и остаток торговой деятельности новгородцев. С тех пор берега Невы, оставшись совершенно в стороне от всякого торгового движения, необходимо должны были изменить свою физиономию: множество рук, занятых прежде перевозкой товаров, их нагрузкой и выгрузкой, осталось без работы, а следовательно, и без хлеба; нужда и бедность водворились и в городах, и в селениях, из которых многие опустели, ибо хлебопашество и соединенные с ним сельские промыслы, служившие, по падении торговой деятельности, единственным средством к существованию, не могли, при суровости и непостоянстве климата и неблагодарности почвы, удовлетворять потребностям даже немногочисленного народонаселения [133]. – При этом нельзя не вспомнить о тех естественных бедствиях, которые здесь, под суровым небом севера, так часто затрудняли успехи земледелия и, нередко разом уничтожая все труды и надежды селянина, вносили смерть и отчаяние под мирный кров его хижины. Летописи новгородские и псковские наполнены известиями о повсеместных неурожаях, дороговизне и голоде, о заразных болезнях, поражавших и людей и животных, о наводнениях, пожарах и других несчастьях, против которых совершенно беззащитным являлось тогдашнее необразованное общество. Излагая доселе ход событий политических, мы не могли касаться тех из этих известий, которые не имели непосредственной связи с нашим повествованием; пополним же теперь этот пробел и укажем на те враждебные действия северной природы, которые причиняли в новгородской области, и следовательно, и на невских побережьях опустошения, несравненно ужаснейшие, чем огонь и меч неприятельские.

Первое известие о дороговизне новгородские летописи сообщают под 1123 годом, когда новгородцы во время похода на Ямь, должны были платить за каждый хлеб по погате. Впрочем, эта дороговизна, кажется, была ощутительна не для всей страны, а только для войска, которое, предприняв

поход в конце зимы, вероятно, было на обратном пути застигнуто весенней распутицей, затруднившей подвоз продовольствия. Но 1127 год был ужасен для всей новгородской области. Летописцы говорят, что весной, в предыдущем году, снег лежал на полях до Яковля дни (30 апреля), что вода была велика в Волхове, и в течение нескольких дней густая мгла покрывала и землю, и воду, и жилища, а под осень рано наступившим морозом побило весь несозревший еще хлеб, яровой и озимый, и потому в продолжение всей зимы осьминка ржи продавалась по полугривне; весной же 1128 года опять было сильное наводнение – затопило поля и деревни, и снесло многие жилища, причем и людей немало погибло. Тогда осьминку ржи стали продавать уже по гривне,... настал общий голод: народ питался кониной, мхом, липовыми листьями, березовой корой, мякиной, древесной гнилью; изнуренные голодом, как привидения, бродили по городу и падали мертвые друг подле друга. По улицам, по торгу, по всем дорогам и окрестным полям валялись трупы, заражая воздух смрадом тления; правительство должно было приставить наемников, чтоб вывозить и хоронить их, ибо никто не заботился о своих покойниках, каждый думал только о своей участи. Отцы и матери даром отдавали в рабство купцам иноземным детей своих, чтобы не видеть их страданий, а сами – или умирали, или разбрелись по чужим землям. «Так за грехи наши опустела земля наша», – заключает летописец. В 1145 году в течение двух недель перед жатвой стояла ужаснейшая жара, а потом полили дожди и шли, не переставая, до глубокой осени; реки повсюду переполнились и выступили из берегов, все низменности были залиты водой, хлеба и сено совершенно пропали, и потому жизненные припасы, разумеется, должны были подняться в цене, хотя летописцы и не упоминают об особенной дороговизне. В 1161-м все лето было сухое и знойное, жито везде пригорело, а яровые побил осенний мороз; затем, к большему еще несчастью, настала зима теплая и дождливая, даже с громом; дороги испортились, подвоз был труден, и все сильно вздорожало: «мы покупали кадку малую по 7 кун. О, велика скорбь и нужда были в людях!» – восклицает летописец. Зимой 1188 года в Новгороде покупали хлеб по 2 ногаты, а кадь ржи по 6 гривен, что, однако же, не причинило особенных несчастий. Но страшные бедствия постигли этот город со всеми его владениями в 1215 году, когда хлеба повсюду, кроме Торжка, были истреблены осенним морозом,

и когда княживший в Новгороде Ярослав Всеволодович, оскорбленный своеволием граждан, удалился в Торжок и, не пропуская оттуда ни одного воза с хлебом, начал бесчеловечно морить непокорных голодной смертью. Настала неслыханная дороговизна: кадь ржи стоила 10 гривен, кадь овса 3 гривны, воз репы 2 гривны. Сосновая кора, липовый лист, мох служили обыкновенной пищей для бедного народа, который умирал во множестве. «О горе, братие! – восклицает летописец, – по торгу трупы, по улицам трупы, по полю трупы!.. голодные псы не успевают пожирать их». Из окрестных волостей летописец указывает в особенности на опустение Водской земли, жители которой большей частью погибли с голоду, остальные же разбрелись во все стороны. Но еще более мрачными красками изображают летописцы ужасы голода, грозившего в 1230 году совершенным истреблением Новгорода, и отвращенного только в следующем году привозом хлеба из-за моря, о чем мы уже говорили выше. Годы 1251, 1291, 1303, 1308, 1314, 1421, 1422 и многие другие также принадлежали к числу неурожайных, более или менее тяжелых для Новгорода и его области [134]. Перечень таких несчастных годов можно бы еще пополнить известиями псковских и других летописей, касающимися также, по преимуществу, северной России, но мысль невольно отвращается от этой печальной картины человеческих страданий, которые, однако же, учат нас дорожить усилиями современной науки и благодетельными мерами просвещенного правительства, соделавшими подобные страдания редкими и почти неслыханными в наше время.

Другой бич, который не щадит и современного общества и который тем с большей лютостью долженствовал свирепствовать во времена невежества и мрака, это – моровая язва и разные повальные, заразные болезни. Конский падеж, случившийся в 1042 году, во время похода новгородцев на Ямь, мог быть и следствием бескормицы, но под 1115 годом летописец, замечая, что в самом Новгороде пали все кони у князя Мстислава и у дружины его, вероятно, указывает на бывшую тогда заразу. Особенно же сильный мор на скот и людей свирепствовал в Новгороде в 1158 году; все улицы, по словам летописца, до того были завалены гниющими трупами людей и животных, что невозможно было пробраться на площадь, и нигде – ни в городе, ни за городом, не было спасения от смрадной вони, заражавшей воздух. О моровых

поветриях, похищавших лошадей и рогатый скот в Новгороде и в его области, летописцы упоминают еще под 1203, 1291 и 1341 годами [135]. Но все эти бедствия были ничтожны в сравнении с той ужасной эпидемией, которая появилась в России с половины XIV века под названием *Черной смерти*. Начавшись, по некоторым известиям – в Индии, по другим – в Китае, она в немногие годы обошла почти весь тогда известный свет и истребила несметное множество людей повсюду. В 1346 г. появилась она в странах прикаспийских и в Черноморье, опустошила Анатолию, Сирию, Египет, Грецию, и, занесенная на генуэзских кораблях в Италию, распространилась оттуда по всей западной Европе. В Швеции она появилась в 1350 году. Олай Петри, живший 200 лет спустя, говорит, что она пощадила там только небольшую часть жителей, что многие города и селения совершенно опустели и что еще в его время многие местности, прежде заселенные и обработанные, были покрыты диким лесом [136]. Из Швеции или из Германии, вероятно, на ганзейских судах эта страшная язва перенесена была во Псков и в Новгород и быстро разлилась по всей земле Русской, которой суждено было сделаться ее последней жертвой. Во Пскове она открылась весной 1352 года и свирепствовала до самой зимы, а в Новгороде продолжалась с такой же лютостью с 15 августа до Пасхи следующего года. Обнаруживалась она обыкновенно железами и кровохарканьем, после чего на второй или третий день следовала смерть неизбежная. Во Пскове смертность была так велика, что не успевали хоронить умерших, священники разом отпевали по 30 и более покойников, наконец и на кладбищах не было более места для новых могил; стали хоронить в лесах и в поле. В Новгороде архиепископ Василий и множество лучших граждан, не говоря о простом народе, были жертвой этой язвы, которая в то же время свирепствовала и в Ладоге, и в других городах и селениях. Вероятно, от той же язвы пострадала тогда и Москва, где в короткое время (весной 1353 г.) умерли митрополит Феогност, великий князь Симеон, два сына его и брат Андрей Иоаннович [137]. Но все это было только началом тех ужасных страданий, которые с того времени, по воле Провидения, часто посещали Русскую землю, повторяясь по несколько раз, с большей или меньшей силой, в одних и тех же местностях. Так, во Пскове мор этот возобновлялся в 1360, 1390, 1404, 1406, 1421, 1425, 1442 и в следующем годах. В Новгороде он появился вторично в 1390 году, с особенной же силой начал

свирепствовать там, равно как и в Ладоге, Русе, Порхове и в других городах, также в монастырях и в селах, по всем волостям и погостам, в 1417 году. В Новгороде ежедневно умирало столько, что до самого заката солнечного не успевали похоронить всех; многие дворы совершенно опустели и были заперты; «многих же христиан, – прибавляет летописец, – Бог помиловал своей милостью: приняв пострижение, они отошли от сей жизни в образе ангельском, помазанные от иереев святым миром; так умерли и два посадника». С 1420 до 1427 года моровая язва, сопровождаемая страшными бурями, дождями, наводнениями и голодом, продолжала свирепствовать в разных местностях России, как на юге, так и на дальнем севере, между прочим и в Карелии в 1424 году [138]. Годы 1465–1467 были опять столь же ужасны, особенно для Пскова и Новгорода со всеми их волостями и погостами. Если верить исчислению летописца, то в Новгороде, в Старой Русе и во всех областях новгородских в течение 1467 года умерло всего мужчин и женщин 250 652, в том числе в одном Новгороде 48 402 человека [139]. Не удивительно, что в России, терзаемой столь продолжительными и ужасными бедствиями, возникла в это время мысль о скорой кончине мира – общая всем сословиям.

Кроме голода и моровых поветрий, враждебная природа преследовала жителей невских побережий еще и другого рода бедствиями – наводнениями и страшными лесными пожарами. Хотя исторические известия о разлитиях Невы и произведенных ими опустошениях не восходят далее исхода XVII и начала XVIII века, но если принять в соображение, что и в наше время, при сильных юго-западных ветрах эта река, останавливаемая в своем течении напором волн Финского залива, часто переступает противопоставленные ей гранитные преграды и грозит гибелью обитателям своих устий, то можно утвердительно сказать, что в прежние времена, когда уровень воды как в Неве, так и в огромном резервуаре, которому она служит единственным истоком, был значительно выше нынешнего, – наводнения случались еще чаще и опустошали большее пространство прибрежной равнины, чем теперь, когда природные условия этой местности уже во многом изменились. Древнейшее известное нам наводнение случилось в 1691 году, когда все пространство при низовьях Невы было покрыто водой до самого Ниэншанца. Не менее сильно было наводнение, постигшее Петербург спустя 12 лет по его основании: весь город был покрыт водой, которой снесло почти все существовавшие тогда мосты, размыло насыпи и поломало

береговые плотины. 5 ноября 1721 года жестоким юго-западным ветром, продолжавшимся 9 дней сряду, подняло воду на 7 футов и 4 дюйма выше обыкновенного уровня, причем не только город и крепость, но и строившийся тогда Ладожский канал значительно пострадали [140]. Сведения о наводнениях последующих годов, основанные на точных наблюдениях, произведенных при Адмиралтействе, были своевременно сообщаемы в календарях, издаваемых Академией Наук.

Что в Ладоге и соединенных с ней реках и озерах вода в прежние времена стояла гораздо выше нынешнего своего уровня – это подтверждается отчасти и свидетельством летописей, которые, умалчивая о Неве, сообщают множество известий о наводнениях Волхова, причинявших более или менее значительный вред Новгороду. Мы позаимствуем эти известия, полагая, что в истории Невы как реки, составляющей как бы продолжение Волхова, они не покажутся лишними.

В 1127 и в следующем годах многие жилища в городе были снесены высокой весенней водой. В 1143 году вследствие беспрерывных осенних дождей, продолжавшихся до половины декабря, озеро и все реки до того переполнились, что запасы дров и сена были повсюду снесены водой; потом, при такой высокой воде озеро в одну ночь замерзло, а через несколько дней лед разломало ветром и вогнало в Волхов, где поломало и снесло городской мост. Осенью 1145 года вследствие тех же причин вода стояла еще выше, «тогда и два попа потонули», – замечает летописец. Осенью 1228 года повторились опять те же самые несчастья и от тех же причин, как и в 1143. Лето 1251 года было чрезвычайно дождливое, все низменности были залиты водой, сено и хлеба погибли, и волховский мост опять был снесен. Такие же несчастья с мостом случались и в 1335, 1338 и 1345 годах; а в 1421 году (который памятен также голодом и моровою язвою) снесло и другие мосты и многие дома, вместе с домашним скотом, в разных частях города, и церковь св. Троицы; во многих же других церквах обедню служили только вверху, «на полатех». К этому другой современный летописец прибавляет, что 19 окрестных монастырей стояли совершенно в воде, так что иноки должны были на лодках переправляться в церковь, и только на подмостках могли совершать богослужение, а в иных церквах и вовсе служить невозможно было. В 1436 году также было сильное наводнение, а весной следующего года было оно еще сильнее и, кажется, продолжительнее, потому что не только земляные валы и насыпи были размыты водою, но

даже каменная крепостная стена и примыкавшая к ней колокольня расселись и рухнули в Волхов [141]. В последней половине XV и в XVI столетиях летописцы уже редко упоминают о наводнениях Волхова, потому, вероятно, что наводнения эти, которые и доселе повторяются каждой весной, теряли постепенно свою силу и не сопровождались уже особенными несчастьями.

О лесных пожарах мы также немного находим известий у летописцев, вообще мало занимающихся судьбой сельского народонаселения. Древнейшее такого рода известие встречается под 1092 годом, впрочем, у южного, киевского летописца, который, повествуя о разных бедствиях, посетивших Русскую землю, говорит, между прочим, что в это время была столь страшная засуха, что земля горела и многие леса и болота возгорались сами собой. В 1298 году также горели, по показанию разных летописей, боры, леса и болота вследствие необыкновенной засухи; а в 1384 году в новгородской области погорели леса и склады сена во многих местах по пожням, в самом же Новгороде, в продолжение многих дней и ночей, господствовал такой мрак в воздухе, что птицы, не видя, куда лететь, падали на землю или в воду, и люди не смели ездить по рекам и озерам, опасаясь несчастий [142]. То же было и в 1430 году: летописец говорит, что осень этого года была чрезвычайно суха и маловодна, что земля и леса горели, и воздух до того был помрачен дымом, что иногда в нескольких шагах нельзя было различить друг друга на улице; птицы и рыбы задыхались и мерли от дыма, и даже впоследствии, если верить летописцу, рыба в течение двух лет еще отзывалась дымом [143]. Хотя в этих известиях и не упоминается именно о берегах Невы, но нет сомнения, что и в этой стране мшистые, торфяные болота и сосновые леса нередко во время сильных летних жаров делались добычей огня, а вместе с тем гибли и все плоды трудов бедного селянина, и сами селения.

Удивительно ли после этого, если в стране, терзаемой столь многообразными бедствиями, сельское хозяйство находилось постоянно в жалком состоянии, и если само народонаселение всегда было бедно и малочисленно? И при всем том, однако же, страна эта – можно сказать, к несчастью ее обитателей – имела чрезвычайно важное значение в отношении политическом, а потому и многовековая борьба за обладание ею, после краткого перерыва, не замедлила возобновиться и, как сейчас увидим, причинила ей новые страдания.

Глава 7

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ БОРЬБЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ШВЕЦИЕЙ ИЗ-ЗА ГОСПОДСТВА НА ПОБЕРЕЖЬЯХ НЕВЫ ПОСЛЕ УТВЕРЖДЕНИЯ ДИНАСТИИ ГУСТАВА ВАЗЫ НА ШВЕДСКОМ ПРЕСТОЛЕ. ТЯВЗИНСКИЙ ДОГОВОР 1595 ГОДА

Вскоре по утверждении, в 1513 году, мирного договора с Россией в Швеции совершился один из величайших государственных переворотов, конечным результатом которого было свержение датского владычества и утверждение на престоле династии Вазы в лице избавителя отечества, Густава I. Новый король, желая, во-первых, обезопасить свои владения с востока, поспешил известить великого князя Василия Иоанновича о своем вступлении на престол и об искренней готовности своей хранить нерушимо мир и дружбу с Россией; вслед за тем послы его возобновили в Новгороде с тамошним наместником великого князя шестидесятилетнее перемирие, утвержденное новой договорной грамотой от 3 апреля 1524 года. Великий князь дозволил шведским купцам иметь свой особенный двор в Новгороде и свободно торговать во всей России; касательно же границы обоюдных владений, которая все еще не была определена с точностью, и потому часто служила поводом к распрям и неудовольствиям, положено было выслать к определенному сроку уполномоченных с той и другой стороны на границу для точнейшего ее исследования и размежевания, а до окончания этого дела предписывалось пограничным властям решать полюбовно на месте все жалобы, могущие возникнуть со стороны жителей на обоюдные обиды и насилия, и непременно в месячный срок удовлетворять обиженных, хотя бы виновные в течение этого времени и не были отысканы. Спустя три года (26 мая 1527) король торжественно утвердил этот договор крестным целованием и приложением своей печати в присутствии русского посла, в Стокгольме; причем обещался при первой возможности условиться письменно с великим князем о месте и

времени съезда уполномоченных для точнейшего определения пограничной линии и окончательного решения всех споров, возникших по этому поводу между обоюдными подданными [144]. Таким образом, все, по-видимому, внушало надежду на прочный и продолжительный мир между соседями. Но, к несчастью, король Густав, слишком озабоченный внутренними делами своего государства, не мог обратить должного внимания на спорный вопрос о восточной границе и на поступки тамошних своих подданных. Не предвидя, конечно, чтобы эти – вероятно, по его мнению – безделицы могли подать повод к разрыву и кровопролитию, он еще менее мог предвидеть, чтобы те самые лица, которых он почтил своим доверием и поставил для охранения порядка и спокойствия в этом отдаленном крае, могли сами сделаться виновниками несчастий, посетивших его в последние годы его жизни; а между тем последствия доказали, что эти правительственные лица, дальностью места скрытые от бдительных взоров короля, нередко сами, для собственных выгод, самовольно переступали границу и грабили русских подданных, которые, со своей стороны, разумеется, не думали оставаться в долгу, но, напротив, при первом удобном случае пользовались правом возмездия.

Впрочем, эти пограничные распри, хотя и вызывали частые жалобы и дипломатическую переписку между правительствами, однако не угрожали еще близким и явным разрывом, ибо Густав Ваза искренно желал сохранить мир и дружбу с Россией, а Россия в то время не могла не желать того же, особенно по смерти Василия Иоанновича, когда на престол вступил малолетний сын его Иоанн IV. Посему все возникшие несогласия легко могли быть преданы забвению, и в 1535 году послы королевские, поздравив Иоанна с восшествием на престол, возобновили с его наместником в Новгороде шестидесятилетнее перемирие. Но король, желая иметь дело не с новгородскими наместниками, а с самим великим князем, не утвердил этого договора и через два года прислал в Москву новых послов Кнута Андерсона Лилье и Бьерна Классона Лейона, которые, хотя и начертали в Москве с боярами великого князя условия договора, однако для утверждения их должны были также отправиться в Новгород и там с великокняжескими наместниками, князем Борисом Горбатым и Михайлом Семеновичем Воронцовым подписали в день Благовещения (25 марта) 1537 года новую договорную грамоту

о перемирии между Россией и Швецией от означенного дня впредь на 60 лет. Дозволение торговать свободно шведам в России и русским в Швеции, обоюдная выдача перебежчиков и восстановление древней границы, утвержденной Ореховским трактатом между шведскими и русскими владениями в Карелии, – были главными условиями этого договора. Но, к сожалению, исполнение последнего условия было отсрочено на 10 лет; а именно уполномоченным с той и другой стороны назначено было только в 1547 году на Ильин день собраться в деревне Соболине на реке Воксе, чтобы с обоюдного согласия покончить все споры и восстановить древние порубежные знаки [145]. Разумеется, коль скоро главная причина раздоров не была по заключении перемирия тотчас уничтожена, то и все усилия поддержать спокойствие на границе оставались тщетными; грабежи и разбои то шведских подданных в Русской Карелии, то русских в шведской беспрестанно возобновлялись. Так, зимой 1544 года толпа вооруженных поселян из Ореховского уезда, ворвавшись в Эврепяский округ Выборгской области, перерезала там нескольких чиновников и двенадцать крестьян и трупы их пустила под лед; потом хищники эти бросились на Терваиоки, лучшую деревню во всем округе, состоявшую из 40 дворов, разграбили ее и угнали с собой весь скот от жителей. Выборгский комендант Нильс Граббе тотчас уведомил о таком самоуправстве новгородского наместника и самого великого князя, требуя наказания виновных и вознаграждения шведских подданных за понесенные ими убытки. В ответ на эту жалобу русские послы представили королю в начале следующего года подобные же жалобы на грабежи и разбои, совершенные его подданными в русских владениях. Но так как они не хотели ничего слышать о притязаниях, предъявленных со шведской стороны, а настаивали только на вознаграждении русских подданных, то требования их, разумеется, были отвергнуты, и они уехали, объявив мир нарушенным. Проезжая через Финляндию, они были задержаны по распоряжению Граббе и заключены под стражу в Борго; но король, узнав об этом, повелел освободить их немедленно, и в то же время отправил своего гонца с грамотой к великому князю, жалуясь на поведение этих послов и предлагая назначить летом того же года съезд уполномоченных на границе для полюбовного решения всех споров. В июне королевские уполномоченные действительно отправились на границу, но с русской стороны в этот раз никто не явился, и споры остались

перешенными [146]. Спустя два года (зимой 1547) опять явился в Стокгольме русский посол по имени Василий Яковлевич, с жалобой на разные несправедливости и насилия, совершенные шведами в русской Карелии. По этому случаю король тотчас отправил в Россию своего посла с объяснениями, а так как в это же время приближался уже срок, назначенный договором 1537 года, для размежевания границы, то послу поручено было также просить, чтобы это размежевание, от которого шведы постоянно старались уклониться, было отложено до другого, более благоприятного времени [147]. Значит,. шведы сами чувствовали, что в вопросе о границах право было не на их стороне, и что при восстановлении древней границы, утвержденной Ореховским договором, им пришлось бы отказаться от многих земель, захваченных ими после этого договора.

Ко всему этому присоединились еще частые распри за Лапландию, где шведские, норвежские и русские промышленники и сборщики дани, пользуясь неопределенностью границ, едва ли в точности известных и самим правительствам, дозволяли себе уже с давнего времени производить беспрестанные вторжения в чужие пределы. Владея всей восточной Лапландией, от Белого моря до Финнмаркена и Северного океана, русские в прежнее время мало обращали внимания на эту отдаленную и бедную страну с ее полудикими обитателями; но когда в первой половине XVI века благочестивая ревность архиепископа Макария насадила там семена Христианства и воздвигла православные церкви и монастыри, тогда сношения этого края с Новгородом и Москвою естественно сделались чаще и деятельнее прежнего, а в то же время чаще прежнего стали слышаться оттуда и жалобы на враждебные действия соседей. Особенно же беспокоили там русских подданных так называемые Биркарлы – шведские промышленники, которые, пользуясь уже с давнего времени, как откупщики, правом сбора податей со шведской Лапландии, но не довольствуясь пределами этой страны, пробирались оттуда все далее на север, в чужие владения, и взимали дань, где им не следовало. Основываясь на праве давности, они в XVI веке считали себя уже как бы законными хозяевами всего пространства земель по берегам Северного океана от норвежской границы до река Колы; а потому, когда русские стали вытеснять их оттуда – борьба неизбежно вспыхнула. Шведы начали жечь русские церкви и монастыри и вооруженною рукою продолжали соби-

рать дань с русских подданных. И это происходило в то самое время, когда царь Иоанн IV, озаренный славою покорителя Казани, стоял на высшей степени своего могущества! Не желая однако же разрыва и бесполезной войны со Швецией, но стоя только за свое право, Иоанн повелел новгородскому наместнику тотчас отписать к королю о насилиях, чинимых его подданными. Но посланный с письмом от наместника Никита Кузьмин, сначала долго задержанный в Выборге (так как король не хотел сноситься с наместником), был, по прибытии в Стокгольм, признан лазутчиком и заключен под стражу, потому что в это самое время, осенью 1554 года, война уже загорелась на карельской границе [148].

Одним из главнейших спорных пунктов на этой границе была одна местность в Кивинебском приходе Выборгской губернии, еще и доселе известная у финнов под именем *Рійтама* (Riita-maa), т. е. спорной земли. Русские, основываясь на древних трактатах, утверждали, что местность эта лежит внутри их пограничной черты, и по всем правам должна составлять их законную собственность; но она, вероятно, давно уже была занята шведами, была ими заселена и обработана и принадлежала к числу коронных, или королевских имений. Здесь на значительной возвышенности, в том месте, где теперь стоит пасторский дом, близ кивинебской церкви, находилось в описываемое нами время небольшое шведское укрепление, начальником которого был королевский фогт Антерс Нильсон. Этот человек, по свидетельству самих шведских писателей, подал первый повод к тому, что частные драки и разбои, происходившие доселе на границе между шведскими и русскими подданными, превратились наконец в открытую войну между самими правительствами: увлеченный жаждой корысти, он со своими людьми и с некоторыми другими пограничными начальниками, без ведома и против воли короля вторгнулся в русскую Карелию и опустошил ближайшие селения. Естественно, что в этом набеге королевского чиновника, начальника пограничной крепости, русские пограничные начальства видели уже явно неприязненное действие самого шведского правительства, и потому считали себя вправе прибегнуть к возмездию. В ноябре того же года 8000 русских под предводительством какого-то боярина Ивана Федоровича Борувсына, как сказано в шведских известиях, напали на упомянутый спорный участок (Riita-maa) и дочиста ограбили все селения, отобрав у жителей весь собранный ими хлеб

и прочие запасы; остальное же, чего не могли увезти с собою, предали сожжению, объявив, что все это, как произведения земли, принадлежащей России, составляет их собственность [149].

По показанию шведских историков, не подтверждаемому, однако же, свидетельством русских летописей, русские в начале 1555 года опять перешли границу и 18 января стали под Выборгом, где и простояли с главными силами в течение трех дней, высылая отдельные отряды для опустошения окрестных селений. Некоторые из этих отрядов проникли даже в окрестности Вильманстранда, сожгли там одну мызу с многими деревнями и перебили множество жителей, не пощадив и старшего их пастора. Но на возвратном пути от Выборга русские, по рассказам их неприятелей, были так неблагоразумны, что, следуя по льду через Ревохяндский залив, столпились все в одну кучу для какого-то совещания; оттого лед, не выдержав такой тяжести, провалился, и все они погибли [150]. 7 марта того же года толпа русских подданных из Карельского уезда бросилась на Валкьярвский приход, где разграбила и сожгла многолюдную и богатую пограничную деревню *Нурмьярви*. Ободренные удачей, хищники через день явились еще в большем числе, намереваясь ограбить и другие деревни, но встреченные соединившимися жителями, потерпели совершенное поражение. В то же время, но в гораздо больших размерах, открылись враждебные действия и на границе Ореховского уезда: Иван Григорьевич Бибиков, по приказанию новгородского наместника, собрал многочисленное ополчение (до 30 тысяч, по шведским известиям), которое четырьмя отдельными толпами одновременно, 11 марта, в четырех местах перешло границу и начало жечь и разорять селения, убивая жителей без различия пола и возраста. Главная толпа (более 12 тыс. по тем же известиям), под личным предводительством самого Бибикова напала на Кивинебский приход, где сожгла более сотни дворов и, между прочим, разорила деревню *Иоутселькя*, в верстах 15 от Кивинеби. Но наконец начальник этой крепости Ионс Моисон, имея только 3 эскадрона кавалерии, 5 батальонов пехоты и 5 орудий и присоединив к ним до 400 вооруженных крестьян, смело двинулся на неприятелей и нанес им решительное поражение: более 600 из них пали на месте, прочие же, побросав оружие и обозы, поспешно бежали в свои пределы; до 2000 штук разного оружия и 500 коней, не считая множества съестных припасов, достались в добычу

победителям. Между тем три другие отряда, вторгнувшиеся через границу, сведав о поражении главных сил своих, также поспешно удалились, успев, однако же, разграбить и сжечь многие деревни и мызы в пограничных приходах Эврепяского уезда. Потом, несколько дней спустя, отряд конницы, высланный из Кивинеби к югу для охранения границы, наткнулся ночью на партию русских, гнавших перед собой стадо скота, отнятого ими у жителей деревни *Мецякюля* (Новокиркского прихода), и в происшедшей между ними схватке несколько русских было убито, а прочие бежали, покинув свою добычу. В другой раз опять несколько русских прокрались ночью к Кивинеби и похитили целый табун лошадей, принадлежавших стоявшему там шведскому войску. В отмщение за это шведы на другой день бросились на ближайшие к границе русские селения, где забрали весь рогатый скот и овец и перебили многих из жителей [151].

Так продолжались частные неприязненные действия в течение целого лета, и длинная полоса земель по обе стороны пограничной линии, в ширину верст на двадцать и более, служила театром постоянных грабежей и разбоев, хотя, собственно говоря, войны еще не было, ибо ни царь, ни король еще не объявляли разрыва, напротив, оба искренно желали поддержать мир; но мир был нарушен, и с обеих сторон начались воинские приготовления. Король усилил свои сухопутные войска на карельской границе и туда же отправил часть своего флота из нескольких кораблей и галер, под начальством полковника Якова Багге, поручив ему принять меры к охранению границы и вместе с тем вникнуть обстоятельно в положение тамошних дел, расспросить и разыскать на месте, отчего возгорелись те неприязненные действия русских, на которые беспрестанно жалуются пограничные начальники. Прибыв в Выборг и оставив там свой флот, Багге на малых судах и лодках с немногими людьми и с несколькими орудиями отправился прямо в Неву с той целью, чтобы разведать по возможности о планах и намерениях русского правительства, и в то же время лично осмотреть фарватер, пристани, мели, вообще – собрать сведения о местности, необходимые для нападения с моря на Ингерманландию. Он беспрепятственно вступил в русские владения и, поднявшись вверх по Неве, стал в верстах 15 от Нётеборга. Там 3 августа явился к нему посланный от нётеборгского комендапта с вопросом: почему он без дозволения вступил в Неву и с какой целью, и если он

прислан с какими-либо поручениями от своего короля, то почему не известил о том коменданта? На это Багге отвечал, что он не посланник, а воин, стоящий на море, и приехал единственно с тем, чтобы найти какого-нибудь добросовестного боярина, который бы по чистой совести объяснил ему положение дел на границе, так как на показания живущих там как шведских, так и русских подданных, лично замешанных в распре, и потому равно пристрастных, он никак не может полагаться. Он откровенно объявил также, что предпринял эту поездку не по приказанию короля, а сам собою, полагая, что условия мирного договора предоставляют ему право, как и всякому шведскому подданному, беспрепятственно посещать Россию с мирной целью. Касательно же несчастных пограничных распрей он заметил, что, по его мнению, для устранения их и восстановления прочного мира великому князю стоило бы только вступить в прямые сношения с королем шведским, отправив не от имени новгородского наместника, а прямо из Москвы собственного полномочного посла в Швецию; тогда он мог бы тотчас убедиться, друг ли ему или враг король шведский. Наконец Багге просил еще присланного к нему боярина выдать одного шведского перебежчика по имени Эрика Иёрмеля, который, убив королевского фогта, бежал к русским и служит у них шпионом, укрываясь в Ингерманландии. Но как боярин объявил, что не может без ведома и разрешения своего государя выдать этого человека, то Багге сказал ему: «нет пользы от покровительства изменникам; если бы я захотел иметь дело с подобными негодяями, то знай, что такие есть и между вами, даже теперь, во время моего пребывания здесь, ко мне являлись люди, предлагавшие указать мне в лесах потаенные убежища, где сокрыты имущества бояр, их жены и дети. Но я прогнал их и сказал, что если они еще придут ко мне, то будут связанными отправлены в Нётеборг». Эта речь весьма понравилась боярину, и когда Багге вслед за тем предложил плату за живность и прочие съестные припасы, взятые его людьми от прибрежных жителей, то боярин, протянув руку на прощание, сказал: «люди твои, разумеется, не могли оставаться без пищи; если что взято и съедено, так на здоровье». Отсалютовав доброму боярину залпом из ружей и двумя пушечными выстрелами с каждой галеры и яхты, Багге благополучно возвратился в Выборг [152].

Тотчас по своем возвращении Багге отправил к королю (который тогда с морскими и сухопутными силами стоял уже

в Або) письменное донесение о результате своей поездки и, вместе с тем, не смея всего вверить бумаге, поручил посланному с этим донесением Олафу Скотте словесно сообщить королю подробнейшие сведения о тогдашнем положении пограничных дел, равно как и некоторые соображения свои касательно предстоящих военных действий. Но к несчастью этот доверенный вместо того, чтобы говорить истину, дерзнул обмануть престарелого короля, представив от имени Багге, что шведское войско, расположенное на границе, терпя крайний недостаток в продовольствии, горит желанием попытать счастья в изобильной запасами России, чтобы по крайней мере прокормить себя на счет неприятельский; что будто и разоренные крестьяне Саволакса и шведской Карелии готовы, в числе 20 тысяч, подкрепить регулярную армию в этом походе; что будто бы все бояре Кексгольмской губернии тайно преданы шведам и готовы при первом их появлении перейти на их сторону и сдать свои укрепления, и будто бы сам великий князь московский недавно скончался. Увлеченный этими лживыми известиями, король дозволил Багге действовать по его благоусмотрению с тем, однако, чтобы он сам предварительно удостоверился во всем и тщательно взвесил все обстоятельства прежде, нежели вдаться в столь рискованное предприятие. Но легкомысленный Скотте, ослепленный мечтами о воинской славе и надеждой стяжать великие выгоды от вторжения в Ингерманландию, выдал по возвращении в Выборг это условное и обманом исторгнутое согласие короля за непременный приказ действовать наступательно и потому уже 10 сентября 1555 года войско, состоявшее, впрочем, только из 4000 человек, двинулось сухим путем и морем на Россию.

Яков Багге, главный начальник всей экспедиции, командовал флотом, а пехота и конница шли берегом под предводительством Генриха Классона Горна, Нильса Бойе и Класа Христерсона Горна. Флот направился прямо в Неву и, не встретив ни малейшего сопротивления от русских, стал под Ореховцем. Туда же вскоре явилось и сухопутное войско, которое, разбив и рассеяв на пути полчища русских и совершив утомительный переход через мхи и топкие болота, 15 сентября раскинуло свой лагерь на карельском берегу Невы, против крепости. Но тут шведы вскоре убедились, что овладеть Ореховцем было совсем не так легко, как они полагали; ибо крепость эта, кроме стен, имевших местами три сажени толщины, была защищаема еще сильным стремлением воды, которое

не дозволяло их судам употребить в дело свои орудия; выстрелы же их полевой артиллерии с противоположного берега по дальности расстояния не достигали стен крепости. К тому же еще им угрожал здесь голод, ибо все продовольственные запасы, на изобилие которых в этой стране они так рассчитывали, были или вывезены, или истреблены русскими.

При таких обстоятельствах решено было убраться отсюда поскорее. 29 сентября лагерь был снят и сухопутное войско двинулось в обратный путь, но Багге со своей флотилией был в тот день задержан сильным противным ветром и подвергся величайшей опасности, ибо ветер к полудню превратился в жестокую бурю, которой шведские суда были прибиты к берегу, почти под самой крепостью. Русские, желая воспользоваться несчастьем своих противников, тотчас густой толпой бросились на них из крепости, и в то же время с другой стороны двинулось на них русское войско, державшееся на берегу, вне крепости. Гибель шведов казалась неизбежной; но к счастью Багге успел еще вовремя высадить на берег свою артиллерию и меткими выстрелами принудил нападающих к отступлению. Потом, когда буря утихла, он снова сел на суда и на рассвете медленно спустился вниз по течению. Но как ветер все еще был противный, то шведы, достигнув устья Невы, расположились в довольно спокойной гавани, при впадении реки Охты, где и провели четверо суток, отбиваясь от беспрестанных нападений русского войска. Наконец, дождавшись попутного ветра, они благополучно вышли из невского фарватера и 4 октября достигли выборгских владений. Их сухопутное войско было также на обратном пути сильно тревожимо русскими, однако отразило их полчища, положив многих на месте, и с ничтожной потерей возвратилось в свои пределы [153].

Так говорит об этом походе историк короля Густава I, и справедливость его показания, что касается общего хода события, подтверждается и русскими известиями; однако в последних некоторые подробности дела представлены с другой точки зрения, а потому, дабы читатель мог выслушать обе стороны, мы приведем здесь и эти известия, держась безыскусственного рассказа Никоновской летописи.

«Лета 7064, в сентябре (следовательно в 1555 г.), король свисский Гостав, преступив крестное целование и перемирие порушив, прислал войною воеводу своего Якова Багу со многими людьми к Орешку; а пришел Яков от Выбора сухим путем на конех и пешие с ним люди были многие, и в бусех

с моря Невою пришли в то же время с нарядом многие же люди к Орешку же. И по городу из наряду били и землю воевали, а стояли под городом три недели, а в городе был тогда Петр (царский воевода Петр Петрович Головин). И воеводы на них приходили князь Андрей да Захарий (Андрей Иванович Ногтев-Суздальский, Захарий Иванович Плещеев), и в загонех у них людей побивали; да взяли у них бусу одну, на ней было полтораста человек да четыре пушки, и людей всех побили и поймали, а не утек у них никто из той бусы. А Семен Шереметев на тех приходил, которые воевати Немцы ходили за Неву на новгородскую сторону, и у тех языки поймал; а к Орешку ночью Немцы приходили, и Петр на них вылазил и убил у них *княжь-дворцов* (дворян?) человек с двадцать. И как пошли Немцы от Орешка, и воеводы ко князю Андрею же пришли и были на три полки... и приходили на Немцы; и Немцы из пищалей и из пушек на полки учали стреляти, и передовой полк дрогнул и все отъехали: не в меру им были люди. А не убили тут Немцы никого, на обе стороны мертвых от стрел и от пищалей человек по пяти и по шести» [154].

Неизбежным следствием такого необдуманного вторжения шведов на невские побережья было формальное объявление войны со стороны России королю шведскому, как явно нарушившему условия мира. Царь немедленно повелел войскам своим собираться в Новгороде и назначил воевод, но не имея никаких видов на завоевания от Швеции, пытался еще избегнуть бесполезного кровопролития и предлагал полюбовно решить пограничные распри. Воеводы его, князья Петр Михайлович Щенятев и Дмитрий Феодорович Палецкий, тогдашний наместник новгородский, писали к королю Густаву, чтобы он, если желает держать мир по крестному целованию, явился лично или прислал к Рождеству Христову лучших людей с полномочием на границу, куда и они будут к означенному времени, для окончательного решения на общем съезде всех споров и несогласий, и чтобы со шведской стороны все, оказавшиеся виновными в нарушении мира, были приведены туда же и казнены на месте перед ними (воеводами), что и они, со своей стороны, обещали сделать с виновными из русских подданных, дабы страхом наказания удержать прочих на будущее время от самовольных враждебных действий. Сообщая это предложение своего государя, воеводы присовокупляли, что если король не явится к сроку или не пришлет никого

на съезд, то на него, как зачинщика войны, падет вина страшного кровопролития: «кровь старых и младых, писали они прольется от тебя, Густава короля, и от твоих державцев, а не от нашего справедливого государя и не от нас, его наместников». На это письмо, полученное в Выборге за две недели до Рождества Христова, последовал ответ, как и ожидать надлежало, неудовлетворительный: вместо короля отвечали выборгские начальники Авраам Эриксон с товарищами, что Багге вторгнулся в русские пределы самовольно, без ведома короля; что мир, впрочем, был уже прежде нарушен самими русскими, неоднократно вторгавшимися в королевские владения; что король искренно желает жить в мире с русскими, но никак не может согласиться на их незаконные притязания; что в особенности их требование, чтобы король сам или сын его явился на границу для переговоров с русскими воеводами, до того нелепо и дерзко, что не заслуживает ответа; что в случае нападения, которым русские опять угрожают, король и все его подданные, возложив упование на помощь Божию, готовы защищаться всеми своими силами. «Не забудьте, – прибавляли выборгские начальники, – что хотя меч и обнажен, но победа и счастье зависят от Бога». Тотчас по получении такого ответа «царь повелел за свою обиду мстить, как милосердый Бог повелит, и воеводы пошли за рубеж о Крещении Христове» 1556 года [155].

Беспрепятственно вступив на неприятельскую землю и опустошив огнем и мечом ближайшие к границе селения, главные силы русских расположились 12 января в деревне Каук-ярви в Новокиркском приходе, между тем как другие полчища их наводнили Молаский приход. При их наступлении шведские отряды, рассеянные по пограничным селениям, бежали отовсюду и, соединясь под начальством Багге, отступили к Выборгу. Туда же бежали и королевские войска с Нильсом Боие и Эриком Спарре из Кивинеби, подожгли свой пост и оставив в нем семь орудий и много разных запасов в добычу русским, которые выжгли и разрушили эту крепость до основания. Двумя огромными полчищами через Новокиркский и Молаский приходы русские двигались к Выборгу, распространяя смерть и опустошение далеко кругом, во все стороны, и нигде не встречая сопротивления. Только в верстах пяти от города конные отряды их внезапно наткнулись на неприятельские аванпосты и были смяты, но поддержанные передовым полком, сбили и погнали противников.

Однако последние, получив подкрепление из города и заняв выгодную позицию в теснинах между камнями, снова остановили их стремление. Тут завязалась кровавая битва, в которой многие с той и другой стороны были убиты и ранены; наконец воевода Иван Шереметев с правым крылом русского войска обошел позицию неприятеля и ударом с тылу решил дело: шведы потерпели совершенное поражение, многие из них попались в плен, остальные с трудом спаслись бегством, горячо преследуемые русскими до самых ворот крепости. 21 января все русское войско сосредоточилось под Выборгом и открыло пальбу по городу; в то же время воеводы выдвинули отсюда значительные отряды за Выборг для разорения беззащитных селений. Эти отряды числом до 5000 человек проникли до самого Вильманстранда, перебили там множество народа, испепелили все деревни и мызы на 6 миль в окружности, разбили шведские отряды, шедшие к Выборгу из западной Финляндии, и на третий день возвратились к главному войску со множеством добычи и пленных. Тогда воеводы, сняв тотчас осаду, двинули свои полчища в обратный поход и, опустошив на пути берега Воксы, благополучно вступили в свои пределы [156].

Поспешное отступление многочисленной русской рати от Выборга после столь кратковременной осады шведские историки приписывают следующему странному случаю: в ночь на 24 января осажденные занимались перевозкой сена в крепость через длинный бревенчатый мост и конский топот, стук и скрип колес, сопровождавшие эту операцию, так перепугали будто бы русских, что они, вообразив, что в город вступило сильное вспомогательное войско, тотчас сняли свой лагерь и, не дождавшись рассвета, бежали [157]. Не ручаясь за справедливость этого известия, скажем лучше, что настоящая причина, побудившая русских внезапно снять осаду, нам не известна.

Страшную картину запустения представляла после этого похода шведская Карелия: на пространстве от русской границы до Выборга, Вильманстранда и еще далее к западу мызы и деревни были выжжены, все пожитки истреблены или разграблены, жители – или убиты или увлечены в неволю, а те, которые, укрывшись в лесах, спаслись от неприятелей, сделались жертвой голода и холода. Но не одна только лютость врагов была виной этих страданий; само состояние страны, еще до вторжения русских было крайне бедственно, ибо бремя войны при недостаточности средств самого правительства

всей тяжестью своей лежало на бедном народонаселении. Так как шведская регулярная армия, в сравнении с несметными полчищами русских, была слишком незначительна, да и для нее притом не было запасено провианта, то сами местные обитатели, как простолюдины, так и лица привилегированные, должны были не только ополчиться поголовно, но и прокармливать еще, во время постоя, королевское войско из своих скудных запасов. Королевским приказом, данным Туре Педерсону, начальнику Нейшлота, именно повелевалось: обязать всех людей зажиточных, и частных землевладельцев, и чинов земской полиции (ленсманов), и даже лиц духовных (пасторов и кистеров), чтобы каждый из них запасся конем и добрым оружием, и чтобы пасторы, сверх того, выставили еще, смотря по средствам каждого, от четырех до пяти конных ратников в исправном вооружении; крестьянам же приказано было вооружиться кто чем может и, за неимением лат и шлемов, снабдить себя, по крайней мере для защиты от тучи стрел неприятельских, хоть деревянными щитами. Что же касается до продовольствия войска, то каждый солдат в походе должен был сам содержать себя, а чтобы он имел к тому возможность, не прибегая к насилию, столь естественному, даже и против единоземцев, со стороны голодного, – для этого назначено было выдавать всем вместо провианта порционные деньги помесячно, а именно: полковому командиру 6 марок серебром, полковому цейхвахтеру и ротному командиру 5 марок, пехотному солдату 4 марки, а кавалеристу с лошадью вдвое. И притом строжайше предписывалось за все взятое у обывателей непременно уплачивать по законной цене, без всякой обиды. Но что мог достать себе солдат, даже и за деньги, в такой стране, где часто случается, что крестьянину и самому есть нечего?.. Подвоз же съестных припасов из Швеции (где в них, вероятно, также не было изобилия) был, как видно, невозможен: иначе провиант выдавался бы натурою. Посему чтобы хотя сколько-нибудь обеспечить продовольствие войска и отвратить бедствия голода, король вынужден был прибегнуть к мерам чрезвычайным. Так, он дал своим фогтам довольно немилосердное повеление: принудить всех домохозяев, чтоб они зарезали половину или, по крайней мере, третью часть своего скота и продавали потом мясо и лишнее сено войску за умеренную цену. Та же крайность вызвала и другое подобное приказание: чтобы партии солдат были размещаемы на постой в домах местных дворян, пасторов, ленсманов и других лиц

привилегированных, и чтоб эти хозяева на свой счет кормили своих постояльцев. Как такие крутые меры и вообще все тогдашнее положение дел в Финляндии сокрушали сердце доброго короля, увлеченного лживыми представлениями в эту гибельную войну с Россией, можно видеть из следующего письма его к Педеру Браге: «Эти финские и другие сумасброды крепко обнадежили нас, уверяя, будто русские глупы и слабы, а на деле оказывается, что они совсем не таковы, как мы полагали. Видит Бог! что единственно этими превратными и безумными толками были мы так постыдно вовлечены в эту войну, и тем ввергли самих себя, нашу любезнейшую супругу, возлюбленных детей наших, любезно-верное наше войско, словом все наше благополучие в такую опасность, какая теперь нам угрожает. Мы узнали теперь, что все то, чем нас так обольщали – все ложь и обман. Так, например, первое: будто король польский во вражде с Москвитянином, – ложь; второе: будто и лифляндцы также с ним в разрыве, – тоже ложь и надувательство, вышедшее, подобно первому, из Лифляндии; третье: будто татары ведут войну с ним, – ничего не бывало. Все это обман, предательство, лживые вести, умышленно пущенные лифляндцами, чтоб отклонить от себя и обрушить всю беду на нашу голову. Спаси нас, Господи! от несчастия быть когда-либо еще так бессовестно обманутыми!.. Также и начальствующие здесь, в Финляндии, немало обнадеживали нас насчет эвряпяских, яскиских и саволакских крестьян, и их отличного мужества, в сравнении с русскими; но мы не заметили в них ничего особенного, чем бы они отличались от других глупых поселян, кроме разве того, что в них неверности к нам и к своему отечеству больше, чем твердости и правдивости. Притом же у них, равно как и у других здешних крестьян, нет даже годного оружия, и все они самый беспутный народ, который не знает даже, чем себе пособить, а не то чтобы еще другим помогать. Да и бедность здесь между крестьянами так велика, что им даже есть нечего, и ежели когда понадобится употребить их против неприятеля, то большая часть из них ударится в бега, и потом с голоду начинает воровать и грабить... Поистине можно сказать, что здешние крестьяне народ глупый и испорченный, который не имеет ни знания, ни духа ратного... По крайней мере, они не могут отрицать того, что мы довольно увещевали их, чтоб они, имея лошадей, запаслись также и воинскими доспехами; но кружка пива для них, как видно, дороже жизни, имущества, благоденствия и самой

чести» [158]. Так изображал сам король тогдашнее бедственное состояние Финляндии.

Естественно, что при таком положении дел король видел в скорейшем возобновлении мира с Россией единственное средство к спасению. С другой стороны, и царь Иоанн IV готов был тем охотнее прекратить войну, для него бесполезную, что в это время все внимание его обращено было на дела Ливонии. Посему находя, что шведы уже достаточно наказаны за их дерзкое нападение на Ореховец, он сам решился первый протянуть побежденному врагу руку примирения, и князь Михаил Васильевич Глинский, назначенный на место Палецкого наместником новгородским, известил короля шведского, чтобы он, если желает мира, прислал в Москву своих уполномоченных. Король, разумеется, с радостью принял это предложение и неприязненные действия были с обеих сторон тотчас прекращены временным перемирием, которое, по истечении первого срока, было на съезде (15 октября) в пограничной деревне Алескюля вновь продолжено до утверждения окончательного мира. Между тем в июле прибыл в Москву магистр Кнут Иогансон, каноник абовский, с миролюбивой грамотой своего государя, изъявившего желание условиться предварительно насчет оснований нового договора. Ему отвечали, что мир будет утвержден по старине, согласно с прежними условиями, без всяких изменений. Но, видно, эти условия не слишком нравились королю, так как он не спешил присылать своих уполномоченных, которые приехали в Москву только в феврале следующего 1557 года. На совещаниях с боярами об условиях мира шведские послы настаивали в особенности на том, чтобы королю их сноситься и заключать договоры не с новгородскими наместниками, а с самим великим князем, но на это требование последовал решительный отказ, и они должны были принять все предложенные им условия. Мир был заключен на 40 лет, начиная со дня Благовещения того года. Все русские пленники должны быть освобождены немедленно, без всякого выкупа; шведам же предоставлялось право выкупать своих, находившихся в плену у русских и не принявших еще православной веры. Все споры за границу положено было решить окончательно через два года посредством особой комиссии уполномоченных, которой надлежало собраться на границе к Ильину дню 1559 года и определить с точностью древнюю порубежную черту, утвержденную Ореховским договором. Как русским подданным в шведских вла-

дениях, так и шведским в России предоставлены были не только равные права свободной торговли, но и право беспрепятственного проезда с товарами или по делам посольским в другие соседние государства. Равным образом и всем иностранцам, которые пожелали бы ехать в Россию по каким бы то ни было делам – торговым, посольским или для вступления в службу, Швеция обязалась предоставить свободный и беспрепятственный путь через свои земли и воды. Этот договор, составленный в Москве, был 2 апреля скреплен и подписан в Новгороде тамошними наместниками [159].

Упадок морской торговли Новгорода, начавшийся с потерей его самостоятельности и довершенный крутым и необдуманным поступком Иоанна III с иноземными купцами, имел неожиданно благотворное влияние на Ливонию: все ганзейские товары, шедшие доселе Невой в Новгород, с этого времени направились к портам ливонским: туда же, с другой стороны, обратилась и уцелевшая еще торговая деятельность самого Новгорода, равно как и торговля Пскова, Торжка и других городов северо-западной России, чему в особенности благоприятствовал пятидесятилетний мир с Россией, дарованный Ливонии умом и оружием Плеттенберга. Таким образом, с исхода XV века Нева была покинута и забыта почти всеми; одни только финские и шведские каботажные суда продолжали еще посещать берега ее, уже пустынные, сравнительно с прежним временем; напротив того, в ливонские гавани стремились корабли всех торговых наций Запада: особенно же голландцы, англичане, французы явились там опасными совместниками купцам ганзейским, а от такого совместничества, разумеется, падали и цены привозимых ими товаров, между тем как огромный спрос на русские сырые продукты поддерживал их ценность, почему и подвоз их с каждым годом усиливался. Все это пробудило новую, неведомую дотоле жизнь и деятельность в городах Ливонии, из которых Рига, Ревель, Перпов, Дерпт и в особенности Нарва достигли в половине XVI века цветущего состояния и, можно сказать, сторицею вознаградили себя за потерю своих товаров, конфискованных Иоанном III в Новгороде. Но этот переворот в направлении русской торговли, благоприятный для Ливонии, был невыгоден для Швеции. Быв некогда первою и главною участницей в новгородской морской торговле и сделавшись, по основании Выборга, как бы стражем невский устий, Швеция готовилась уже присвоить исключительно себе все

выгоды от этой богатой торговли, устранив или подчинив своему влиянию всех прочих совместников, действительно принужденных уже, как упомянуто выше, испрашивать у нее свободного пропуска в Новгород и обратно. Но кровавые внутренние перевороты, ожесточенная борьба партий и датское господство, задержав ее в течение почти двух веков на пути общественного развития, расстроили эти планы. Когда же она, спасенная Густавом Вазою от датского ига, возродилась к новой государственной жизни – положение дел внутри и вне России было уже не прежнее: Новгород не был более центром ганзейской торговли с Востоком, а потому и в торговом пути через Неву не нуждались более ни русские, ни иноземцы, кроме разве шведских подданных; значит, и право господства над устьями Невы не имело для Швеции прежнего значения, посредничество в торговле России с западной Европой и все соединенные с ним выгоды принадлежали уже не ей, а городам ливонским, через которые уже и сама Швеция получала хлеб и другие русские произведения.

Такое устранение Швеции от всякого участия в торговом движении между Россией и Западом не могло не обратить внимания короля Густава I, все царствование которого было непрерывным рядом отеческих забот о возвышении благосостояния своего народа. В числе таких забот одной из главнейших было восстановить древнюю невскую торговлю и доставить в ней деятельное участие своим подданным. Чтобы осуществить эту заветную мысль свою, он решился сделать Выборг складочным местом для русской торговли, полагая, что этот город, отстоящий только на несколько миль от устья Невы, может со временем приобрести такую же силу и известность по своей торговле, какими тогда пользовалась Нарва. Основанный первоначально с завоевательной целью для утверждения и распространения шведского господства в Карелии, Выборг только в 1403 году, спустя 110 лет после своего основания, получил права города; но и после того, несмотря на многие дарованные ему от правительства льготы, он оставался ничтожным городком до самых времен Густава I. Этот государь предоставил ему в самом начале своего царствования новое важное преимущество, постановив, чтобы во всей шведской Карелии и в Саволаксе, кроме Выборга, нигде в другом месте не было производимо никакой торговли. Без сомнения, он хотел этим постановлением дать Выборгу, только на первый раз, средства подняться и усилить свою

незначительную дотоле торговлю; однако впоследствии, убедившись в необходимости иметь при Финском заливе, близ устья Невы, хороший торговый город, где бы со временем могла сосредоточиться русская торговля – он признал за нужное еще решительнее подтвердить данную им прежде привилегию и определить точнее те права и преимущества, которыми должен был пользоваться Выборг перед прочими городами. Предписывая доставлять в Выборг из всей шведской Карелии, даже из отдаленного Саволакса, все то, что предназначалось к вывозу за границу, король действовал, вероятно, в том убеждении, что только изобилие и разнообразие сосредоточенных в одном пункте отпускных товаров и соединенная с тем их дешевизна могут побудить иностранцев променять прежний, знакомый им торговый путь на новый, т. е. вместо Нарвы посещать Выборг, и что туда же, вслед за ними, обратятся потом и многие из русских купцов, привыкшие дотоле сбывать свои произведения в Нарве и получать оттуда иностранные. Но помышляя о будущих благах, он, кажется, забывал настоящие невзгоды, или, может быть, не сознавал вполне того притиснения, какому, вследствие его распоряжений, подвергалось все сельское население. А притеснение было немалое: вся сельская торговля в Саволаксе и в Выборгской области была наистрожайше запрещена, даже рыбу и мясо поселяне всей Карелии могли сбывать только в Выборге и оттуда же должны были они получать и хлеб для себя, в случае надобности. Но еще строже запрещено было всем, кроме выборгских купцов, отвозить свои произведения за море. Это запрещение касалось преимущественно дворян, духовенства и коронных чиновников, которые часто на собственных своих судах отправляли за границу местные произведения, что, по мнению короля, служило главнейшим препятствием к образованию настоящего купеческого сословия. Жителям Нейшлотской области также повелено было, под опасением строжайшей ответственности, прекратить производимую ими меновую торговлю с соседями, так как все, отпускаемое за границу, равно как и привозимое оттуда, непременно должно было проходить через руки выборгского купечества, которому, потому, предоставлено было право учредить и внутри страны, в определенных местах, четыре вольные ярмарки, в том числе одну при Сестре реке, на русской границе. И сверх этих привилегий, которыми, к явному ущербу для всей страны, так щедро наделен был город Выборг, король повелел выдать ему

значительные ссуды деньгами и хлебом, да подарил еще участок земли и старинный католический монастырь, упраздненный по введении лютеранизма. При всем том, однако, цель короля осталась недостигнутою: Выборг не мог победить свою соперницу Нарву, которая по-прежнему продолжала привлекать к себе и русские произведения, отправляемые за границу, и иностранные, ввозимые в Россию.

Видя, что усилия поднять торговлю Выборга едва ли могут увенчаться желаемым успехом, и полагая, что главным препятствием тому служит не совсем выгодное положение этого города, лежащего в северо-восточном углублении Финского залива, в стороне от прямого торгового тракта между Невою и Балтийским морем, – король Густав I решился основать новый торговый порт на южном берегу Финляндии, ближе к западу, в самом почти центре торгового движения по Финскому заливу, именно на острове *Сандгамн*, близ нынешнего Гельсингфорса. В письме к Иогану Ольсону и Ботведу развивает он этот план свой, по которому, для первого опыта, надлежало отправить из Стокгольма на Сандгамн несколько судов с кожей, железом, солью, медью, выдровыми, бобровыми и заячьими шкурами в количестве, достаточном не только для удовлетворения собственным потребностям края, но и для промена русским купцам на собольи меха, барсуковые шкуры, воск, лен, коноплю, холст, кожи, сермяжное сукно и проч. Некто Бенгт Утанби, человек опытный в русской торговле, получил повеление поселиться на Сандгамне для открытия там торговых операций; туда же должна быть перенесена и вся торговля Швеции с Россией, производившаяся в последнее время преимущественно в Ревеле, почему и шведским купцам, находившимся в этом городе, предписано было поселиться на Сандгамне. Король надеялся, что когда этот новый город сделается средоточием всей внешней торговли Финляндии и главным складочным местом шведских товаров, назначаемых к отпуску в Россию, то сюда, со временем, станут приезжать и русские купцы со своими произведениями, а с другой стороны, явятся и голландцы и другие торговые нации Запада, для которых этот город был бы ближе и, по своей спокойной и безопасной гавани, удобнее Нарвы. Для скорейшего же достижения этой вожделенной цели он повелел, под опасением строжайшего взыскания, чтобы все более зажиточные граждане городов Борго и Экнеса непременно переселились в Сандгамн; равным образом и богатые крестьяне,

занимавшиеся мореходством, должны были записаться в число граждан этого нового города, если не хотели лишиться своих судов, которые повелено было отбирать у непокорных. Торговля с Финляндией, производившаяся на берегах Ботнического залива, также была почти вся перенесена в этот новопостроенный город, так что во всю северную часть страны дозволялось ввозить только толстое сукно, холст, кожу и тому подобные товары, необходимые в крестьянском быту, золотые же и серебряные вещи, шелковые ткани и прочие предметы роскоши могли быть привозимы только в Сандгамн. Одна лишь русская торговля в Выборге не должна была подвергаться никакому стеснению, и те из русских, которые уже привыкли посещать этот город, могли по-прежнему сбывать там свои произведения; но за то выборгские купцы, доселе обыкновенно отвозившие эти произведения в Ревель, должны были впредь привозить их в Сандгамн и оттуда получать необходимые для них иностранные товары. Вместе с тем предписано было наблюдать, чтобы цены всех товаров были всегда равны в Ревеле и Сандгамне. Наконец, дав приказание Эрику Спарре заложить там крепость для защиты города и гавани и желая скорее приохотить русских посещать этот город, король повелел принимать их со всевозможной лаской и предупредительностью и оказывать им, особенно в первое время, все необходимые пособия [160]. Такими средствами надеялся он создать новый торговый пункт на берегу своих владений и доставить своим подданным те выгоды посредничества в торговле России с Западом, которыми тогда пользовались города Ливонии. Но время и обстоятельства решительно противились его предначертаниям. Не говоря о внешних отношениях, само внутреннее положение России уже так изменилось, что подобные усилия воротить ее торговлю на прежний путь не могли иметь успеха. И если бы Швеции даже и удалось наконец победить соперничество ливонских городов, то были еще другие соперники – англичане, с которыми ей тягаться было не по силам. Случайно занесенные к устью Северной Двины и с величайшим радушием принятые царем Иоанном IV англичане заключили с ним в 1555 году первый торговый договор, доставивший им права беспошлинной торговли во всех городах России и такие чрезвычайные льготы, какими никогда еще не пользовались купцы других наций. С этого времени Россия через пристань св. Николая, где вскоре возник город Архангельск, вступила уже в прямые сношения с Западной

европой и, следовательно, не нуждалась более в посредничестве своих враждебных соседей, а потому и король шведский, при конце своей жизни, увидел себя принужденным отказаться от своих планов касательно Сандгамна и русской торговли.

В 1560 году скончался король Густав I и на престол вступил старший сын его Эрик XIV. Между тем царь Иоанн IV, окончив войну со швецией, двинул свои полчища на Ливонию, и дряхлый орден Меченосцев, потрясенный его оружием, кончил свое существование. Орденские владения распались на части, которыми спешили завладеть соседи: восточные области с городами Нарвой, Дерптом и другими были завоеваны русскими, Ревель и большая часть Эстонии отдались под покровительство Швеции, Эзельское епископство приобрел король датский Фридрих II для своего брата принца Магнуса, а южная Ливония досталась королю польскому, который уступил часть ее, именно Курляндию и Семигалию, последнему гермейстеру ливонскому Готгарду Кеттлеру, как вассалу короны польской. Таким образом, шведы впервые утвердились на южном берегу Финского залива и король Эрик тотчас выказал смелость необыкновенную, повелев захватить все иностранные купеческие суда, шедшие в Нарву. Этим безрассудным поступком он явно нарушил условия мира, заключенного с Россией, и вместе с тем вооружил против себя еще Любек и Данию, к которым вскоре присоединился и король польский, считавший себя, на основании договора с Кетлером, законным обладателем всей Ливонии. Со своей стороны царь Иоанн Васильевич также считал всю Ливонию как древнее владение России, своим законным достоянием, и готовился выгнать из нее прочих соперников; однако, желая сперва управиться с главным из них – королем польским, согласился даровать перемирие шведам, оставив за ними до времени Эстонию и не мешая им действовать против других неприятелей. Но король Эрик, вовлеченный в войну с Данией и Польшей, вскоре увидел, что одними собственными силами ему не удержать за собой Эстонии, и потому решился искать не только мира, но и прочного союза с могущественным Царем. Послы его нашли Иоанна в его тогдашнем убежище, в Александровской слободе, и там в начале 1567 года заключили с ним договор, по которому Эстония была навсегда уступлена Швеции. Но Эрик не успел утвердить этого договора, ибо в 1568 году, в то самое время, когда русские послы ждали в Стокгольме его ратификации, он был низложен и заключен в темницу, в ко-

торой и кончил жизнь свою, а на престол вступил брат его Иоган, герцог финляндский.

Новый король имел в супружестве сестру Сигизмунда-Августа польского, принцессу Екатерину, руки которой прежде искал сам Иоанн IV, но которая предпочла ему принца шведского. Царь не забыл еще этой обиды и даже, увлеченный чувством оскорбленного самолюбия, задумал было при помощи короля Эрика совершить дело постыдное: тайной статьей заключенного между ними договора Эрик обязался выдать ему жену своего брата, отняв ее у живого мужа; но этим он только ускорил свое падение. Понятно, что царь не мог не питать неприязни к преемнику своего друга Эрика. Хотя он, по-видимому, с удовольствием принял извещение нового короля о восшествии на престол и выразил полную свою готовность возобновить мир со Швецией на прежних условиях, но это, как оказалось, сделано было только для того, чтобы, заманив к себе полномочных послов королевских, выместить на них те обиды и оскорбления, которым подверглись русские послы в Стокгольме во время народного восстания, при низложении Эрика. Приключения этого несчастного шведского посольства в России, описанные одним из его членов, абовским епископом Павлом Юстеном, ясно свидетельствуют о пренебрежении и ненависти царя к королю Иогану [161].

Между тем как послы королевские еще томились в России, пламя войны уже пылало в Эстонии; русские жгли деревни и селения, брали города и крепости, разграбляли рыцарские замки, истребляли жителей без различия пола и возраста, или целыми толпами уводили в неволю, обогащаясь притом несметной добычей. Нельзя было, по-видимому, сомневаться в том, что господство шведов на южном берегу Финского залива будет уничтожено и все захваченные ими орденские владения перейдут под власть России, – такой исход этой борьбы казался тем неизбежнее, что Швеция, при своих слабых средствах, должна была одна, без союзников, в течение нескольких лет выдерживать борьбу с грозным противником; ибо Польша, осиротевшая по смерти Сигизмунда-Августа и подвергшаяся бедствиям безначалия, принуждена была прекратить на время войну с Россией и даже, озабоченная устройством судьбы своей, предлагала царю корону Ягеллонов, а хан крымский, твердо помня жестокое поражение, нанесенное ему в 1572 году князем Воротынским, также не дерзал тревожить русских владений; Дания же, хотя и прекратила

войну со Швецией, однако не доверяя ей, постоянно поддерживала союз и дружбу с Россией, и принц датский Магнус, прельщенный титлом *Короля Ливонского* и щедрыми обещаниями царя, явно служил орудием его политики для изгнания из Ливонии как шведов, так и поляков. И если при таких обстоятельствах шведы могли еще держаться в Эстонии против грозных сил России, то этим они обязаны единственно укреплениям города Ревеля и непоколебимой верности его граждан: прочие города и замки пали перед русскими и вся страна из конца в конец была ими неоднократно опустошаема, но от стен Ревеля русские полчища принуждены были двукратно, в 1571 и 1577 годах отступить без успеха. Тщетны были также и торжественные обещания всевозможных льгот и милостей, которыми царь старался склонить граждан Ревеля к отпадению от Швеции к признанию верховного покровительства России, – ревельцы не верили царю и не изменили данной ими присяге. Удержавшись таким образом в Ревеле, шведы имели всегда открытый доступ в Эстонию, и следовательно, могли впоследствии, с переменою обстоятельств, не только возвратить все ими потерянное, но и расширить свое господство новыми завоеваниями.

Но пламя этой кровавой боробы, 25 лет пожиравшее несчастную Ливонию, распространялось и на другие соседние страны: Финляндия, Карелия, Ингерманландия испытали все неизбежные следствия тогдашней бесчеловечной войны, более гибельной для мирного жителя, нежели воина. Как жестоко пострадали невские побережья уже в первые годы этой войны, видно отчасти из «Обыскной книги» Спасского-Городенского погоста 7081 (1573) года, в которой исчислены обжи, или крестьянские поземельные участки, бывшие в то время пустыми, с указанием, когда и от чего они запустели [162]. В ней наибольшее число обж показано запустевшими именно в период времени между 1567 и 1572 годами, частью «от войны Свейских Немцев», частью «от государевых воинских людей – от Татар», в особенности же от непомерно возвысившихся налогов и тяжкой для поселян обязанности поставлять подводы для войска; выражение: «запустело от государских податей и от подвод» – беспрестанно повторяется в этой книге. Многие селения запустели также «от опричного правежу» какого-то Темеша Бастанова, который разбойничал на берегах Невы в 1570 году, в то время когда сам Грозный с опричниками свирепствовал в Новгороде, смывая кровью тысячи невинных

граждан мнимую их измену. В том же несчастном 1570 году и шведы, в июле, вторгнулись в Неву и опустошили все острова при ее устьях, вместе с прибрежными селениями до Лахты, которые в то время составляли собственную государеву волость [163]. Не менее страдала Ингерманландия и от собственных царских ополчений, особенно потому, что к числу их принадлежали и хищные татары, составлявшие в них обыкновенно передовые легкие отряды. В 1572 году многие деревни на берегах Невы были разграблены Кучюк-Мурзою, который начальствовал передовыми отрядами из татар и казаков в войске царя Саин-Булата Бекбулатовича. Этот же мурза со своими отрядами проник тогда и в Финляндию до самого Гельсингфорса, выжег церкви в Борго и в Веккелаксе, нынешнем Фридрихсгаме, разорил на пути множество селений Выборгской губернии, в уездах Эвряпяском, Яскисском и Лапвесьском (Вильманстрандском), не встречая нигде значительного сопротивления, так как главные силы шведов в то время были сосредоточен в Эстляндии [164]. Наконец, для прекращения таких бесцельных злодейств и опустошений заключено было между Швецией и Россией в 1575 году на Сестре реке двухлетнее перемирие, т. е. до Ильина дня 1577 года, с условием, чтобы русским не воевать Финляндии, а шведам Карелии и Ингерманландии, и чтобы тем временем через особых уполномоченных уговориться в Москве об окончательном мире [165]. Но так как борьба на главном театре, в Эстляндии, продолжалась по-прежнему, усиливая все более и более взаимное раздражение и жажду мести, то и эта надежда на мир вскоре исчезла: князь Мстиславский, осаждавший зимой 1577 года Ревель, имея при себе многочисленную татарскую конницу, совершенно бесполезную при осаде крепости, двинул эту голодную и хищную орду по льду, через залив на Финляндию, и страна эта, вопреки договору, снова подверглась страшному опустошению.

Но с окончанием этого ужаснейшего для Ливонии 1577 года война принимает уже оборот, неблагоприятный для России; встретив нового грозного врага в геройском короле Польши Стефане Баторие, она принуждена была отказаться от наступательных действий и помышлять только о защите собственных своих владений. Разумеется, теперь и Швеция ободрилась; король Иоган немедленно заключил оборонительный и наступательный союз с Баторием и, с уверенностью в успехе, поспешил внести свое оружие в пределы России,

предвидя, что главные силы ее будут обращены на нового противника, и что ему, следовательно, придется иметь дело только с малой их частью. Уже в начале 1578 года шведские отряды под начальством полковника Генриха Горнна вторглись через Нарову в Ингерманландию; но увлеченные чувством мести и жаждой добычи, они отличились только подвигами варварства: резали беззащитных женщин, детей, старцев и монахов, жгли селения и разграбляли монастыри и церкви; так что сам король, узнав об этом, изъявил благородное негодование и молил Бога отвратить от него и его государства справедливую кару свою за такое бесчеловечие. В следующем году шведы снова, и притом одновременно с трех различных пунктов напали на русские владения: одна часть их устремилась из Эстонии на Ингерманландию, другая направилась от Выборга к Ореховцу, а третья из Нейшлота через северную Карелию намеревалась проникнуть в Обонежье, – и опять значительная часть Ореховского и Карельского уездов была ими опустошена и выжжена [166]. Между тем в русских крепостях – Нарве, Копорьи, Ореховце и других находились многочисленные гарнизоны, но начальствовавшие ими воеводы, готовые до последней крайности защищать вверенные им пункты, не смели без царского приказа выступить в поле, чтоб уничтожить или прогнать малочисленных неприятелей; последние же, со своей стороны, находя более легким и выгодным для себя разорять беззащитные селения, оставляли крепости в покое. Правда, они пытались было овладеть Нарвою, но после трехнедельной безуспешной осады бежали, преследуемые победителями почти до самого Ревеля.

Такие результаты военных действий далеко не соответствовали ожиданиям королевского правительства, которое не для того обременяло государство налогами и входило в огромные военные издержки, чтобы только наносить всевозможный вред неприятелю и обогащать свои, большей частью наемные войска и их предводителей добычей в русских владениях, но, напротив, имело в виду прочное утверждение шведского господства в Карелии и Ингерманландии. А между тем грабежи, убийства, разорение храмов и монастырей, возбуждая ненависть туземного населения к виновникам его бедствий, тем самым еще более отдаляли правительство от предположенной цели и, затягивая войну, вынуждали к новым тяжким пожертвованиям. Посему в Швеции все громко роптали на главнокомандующего, генерала Бойе, недостаток

энергии и распорядительности которого считали главной причиной столь слабых успехов королевского оружия, – и Бойе был сменен. Место его заступил Понтус де-ла-Гарди.

Этот военачальник, стяжавший себе громкое имя в истории Швеции, был родом француз. Еще в ранней юности начал он свое воинское поприще под знаменами маршала Бриссака; впоследствии же, принужденный покинуть отечество, перешел в Англию, оттуда в Данию, и наконец, взятый в плен шведами при осаде Вардберга, нашел себе новое отечество в Швеции. Там, вступив в королевскую службу, он своими талантами в короткое время достиг высших степеней воинских, чему, без сомнения, всего более способствовало его супружество с побочной дочерью короля Иогана. Призванный вскоре после свадьбы (1580 г.) к начальствованию войсками против России, он должен был, согласно с данною ему королевскою инструкцией, внести войну в русские владения, обложить с помощью флота Нарву, чтобы пресечь ее торговлю с иностранцами, окружить сильный и почти неприступный по своему положению Ореховец отовсюду войском и укреплениями, чтобы таким образом воспрепятствовать подвозу продовольствия, принудить осажденных к сдаче; вместе с тем, овладев и прочими русскими крепостями в Карелии и Ингерманландии, поставить везде новых комендантов и шведские гарнизоны, склонить жителей всех покоренных мест к принятию шведского подданства и, обязав их к платежу в казну королевскую тех же податей, какие взимало с них прежнее правительство, обнадежить за то королевским покровительством, совершенной безопасностью их жизни и имущества, неприкосновенностью храмов и монастырей и свободой в отправлении их богослужения. Далее ему предписывалось ввести строжайший порядок и дисциплину в войске, исправных и рачительных – как солдат, так и офицеров, поощрять подарками и денежными наградами (для чего и ассигновано было в его распоряжение 4000 талеров), своевольных же и непокорных подвергать строгому взысканию, в особенности же воспретить всем подчиненным, под опасением строжайшего наказания, грабить, убивать, изгонять, или чем-либо оскорблять мирных обитателей, изъявивших покорность; также предписано было построить с помощью местных жителей в Карелии и на финляндской границе, где окажется нужным, особые деревянные укрепления или засеки для защиты покоренного края от вторжения русских. Кроме того, финляндский

губернатор Клас Тотт получил приказание вновь заселить пограничную спорную местность, известную под именем «Riitamaa», которая в предыдущую войну была опустошена русскими. Наконец последней целью военных действий должен служить Новгород: так как в это время намерение Стефана Батория идти на Псков было уже известно и, следовательно, можно было предвидеть, что он, по взятии этого города, двинется на Новгород, то Де-ла-Гарди предписано было предупредить короля польского и завоевать Новгород для Швеции. По всему видно, что в Швеции затевались великие дела, в счастливом окончании которых не сомневались. И Де-ла-Гарди с необыкновенной быстротой и отвагой спешил оправдать оказанное ему доверие [167].

Едва только узнал он волю короля, как уже стоял перед Кексгольмом, и, разгромив его в несколько дней каленными ядрами, взял 4 ноября 1580 года. Иёран Бойе тотчас был назначен комендантом кексгольмской крепости, русское господство пало, и вся Карелия сделалась шведской провинцией. Обрадованный столь счастливым началом король спешил дать необходимые предписания касательно устройства новой области, названной Кексгольмской губернией: первым губернатором или ландсгевдингом ее пожалован был в начале 1581 года некто Ионас Петри, который прежде служил переводчиком при сношениях с Россией. Он должен был взимать подати с народа и производить суд и расправу. Также назначены были еще двое судей низшей инстанции, подчиненных непосредственно кексгольмскому коменданту. Сверх того Де-ла-Гарди предписано было поручить кому-либо из знающих местный язык объехать с вооруженным прикрытием всю новозавоеванную область для собрания сведений о ее границах, крепостях, городах, о числе и названиях приходов, церквей и монастырей, о количестве народонаселения, о числе и именах живущих там дворян, равно как и о главнейших лесах, горах, озерах, реках, звериных и рыбных промыслах и проч. и проч. Отсюда видно, что король, заботясь о правительственном устройстве Карелии и изыскивая средства к возвышению ее благосостояния в будущем, действовал с твердой уверенностью, что эта область уже не отойдет от Швеции. Но было ли его предписание касательно собрания сведений о тогдашнем состоянии Карелии действительно приведено в исполнение?.. По крайней мере, этих сведений, которые, без сомнения, могли бы служить немаловажным источником для истории невских побережий, мы, к сожалению, не имеем.

По взятии Кексгольма Де-ла-Гарди не замешкался в Карелии. Отрядив часть своего войска в сопровождении толпы поселян к Ореховцу и повелев немедленно по вскрытии вод направить туда же флотилию из рыбачьих лодок, взятых от прибрежных жителей Ладоги, чтобы таким образом, отрезав подвоз продовольствия как сухим путем, так и водою в эту крепость, принудить ее наконец к сдаче – он сам с главными силами в марте 1581 года переправился по льду в Эстляндию. Там в короткое время целый ряд крепостей, начиная от Леаля и Гапсаля до Нарвы, был очищен от русских; 6 сентября после двухдневной кровавой битвы пала и Нарва, а за ней в течение того же месяца последовали Ивангород, Яма и Копорье. Таким образом, к концу этого года почти вся Ингерманландия, подобно как в предыдущем году Карелия, сделалась шведской провинцией.

Но Ореховец еще держался, делая тщетными все усилия осаждающих. Туда-то поспешил теперь Де-ла-Гарди и, заняв небольшой островок близ самой крепости, решился немедленно идти на приступ, чтоб не терять времени в бесполезной осаде. По лодкам, расставленным одна подле другой в виде моста, шведы пробрались к крепости и многие из них, поставив лестницы, уже влезли на стены, то тотчас, сброшенные дружным напором осажденных, были прогнаны обратно, не без страшной, конечно, потери, и уже не чувствовали более охоты возобновить свое дерзкое покушение. Это случилось в октябре.

Хотя наступившая глубокая осень указывала на необходимость приостановить военные действия, затруднительные и почти невозможные в это время на болотистых равнинах Ингерманландии, однако Де-ла-Гарди, желая увенчать свои подвиги взятием Новгорода, в ноябре еще двинул туда шведскую конницу. Но это был утомительный и бедственный поход, из которого шведы, голодные и измученные, вскоре возвратились без коней и обозов: те и другие увязли и погибли на дороге, сделавшейся от продолжительных осенних дождей совершенно непроходимою. Тогда наконец все утомленное войско было поставлено на зимние квартиры по селениям Ингерманландии, где должно было пользоваться и продовольствием от разоренных жителей, но, вероятно, только голодало вместе с ними, и при всем том окончательно их разорило [168].

Если доселе в течение нескольких лет шведы почти повсюду торжествовали над русскими, то этим они обязаны

преимущественно тому малодушному страху, какой навели на царя Иоанна IV подвиги Стефана Батория. Потеряв сильно укрепленный Полоцк, Великие Луки, многие другие города русские и ливонские, трепеща за судьбу Пскова, Новгорода, даже за саму столицу, не доверяя притом ни воеводам своим, ни народу, подозревая всех в измене и предательстве, – царь хотя и сосредоточил в Волоке, Ржеве, в Новгороде грозные массы своих войск, но, не смея двинуть их ни на шведов, ни на поляков, спокойно предоставлял первым – расправляться с разъединенными русскими отрядами, сидевшими в крепостях Эстонии и Ингерманландии, а вторым – истощать все свои усилия в борьбе с геройскими защитниками Пскова, и только от посредничества иезуита Поссевина ждал спасения России. Понятно, что при таком малодушии царя, обрекшем все силы России на робкое бездействие, шведам нетрудно было грабить селения и брать города и крепости. Но в начале 1582 года обстоятельства опять изменились: Баторий, остановленный под стенами неодолимого Пскова, принужден был склониться на мирные предложения царя и, заключив с ним десятилетнее перемирие, не только предал ему на жертву своих союзников – шведов, но и сам готовился обратить на них свое оружие, чтобы завоевать Эстонию. Таким образом Швеции предстояло теперь, по-видимому, одновременно бороться с двумя сильными соседями, и потеря всех ее завоеваний казалась неизбежной. Русские ополчения уже в феврале выступили в поход из Новгорода, и между тем, как одна часть их, шедшая к Нарве, нанесла шведам жестокое поражение в Ямском уезде, при селе Лялицах, другая, направленная к берегам Невы под начальством князя Андрея Шуйского, заставила Де-ла-Гарди снять осаду Ореховца и отступить в Карелию [169]. Так, в короткое время вся южная часть Вотской пятины, за исключением крепостей Ямы, Ивангорода и Копорья, была уже очищена от неприятелей. Надлежало ожидать, что и эти крепости, равно как и Кексгольм, скоро падут перед русскими, и что вслед за тем русские полчища, по обычаю, опять разгромят Финляндию, между тем как Баторий с другой стороны ударит на Эстонию. Но судьба спасла Швецию от этих бедствий. Польша, несмотря на убеждения своего короля, решительно отказалась от войны со Швецией и даже отчасти связала руки и самому Иоанну IV, обязав его в течение 10 лет не трогать шведов в Эстонии. К этому присоединилось еще сильное восстание черемисов, быстро распространившееся по

всему пространству бывшего царства Казанского. Чтобы подавить это восстание, надлежало двинуть туда значительные силы под начальством лучших полководцев и в то же время надлежало принять меры предосторожности как против хана крымского, вступившего в сношения с мятежниками и угрожавшего южным пределам России, так и против взволновавшихся ногаев. Все это заставило царя, уже утомленного долговременной несчастной войной и измученного душевными волнениями, отозвать свои войска, уже вступившие в Карелию, и, приостановив наступательные действия, обрадовать Швецию предложением мира. Но так как Швеция решительно отказалась возвратить захваченные ею русские владения, то вместо постоянного мира 10 августа 1583 года заключено было только трехлетнее перемирие, продолженное, впрочем, в 1585 году еще на четыре года. Де-ла-Гарди, награжденный за свои подвиги званием королевского наместника Эстляндии, был представителем Швеции при этих переговорах, происходивших на эстляндской границе, при впадении реки Плюссы в Нарову, и здесь этот гордый воин, которого судьба щадила в столь многих битвах, кончил жизнь свою среди совещаний о мире: он утонул в реке Нарове [170].

Но память о нем еще доселе живет в Ингерманландии и Карелии в народных сказаниях о старом времени. В них Понтус является каким-то чародеем, которому всегда и во всем помогала нечистая сила, и который, потому, сражаясь в одно и то же время в нескольких местах и везде поражая противников, никогда не имел недостатка в войске: если, бывало, ряды его редели в битвах с русскими, то, чтобы пополнить их, ему – так гласит сказание – стоило только набить мешок перьями и тряхнуть на воздух, – и каждое перо превращалось в воина, в полном вооружении. Видно, что подвиги этого вождя, его необыкновенная быстрота в походах, отвага и счастье в битвах оставили в народе глубокое впечатление, которое, может быть, было еще усилено впоследствии делами его сына Иакова, ратовавшего лет 30 спустя в тех же местностях и с такой же славой. Память народная легко могла смешать подвиги сына с подвигами отца, и из двух исторических деятелей составить одного сказочного героя. Но кроме таких сказаний, память о знаменитом Понтусе живет еще и в названиях некоторых местностей в Карелии. Так, в Токсове, близ церкви, в нескольких шагах от жилища пастора есть гора, известная под именем *Понтусовой горы* (Pontuxen mäki), и предание

гласит, что тут был когда-то лагерь Понтуса, и что тут же, поблизости, происходило сражение с русскими. В Кивинебском приходе Выборгской губернии указывают еще на *Понтусову крепость* (Pontuxen linna). Это собственно следы старинного укрепления, уцелевшие доселе на пригорке, называемом *Линнамяги*, где ныне кивинебский пасторат. Существовавшая на этом месте шведская пограничная крепость, или укрепленная королевская мыза (Konungs Gård), известная и в русских летописях, была – как мы уже упоминали, – разрушена русскими во время войны с Густавом Вазою; но, вероятно, Де-ла-Гарди, сообразуясь с королевским предписанием, признал необходимым возобновить ее, а потому она и стала называться его именем, которое и до сих пор придается ее развалинам. Гораздо большую историческую замечательность представляют так называемые *Понтусовы мосты* (Pontuxen sillat), состоящие из срубленных деревьев, настланных плотно в ряд, подобно балкам бревенчатого моста. Такие деревянные настилки или гати встречаются в разных местах, как в окрестностях Петербурга, так и далее к северу, по направлению к Кексгольму. Иные из них имеют в длину только несколько сажень, другие же тянутся на пространстве нескольких верст, прямой линией через леса и болота; самая длинная из находящихся под Петербургом пролегает от деревни Хепоярви, близ Парголова, через обширное болото до села Рябова, на протяжении шести верст. Нет сомнения, что первоначальное назначение этих построек было то же самое, какое некоторые из них имеют и до настоящего времени, т. е. это были действительно мосты или гати на дороге, проложенной через леса, болота и топкие овраги. По названию же, под которым они известны в народе, необходимо заключить, что начало такого рода сооружениям в этой стране положил Де-ла-Гарди: спеша, по взятии Кексгольма, осадить Ореховец, и желая немедленно, осенью передвинуть туда свои войска с обозами и артиллерией, через страну лесистую и болотистую, где дотоле не было никаких дорог и где только зимой и разве во время летних засух возможно было сухопутное сообщение, он необходимо должен был прорубать в лесах просеки и срубленными деревьями мостить себе путь через болота и топи. Итак, *Понтусовы мосты*, без сомнения, представляют остаток военной дороги, проложенной знаменитым Понтусом [171].

В 1584 году после 50-летнего кровавого царствования кончил многомятежную жизнь свою царь Иоанн Васильевич,

делами своими заслуживший прозвание Грозного. Ему наследовал старший сын его, смиренный и набожный Феодор Иоаннович, который, чувствуя свою слабость и неспособность для дел царственных, поспешил возложить все бремя правления на шурина своего Бориса Годунова, боярина умного, хитрого и властолюбивого.

В это время Россия после тяжких войн и внутренних страданий всего более нуждалась в мире; о даровании «мира мирови» молил Всевышнего и новый царь ежедневно, но при всем его желании отвратить бедствия войны и дать своему народу вкусить благотворные плоды мира, честь государственная не дозволяла оставить в руках шведов захваченные ими древние русские владения на севере, а так как Швеция не хотела возвратить их, даже за предложенный ей довольно значительный выкуп, то война с нею необходимо должна была возгореться снова. Перемирием, возобновленным в 1585 году, по смерти Грозного, она была только отсрочена на 4 года; по прошествии же этого срока многочисленное русское войско немедленно в январе 1590 года под личным предводительством самого царя двинулось из Новгорода на Эстонию. Взяв на пути Яму и разбив двадцатитысячный шведский корпус, предводимый Банером, главные силы русских с многочисленной артиллерией обложили Нарву. Хотя осажденные мужественно отразили первый кровопролитный приступ, однако сильное повреждение крепостных стен и решительные приготовления к новому приступу, равно как и страшное опустошение Эстонии и всей южной Финляндии до самого Або передовыми русскими отрядами, состоявшими, как обыкновенно, из хищной татарской конницы, побудили шведского главнокомандующего генерала Горна заключить (25 февраля) перемирие на год, уступив русским, сверх Ямы, Ивангород и Копорье, т. е. все принадлежавшее шведам в Ингерманландии [172]. Но король, признав поступок Горна превышением данной ему власти, не утвердил этого договора. Он повелел усилить войска свои в Эстонии и, расчитывая на помощь своего сына Иоанна Сигизмунда, царствовавшего в Польше по смерти Батория, равно как и на диверсию со стороны хана крымского, решился энергически продолжать войну с Россией, чтобы не только возвратить уступленные города, но покорить и сам Новгород. Однако после двухлетних усилий, тягостных для Швеции и особенно гибельных для Финляндии, вторично (в начале 1592 г.) опустошенной русскими, – убедился наконец

в невозможности достигнуть своей цели и уже выслал уполномоченных для заключения мира, но умер (в ноябре 1592 г.) еще до окончания переговоров. Сын его, король польский Сигизмунд, наследовавший теперь и шведскую корону, утвердил с Россией только двухлетнее перемирие, чтобы, укрепив тем временем соединение Швеции с Польшей под своим скипетром, возобновить потом войну с большим успехом. Но к счастью, это опасное для России соединение двух враждебных ей держав не состоялось, ибо уже первые действия Сигизмунда в швеции, особенно же его фанатическое стремление уничтожить лютеранскую веру и восстановить снова католическую, возбудили всеобщее негодование народа, заставившее короля почти бежать из государства. Тогда дядя его, герцог Карл, младший сын Густава Вазы, провозглашен был правителем Швеции (1494 г.) и, предвидя войну с Польшей, поспешил тотчас прекратить все распри и несогласия с Россией. Шведские уполномоченные съехались с русскими у Тявзина, на правом берегу Наровы, ниже Ивангорода и 18 мая 1595 года заключили между Швецией и Россией вечный мир, главные условия коего были следующие: 1) Швеция спокойно владеет всей Эстонией, но отказывается от занятых уже русскими Ивангорода, Ямы и Конорья с их уездами, и сверх того возвращает России Кексгольм со всей русской Карелией, пограничная линия которой должна быть, однако, сперва обойдена шведскими и русскими комиссарами, и с точностью определена особою межевою записью; 2) Лапландцы Остерботнийские и Варангские платят дань Швеции, живущие же к востоку от Варанга – России; 3) военнопленные должны быть обоюдно освобождены без выкупа и размена; 4) Шведам повсюду в России, и русским во всех владениях Швеции предоставляются одинаковые права беспрепятственной торговли с платежом равных пошлин теми и другими; 5) послы русские, отправляемые к западным венценосцам, равно как и послы сих последних, едущие к государю московскому, или обратно, а также и все люди воинские, торговые, лекаря, художники, ремесленники пользуются во всех владениях Швеции свободным и беспрепятственным проездом [173].

www.aroundspb.ru

Глава 8

ОТНОШЕНИЕ РОССИИ К ШВЕЦИИ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ И УТВЕРЖДЕНИЕ ШВЕДСКОГО ГОСПОДСТВА НА ПОБЕРЕЖЬЯХ НЕВЫ: СТОЛБОВСКИЙ ДОГОВОР 1617 ГОДА

Итак, после кратковременного господства Швеция снова лишилась невских побережий, обладание которыми уже в течение нескольких веков составляло цель постоянных ее усилий; но она могла считать себя вполне вознаграженной тем, что стала твердою ногою на южном берегу Финского залива и, избавясь от тяжкой и разорительной войны, приобрела дружбу могущественной России, особенно необходимую для нее при тогдашних отношениях к Польше. С другой стороны и Россия, возвратив древнюю собственность Новгорода и восстановив свое политическое достоинство, была довольна Тявзинским договором, тем более что она могла теперь спокойно заняться устройством своего внутреннего состояния и развитием богатых природных сил своих посредством торговли, промышленности и народного образования. Но недолго суждено было ей наслаждаться вожделенными плодами мира: вместо войны внешней вскоре настало тяжкое и продолжительное борение внутреннее, которое, при вмешательстве враждебных соседей, угрожало падением ее государственной самостоятельности. И только после целого ряда кровавых переворотов Россия была спасена любовью к вере и отечеству, воздвигшею Гермогенов, Мининых и Пожарских.

При начале этой великой государственной катастрофы отношения России к Швеции были, по крайней мере по наружности, дружелюбны. Борис Годунов, по кончине царя Феодора (1598 г.) возведенный общим голосом народа на престол московский, высказывал постоянное доброжелательство правителю Швеции, герцогу Карлу – конечно, из видов политических. Сведав не без удовольствия, что король Сигизмунд торжественно объявлен низложенным со шведского престола

и что между ним и Швецией возгорелась война, он искренно советовал Карлу немедленно принять для блага государства титул королевский, дозволил войскам его беспрепятственно переходить из Финляндии через русские владения к Дерпту и даже намекал о своей готовности действовать вместе с ним, для совершенного изгнания поляков из Ливонии. Обрадованный столь добрым, по-видимому, расположением, герцог Карл прислал уже в Москву (в начале 1601 г.) своих уполномоченных для заключения с Россией формального союза против Польши; но, к удивлению, их отпустили с одними только ласками и обещаниями, объявив, как бы с сожалением, что поляки успели уже предупредить их, заключив с Россией двадцатилетнее перемирие. Дело в том, что Борис Годунов, обнадеживая Швецию своею помощью и с радостью взирая на борьбу ее с Польшей, столь благоприятную для России, сам не только не думал в ней участвовать, по крайней мере до времени, но, напротив, втайне действовал и против Польши, и против Швеции, стараясь вырвать из рук их Ливонию, как древнее достояние России. С этой целью он всячески ласкал ливонцев: охотно принимал их в свою службу, покровительствовал их торговле, давал им разные льготы и привилегии и сулил еще большие в будущем, если они, изменив тогдашним своим властителям, присоединятся к России. В то же время, чтобы еще более обольстить их мечтою о единстве и самостоятельности их отчизны, приглашен был в Россию шведский принц Густав, сын короля Эрика XIV, как будущий государь Ливонии. Приняв этого изгнанника с необыкновенной лаской и почестями и назначив ему особый удел и богатое содержание, Борис Годунов предполагал сочетать его браком со своею дочерью и сделать вассальным владетелем Ливонии под верховным покровительством России. Но хитрые планы его не осуществились: с одной стороны, ливонцы, твердо помня Иоанна Грозного и жалкую роль принца Магнуса, не верили обещаниям России, а с другой – принц Густав не хотел служить слепым орудием русской политики против прежнего своего отечества. Притом же и внутренние смуты, вскоре сильно озаботившие царя, отвлекли его внимание от дел ливонских и ускорили саму его кончину [174].

Окруженный тайными врагами и завистниками и нелюбимый народом, к тому же еще – как вероятно – обагренный невинною кровью сына Иоаннова, царевича Димитрия Углицкого, и, следовательно, терзаемый нечистой совестью, царь

Борис как громом поражен был вестью, что Димитрий жив и ополчается на него с помощью враждебной Польши. Принужденный вступить в постыдную борьбу с беглым монахом, дерзнувшим назваться именем погибшего царевича, гордый царь видел, что умы его народа в смущении, что верность воевод и войска сомнительна, что многие переходят на сторону обманщика – видел, что величие его меркнет перед призраком законного наследника, – трон колеблется, и... не вынес тревоги душевной: он умер скоропостижно (13 апреля 1605 г.). За ним, спустя семь недель, и сын его, юный Феодор лишился престола и жизни. И ничтожный бродяга, святотатственно прикрывшись именем Димитрия, воссел на престоле Иоанна Грозного при общем ликовании народа, обманутого своей любовью к древней царской династии. Но обман вскоре открылся, обольщение исчезло, и раздраженный народ с яростью растерзал обманщика после 11-ти месяцев его беззаконного господства (17 мая 1606 г.). Тогда князь Василий Иванович Шуйский, глава народного восстания, как бы в награду за спасение России от самозванца, провозглашен был царем, и мерами благоразумной предусмотрительности думал успокоить государство; но тщетно. Зависть и крамола бояр, шипевшие вокруг престола нового царя-боярина, распустили слух, будто царь Димитрий спасся от гибели, уготованной ему мятежною Москвою; поднялось волнение, сильнейшее прежнего; явился второй Лже-Димитрий и также – из Польши. С сильными польскими дружинами, с толпами казаков и с множеством русских изменников укрепился он под Москвою, и почти вся Россия перешла на его сторону.

Такие успехи самозванцев, радуя Сигизмунда, иезуитов и Польшу, сильно озабочивали Швецию, которая не могла не предвидеть, что вслед за падением России ей самой будет угрожать та же участь, что ее государственная самостоятельность и лютеранское вероисповедание подвергнутся величайшей опасности и могут погибнуть тем неизбежнее, что отвергнутый ею Сигизмунд имел в Швеции многих друзей и приверженцев, а король Карл IX еще не твердо сидел на своем престоле. Вот почему Швеция, уже при появлении первого Лже-Димитрия, сама предложила вспомогательное войско Борису Годунову. Но царь, сильный собственным войском, отказался от горсти наемных ратников: ему нужна была не материальная, а нравственная помощь, которой не мог бы доставить ему союз с иноземцем. По той же причине

и Шуйский, в начале своего царствования, также не принял помощи, обязательно предложенной ему от имени короля Карла IX шведским посланником Петреем; но когда почти вся Россия преклонилась пред самозванцев и поляками, когда только Москва, Смоленск и пять или шесть других городов, вместе со знаменитою Троицкою лаврою, оставались еще верными долгу чести и присяги, когда и в самой Москве дух мятежа и измены с каждым днем усиливался, тогда он уже сам принужден был, отстранив гордость народную, прибегнуть к иноземной помощи, как к единственному средству спасения.

Племянник царя, юный и талантливый воевода, князь Михаил Скопин-Шуйский уполномочен был заключить союз с Карлом IX и привести шведов на помощь бедствующей России. Прибыв в Новгород и препроводив к королю царскую грамоту, он вскоре получил ответ благоприятный и тотчас отправил боярина Семена Головина и дьяка Зиновьева в Выборг для начертания условий союзного договора. Там шведские уполномоченные уже ждали русских, и хотя встретили их как просителей, с притворной холодностью и равнодушием, но дела не затягивали: 28 февраля 1609 года подписан был договор следующего содержания.

Король шведский дает царю Василию 2000 конного и 3000 пешего вспомогательного войска, а царь платит этому войску, со дня вступления его на русскую почву, ежемесячно по 100000 ефимков жалованья, да князь Скопин-Шуйский дарит ему от себя не в счет жалованья 5000 рублей, которые и были (кроме 200, данных в Новгороде) уплачены вперед, при подписании договора. Сверх того, в знак признательности за услугу царь обязался уступить Швеции город Кексгольм в вечное владение; но эту уступку, чтобы не возбудить ею неудовольствия русских, надлежало хранить, до времени, втайне. Все союзное войско, как состоящее на царском жаловании, должно было поступить в полное распоряжение главного царского воеводы, князя Михаила Скопина-Шуйского, и обязывалось: действовать по его указанию вместе с царскими войсками, брать города и крепости единственно именем царским, мирных жителей в городах и селениях не убивать и не грабить; также и военнопленных, кроме поляков, никого не убивать и не выводить из России, но отдавать на выкуп, русские, со своей стороны, обязаны были поставлять союзникам съестные припасы и все необходимое по существующим

умеренным ценам, а лошадей под артиллерию и обозы бесплатно. Возобновив и подтвердив все условия вечного мира, заключенного между Россией и Швецией в Тявзине, царь и король обязались взаимно поддерживать настоящий союз ненарушимо, оказывать и впредь друг другу помощь при всякой опасности, действовать всегда заодно против общего врага их Сигизмунда и не мириться с ним иначе, как вместе [175]. Этот договор был утвержден князем Скопиным-Шуйским 4 апреля в Новгороде.

Предводителем шведского войска, которому надлежало идти спасать Россию, король назначил Якова Де-ла-Гарди, сына знаменитого Понтуса, вождя еще юного, но уже известного своими подвигами в борьбе за независимость Голландии. 5 марта прибыл он в Выборг, – и два дня спустя передовые отряды под начальством Христиана Зоме уже выступили в поход. Вслед за ними вскоре двинулся и Де-ла-Гарди с остальным войском, которым командовали отрядные начальники Антон Иёрансон, Аксель Курк, Андерс Бойе и Эверт Горн. Перешед границу, союзники были встречены воеводою Ододуровым с небольшим отрядом русских и вместе направили путь к Новгороду, откуда должны были начаться военные действия.

В это время вся северо-западная Россия представляла печальную картину всеобщего мятежа, безначалия и злодейства: города Яма, Копорье, Ивангород, Орешек, даже отдаленный Кексгольм признавали царем Димитрия; Псков, Порхов, Старая Русса и другие были наводнены шайками поляков, запорожцев и русских изменников, под мечами которых мирные граждане должны были присягать тому же мнимому Димитрию; самый Новгород, смущаемый ложными слухами, в одно время уже поколебался было в своей верности царю Василию, и только увещаниями митрополита Исидора был удержан от явной измены. При таком положении дел шведский военачальник хотел заняться во-первых приведением к покорности городов ближайших – Ямы, Копорья, Ивангорода, чтобы таким образом открыть для шведов беспрепятственное сообщение с Лифляндией, но Скопин-Шуйский убедил его оставить в покое эти мелкие гнезда злодейства и, не теряя времени, поспешить к главной цели – на освобождение царя и столицы. Решено было идти к Москве.

Не касаясь подробностей этого похода, в котором князь Скопин и Де-ла-Гарди должны были бороться с множеством

препятствий, заметим, что успех его всего более был затрудняем бунтливостью наемного войска. Шведское только по имени, в самом же деле составленное из людей почти всех наций: французов, англичан, шотландцев, немцев, финнов, немногих шведов – людей, большею частью без отечества, веры и нравственности, увлекаемых единственно жаждою корысти, это войско только тогда было покорно вождям своим и храбро билось с врагами, когда ему исправно и щедро платили и когда надежда на богатую добычу манила его вперед. Но именно этих двух условий и не доставало в этом походе для поддержания дисциплины и мужества наемников: казна царская была истощена и потому жалованье выдавалось весьма неисправно – не в срок и не сполна по условию; страна же, служившая театром войны, была уже так разорена шайками всевозможных грабителей, что в ней решительно нечем было поживиться. Между тем по мере движения вперед труды и опасности возрастали – конечно, не к удовольствию наемников. Особенно громко выразилось их негодование по взятии Твери, когда понесенные ими при этом тяжкие труды, вместо ожидаемой богатой добычи, доставили им одну только сухую благодарность. Финны первые зашумели: кричали, что их ведут на край света, против вдесятеро сильнейшего неприятеля, на верную гибель, вспоминали с сожалением о своих мирных хижинах, о покинутых женах и детях – и решительно объявили, что хотят возвратиться на родину. Немцы, французы, шведы также взволновались, – все сложили оружие и требовали жалованья. Ни увещания, ни угрозы не помогали, и Де-ла-Гарди, принужденный покориться воле мятежников, сам повел их обратно к Новгороду. Эта весть сильно встревожила Скопина-Шуйского. Нуждаясь в помощи более, чем когда-либо, он послал просить и уговаривать недовольных, послал им и денег – сколько мог; но успел усовестить немногих (менее 1000 человек), которые возвратились с генералом Зоме и подоспели кстати, чтобы разделить с русскими славу решительной победы при Колязине; прочие же продолжали свой путь, и Де-ла-Гарди с ними. Невольно увлекаемый бунтовщиками к нарушению договора, он оправдывал себя тем, что русские сами не исполняют условий – не сдают Кексгольма, хотя и знал, что в этом ни царь, ни его военачальник нисколько не виноваты, ибо Кексгольм, преданный самозванцу, не слушался их приказаний. Наконец вторичная высылка денег удовлетворила корыстолюбивых наемников и Де-ла-Гарди,

отпустив только наиболее строптивых обратно в Финляндию, с прочими присоединился к победителям в Колязине, после шестинедельного отсутствия.

С тех пор все шло успешно: царство самозванца видимо разрушалось, Россия дружно восставала на защиту закона и правды, и даже новый враг – король Сигизмунд, явившийся под Смоленском, был уже не страшен. Но счастье недолго улыбалось злополучному царю Василию: скоропостижная смерть его племянника, победоносного вождя русского, уничтожила все его надежды. Вскоре затем рушился и союз России со Швецией, когда в несчастной клушинской битве шведские наемники – французы, немцы, англичане, шотландцы, не внимая ни мольбам, ни угрозам своего полководца, заклеймили себя бесчестною изменою, передавшись на сторону поляков. Этим все было кончено для царя Шуйского. Скоро, казалось, должна была решиться и судьба России: победитель при Клушине, гетман Жолковский предложил ей в цари сына Сигизмундова королевича Владислава, а под скипетром его – тесный союз с Польшей, мир, тишину и благоденствие. Политика Польши торжествовала.

Естественно, что теперь, когда Россия, по-видимому, готова была броситься в объятия заклятого врага шведов Сигизмунда – Швеция из союзницы сделалась врагом России. Де-ла-Гарди, возвратившийся после клушинской битвы с остатками своего войска в Ингерманландию, предложил своему государю завоевать северо-западные области России, прося только скорейшей присылки войска и денег, а между тем, достигнув берегов Невы, сам приступил уже к враждебным действиям, еще до получения королевского указа и ожидаемых подкреплений. Шведский историк этой войны говорит, что Де-ла-Гарди, не получая более от России условленных по договору пособий и потому принужденный для удовлетворения своих наемников прибегнуть к самоуправству, «послал в Выборг предписание комиссарам – задержать все находившиеся там русские торговые суда и, по продаже их груза, употребить вырученные деньги на уплату жалованья войску, и что он сам также задержал на реке Неве два судна, нагруженные солью, и, захватив еще несколько тысяч бочек соли *в городе* (in urbe), повелел поспешить туда как можно скорее с транспортными судами для перевозки этой добычи» [176]. Мы приводим здесь эти слова потому, что они указывают на какой-то город на реке Неве, который в это время, в 1610 году, находился уже

в распоряжении Де-ла-Гарди, и который, следовательно, не может быть Ореховец, или Нетеборг, тогда еще не принадлежавший шведам. Но какой же это город, о котором доселе, сколько нам известно, нигде не упоминается? где именно стоял он и когда был основан?... Не там ли, где некогда была воздвигнута Ландскрона, т.е. при впадении реки Охты в Неву следует искать этот город? Весьма вероятно, по крайней мере, что это место, близ устья Невы, с безопасной и спокойной пристанью, удобное для стоянки купеческих судов и для складки товаров, было обитаемо многими купцами, промышленниками, хозяевами каботажных судов, и, следовательно, могло еще до шведского владычества пользоваться значением торгового города, хотя, впрочем, этот город, названный впоследствии от построенного при нем шведского укрепления *Ниэншанцем*, не ранее 1632 года получил от шведского правительства первые привилегии.

Пробыв несколько времени на берегах Невы, Де-ла-Гарди решился идти ни Кексгольм, чтобы силой взять то, чего доселе, вопреки договору, не хотели уступить добровольно. Обладание этим городом он считал необходимым для успеха дальнейших предприятий против России; так как продовольствие для войска, военные снаряды и все прочие потребности, привозимые туда из Финляндии, легко могли быть направляемы оттуда, по Ладожскому озеру и по впадающим в него рекам, но тот или другой пункт северо-западной России. Выступив 14 августа 1610 года из-под Ореховца и обрадованный на пути известием, что сподвижник его Де-ла-Виль, начальствовавший французскими отрядами, приступом взял город Ладогу, он спешил занятием Кексгольма утвердиться на другом конце Ладожского озера, чтобы тем скорее двинуться оттуда на Новгород, завоевание которого, разумеется, было главной целью его помышлений. Но овладеть Кексгольмом было не так легко, как Ладогою: окруженная отовсюду опасными порогами и быстрым течением, эта крепость не могла быть взята внезапным, смелым приступом; надлежало прибегнуть к облежанию и ждать, чтобы голод смирил непокорных. Посему всякое сообщение с крепостью было прервано, русские суда со съестными припасами или с другими товарами были повсюду, где только встречались, отбираемы в пользу осаждающих, призваны были еще свежие подкрепления из Выборга, и все окрестные жители силой приведены к присяге на верность королю; но крепость не сдавалась.

Столь же упорное сопротивление встречали шведы и под Ивангородом, где, кроме того, немало тревожили их и набеги Лисовского – удалого вождя многочисленной шайки грабителей, и, еще более, бунты их собственного наемного войска, составленного из сброда разных иноземцев. Эти наемники, всегда и всем недовольные, вечно роптали, волновались, требовали отпуска или самовольно покидали знамена и целыми толпами переходили к неприятелям. Пример их заразил и самих шведов, которые, жалуясь на труды и лишения, также отказывались от службы и уходили на родину, так что под Ивангородом осталось наконец не более 600 всадников, и потому осаду пришлось прекратить на время. Даже *Невский шанец*, вырытый шведами во время этой войны, вероятно, при устье Охты и служивший, кажется, складочным местом военных запасов, едва было не впал в руки мятежников, которые хотели продать его русским или полякам; но к счастью, замысел их был открыт и виновные бежали или были наказаны.

Озабоченный такими препятствиями, Де-ла-Гарди еще более встревожен был вестью, что Москва и за нею Россия присягнули царю Владиславу. Московские бояре и наместник новгородский, извещая об этом шведского полководца, настоятельно требовали возвращения Ладоги и немедленного удаления шведов из России. О том же писал к нему и гетман Жолковский, присовокупляя, что в противном случае он как военачальник царя Владислава не замедлит принять свои меры против нарушителей спокойствия России. Де-ла-Гарди понял, что теперь уже некогда думать о Кексгольме, что для предупреждения опасности, угрожающей самой Швеции, надобно со всеми силами немедленно двинуться на Новгород и овладеть им прежде, нежели поляки успеют там утвердиться. Посему, поручив одному из своих подчиненных продолжать осаду Кексгольма, он сам поспешил в Финляндию, чтобы собрать большие силы, приготовить запасы, оружие и все необходимое для похода, или – в случае крайности – для защиты собственных пределов. Среди таких занятий Де-ла-Гарди огорчен был еще новой неудачей шведского оружия: Ладога – единственный пункт в России, принадлежавший доселе шведам, была несколько времени храбро защищаема отрядами Де-ла-Виля; но так как часть этих отрядов была вызвана оттуда для усиления осады Кексгольма, то оставшийся незначительный гарнизон, беспрестанно теснимый отовсюду превосходными силами русских, должен был наконец сдать свой пост и удалиться из России.

Но вскоре за этой вестью последовала другая, радостная: 2 марта 1611 года после слишком шестимесячной геройской обороны сдалась, наконец, Кексгольмская крепость, и вся Карелия сделалась шведской провинцией. Тогда Де-ла-Гарди, оставив только незначительные гарнизоны в пограничных крепостях Финляндии, с главными силами направился к берегам Волхова; но шел уже медленно, потому что навстречу ему из России доносились новые вести, благоприятные для шведской политики.

В то время когда Москва, присягнувшая Владиславу, с нетерпением ждала нового царя своего, когда Боярская Дума именем этого царя уже правила государством, а поляки занимали кремль московский – обнаружились коварные, фанатические замыслы короля Сигизмунда, который, очевидно, хотел воспользоваться бедствиями России, чтобы подчинить ее господству Польшу и католицизма. Посему, видя себя обманутою, Россия отвергла царя Владислава и, по благословению патриарха Гермогена, дружно ополчилась под знаменем Ляпунова на защиту своей веры и независимости. Москва первая спешила расправиться со своими врагами, – и первая погибла: поляки сожгли ее, спасая себя от ярости восставшего народа, а сами заперлись в кремле, где и были тотчас осаждены дружинами Ляпунова, к которым вскоре присоединились и приверженцы погибшего в то время Самозванца. Всех соединило одно чувство непримиримой ненависти к полякам.

При таком расположении умов, господствовавшем и в Новгороде (где народ посадил на кол своего воеводу, боярина Салтыкова, подозреваемого в приверженности к Польше), Де-ла-Гарди считал за лучшее не спешить походом, который, к тому же, был бы в то время весьма затруднителен, по причине весенних наводнений. Между тем, заботясь о безопасности уже завоеванного и не покидая мысли о дальнейших завоеваниях, он поручил выборгским комиссарам приготовить достаточное количество судов и лодок для предполагаемой блокады крепости Ореховца, повелел также составить подробное топографическое описание и карту Ладожского озера со всеми его пристанями, заливами и бухтами, и, препроводив этот труд к королю, вместе с тем предложил ему основать новую крепость на Неве, в 6 милях от Ореховца, т. е., вероятно, при впадении реки Охты, где тогда стоял уже вышеупомянутый шанец. Вполне сознавая, как важно и необходимо для Швеции иметь в означенном месте надежную крепость, он поручил одному сведущему инженеру сообразить на месте все

технические подробности проекта и потом отправиться в Стокгольм, чтобы словесно представить королю необходимые объяснения по этому делу и испросить у него пособия и средства для скорейшего его исполнения [177]. Нет сомнения, что проект был тогда же утвержден королем; но когда именно приступлено было к сооружению этой крепости – прежде ли заключения мира с Россией или после, когда невские побережья были уже формально уступлены Швеции? – этого мы решить не можем. Известно только, что Линдвед Классон Хестеско назначен был ее строителем, и что в 1611 году было уже на Неве шведское укрепление, в котором помещалось 500 человек войска [178]. На том же месте впоследствии является крепость *Ниэншанц*.

Расчитывая, что ненависть к полякам должна пробудить в русских дружеское расположение к Швеции, Де-ла-Гарди не ошибся: по крайней мере русские нисколько не встревожились вестью о его походе, и когда он, прикрываясь личиною союзника, расположился почти под стенами Новгорода, то вместо враждебных действий открылись переговоры. Главным лицом при этих переговорах был боярин Василий Иванович Бутурлин, уполномоченный от предводителя народных ополчений Прокопия Ляпунова предложить сиротствующий престол царей московских сыну короля Карла IX и пригласить шведов на помощь для изгнания поляков из России. Де-ла-Гарди отвечал, что король его искренно желает видеть Россию спасенною от козней Сигизмунда и иезуитов, что он готов отпустить своего сына на престол московский и, возобновив прежний союз с Россией, помогать ей всеми своими силами, ежели только русские со своей стороны представят ему достаточное обеспечение в исправном платеже жалованья вспомогательному войску и в верном исполнении прочих условий. Это обеспечение, которого требовал король, должно состоять в уступке Швеции некоторых городов: Нетебурга, Ладоги, Ямы, Копорья, Ивангорода и Гдова. «Лучше умереть на своей земле, нежели искать спасения такими уступками» – отвечали новгородцы. Однако не зная, что делать и желая только протянуть время, заключили со шведским военачальником двухнедельное перемирие, чтобы снестись с воеводами московского стана, представлявшими тогда верховное правительство России. Между тем Бутурлин из ненависти к полякам явно доброхотствовал шведам; тайно сносился с Де-ла-Гарди, часто пировал в его лагере и в дружеской беседе присоветовал ему врасплох овладеть Новгородом [179]. Совет

его не пропал даром: в ночь с 15 на 16 июля, в то время, когда Бутурлин, ограбив лавки и дома знатнейших купцов, покинул город и в сопровождении стрельцов и детей боярских, т. е. лучших воинов, бежал на Бронницы, Де-ла-Гарди с другой стороны ворвался в ворота и овладел городом. Затем сдалась и крепость, – и 17 июля начертан был договор, по которому воевода князь Одоевский, митрополит Исидор и весь Новгород признали своим верховным покровителем короля шведского и присягнули его сыну, как будущему царю русскому, обязуясь до его прибытия повиноваться всем распоряжением Де-ла-Гарди [180].

Примеру Новгорода вскоре последовали Ладога и Тихвин, а в следующем (1612) году были взяты шведами – большей частью после упорного сопротивления – Старая Русса, Орешек, Копорье, Яма, Гдов, Порхов, Ивангород, которые вместе со всем сельским населением также принуждены были присягнуть шведскому королевичу Филиппу на условиях новгородских. Но в это время бедствия и страдания России уже достигли своего крайнего предела.

Первое общее восстание России против поляков не привело к желаемой цели. Ляпунов – лучший из людей этого мятежного времени, пал под ножами злодеев, и с ним, казалось, погибла последняя надежда России. Положение сделалось безотраднее прежнего. Но тут в полном блеске обнаружилась великая нравственная сила русского народа; явился Минин – сын толпы, не дворянин, не боярин, – поднялось новое, чисто народное ополчение, чуждое духа партий, одушевленное бескорыстной любовью к отечеству,... прошло несколько месяцев, и – кремль московский был исторгнут из рук поляков. Тогда Россия, единственно самой себе обязанная своим спасением, отвергнув всех царей чужеземцев, единодушно вручила скипетр юному Михаилу Феодоровичу, законному преемнику прежней царской династии.

Швеция, где в конце 1611 г. королю Карлу IX наследовал, столь славный впоследствии, сын его Густав Адольф, должна была теперь отказаться от надежды видеть своего принца на русском престоле; но, владея всей северо-западной Россией, она хотела удержать ее за собою, как справедливое, по ее мнению, вознаграждение за военные издержки. На такую жертву не могла согласиться Россия, как ни бедственно было ее положение, и потому продолжение войны было неизбежно. Русские, желая изгнать шведов, двинулись было на Новгород, но разбитые Де-ла-Гардием при Бронницах, должны были

отказаться от наступательных действий. С другой стороны, и шведы не могли хвалиться своими успехами: Тихвин решительно отложился от них и заставил снять осаду; в других занятых ими городах вспыхивали беспрестанные восстания; расположение умов повсюду, даже в отдаленном Кексгольме, было в пользу соединения с Россией. При таком положении дел Густав Адольф сам явился на театре войны; но геройская оборона осажденного им Пскова, напомнившая времена Батория, склонила его к уступчивости: он принял посредничество английского агента Джона Мерика и назначил уполномоченных, во главе которых был Яков Де-ла-Гарди. Со стороны России назначен был Даниил Иванович Мезецкий с товарищами. После долгих споров мир был наконец подписан 27 февраля 1617 года в деревне Столбове, между Тихвином и Ладогою: Швеция возвратила России Новгород, Старую Руссу, Порхов, Ладогу, Гдов с их уездами и Сомерскую волость, а удержала за собой Ивангород, Яму, Копорье и Орешек со всей Ингерманландией; сверх того она получила деньгами 20000 рублей серебром и подтверждение на вечное владение Лифляндией и Кексгольмом со всей русской Карелией. Для проведения новой границы между шведскими и русскими владениями назначены были две особые смешанные комиссии, из которых одна межевою записью от 29 марта 1618 года определила границу между Ингерманландией и русскими владениями от устья реки Лавы до впадения Плюссы в Нарову, а другая записью, подписанною 3 августа того же года, определила пограничную линию между Карелией и русскими владениями на востоке [181].

Таким образом Швеция достигла наконец цели, к которой она, напрягая все свои силы, стремилась в течение слишком трех столетий. Нева со всеми землями, прилежащими к ней на севере и юге, была теперь в ее руках, и этим, бесспорно, положено было начало ее политическому первенству на севере. Но как непродолжительно было это первенство!... Уже в первые годы XVIII века русский двуглавый орел снова парил над Невою, и Швеция вскоре утратила все свои завоевания. Но и это кратковременное господство ее было не бесплодно для Ингерманландии. Что именно сделало шведское правительство для благосостояния этой отдаленной провинции, для умственного и нравственного развития ее обитателей – читатель увидит в следующей части этого сочинения, в которой мы намерены изложить историю города и крепости Ниэншанца.

Глава 9

ПРИЧИНЫ, ПОБУЖДАВШИЕ ШВЕДСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО СТРЕМИТЬСЯ К ГОСПОДСТВУ НАД ПОБЕРЕЖЬЯМИ НЕВЫ, И ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ ИНГЕРМАНЛАНДИИ В XVII в.

Представив в первой части нашего сочинения обозрение мирных и военных отношений между Россией и Швецией с древнейших времен и заключив это обозрение Столбовским миром, мы не лишним считаем приостановиться на этом затишье, чтобы спокойно рассмотреть обстоятельства, которые, как действующие причины, произвели столь достопамятные столкновения двух соседних держав. В то же время, устремляя взор на следующие времена, мы рассмотрим, с какой целью совершались описанные завоевания и какие тайные пружины побуждали шведское правительство употреблять все усилия для сохранения господства над Невою. Впрочем, следуя по-прежнему ходу событий и начиная ряд их со времен Густава I, мы не будем искать глубоко обдуманных замыслов в секретных протоколах совещаний о войне, которая, раз получив начало, продолжалась сама собою. То, что она произвела, не было наперед задумано, а было следствием развития событий, в которых участвовала современная политика, и ближайшее действие которых на победителей состояло в удовлетворении возбужденной страсти к завоеваниям. Страсть же эта редко останавливается в границах природы или справедливости: она питается удачами и успехами, которые вместе с новыми надеждами рождают новые притязания; для оправдания последних всегда можно найти прекрасный случай прикрыть их личиною правоты. Таким образом, если война не была основана на расчете, то нельзя было вперед определить и ее окончания. Впрочем, если мы окинем взором географическое положение спорной страны и примем в соображение, что река Нева, соединяющая Ладогу и Финский залив, во все бывшие войны составляла точку, сосредоточи-

вавшую на себе внимание воюющих держав, то покажется очень правдоподобным, что Швеция приобретением Невы желала приготовить себе естественную и легко обороняемую государственную границу. Господство над Невою должно было отделить Россию от остальной Европы и в то же время вручить Швеции ключи от тех богатых запасов, которые хранились в обширных областях России. Если согласимся, что действительно эта цель мелькала светлой точкой в перспективе, то нельзя не допустить и того, что для такой великой цели никакие усилия и пожертвования не могли казаться великими; с другой стороны, легко понять, что такая великая мысль должна была оказываться живою в своих действиях и не могла ограничиться одними умствованиями.

Когда Петр Великий основывал Петербург, его творческий гений шел рядом с твердой решимостью, ничего не щадившей для своих целей; а направление, данное его всеобъемлющим умом своему творению, не переставало обнаруживать благодетельное действие в продолжение полутора веков. В завоевании Ингерманландии Густавом Адольфом, кажется, не скрывалось творческого плана; да и впоследствии, во время шведского владычества над нею подобный план едва ли развился до полной зрелости. Сделать такое заключение мы вправе, кажется, потому, что русская торговля давно проложила себе путь через Нарву и Ревель, а меры, принятые шведским правительством для ее прекращения, отнюдь не обнаруживали той силы, какая необходима для того, чтоб изменить ход ее, установленный привычкой и корыстью. Ингерманландия долго принадлежала Швеции и во все это время не вышло ни одного правительственного постановления, намекавшего о ее желании установить в этой стране торговлю; да и все дальнейшие распоряжения явно дают уразуметь, что никому на ум не приходило подумать о началах, которые могли бы послужить основанием учреждению обширной и полезной торговой деятельности. При всем том мы должны отдать справедливость попечениям великого короля о стране, для которой он создавал благонамеренные планы: хотя они основаны были на односторонней государственной экономии, зато отличались последовательностью и, во всяком случае, сопровождались такими выгодами, какие только могли быть осуществлены при тогдашних обстоятельствах. Но чтобы вернее уразуметь положение дел и судить о достоинстве мер, употребленных шведским правительством для осуществления

своих видов относительно этой отдаленной страны, необходимо было бы иметь ближайшее знакомство с тогдашним ее состоянием, в каком она являлась наблюдательным взорам правительства.

Такие показания увеличили бы в глазах читателя достоинство труда историка и представили бы в ином свете многие вещи, на которые навел свою тень позднейший предрассудок; но мы признаемся откровенно, что этот труд превышает наши силы, невольно ограниченные недостатком необходимых материалов. Впрочем, мы не можем не предпослать несколько сюда относящихся общих замечаний, прежде нежели коснемся обстоятельств, еще не преданных забвению.

Вследствие многих и долговременных войн, продолжавшихся между Россией и Швецией целые века, Ингерманландия никогда не могла достигнуть заметного благосостояния. Мы не знаем, существовало ли здесь в прежнее время земледелие в строгом смысле слова: но по свидетельству современных путешественников, все селения от русской границы на два дня пути по ту сторону Новгорода, вследствие войны и свирепствовавшего оттого голода, совершенно опустели и обезлюдели. В домах, еще чаще в монастырях, попадались трупы людей, погибших голодной смертью. Жизненные припасы и корм для лошадей нужно было привозить из Финляндии, на расстоянии от 60 до 100 миль. Если бы это описание было даже преувеличено, все же невольно становится грустно, когда подумаешь, какие бедствия претерпевало человечество в период грубого варварства. Как скоро нива попирается ногою воина, настает голод и земледелец теряет надежду, не предвидя в будущем средств к существованию. Кроме того, подобные обстоятельства обыкновенно сопровождаются какою-то сонливостью духа и грубостью нравов, причем подавляется врожденная человеку наклонность к труду и напряжению сил. То же было и в Ингерманландии. Многолетняя бедность и происшедшая оттого зависимость от людей достаточных, вместе с постоянным страхом, поселили в народе дух рабства, который лишил его способности наслаждаться и пользоваться плодами мира. Если присоединим еще к тому, что самая почва, по большой части состоящая из больших песчаных холмов и болотистых пространств, скудно и медленно вознаграждающая труды земледельца, требует с его стороны неутомимости в труде и известной степени образованности (что при упомянутых обстоятельствах едва ли было воз-

можно), то легко понять, как ничтожны должны были быть доходы, на которые государство могло тогда рассчитывать с этой области. Кроме того, принимая в соображение несовершенство тогдашней системы взиманий податей вообще, вследствие затруднительности контроля, мы не будем удивляться, если и эта малость, собираемая с убогого народонаселения, жившего в удаленной от взоров правительства области, должна была пропадать для государства. Да и само правительство не расчитывало, кажется, на действительные доходы, по крайней мере в первое время и до тех пор, пока земля эта была страною неведомой – terra incognita, или считалась чем-то вроде Сибири.

Если бы по настоящему можно было заключать о прошедшем, то не трудно было бы сказать, какой народ населял в древние времена Ингерманландию; даже можно было бы различить этот народ по наречиям, нравам, одежде, и с вероятностью указать на те страны, откуда он туда переселился. Финны, обитающие ныне в Ингерманландии, разделяются на четыре отрасли, которые хотя и принадлежат к одному племени, однако не только называются особенными именами, но и различаются друг от друга формами языка и религиозными обычаями.

Они называются: Савакот, Эврэмэйсет, Ингрекот (Ижора) и Ваддиаляйсет (Водь). Ученый филолог различит их легко; но менее опытному слуху не трудно в них ошибиться, вследствие смешанного их поселения, за исключением разве последних, поныне еще занимающих свои первые жилища около Копорья и Нарвы. Вместе с этими четырьмя соплеменными отраслями в Ингерманландии во множестве встречаются финны, своими названиями указывающие на происхождение из селений Новой Финляндии. Такое странное смешение отдельных племен можно, впрочем, объяснить, не унося воображением во времена отдаленные: выслушаем только свидетельство епископа И. Гецелиуса, в звании визитатора, посетившего и исследовавшего страну в конце XVII века; оно заслуживает полного доверия. Он говорит: Ингерманландия во времена Густава Адольфа населена была по большей части финнами, из которых одна часть называлась *Инграми*, другая *Ваддиаляйсет*. Первые, говорившие лучшим финским языком, считали себя исконными обитателями страны, и в то же время вместе со вторыми признавали себя последователями греческого вероисповедания и носили русскую одежду. По

метам жили и русские, переселенные сюда из внутренних областей России, для слияния, по мнению Гецелиуса, обоих племен в один народ. Но с новой войной, возгоревшейся между Россией и Швецией в 1657 и 58 годах, большая часть жителей удалилась в Россию, откуда по окончании войны возвратились немногие [182]. Посему места около Невы, в особенности область Ореховецкая или округи, лежавшие к северу и востоку от Невы, совершенно обезлюдели. Одни ваддиаляйсет, укрывавшиеся, по всей вероятности, в лесах, возвратились в свои жилища. Вследствие того надлежало снова колонизировать страну из Финляндии, где не было недостатка в людях, охотно желавших занять покинутые жилища; потомки этих выходцев поныне сохраняют в своих названиях воспоминания о местах, откуда они вышли. Но уже в то время, как началось шведское господство в Ингерманландии, народонаселение ее было весьма бедно. На основании мирного договора дозволено было всем монахам, дворянам и гражданам Ингерманландии и городов Карелии в продолжение 14 дней, по желанию, вместе с женами, детьми и прислугой переехать в Россию, и, конечно, многие при такой перемене правительства воспользовались этим дозволением и покинули свои прежние пенаты [183]. Остались лишь немногие дворянские семейства и вступили в шведскую службу; имена их записаны в шведской дворянской метрике, напр.: *Нассакин* (Нащокин?), *Аминов, Бутурлин, Рубцов, Пересветов, Аполлов* и другие. Покинутые имения и селения оставались в запустении. Устранение этого зла, кажется, стало с тех пор первым делом заботливого правительства [184].

Вследствие того немедленно по заключении мира по повелению короля обнародован был общий манифест, которым не только шведские подданные, но и иностранцы, приглашались к переселению в Ингерманландию с тем, чтобы, приняв там в свое владение земли, обрабатывать и застраивать их. Этот вызов особенно подстрекал те лица дворянского происхождения, которые в своем отечестве должны были бороться с нуждою и бедностью, не имея средств и случая развить свои способности. Дворянство было опорой и украшением престола; ему принадлежала честь – своим высшим образованием и богатством поддерживать государственный организм и доставлять правительству то уважение, которого одна сила власти приобрести не может. Потому-то считалось необходимым предохранять дарениями высшее сословие от того состояния

упадка, которое обыкновенно бывает следствием угнетающей бедности. Но предубеждения и любовь к родине так были сильны, что из шведских дворян лишь немногие воспользовались королевским предложением искать счастья в этой опустошенной стране в то время, когда родная земля представляла еще достаточный простор для их жизни и деятельности. Более успеха имело это воззвание в разных немецких провинциях, особенно в Мекленбурге, откуда явились многие, желавшие осуществить свои спекуляции в земле, никем не занятой. Всеобщее брожение, существовавшее в Мекленбурге, равно как и в остальной Германии, вследствие религиозной войны, пробудило, по-видимому, в одной части ревностных лютеран желание искать мира и защиты у государя, преданного реформации, – и какого случая они могли еще ожидать для осуществления своих желаний лучше этого, когда он представлял, сверх всего, обеспечение их материального существования? Из Германии отправлены были депутаты и открыты формальные переговоры, кончившиеся тем, что король в особом манифесте от 16 октября 1622 года дал немцам разных званий и состояний, находившим выгоды в утверждении своего местопребывания в Ингерманландии, значительные привилегии [185]. Неизвестно, впрочем, что было поручено и сообщено депутатам втайне, но есть повод предполагать, что они сами, равно как и немцы, переселившиеся в Ингерманландию, ради обещанных выгод, много содействовали королю к приобретению союзников между германскими народами; кроме того, привилегии, начертанные щедрой рукой, должны были пробудить особенное почтение и любовь к особе короля, который и впоследствии умел поддержать и употребить с пользой народное расположение, питая оное другими великими своими доблестями. Вышеупомянутые привилегии дают нам некоторым образом ясное представление о намерениях правительства касательно устройства страны и способов утвердить в ней порядок и благосостояние. Так как земля по большей части была необитаема, несмотря на то, что почва, по словам манифеста, была весьма способна к возделыванию, то сочли за лучшее отдавать, на известных условиях, земли большего или меньшего объема для обрабатывания тем, которые соглашались приложить к ним свой труд. Значительнейшие поместья отдавались дворянству, менее значительные должны были поступать в аренду лицам податного состояния. Замечательно однако, что в привилегиях ничего не говорится о древнем

русском дворянстве Ингерманландии, и о тех условиях, на которых оно могло владеть своими имениями. Что здесь были дворяне, в том нельзя сомневаться; но как о них прямо не упоминается, то очень вероятно, что те, которые не воспользовались позволением мирного договора – переехать в Россию, целовали крест в верности королю и получили, вследствие того, право удержать за собой прежние владения на тех же условиях, которые означены в дворянских привилегиях и точнее определены привилегиями, данными немецким выходцам. Что это достоверно, о том свидетельствует также епископ Гецелиус, который говорит, что еще в его время (1682) в Ингерманландии находились русские дворянские семейства, принявшие лютеранское вероисповедание, за исключением немногих лиц женского пола, остававшихся верными православию: кроме того, как уже замечено выше, многие русские фамилии занимают отдельные номера в шведской дворянской родословной метрике.

Как скоро кто-нибудь являлся для получения в Ингерманландии более значительной земли, называвшейся *feudum*, от того требовалось, во-первых, доказательство дворянского происхождения, во-вторых, законная присяга в верности и повиновении. Затем таковым лицам без всяких ограничений предоставлялись те же права, которыми пользовалось шведское рыцарство и дворянство, на основании дворянских привилегий, данных 8 октября 1617 года. Эти права и преимущества, касавшиеся как самих дворян, так и их земель и подчиненных (освобождавшихся от всех повинностей (onera), бремя которых вдвойне чувствовало податное сословие), в Ингерманландии, может быть, еще увеличивались и умножались в тех случаях, когда иностранец дворянского происхождения мог доказать, что он принадлежит к какой-либо знатной фамилии; когда он отличался личными качествами и особенными заслугами, или когда был рекомендован каким-либо знаменитым мужем: в таких случаях подобным лицам жаловали дворянский герб и знаки дворянского сословия, с правом писаться Господином того или другого поместья, которое получал в лен. Тогда пожалованный дворянин становился собственно членом Шведского Рыцарства (имея прежде право только считаться равным рыцарю и вводился в Рыцарскую Палату (Ridarshuset). По получении всех этих прав имение переходило навсегда в род дворянина и не могло быть отчуждено в другой род без королевского соизволения. Стар-

ший сын всегда писался владетелем имения, хотя и был обязан приличным образом удовлетворить своих сонаследников, за их наследственные доли. Причина этого постановления заключалась в том, что так как на дворянских имениях лежала военная повинность, состоявшая в обязанности выставлять вооруженного всадника, то и сочтено необходимым, чтобы имение сохранялось в целости и не разделялось между бедными потомками, которые легко могли лишиться средств, необходимых для того, чтоб выставить вооруженного всадника, в случае требования. По смерти старшего сына имение переходило к младшему брату, и только в случае пресечения мужского потомства оно переходило в женскую линию или к дальнейшим родственникам. Вручение права на такие feudum, называвшееся *Investitur*, сопровождалось полным правом распоряжаться своими подчиненными и их землею. Владетель имел право увеличивать или уменьшать их оброки и работу на барском дворе, сообразно с временем и обстоятельствами, и во всех гражданских делах производить над ними суд и расправу. Только по делам уголовным это право было ограничено. В сем последнем случае дворянский Lambonde (крестьянин-арендатор) и поселенец (Bofastman) пользовались общим земским правом. Но крепостной слуга был отдаваем своему господину для содержания в тюремном заключении до тех пор, пока не соберется вече, на суд которого он приводился; челядинец, пойманный в преступлении вне барского лена, отводился в государственную темницу и, по осуждении на смерть, отдавался королевскому наместнику. Если дело шло о цене, то владетель пользовался королевским правом и сам взимал всю пеню. Кроме сих и многих других, в дворянских привилегиях установленных преимуществ, дворянам Ингерманландии давалось еще право строить в своих владениях фабрики, стеклянные заводы, селитряные варницы, с тем впрочем ограничением, чтобы ни одно из фабричных произведений не продавалось иностранцам. Дозволялось также дворянству на собственных небольших судах продавать сельские произведения в Ревеле и Нарве; но мореплавание на больших кораблях было запрещено для отклонения всякого подозрения в возможности обмана, к ущербу торгового сословия. Преимущества, соединенные с дворянскими ленами в Швеции, сопровождались принятием обязанности выставлять на защиту отечества одну или несколько лошадей с вооруженными всадниками, исполнением которой дворяне освобождались

от всех других повинностей. Касательно этой обязанности постановлено было в Швеции следующее: «Дворянин, получавший с наследственного имения до 400 марок эртугов (Oertuger) дохода, монетою такой пробы, что 4 марки могли составить один шведский далер, должен был содержать лошадь, ценою по крайней мере равную 40 маркам серебра высшей пробы; сверх того, должен был доставлять целые латы и добрые шпаги с ружьями и мечами, пригодными храброму человеку для защиты жизни; кроме того, наряжать надежного человека, который мог бы владеть лошадью и благородно исполнять свою должность» [186]. Для определения поименованного дохода установлены были цены на те статьи, которые получались с имений; так, четверик (Spann) хлеба оценивался в 7 Oere, под масла в 12 Oere, бочка железа в 6 марок и лошадь в два Oere (эре). Количеством этих статей, какое могло, по сметам, дать то или другое имение, определялась стоимость последнего по отношению к военной повинности; прочие доходы, как частное дело хозяина, не принимались в расчет. Применить это постановление, утвержденное законом, и в Ингерманландии, король считал невозможным, ибо местности здесь не были обложены определенными податями, как в Швеции; однако он предписал, чтобы вышеозначенная повинность – выставлять одного или нескольких воинов – определялась губернатором, сообразно с положением каждого места, с состоянием и плодородием его, что должно было вносить и в инвеституру. При этом принималось в расчет только возделываемая земля, так что нужно было иметь по крайней мере 16 гаков земли, чтобы во всей целости выполнять военную повинность, состоявшую, как сказано, в поставке воина и лошади. Причины такого уклонения от способов, употреблявшихся в Швеции при определении стоимости имений, заключались, вероятно, в том, что в России, которой прежде принадлежала Ингерманландия, неизвестен был другой способ определения ценности какой-либо местности, кроме величины и качества земли. Но действительно ли из гаков состояло означенное количество земли, называемое гаковою землею (Hakenland, по-латыни *uncus*, как называется она в привилегиях), или из *обж* (Obsher), решить трудно. Оба названия очень древни, но имеют различное происхождение и значение. Измерение земли гаками есть немецкое изобретение и употребляется еще в Лифляндии и Эстляндии, где оно вошло в употребление с XIII столетия. Но ныне величина гаковой

земли уже не определяется измерением по протяжению и отношением числа работающих мужчин в одном имении, так что объем имения совершенно оставляется без внимания. Таким образом, число гаков в имении может увеличиваться и уменьшаться при каждой ревизии, чего не могло быть при прежнем измерении гаками. Они определялись по посеву и вычислялись в разных местах неодинаковым образом. Польский гак заключал в себе земли на 120 тонн посева, гермейстерский – на 60, а обыкновенный немецкий – на 30 тонн рижской меры. Впрочем, последние гаки, позднее других употреблявшиеся в Лифляндии, вычислялись неодинаково и зависели от вех, число которых при измерении данных гаковых земель различными землемерами принималось неодинаково. Как считались шведские гаки, всего лучше объясняется определениями генерал-губернатора Бенг-Оксеншерна, 28 июня 1639 года, где идет речь об обязанностях и содержании духовенства в Ингерманландии, и где парагр. 7 предписывает: для каждого пасторского двора отводить целый гак или пятнадцать тонн земли, – счисление, вероятно, употреблявшееся там во время шведского владычества. В этом убеждает нас и то обстоятельство, что король в привилегиях, данных немцам, определяя 16 гаков земли как минимум для несения военной повинности в Ингерманландии, тут же прибавляет, что каждый гак земли должен производить три рода хлеба (рожь, ячмень и овес), по 10 тонн каждого рода или 30 тонн всех вместе, за исключением земли, назначавшейся для самого двора. Принимая в соображение, что количество зернового хлеба здесь равняется *арвио-рублевому* [187] вычислению в Карелии, из которого видно, что почва одной тонны в хорошие годы давала две тонны, а в худшие $1^3/_4$ и $1^1/_2$ тонны, приходим к тому заключению, что урожай в 30 тонн предполагал 15 тонн земли или 1 гак. Понятно само собою, что небольшие поместья не могли заключать в себе целого гака пахотной земли; но если сообразим, что для выполнения простой военной повинности в Ингерманландии определялось 240 тонн посева, то принимая это количество даже вдвое менее, все же надобно предполагать довольно значительные поместья, если правительство тех времен действительно расчитывало на всадников; сверх того, при возможности освободить имение весьма незначительными пожертвованиями, число людей, обязанных повинностью, должно было с каждым годом уменьшаться. Раскладка поземельных податей

производилась в Ингерманландии по *обжам* (Obsher). Слово это русское и сам счет по обжам был в общем употреблении по всей новгородской области, к составу которой в прежние времена принадлежала и Ингерманландия. Когда в 1476 году возник вопрос о платеже дани великому князю с новгородской области, то новгородцы предложили собрать ее по *сохам*: с каждой сохи определено было брать по полугривне новгородской монетой. Миллер при этом замечает, что участок земли в одну «соху» содержал в себе три обжи, а обжею считалось пространство, какое мог вспахать крестьянин в один день одною лошадью [188]. Но от такого объяснения дело, в сущности, не становится яснее. Мы не знаем о прежнем делении земли и раскладке податей во время русского владычества; но если нам позволено будет заключить по тем распоряжениям, какие сделало шведское правительство для вычисления по обжам в некоторых округах выборгской области, то дело это представится в следующем виде.

За исключением некоторых значительных помещичьих имений, земли которых, вероятно, были возделаны, Ингерманландия вообще была редко населена и земледелие находилось в состоянии младенчества. Как скоро какая-либо земля оказывалась способной для посева нескольких четвериков хлеба, на ней утверждался поселенец, и его дом, или дым, не отделялся никакими межами от земель соседей, с которыми хозяин каждого дома вместе занимался расчисткой лесов, рыболовством и др. Понятно, что раскладки податей в собственном смысле, по шведскому способу, здесь нельзя было применить до тех пор, пока земли не были размежеваны и отделены друг от друга. Но так как уже во времена русского владычества собиралась определенная дань частью для казны, частью для тех дворян, к землям которых крестьяне были приписаны, то и установлено было известное число четвертей пахотной земли, как норма, за которую крестьяне обязывались платить ежегодно один рубль, и подать эта называлась *арвио-рубль*, потому что раскладка ее ежегодно производилась по ревизии. Из этих дымов, не равных между собою по величине, составлялось потом такое количество, что сумма собираемых с них податей равнялась во время шведского владычества 45 талерам шведской монетой, что, считая по два талера и 4 ёре на тонну, составляло 20 тонн земли. Пространство земли в 5 тонн составляло таким образом $^1/_4$ обжи, находясь в подобном же отношении к прочим статьям деления земли.

Сколько четвериков земли составлял один арвио-рубль в прежние времена, сказать определенно не можем, и отношение между ними едва ли было везде одинаково; но после соединения выборгской области с Новой Финляндией и после произведенных там разысканий королевский сенат определил для Финляндии приговором 31 октября 1616 г., чтобы четыре арвио-рубля считались равными одному двору (Mantal). Напротив, древняя обжа, можно полагать, соответствовала двум дворам (Mantal). При определении величины земель в Ингерманландии употреблялось обыкновенно счисление по обжам, как самое употребительное и обыкновенное в том краю, хотя правительство, по-видимому, охотнее употребляло немецкое название Hakenland.

Кроме богатых имений, жалованных шведскими королями на содержание заслуженным людям дворянского сословия в полное их владение в виде феодов, с условием несения военной повинности, было еще множество меньших имений, находившихся под ведомством королей и отдававшихся, по качеству земли, на известных условиях, точнее определяемых губернаторами. После того как Ингерманландия, по Столбовскому миру, перешла к Швеции, всякий участок земли считался как бы частной собственностью казны, и на этом основании король считал себя вправе распоряжаться ею по своему усмотрению, не обращая внимания на прежний порядок вещей. От королевской милости зависело, оставлять и не оставлять за прежними обитателями удобренные ими земли, и можно сказать, что на их выгоды весьма мало или даже и вовсе не обращалось внимания. Как скоро какое-либо пространство земли отдавалось кому во владение и в пределах его были один или несколько дворов, занимаемых прежде поселившимися жителями, то последние должны были очищать места для новых владельцев, получая за то от казны назначение на другое место, которое им дозволялось застраивать и обрабатывать. Единственное снисхождение, которое оказывалось им, состояло в том, что новый владелец обязывался безобидно выдать им годовое содержание или же позволить им собрать на свой счет и в свою пользу жатву, за исключением десятой части, которая во всяком случае отдавалась владельцу (feudarius). Небольшие участки такого рода, если они не принадлежали к большим господским имениям, отдавались на оброк и чужестранцам: им отводились также пустынные места для обработки, и места сии, по окончании льготных лет,

подпадали податной повинности. Владельцы таких земель назывались emphyteutae (арендаторы) и отличались от феодаторов тем, что не имели так называемого господского двора с принадлежавшими к нему крестьянами, а имели только землю, обрабатываемую посредством наемных работников или посредством живших на ней крестьян. Таким образом, их можно было бы сравнить с так называемыми в Финляндии казенными крестьянами. Но в вышеупомянутом королевском эдикте, изданном для споспешествования колонизации Ингерманландии, упоминается еще о другом роде земледельцев, называемых Kmeter, слово, сколько мне известно, не встречающееся нигде в древних актах. Впрочем, очень правдоподобно, что сим именем обозначались крестьяне, прежде принадлежавшие к тамошним господским имениям и потом вместе с имениями перешедшие, в виде дара, к новым владельцам. Ибо об них между прочим говорится, что, по истечении льготных лет, когда дойдет до обложения земель податью, ни господских, ни арендаторских крестьян не должно обременять чрез меру; а ингерманландский кмет, полный крестьянин (integer sortis ruralis), хотя в обыкновенных и необыкновенных поборах и должен быть наравне с полным крестьянином шведским, однако платит только половину взноса против последнего; тогда как шведский крестьянин с гака земли взносил один талер, ингерманландский кмет должен был давать только пол талера. Подобное отношение имело место и в мелких статьях сбора, как то: в сборе птиц, гусей, цыплят и пр., которые отпускались с двора не натурою, а определенною однажды навсегда суммою денег. Под именем шведского крестьянина здесь должно разуметь крестьян, переселившихся в Финляндию из Швеции, которые за известный оброк, как хозяева, владели какой-либо казенной землей, между тем как кметы были туземцы и свободные крестьяне дворянских имений. Сделанное для них облегчение податей совершенно согласно с постановлением 18-го параграфа привилегии дворянства и рыцарства, где сказано, что в всех правах и обязанностях два свободные крестьянина соответствуют одному податному или коронному крестьянину [189]. Но кроме крестьян в собственном смысле, встречается между древнейшими обитателями Ингерманландии еще род крестьян или землепашцев, называемых Bobler (bobuli), настоящее значение которых теперь трудно объяснить.

Слово *бобыль* встречается в русском языке, но собственно оно не русское. Татищев производит его из татарского. Оно не встречается и в финском языке и еще менее в древнем шведском. Кажется, слишком смело производить это имя от латинского слова populus или bubulcus [190]. Но из какого бы языка ни было заимствовано слово, самое дело состоит в том, что за люди были бобыли? Они встречаются еще в Ингерманландии, Эстляндии и даже в одной части финляндской Карелии, хотя, впрочем, не в том самом значении, как прежде. Под словом Bobler обыкновенно разумеют такие лица, которые мы называем работниками (Inhysingar, Backstugahjon) и бродягами, или таких, которые питаются торговлею и работою у чужих [191]. Более вероятным кажется то предположение, что они были настоящие земледельцы, удалившиеся из селения и в пустынных местах начавшие возделывать в свою пользу небольшие клочки земли, не платя за нее никакой подати, так как их дворы находились в общих для всех лесах, обширных и неизмеримых, где никто на них не обращал внимания. Таким-то образом произошли так называемые *торпы* (деревни) в Карелии, в особенности в погостах Иломанц, Нурмис и Пулис, где множество праздного народа, под именем боблеров, без губернаторского разрешения и без согласия старост заняли и обработали местности, которые часто превосходят своей ценностью поместья, обложенные податями. Несмотря на то, что с древнейших времен они были освобождены от всех родов повинностей, король Густав Адольф повелел наложить на них подать, и с того времени ведет свое начало установление бобыльной таксы в Карелии, под которой разумеется ежегодная поголовная подать, еще и поныне вносимая в казну живущими там бобылями. Обитателями подобных уединенных дворов, или так называемых Backstugor, были, по всей вероятности, бобыли в древние времена в Ингерманландии. О пополях, живших в Эстляндии и Лифляндии, так рассказывает Гупель [192], говоря о тамошних землях и их разделе: «Крестьяне в собственном смысле разделяются по своей пахотной земле, размеренной уже во время шведского владычества, на гаковых, полугаковых, четвертных, восьмеричных и шестнадцати-дольных. Не везде имеют они одинаковую землю и одинаковые повинности. Сии последние зависят обыкновенно от качества почвы. Только в некоторых местах тридцать вторые доли, называемые также пополевскими или солдатскими землями, назначенными прежде, при господстве дворянства,

на содержание солдатам, теперь заселены крестьянами. Им ведется счет по дням; так, например, трехдневный пополь должен три дня в неделю с одной лошадью ходить на барщину: некоторые не платят никакой подати, другие вносят ее зерном». Это, кажется, может служить доказательством того, что древние бобыли были обитателями небольших уединенных земель, обложенных впоследствие податью, как самостоятельные дворы, или приписанные в качестве *торпов*, к другим землям. С этой точки зрения можно понять смысл того, что предписывает король Густав Адольф в вышеупомянутых привилегиях по отношению к бобылям ингерманландским. В парагр. XIII он говорит: «Так называемые бобыли пребывают под нами, и вместе с прочими крестьянами имеют быть отправлены для поселения в другие места; но единственно из милости мы дозволяем – двум бобылям, действительно и по праву так называемым в тамошнем краю (qui vere et jure ipso bubullorum nomen illis in locis merentur), оставаться при каждом феодале и арендаторе для пожизненного там пребывания и, по обычаю края, для споспешествования советами при основании новых сельских хозяйств». Если король говорит о бобылях de ipso jure, то нельзя под этим именем разуметь людей бездомных и бродяг, и если он хочет употребить их для восстановления в стране земледелия, то, верно, они были люди, способные к труду, умевшие обрабатывать землю. От прежнего самостоятельного положения они перешли на степень нынешних торпаров; а те из них, которые не подверглись этой перемене, обложены были легкой податью, вносимой в казну за небольшие участки пахотной земли, которые не могли быть приняты за дворы, но сохраняли свои прежние имена, оставшиеся за ними и доныне.

Как ни заманчивы были привилегии, доставлявшие иностранцам средство положить переселением в Ингерманландию краеугольный камень своему будущему благополучию, при всем том нельзя думать, чтобы качество земли и предполагаемая от того выгода были единственными побудительными причинами, заставлявшими их менять благорастворенную Германию на холодный север. Связь, существовавшая в продолжение веков между ганзейскими городами и Новгородом, но уже давно прерванная падением последнего, не переставала манить выгодами, которые легко могли осуществиться, если бы на берегах Невы воскресла прежняя торговая деятельность. Посему надлежало предполагать, что в случае

успешного хода дел одной немецкой колонии в Ингерманландии не только земледельцы, но и торговцы будут расчитывать на выгоды переселения. А так как король предвидел, что переселением последних можно доставить государству большие выгоды в том случае, если им удастся привлечь на берега Невы русскую торговлю, то он и не замедлил присвоить им также разные права и преимущества. Но эти права и преимущества клонились отнюдь не к развитию торговли, а лишь к защите существования переселенцев от бедности; они лишь обеспечивали для них средства жизни на тот случай, если б предполагаемая прибыль от торговли не осуществилась. Для этого назначались гаки плодоносной земли с принадлежащими к ним лугами, лесами, рыбными ловлями и т. д. с целью распределения их между колонистами на их содержание, под условием умеренной ежегодной платы, на правах арендаторов (pleno jure emphytheuseos), или под условием половины урожая (semitici agri jure) с земли, которой впоследствие они без взякого вмешательства губернатора могли пользоваться. Надобно было полагать, что к этим колонистам присоединятся многие ремесленники; почему король по прибытии из Меклебурга нескольких депутатов, явившихся по делам своим и по поручению оставшихся дома соотечественников, для необходимых переговоров касательно переселения в Ингерманландию, предписал, чтобы ремесленникам отведены были определенные участки земли около тех мест и городов, где основались землевладельцы, и чтобы сими участками земли они пользовались для своих нужд, без всякой подати казне, сообразно с тем указанием, какое угодно будет дать губернатору. Все это делалось в той надежде, что как скоро, с помощью Божьей, мир снова возвратится в эти опустошенные войной селения, торговля и промышленность опять процветут, и каждый по своему состоянию будет заботиться о своем благоденствии. Как много занимала короля мысль привлечь немцев в свое государство и их защитой и льготами заслужить любовь в их отечестве, это видно, кроме упомянутых привилегий, еще яснее из акта, который спустя пять лет 12 ноября 1627 года был послан в Германию и в котором он великодушно побуждает всех, пострадавших во время религиозной бойни от гонений, спокойно выжидать в его землях конца тревогам, угрожавшим тогда спокойствию Европы.

Если теперь, имея в виду сказанное, мы ближе ознакомимся с распоряжениями правительства, сделанными для

www.inoland.spb.ru

организации новой провинции, то должны будем согласиться, что эти меры были выгодны для переселившихся чужеземцев и хорошо расчитаны. Но в то же время они показывают, что туземцам страны, забытым и оставленным без внимания, для того чтобы питать свои надежды и иметь поощрение к труду, не оставалось другого утешения, кроме надежды пользоваться крупицами, падающими от трапезы господ их. Великой ошибкой Густава Адольфа было то, что он совершенно упустил из виду выгоды, обычаи и государственные отношения прежних обитателей и старался все учредить в той форме, которая в Швеции утвердилась веками. Во всем этом ясно обнаруживается сила влияния феодальной системы, образовавшейся последовательным образом, вследствие усилившегося могущества шведского дворянства. Несообразности этой системы в отношении к немцам, так свыкшимся с феодализмом, считали за выгоды, к приобретению которых должно было стремиться. Каждое лицо, переселявшееся в Ингерманландию, должно было представлять себя как бы растением, пересаженным на чужую почву и окруженным тернием и плевелами. Срубите их: останутся корни и будут препятствовать силе растительности. Несчастный народ оставался в своей дикости, так как земля не осталась его собственностью, а новые владельцы приносили с собой правила, не отличавшиеся избытком щедрости и христианского человеколюбия. Впрочем, мы не имеем права приписывать этого королю и считать за его ошибку, происшедшую от сурового и бесчувственного сердца, когда мы знаем, напротив, что именно его пламенная ревность к религии и человечеству составляла очаровательную силу, которая доставила ему удивление современников и потомства. Нельзя также думать, чтобы это произошло от равнодушия ко благу страны, от неспособности понять выгоду, которую эта область должна была принести в будущем государству, как скоро торговля и промышленность успели бы прийти в цветущее состояние. Нет! Скорее мы должны думать, что требование века и местные обстоятельства заставили его действовать так, а не иначе; он хотел своими щедрыми привилегиями образовать в этой отдаленной стране противодействие возможной при прежних обитателях, особенно в низшем классе, непокорности и неверности. Потому при раздаче феодов постановлялось существенным условием, чтобы чужеземцы употребляли для обработки земли одних немецких колонистов, а не кого-либо из туземцев или из лиц,

переселявшихся из Швеции, Финляндии, Эстляндии и России. Может быть, он хотел этой системой колонизации ввести более отчетливое и на лучших основаниях устроенное земледелие, чем существовавшее здесь дотоле; сама строгость приказания, чтобы земли, отдаваемые в лен, обрабатывались именно немцами, дает право думать, что король, вызывая немцев, хотел мало-помалу вытеснить прежнее племя, или по крайней мере произвести смешанное народонаселение, различное по языку и интересам, но долженствовавшее слиться, как скоро умы привыкнут к новому порядку вещей. Но от этой системы колонизации мечтали получить гораздо больше выгод, нежели сколько могло впоследствии осуществиться. Ибо хотя обещанные в манифесте выгоды, по-видимому, должны были привлечь много иностранцев, однако есть сильный повод думать, что воспользовались ими весьма немногие. Трудно разорвать те узы, которые привязывают людей к родине; трудно и в том случае, когда горькая нужда заставляет покинуть ее; а Ингерманландия, конечно, не была обетованною страною, где они легко могли бы предать забвению то, чего лишились. Кроме того, мне не удалось открыть много следов водворения немецких дворянских фамилий в Ингерманландии. Правда, из расспросов я узнал, что в некоторых поместьях еще и ныне попадаются жалованные грамоты из древних времен Швеции; но за достоверность этих слухов я не могу ручаться. С достоверностью можно назвать только фамилии: Георга Рора, переселившегося сюда из Брандербурга и пожалованного от Густава Адольфа поместьем *Свида* в Ингерманландии [193], и Класа Верденгофа. О последнем рассказывается в дворянских метриках Шермана, что он вместе с двумя братьями, Иостом и Лоренцом, переселился сюда из Бремена в царствование королевы Христины, и что в 1652 году они были возведены в дворянское достоинство; но это ошибочно. Клас Верденгоф прибыл еще во времена Густава Адольфа, как это видно из мемориала, данного губернатору ингерманландскому Нильсу Ассерсону Маннершельду, от 1626 года 6 марта, где в парагр. 24 прямо говорится, что заключен контракт с Класом Верденгофом касательно того, как устроить немецких крестьян под властью его королевского величества и государства, и что контракт этот в точности должен быть исполняем губернатором. Этот контракт не то же ли самое, что вышеупомянутые привилегии, решить трудно. Но то ясно, что Верденгоф от самого начала участвовал в этом

деле и что он и его братья еще от Густава Адольфа получили в лен те три поместья, владетелями которых на правах дворян они писались впоследствии; именно: поместья Шваи, Губаниц и Лисино. Одно только обстоятельство дает нам право предполагать, что и другие немецкие семейства переселились сюда и в качестве арендаторов приняли меньшие участки земли – именно то, что в тамошнем народоносении встречаются жители, хотя по языку и обычаям совершенные ингерманландцы, однако с немецкими дворянскими фамилиями, как то: Шутц, Гаузен и др. Число их, впрочем, незначительно.

Также редки теперь следы пребывания немецких крестьян и в ближайших к Петербургу округах, хотя говорят, что они здесь селились. Что число их было весьма незначительно, можно заключить из того затруднения, в каком увидели себя феодалы вследствие королевского постановления – не употреблять в своих владениях других работников, кроме немецких крестьян, – постановления 1626 года, по необходимости измененного впоследствии так, что феодалам позволено было нанимать рабочих из туземцев, только с условием не держать у себя и не употреблять их как собственных, принадлежащих поместью, крестьян. Причина этого условия заключалась в том, что король считал всех туземцев своей частной собственностью. Потому он и дал губернатору власть, в случае, если бы казне, для возделывания какой-либо земли не достало народу, требовать для того людей с господских дворов и ad interim нанятых рабочих и назначать им места жительства по своему усмотрению. Очень вероятно, что переселившиеся сюда немцы, не исключая и крестьян, мало-помалу обращались к торговле, во всех отношениях приносившей более прибыли, чем земледелие, и что они разместились по городам Нарве, Ниэну, Копорью и Выборгу. Можно принять за несомненное, что эти чужестранцы, число которых с наступлением более благоприятных обстоятельств в течение столетия увеличилось, были причиной того, что немецкий язык получил здесь перевес и до позднейших времен сохранил его в Ингерманландии и в так называемой Старой Финляндии, где шведский язык почти у всех образованных людей вымер, или по крайней мере был в таком виде, который ясно свидетельствовал о его пренебрежении.

Чего не удалось достигнуть в пользу обработки и заселения земли посредством немцев, то предоставлено было восполнить обитателям самой Швеции. Многие из знатных

шведских фамилий получили лены в Ингерманландии. Яков Делагарди, под предводительством которого была кончена война, получил в награду несколько имений, которыми еще в 1650 управлял известный Генрих Лильеборг. Клас Горн писался господином Ингерис (Ижоры), а государственный советник Иоанн Скютте, прежний наставник короля Густава Адольфа, в 1624 году получил весь Дудергоф в ленную отчину (Friherreskap), кроме, может быть, многих других земель, о которых мы не могли получить сведений [194]. В разных округах довольно часто встречаются семьи дворянского происхождения, которые с течением времени низошли до крестьянского сословия, но и ныне еще носят свои родовые фамилии, каковы, напр.: Спарре, Бонде, Поссе, Руут, Манперстроле, Рамсе, Геннинг, Мальм и другие, которых предки, без сомнения, были арендаторами каких-либо коронных земель. Ибо эти земли, как уже сказано, раздавались разным лицам на известных условиях, по контрактам, за точным исполнением которых губернатор должен был иметь неослабное наблюдение, строго разыскивая посредством осмотров, в какой мере земля действительно обрабатывалась и в какой пропорции народонаселение увеличивалось. Касательно сего предписывалось обозначать, сколько крестьян находилось в каждом дворе, когда земля взята была в аренду, и сколько людей прибавилось впоследствии, с прописыванием их имен, лет и мест, откуда они вышли. И так как настоящие немцы, как сказано выше, составляли меньшую часть народонаселения, то ясно, что недостаток их пополнялся, должно быть, переселениями из Финляндии. Этим объясняется, почему так часто встречаются в округах около Петербурга крестьяне, которые утверждают, что они происходят из Новой Финляндии и могут даже сказать, из какого округа переселились их предки, хотя не в состоянии определить времени переселения. По показанию Шегрёна, из рода Саволяйсет жители попадаются в 13 приходах, Кариалайсет в 18, Суомалайсет в 6, Туркулайсет в 3, Похъялайсет в 4 и Каупулайсет в 2 приходах. Кроме того, есть отдельные семейства, именующиеся по тому округу, откуда происходят их предки, как напр.: Пуумалайсет, Ювайсет, Ямосолайсет, Сюсмелайсет, Ускелайсет, Кюрелайсет и многие другие. Трудно было бы представить себе возможность подобных переселений из столь многих и рассеянных мест Финляндии, если бы не подавало к тому повода упомянутое устройство. Всего менее могло быть такое переселение до

времен шведского владычества, когда пребывание в Ингерманландии не представляло в себе ничего привлекательного [195].

Ближайшее развитие действий и следствий вышеописанной системы колонизации в разных приходах сюда не относится, ибо подобная попытка отвлекла бы нас слишком далеко от нашей цели, и кроме того, была бы невозможна по недостатку необходимых для того материалов. Ниже мы будем иметь случай сказать несколько слов о гражданском и земледельческом управлении страны вообще; теперь же мы опять обратим внимание читателя на то место, которое составляет настоящую цель нашего исследования, именно на Ниэншанц, преобразование которого в город начинается около этого времени.

www.aroundspb.ru

Глава 10 ОСНОВАНИЕ ГОРОДА НИЕНА И ЕГО ПРИВИЛЕГИИ

XIV-м пунктом Столбовского мирного договора была допущена свободная, беспрепятственная торговля между Россией и Швецией. Шведы и все жившие в Швеции, какой бы нации кто ни был, могла на этом основании свободно вести торговлю во всех русских городах, но особенно в Новгороде, Москве и Плескове (Пскове), где они, со свободным отправлением богослужения (строить церкви однако не позволялось), имели право основывать собственные торговые дома или фактории, как они в то время назывались. Та же свобода предоставлена была и русским в Стокгольме, Ревеле и Выборге, куда еще гораздо прежде заключения мира они привыкли отправлять свои товары. Не без основания ожидали от этого самых счастливых последствий для страны, которая в течение столь многих лет была жертвой войны и опустошений, и естественное положение которой, казалось, намекало на необходимость мирной деятельности. Невою ганзейцы в продолжение веков увозили сокровища из России, и этот-то путь надеялись вновь увидеть открытым, но уже в пользу Швеции, а не ганзейцев. Но дать верный ход торговле и вести ее в какой-либо стране есть одна из труднейших проблем политической экономии, а здесь это дело было тем труднее, что надлежало не только поощрять и облегчать законный дух спекуляций, но и останавливать и искоренять слишком далеко зашедший произвол торговцев. Если надобно было принимать здесь строгие меры, то это надлежало делать последовательно и не нарушать закона, а заботливо оберегать его. Еще в 1614 году на государственном сейме представлена была жалоба на беспорядок, в каком была торговля государства [196]. Вследствие того приготовлено было торговое уложение (Ordinantie); но

оно не произвело, по крайней мере в первые годы, очевидного действия: иностранцы приходили в землю, останавливались и продавали свои товары и закупали другие, где и как им угодно было, раскидывали мелочные лавочки при церквах и домах ратуши и производили мелочную торговлю. Их примеру следовали собственные подданные государства, закупая товары, с которыми они объезжали край и сосредотачивали в своих руках деньги народа, так что настоящему купцу и городскому обывателю удавалось выторговать очень мало. Причины этих беспорядков и до крайности дошедшего произвола заключались в некоторой степени в дворянских привилегиях, позволявших дворянам продавать собственные сельские произведения, где им угодно, и на вырученные деньги закупать соль, вино, одежду, шелк и прочее, в чем могло нуждаться их хозяйство. Но такая свобода торговли подвергалась ужасным злоупотреблениям. Примеру дворян следовали пасторы и исправники [197], которые для своих коммерческих дел содержали даже торговые суда. На государственном сейме 1617 года это дело снова подвергли рассмотрению, и еще раз вышло новое уложение о торговле. Этим уложением на финском заливе только три города открыты были для иностранных купцов, именно: Або, Выборг и Ревель, и на некоторое время Гельсингфорс и Борго. Напротив того, собственным подданным Швеции и полным городским обывателям дозволено было посещать все города, пользовавшиеся городскими правами в Швеции, Финляндии, Лифляндии и Ингерманландии, причем отдельно постановлено, чтобы желающие торговать с Россией получали позволение и привилегию переезжать морем в Нарву и Ниэн, торговать в этих городах, с обывателями и вместе свободно проезжать через упомянутые города и реки без всяких препятствий со стороны граждан. В силу этого позволения можно бы полагать, что Ниэн уже в то время имел городское право и городских обывателей, но этого еще не было. В Ниэне, как сказано в 1-й части, была лишь небольшая крепость, основанная несколько лет прежде; но как прежде была ведена Невою обширная торговля, так, вероятно, и теперь многие в надежде нажиться основали свое местопребывание около крепости и таким образом здесь образовался род местечка, которое, однако, не имело городских привилегий. Но вместе с собственными подданными, приезжавшими сюда торговать с русскими, было и много иностранцев, которые приставали на своих кораблях в гавани, еще не утвержденной

законом, и тем самым подали повод к новым жалобам, вследствие которых постановлением 22 ноября 1622 года все иностранцы лишены права нагружать и выгружать в Ниэне какие бы то ни было купеческие товары, под опасением потери корабля, судна и товаров [198]. Главной причиной издания такого строгого запрещения были, кажется, выборгские купцы, которые в этом новом пути торговли предвидели умеиьшение своих собственных выгод. Известно, что Выборг как портовый город (Stapelstad) считался главным пунктом и складочным местом русской торговли, сколько она касалась Финляндии. По этой причине Выборг от времени до времени получал выгодные привилегии, имевшие целью сосредоточить в нем внутреннюю торговлю, чтобы тем с большей силой и в большем размере вести внешнюю и преимущественно русскую торговлю. Об этом мы уже говорили в первой части и потому здесь прибавим только, что по принадлежности узаконение, обнародованное в 1558 году, по которому ни один иностранец не имел права торговать с русскими до окончания городскими обывателями Выборга всех торговых сделок, ни оставаться в городе долее шести недель. Таким распоряжением правительство хотело заставить жителей внутренних городов посещать Выборг, чтобы в нем не только продавать свои собственные товары, но и закупать необходимые для них иностранные предметы торговли, отчего прибыль в обоих случаях должна была остаться на стороне Выборга. Но именно это строгое узаконение, поставившее страну в зависимость от выборгских торговцев, и вместе смелость, с какой иностранцы стремились проложить себе дорогу к местам, наиболее обещавшим прибыли, сделались причиной того, что весь приморский берег стал общим местом торговли, куда являлись не только жители внутренних городов, но и дворянство, духовенство и крестьяне для торговли с иностранцами. Таким образом вся городская торговля должна была пасть сама собой, и чтоб предупредить это падение, правительство нашло необходимым подать выборгской торговле руку спасения. В обновленных привилегиях, данных Выборгу в 1600 году королем Карлом IX, сказано прямо, что русская торговля единственно и исключительно должна быть ведена через Выборг и Ревель [199]; но жалобы, представленные правительству в 1616 году выборгскими купцами, яснейшим образом доказывают, что при всем том произвол скорее увеличился, чем уменьшился, оттого, что сами губернаторы как в Кексгольме, так и в Копорье

захватили в свои руки торговлю и запрещали русским и жителям этой области возить свои товары в Выборг [200]. Не известно, могли ли королевский гнев и возобновленное запрещение в короткое время сделать что-нибудь против этого; но как Кексгольм в том же самом году получил нового губернатора, Арвида Теннесона Вильдемана, то кажется, что эта перемена начальства была следствием вышеупомянутых жалоб. Для споспешествования торговле Выборг получил, сверх того, право учреждать ярмарки в Гегфорсе и Лаппстранде (Вильманстранде), также в Ниэне и Моле. Незадолго до того времени построенная на берегу Невы крепость, за стенами которой многие поселились, своими базарами подала первый повод к мысли о необходимости основать здесь город, и выборгские купцы не чаяли, что здесь возникнет соперник, который уже в младенчестве внушит зависть, а через два века совершенно затмит блеск славы своей метрополии. Вполне уверенные своими привилегиями в покровительстве государства, выборгские купцы начали тщательно стеречь морские берега и вообще препятствовать вышеупомянутым злоупотреблениям. Посещения Ниэна иностранцами естественным образом должны были мало-помалу прекратиться вследствие опасности, подвергавшей конфискации корабли и груз за нарушение узаконенного запрещения. Поэтому двусмысленному и неприятному положению можно было помочь не иначе, как только возведением того места вне крепости Ниэншанца, где поселилось несколько промышленников, на степень города и дарованием ему городских привилегий. Так как большая часть поселенцев состояла из немцев, то очень вероятно, что стечение обстоятельств и политическое положение, в котором тогда находился король, воевавший на немецкой земле, много способствовали приобретению от короля согласия на основание города, который, получив привилегию, мог защитить своих жителей против притязаний торговцев привилегированных городов, в зависимость которых они были преданы. Среди разгрома войны их жалобы и моления достигли королевского слуха и за четыре месяца перед смертью, именно 17 июня 1632 года Густав Адольф подписал в маленьком городе Гершпруке, близ Ниренберга, первые привилегии на основание города у реки Невы [201].

Из этих привилегий видно, что король имел в виду, кроме Ниэна, основать в Карелии и Ингерманландии еще другие города, которым в манифесте от 17 июня 1632 г. дарованы

были городские привилегии, несмотря на то, что они не имели еще названий. Но предположения его не осуществились; даже не известно, какие места были избраны им для заложения торговых городов. Достоверно только то, что на Бьеркё (Березовом острове) думали основать город, на что король прямо намекает в торговой ординанции от 12 октября 1617 года, когда он еще, по-видимому, и не думал об Ниэне. Не взирая на то, что город Бьеркё существовал только в мыслях, он тогда уже был возведен на одну степень с Нарвой, Ивангородом, Ямом, Копорьем, Кексгольмом и Нотебургом (Орешком). Но проект не был осуществлен на деле. Ибо хотя местоположение, в отношении к навигации, было весьма удобно для основания города, однако нельзя было не найти сомнительной выгоду, какой ожидали от основания горда, столь близкого по положению к другому приморскому же городу – к Выборгу. Сверх того, этот проект пал, кажется, сам собой после того, как торговля по Неве оживилась и когда увидели, что русские охотнее торгуют на границе, вместо того, чтобы пускаться внутрь страны, где они имели более причин опасаться разных неудобств от шведских постановлений [202].

Первые привилегии Ниэна были изложены чрезвычайно кратко. Король предоставлял городу право пользоваться шведским городским положением (изданным в 1617 году), некоторыми привилегиями и преимуществами, и сверх того освободил его на 6 лет от всех гражданских служб и повинностей. Всем, строившим каменные дома и другие прочные здания, эта последняя льгота удвоялась в своей продолжительности, с условием, чтоб таковые лица по истечении льготных лет на поручительстве обязывались выполнять, в продолжение законных лет, лежащие на городских обывателях повинности, продолжительность которых в городовом положении определяется в 6 лет. Дать подробнейшие и только для города Ниэна имеющие силу привилегии предоставил себе король на будущее время, смотря по указанию обстоятельств; но пуля на поле битвы при Люцене положила конец многим и обширным планам, вращавшимся в уме великого государя.

По получении упомянутой королевской грамоты, с одной стороны, дух жителей нового города возвысился, а с другой – выборгские горожане употребляли все средства воспрепятствовать возникновению города, который по своему выгодному положению не без причины заставлял их опасаться нерадостных следствий для своего положения. На основании

прежде дарованного им позволения, выборгцы начали было сами вести торговлю Невою с русскими, но теперь горожане Ниэна не только воспрепятствовали им в этом, но и прогнали их; а иностранные корабли, которые должны были прежде, по положению, приставать к Выборгу, проходили теперь мимо этого города, прямо направляя путь к Неве. С другой стороны, русские купцы, желавшие со своими товарами отправиться в Выборг, нередко были удерживаемы у Ниэна и принуждены торговать в новом городе. Именно зимою русские купцы отправляли свои товары обыкновенно в Выборг, откуда с открытием судоходства отправлялись далее. Этим способом сберегались издержки таможенной пошлины, платимой за ввозимые товары. Все это давало повод к жалобам с обеих сторон, продолжавшимся до тех пор, пока высшая власть не приняла в этом участие. Грамотой от 30 марта 1635 года государственная опека определила, чтобы за всякий груз, вывозимый на кораблях русскими, при Выборге взималась большая морская пошлина, и чтоб по прибытии в любой шведский или финляндский город груз этот освобождался от малой пошлины, если только купцы могли засвидетельствовать, что за все их товары точно заплачена пошлина. Этим распоряжением и русским даровано было право беспрепятственно со стороны горожан Ниэна отправлять зимой свои товары в Выборг. Но их внутренняя торговля, которую они безостановочно хотели вести не только в выборгской области, но и в остальной Финляндии, резолюцией от 20 марта 1638 года впредь запрещена строжайшим узаконением, тогда как городские обыватели Выборга получили ненарушимое право, в лице своих купцов, отправляться в Нарву, Ниэншанц и другие места Ингерманландии, где только были какие-либо города или гакельверки [203], согласно с содержанием их привилегии.

Впрочем, то, чего особенно горожане Выборга желали, именно, чтоб иностранным купцам запрещено было селиться в Ниэншанце, никоим образом не могло быть допущено, потому что, как сказано: «Выборг, кроме других удобств, имеет гавани и другие довольно значительные преимущества, и в нем не может быть недостатка в хорошей промышленности, если только несколько человек будут заниматься торговлей и вести ее умно и со знанием дела». Но как правительство, с одной стороны, не могло воспрепятствовать иностранцам или кому бы то ни было селиться в Ниэншанце, как скоро они обязывались выполнять все повинности, лежащие на горожанах,

и как, с другой стороны, оно не могло отступать от основных начал, изложенных им в учреждении 1622 года, то оно издало 6 мая 1638 года повеление ко всем губернаторам, таможенным и лицентным управителям, предписывая строго наблюдать, чтоб иноземные корабельщики или купцы, какой бы они нации ни были, отнюдь не допускались к проезду в Ниэн и к выгрузке или нагрузке каких-либо товаров, под опасением конфискации корабля и всех товаров [204].

Таким образом все, по-видимому, доказывает, что влияние Выборга одержало верх и что возникавшее благосостояние Ниэншанца должно было погибнуть, как скоро иностранцам запретили приезжать туда. Можно было полагать, что городские обыватели Ниэна, когда решалось, быть или не быть их будущему благосостоянию, употребят все возможные средства, чтобы представить в выгодном свете правоту своего дела и противодействовать следствиям зависти, чувствительным образом питаемой к ним жителями Выборга. Иначе нельзя объяснить, каким образом правительство, издав столь строгий закон, решилось через четыре месяца совершенно изменить свои намерения и отменить прежнее решение, если не предположить посредничества какой-либо мысли, занимавшей правительство уже с самого начала, – мысли – основать на Неве город и употребить для достижения этой цели надлежащие меры. Стало быть, правительство ясно увидело, что цель и средства не выдержаны им последовательно, когда оно, не обращая внимания на выгоды, которые могла принести в будущем русская торговля Невою, заботилось единственно об основании города в старых формах. Для переселившихся в Ниэншанц и оставшихся в нем в качестве горожан колонистов весьма много значила уверенность в благих намерениях правительства: отсутствие этой уверенности должно было убить всю деятельность и ослабить промышленное движение. Они желали иметь в руках надежную опору, на которую можно было бы положиться, – и что правительство поняло справедливость их желания, можно заключать из указа, данного от 28 сентября 1638 года, которым запрещение торговать с иностранцами на Неве отменено и городу дарованы новые преимущества. Этот нормальный документ, обнаруживающий дух чрезвычайной щедрости в отношении к будущему существованию Ниэншанца, заслуживает быть помещенным здесь in extenso. Вот он: «Мы, Христина, и проч., и проч., сим объявляем, что, как Его Королевское Величество, блаженной

памяти Государь, достославный Родитель Наш, повелел во славу великого Бога, к созиданию христианской церкви, особенно в пользу, украшение и к довольству Нашей провинции Ингерманландии, основать и устроить новый город при Неве, где озеро Ладога имеет свой всход в море, и как тогда уже начало его было утверждено на прочных основаниях и многие признаки гражданского торгового города не преминули обнаружиться, но вследствие сожаления достойной кончины высоконареченного блаженной памяти Королевского Величества и других неустройств времени, начатое основание не могло дойти до замечательной степени развития хорошего города, а напротив, как мы слышали, многих устрашала неизвестность, в которой они жили, и не было никакого положительного удостоверения касательно Нашего намерения об основании города, то мы нашли нужным не ограничиваться тем, что уже сделано, но продолжать дело сие согласно с воспринятым прежде намерением, о чем Мы и объявляем всенародно в этой Нашей открытой грамоте и публикуем, предоставляя каждому, туземцу и иностранцу, у кого к тому есть желание и возможность, право селиться в сказанном Ниэне, сообразно с указанными и уделенными местами, строиться и жить; а до тех пор, пока народ не будет впредь обеспечен новыми привилегиями, пользоваться ему шведским городовым правом, общими привилегиями и преимуществами городов, равно и свободным плаванием между городами Нашими: Выборгом и Нарвою, и другими местами, как внутри государства, так и в чужих землях, отменяя сим, provisionaliter, Наше бывшее по сему делу запрещение. Предоставляем городскому сословию в сказанном Ниэне от нижеписанного числа двенадцатилетнюю свободу от малой пошлины, печных денег, взиманий с пивоварения и винокурения, со всего, что в сказанном городе и в узаконенных пределах его варится и курится, равно и свободу от всех обыкновенных гражданских повинностей. Со своей стороны, должен каждый, поселяющийся там и желающий заниматься каким-либо промыслом, приобресть гражданское право и представить поручительство в удостоверение того, что по истечении льготных лет будет, сколько того требует закон, сохранять гражданские права и обязанности. Сим повелеваем Нашему генерал-губернатору распорядиться, чтоб всем, желающим селиться и строиться там, указано было определенное место и земля, и приказываем защищать и руководствовать поселенцев согласно с ныне данными Нами при-

вилегиями и преимуществами и с теми, которые в будущем могут быть даны. В то же время запрещаем всем причинять им препятствия, вред или ущерб, каким бы то ни было образом. Для большего удостоверения сия грамота скреплена Нашею тайною и шведского государства опекунов и правительства подписью».

Стокгольм, 28 сентября 1638 апно.

Гавриил Оксеншерна.

Густафсон,
стольник Ш. К.

Яков Делагарди,
Ш. К. Марш.

Клас Флеминг,
за Государственного Адмирала.

Аксель Оксеншерна,
Ш. К. Канцлер.

Гавриил Оксеншерна,
Барон Мёрбийский
и Линдгольмский
(til Mörby och Lindholmen),
Ш. К. Казначей [205].

История не открыла, как и посредством кого в такое короткое время произведена такая перемена в судьбе Ниэншанца, как и кем обеспечено на будущее время его существования; но догадываться можно. И эта догадка дает нам право в этом сочинении посвятить несколько слов памяти мужа неутомимой деятельности, патриотизму коего Финляндия обязана столь многими семенами доброго и прекрасного, уже принесшего и имеющего принести обильные плоды. Кто не знает тогдашнего генерал-губернатора Финляндии Петра Браге и его заслуг? Кто может радоваться свету просвещения, в продолжение двух веков бессменно озарявшему долины Суомии, не вспоминая об основателе храма муз на берегах Ауры? Кто в состоянии взирать на уложение законов, на успехи промышленности и на открытые пути к благосостоянию, покрывающие славою и радующие народ финляндский без того, чтоб не благословлять памяти мужа, давшего всему сказанному если не первый толчок, то по крайней мере сильное движение по данному направлению? Известно, что в звании генерал-губернатора Финляндии его первой и драгоценнейшей заботой постоянно было – тщательно изучать страну, а второй – помогать ее недостаткам и нуждам. На сей конец предпринял он вначале весны 1638 года путешествие по всей

стране и не забыл при этом Выборга, Кексгольма, Орешка и Ниэншанца [206]. Во время своего путешествия, предпринятого с целью тщательно исследовать все, что касалось управления страны, он собственными глазами видел лучше всякого другого выгоды, которые обещала Швеции русская торговля, видел и препятствия успехам земледелия. От него не ускользнула ошибочность меры, в силу которой затрудняли ввоз товаров и налагали оковы на внешнюю торговлю в пограничном городе, который самой природой назначен в проводники русской торговли, и возрастание которого могло быть достигнуто единственно деятельной меной товаров. При своей умственной самостоятельности он не мог допустить, чтобы частная выгода Выборга решила окончательно, когда дело шло о таком обширном плане, как невская торговля. Мы думаем таким образом, что угадали верно, полагая, что могущественное влияние гр. Браге более всего другого содействовало к счастливой перемене в судьбе Ниэншанца, о чем свидетельствует вышеозначенный королевский приказ, который, впрочем, должно считать только началом того, что могло еще быть [207]. В самом деле, спустя немного, обещанные в приказе привилегии были действительно даны, за подписанием Петра Браге, Густава Горна, Класа Флемминга, Аксела Оксеншерны и Гавриила Оксеншерны, за контрассигнованием У. Сильвертсольпе. Они подписаны 20 сентября 1642 года и содержание их в главных чертах следующее: Городу предоставляется пользоваться городовым правом шведского государства и вообще признанными привилегиями других городов, за исключением того, что может быть изменено торговой ординанцией и другими случайными узаконениями. Порядок гражданского управления города и число его должностных лиц определены были самым точным образом. Герб, данный для городской печати и для употребления на приговорах, контрактах, полномочиях, паспортах, свидетельствах и других официальных бумагах, изображал льва, стоящего между двумя реками и держащего в правой лапе меч [208]. Двенадцатилетние льготы, данные в привилегиях 1638 года, теперь увеличены тем, что снова продолжены на 12 лет, не считая истекшего времени, причем дарована портовая свобода, наравне с Выборгом и Нарвой, торговать на внутренних и иностранных рынках [209]. Определить границы, в каких юрисдикция города должна была иметь силу, и местности, которые ей должно было подчинить, правительство представило себе на будущее время. Подобно

тому, как было в обыкновении в других городах, и Ниэншанц получил собственную контору, в которой должны были продаваться городским жителям разного рода напитки. Равным образом удержано было старинное установление взимать в пользу городской кассы десятый пфеннинг с каждого наследства, вывозимого из города. Обязанность принимать на постой путешественников и снабжать их лошадьми, или морем перевозить их к ближайшему селению, что прежде было всеобщим обыкновением края, было отвергнуто теперь в Ниэншанце и заменено учреждением хороших почтовых дворов и гостиниц. Согласно с теми основными началами, которым уже прежде следовали при устройстве городов, для поощрения искусных ремесленников к поселению в городе определено было, чтоб на четыре мили кругом города никто не занимался ремеслом, где бы то ни было, кроме Ниэншанца, под опасением строгой ответственности, причем установлено было, чтобы никакое должностное лицо не вмешивалось в торговые предприятия и никакой купец не добивался правительственных должностей, но чтобы каждое сословие занималось своим делом. Покуда гражданин считался полным, никто не имел права посадить его за долги в тюрьму, и никакое преступление, кроме оскорбления Величества, не давало права заключать лицо в другую темницу, кроме городской. Все это изложено было в двадцать одном параграфе [210].

Каждый век имеет свои понятия и свои формы. Если в этих привилегиях нельзя не заметить отпечатка гильдейского духа, развившегося в городской жизни со времен Ганзы и еще господствовавшего в то время, то по крайней мере надобно отдать справедливость той благонамеренности, с которой правительство стремилось к усовершенствованиям всякого рода сообразно со способами, средствами и обстоятельствами времени. Ясно, что правительство руководствовалось высокой целью, и что интерес частный вовсе не принимался в расчет. Все обязаны были идти по пути, предписанному законом, и таким образом трудиться для благоденствия целого, но в то же время закон предоставил каждому средство и право извлекать для себя на этом пути возможную пользу. Потому-то скоро оказалось необходимым точнее установить границы городской торговли в Выборге и Ниэншанце, во избежание частых столкновений, вооружавших оба города друг против друга. Правительство открыто высказало свою мысль, что существование города Ниэншанца должно основываться на

русской торговле, быстрому ходу которой надлежало споспешествовать со знанием дела, для чего и указано на новгородскую область, между тем как благосостояние Выборга всецело должно было зависеть от сбыта товаров, на который можно было рассчитывать в Карелии и на внутренних рынках края. Один не должен был препятствовать другому в пределах его деятельности, и на высшие должностные лица края возложена была обязанность наблюдать, чтобы ни тот, ни другой не стесняли друг друга в своих правах. Когда жители кексгольмской и ореховской губерний начали переводить свою торговлю в Ниэншанц, лежавший к ним ближе Выборга, то им воспрещено было это королевским декретом, и карельская торговля по-прежнему оставлена за Выборгом. Даже ярмарка, которую жители Ниэншанца учредили было у Сестрорецка, была, по сделанному о том докладу, отменена правительством, как нарушение привилегий Выборга [211]. И в самом деле, кажется, справедливо было требовать, чтобы торговцы Ниэншанца держались единственно русской торговли, потому что русские произведения, отправлявшиеся через Ниэншанц, были так разнообразны, так не сходны с теми, которая производила Финляндия, и так запрашиваемы в чужих краях, что один город мог очень хорошо жить этой торговлей, если только она умно и прилично устроена. Эти произведения в главных статьях были те же самые, которые и поныне составляют главную ветвь вывозной торговли России; они вычислены в таможенном уставе 1638 года, под именем *русских товаров*, а именно: лен, пенька, пакля, сало, тик и бараньи меха (Boraner).

То были сельские произведения, привозимые самими жителями. Кроме их, привозились еще другие товары, под именем *купеческих*, также обложенные пошлиной; но они приготовлялись во внутренности России и перевозились сюда русскими торговцами. К ним принадлежали юфть, собольи и куньи меха, бурки, рукавицы, мыло, персидские одеяла, тюфяки. Все эти товары, которыми неисчерпаемо изобилует Россия, составляли в то время, как и теперь, предмет спекуляций торговых народов и должны были, по удобности транспорта через Ниэн, приносить этому городу немаловажную выгоду. Но торговля тогда только может считаться выгодной для края, когда она приносит не только богатые доходы казне, посредством таможенного сбора, но и прибыль частным лицам, которая обнаруживается в возрастании благосостояния

целого общества. Оба эти условия необходимы, но средства многоразличны. Богатство того или другого частного купца не есть верное доказательство процветания торговли в городе, ибо оно случайно, и может нередко зависеть от средств, находимых купцом, чтобы обмануть общественную бдительность. Если вывоз из какого-либо края не покрывает издержек на действительные или вымышленные потребности, удовлетворение которых край должен купить у иностранцев, то торговля, хотя славная сосредоточенным благосостоянием целого города, становится только блестящей игрушкой мгновения, раком, пожирающим целое, гибельные раны которого обнаруживаются часто слишком поздно. Что жители Ингерманландии вообще находили большие выгоды в торговле Невою, доказывается тем, что карельцы вместе с торговцами кексгольмскими охотнее приезжали со своими товарами в Ниэншанц, чем в Выборг, и еще более тем, что купцы Ниэншанца в конце 17 столетия сделались, по свидетельству истории, известны своим огромным богатством и благосостоянием. Какую прибыль извлекала из этой торговли государственная казна посредством таможень этой провинции, мы показать не можем; но обращая внимание на меры, принятые в этом отношении, и на введенный здесь контроль, надобно думать, что таможня в Ниэншанце доставляла в казначейство значительные суммы. Вначале таможенная пошлина взималась согласно с тем, что прежде по этому предмету вообще было постановлено в шведском таможенном уставе, с применением, впрочем, по временам лифляндского устава, бывшего в некоторых случаях умереннее первого. Эта двойственность уставов причинила столкновения, которые от времени до времени подавали повод к многоразличным жалобам и искам. В 1642 году правительство учредило в Дерпте, Нейгаузене и Нарве пограничную таможню для всех из России привозимых товаров [212]; а как Ниэншанц и Нарва существовали русской торговлей, то сказанная таможня, имевшая свою станцию у Лавы, введена была и в этих городах. На это жаловались правительству несколько русских купцов, представляя, что лицент слишком велик, и просили, в том случае, если нельзя уменьшить его, позволения отправлять свои товары прямо к приморским городам Нарве и Ниэншанцу. Дело было щекотливое. С одной стороны, желали, чтоб русские торговали в этих городах, на что последние, без сомнения, и согласились бы, если бы понижена была пошлина, даже несмотря на то, что северная дорога

через Санкт-Никлас представляла много затруднений; но с другой стороны предвидели, что пониженная пошлина привлечет иностранных купцов, а с тем вместе не только ускользнет прибыль из рук собственных подданных, но и погибнет судоходство края. Чтобы найти счастливую середину, определено было уничтожить пограничную таможню в Нарве, и как там, так и в Ниэншанце взимать лицент со всех привозимых товаров по уставу, не взирая на то, оставлялись ли товары в городе или отправлялись далее, за исключением настоящих русских товаров, пошлина которых понижена была так, что в лиценте платились два, а в порториуме один процент со ста [213]. При этом мы должны заметить, что казна, рассчитывая преимущественно на доходы таможень, употребляла в это время различные способы налагать и взимать эти доходы. Первым источником доходов была пограничная в собственном смысле пошлина, платимая за все вывозимые и привозимые товары, и вычислявшаяся так, что за каждый товар, стоивший 100 талеров, иностранец должен был платить 10 венгерских золотых (гульден); но шведские городские обыватели платили только полтора гульдена. Затем следовал так называемый *лицент*, платимый при продаже товара в городе и вычислявшийся по определенному проценту с его ценности. Обыкновенно платил лицент покупатель, но за некоторые товары также и продавец. Потом следует *малая пошлина* или, по другому названию, *порторигум*, состоявшая в определенной плате за все возможные роды сельских товаров, привозимых через городские ворота на рынок или на ярморку для потребления, складки или выдачи. Наконец упомянем здесь и об акцизе, платимом за право продавать вина, пиво, медь, съестные припасы и тому подобное; пошлина эта взималась по количеству продаваемого товара. Таким образом, платили все пивовары и шинкари за каждую бочку пива, сваренную для себя или для продажи, 4 эре; за бочку слабого пива 2 эре, за бочку столового пива 1 эре. За право в собственном доме, для собственной потребности, сварить бочку солода платилось по 1 эре и столько же за право выкурить бочку солода на водку. За право печь хлеб в хозяйстве большого размера платилось 6 талеров, а в доме бедного 1 талер. Мясники платили акциз за каждую голову скота; равным образом все ветошницы платили за все, ими продаваемое, определенную плату за каждую вещь или за неделю. Нельзя было придумать никакой промышленной деятельности, за которую не пришлось бы платить пошлину.

Но для такого разнообразного, запутанного и хлопотливого сбора нужны были чиновники. Ординарный штат таможенных дел в Швеции составлял сумму в 14 268 рейхсталеров, увеличенную в 1646 году для таможен Гальмстада, Варберга, Висбю и Ниэншанца суммою в 4260 рейхсталеров. Из этой суммы приходилось на Ниэншанц 1065 рейхсталеров; и из этой последней суммы главный правитель таможни, которым был тогда барон Мортен Лейоншёльд, должен был платить жалованье сборщику пошлин, писарю, четырем досмотрщикам и береговым объездчикам, число которых определялось по надобности. Впрочем, количество жалованья каждому не было определено штатом, но сумма, назначенная на таможню, поручалась в распоряжение главного правителя таможни, который мог назначать жалованье каждому по заслугам. Обо всем этом он представлял потом отчет правительству [214].

Что касается до вышеозначенного учреждения и понижения лицента в Ниэншанце, то правительство хотело уничтожить в нем пограничную таможню и обязать купцов платить лицент, сбор которого, по мнению правительства, по отношению к иноземцам не мог быть несправедливым. Только следующие русские товары пользовались пониженным лицентом:

	В лиценте		В порториуме	
	Рейхс.	Эре.	Рейхс.	Эре.
1 Декер воловьих кож	–	12	–	6
1 – коровьих кож	–	8	–	4
1 лосиная кожа	–	12	–	6
1 десяток кун	–	29	–	14
1 – горностаевых шкур	–	6	–	3
1 – хорьков	–	8	–	4
1 – беличьих шкур	–	1	–	½
1 Timber (десяток) собольих хвостов	–	20	–	10
1 подбой (foder) кроличьего меха	–	5	–	2½
1 подбой (foder) кошачий	–	6	–	3
1 горностаевый подбой	–	17	–	8½
1 подбой из собольих хвостов	1	28	–	38
1 десяток (декер) баранов	–	5	–	2½
1 – сафьяну	–	10	–	–
1 – юфти	–	15	–	7½
1 – бочка ворвани	–	8	–	4
1 морской фунт окороков	–	10	–	5
1 – сала	–	19	–	9½
1 – воску	1	38	–	43
1 – чистого льна	–	20	–	10
1 – получистого льна	–	13	–	16½
1 – кузов льна	–	5	–	2½
1 – пеньки	–	10	–	5
1 – сырца (шелка)	–	2	–	1
1 десяток добрых соболей	2	–	1	–
1 – подбой соболий	1	–	–	24

www.aroundspb.ru

Когда в 1646 году все таможенные дела получили новую организацию, тогда произошла вместе и та перемена, что Ниэншанц, по таможенным налогам на все, что принадлежало к русской торговле, был сравнен с Нарвою; но во всем, что касалось внутренней финляндской, равно и иностранной торговли (только не с Россией через Ниэншанц), он уравнен был с Выборгом и в обоих городах введен одинаковый способ взимания; именно все, что привозилось из России или отправлялось в нее, подвергалось пошлине по лифляндскому, а все прочее по шведскому уставу, обнародованному в 1645 году. Но по обнародовании этого установления снова поданы были жалобы как со стороны Выборга, так и со стороны Ниэншанца. Купцы первого, уже издавна имевшие дела с Россией, и желавшие перевести русскую торговлю в Выборг, считали себя обиженными значительной разницей в налоге лицента в обоих помянутых городах, – разницей, которая необходимо должна прекратить русскую торговлю в Выборге. Это различие в лицента почиталось несправедливым, особенно относительно соли, товара повсюду равно необходимого; говорили, что вследствие понижения лицента купцы Ниэншанца могли дешевле продавать соль, чем выборгские, и тем привлекать к себе финляндское народонаселение. Четыре раза подаваемы были всеподданнейшие прошения о произведении перемены в этом деле, но каждый раз напрасно. По мнению Его Величества, удовлетворение этих прошений могло бы внушить другим городам вредное для правительства предубеждение и послужить для них поводом к представлению таких же прошений [215]. Что касается до купцов Ниэншанца, то они в свою очередь очень желали совершенно освободиться от шведского таможенного устава и представили по этому делу прошение, доказывая, что в противном случае русская торговля совершенно падет в их городе. При этом случае они думали найти опору в русском посольстве, отправлявшемся в 1646 году в Стокгольм с известием о восшествии на престол великого князя Алексея Михайловича и вместе с тем с поручением обновить Столбовский мирный договор и укрепить торговые сношения между Россией и Швецией. Но король был непоколебим и объявил, что шведский таможенный устав имеет силу в Ниэншанце только относительно таких товаров, которые привозятся из кексгольмской и ореховской областей через Ниэншанц, – большей частью товаров тяжелых и громоздких, которые нельзя сравнивать с русскими товарами и которые

еще менее могут быть причиной перехода русской торговли в другие края [216].

Взамен того в той же резолюции от 31 августа 1646 г. даровано было Ниэншанцу множество других преимуществ, которые должны были, по обстоятельствам времени, принести большие и важные выгоды. Из числа этих преимуществ на первом месте справедливо может быть помещено дозволение открывать вольную ярморку на три недели. Как в Швеции, так и в Финляндии по обычаю, существовавшему с незапамятных времен, народ из разных мест сходился в известный день и в определенное место частью для продажи своих собственных товаров, частью же закупать у других необходимые для каждого вещи, и есть даже свидетельства, что само правительство дозволяло и разными привилегиями поощряло подобные сходбища или ярмарки. Они учреждались в городах или в селах, наиболее удобных для привоза и меновой торговли. Хотя просвещенные понятия новейшего времени понемногу разбили цепи, долгое время сковывавшие торговлю и промышленность, и хотя ярмарки сделались от того еще нужнее, чем прежде, при всем том нельзя не признать, что в XVII столетии, когда торговля ценилась еще так мало и система монополий пользовалась покровительством, когда часто по мелочным расчетам старались подавить то, чему скорее надлежало бы содействовать, нельзя не признать, говорю я, что в то время позволение производить торг в довольно продолжительное время, не боясь лазутчиков, было весьма приятной новостью. Распоряжением правительства от 20 ноября 1636 и 26 августа 1637 г. получил и город Або привилегию на трехнедельную ярмарку, начиная со 2 сентября, когда все, не только туземцы, но и иностранцы имели право, несмотря на сделанные прежде ограничения, свободно производить закупки и продавать свои товары. Польза этого учреждения обнаружилась преимущественно тем, что оно сосредоточило торговлю края в Або, где она до последнего времени имела свое главное местопребывание: эта явная польза побудила, кажется, и Ниэнских депутатов исходатайствовать для своего города подобное преимущество. Должно также заметить, что город получил право брать в свою пользу половину порториума со всех привозимых и вывозимых товаров, за исключением тех русских товаров, с которых порториум король предоставил в свое распоряжение. Между представлениями, которыми граждане Ниэншанца докучали при этом

случае правительству, находится представление о дозволении употреблять для городского пакгауза (складочного места) три лавки или магазина, доселе бывшие в распоряжении русских купцов, складывавших в них свои товары. Легко понять, что подобная просьба была принята с неудовольствием. Правительство, всегда внимательное к тому, что в том или другом отношении могло ослабить доверенность, питаемую русскими к благим его намерениям касательно торговли, могло ответить на это представление лишь заслуженным упреком за недостаток обдуманности, обнаруженной гражданами в этом деле. Вместо того, чтоб устрашать русских и отнимать у них магазины, они скорее должны бы были построить новые, чтобы внушить им охоту посещать новый город, тем более что построение нового пакгауза не могло быть делом большой важности. Прошения ниэнских граждан об освобождении их от лицента и акциза на иностранные вина, о запрещении русским купцам в Сердополе возить свои товары дальше Ниэншанца, о понижении пошлины на соль, ввозимой в Россию, о местах для выгона и рыболовства, об определении немецкого проповедника в городе, наконец об уменьшении пошлин на сосновые корабли и каменные дома оставлены правительством без исполнения. При всем том городские привилегии, дарованные прежде, утверждены в полном виде королевой Христиной, принявшей в это время бразды правления лично, особенно резолюцией от 15 сентября 1647 года [217].

Несмотря на то, что вышеозначенная резолюция, данная ad interim, не могла устранить всех неудобств, представленных депутатами Ниэншанца, однако она подала правительству повод обратить тщательнейшее внимание на русскую торговлю, чтобы раскрыть все препятствия, неудобства, затруднения, ее угнетавшие доселе, и чтобы найти средства для поддержания и усиления ее на будущее время. Результатом заботливости правительства явился *Таможенный Устав о товарах, вывозимых из России и привозимых в нее через Ревель, Нарву и Ниэншанц, изданный 31 июля 1648 г.* в Стокгольме, и предоставляющий русским подданным многие преимущества относительно торговли, которых напрасно добивались собственные подданные. На основании этого устава все русские товары, привозимые из России в один из упомянутых городов, были освобождены, по общим большим дорогам, от притязаний таможенных служителей, и отнюдь не подвергались какой-либо пошлине. Таким образом все товары, мор-

ским путем отправляемые в один из этих трех городов, шли ли они из России или отправлялись в нее, освобождались от пошлины; но как скоро они отправлялись в другие страны, с них взималось по 2 процента пошлины и лицента с цены товара, за исключением ржи, соли и льна, с которых взималась обыкновенная пошлина. Та же незначительная плата (2 процента) взималась со всех товаров, привозимых из-за границы, не взирая на то, оставались ли они на месте, потреблялись ли в стране, или отвозились в Россию. Кто желал отправить в Россию вина, за которые уже заплачена была пошлина, тот должен был предъявить о том в лицент-камере Ниэншанца и взять на то вольный паспорт, вследствие чего он получал столько денег обратно, сколько заплатил в лицент-камеру сверх вышеупомянутых двух процентов. Все подданные царя и все иноземные купцы получили право торговать оптом не только между собой, но и с гражданами и иностранцами, также складывать и отправлять свои товары, куда им было угодно, без всякого нарушения права, за исключением соли, сельдей и зернового хлеба (ржи), торговля которыми принадлежала исключительно гражданам города. Равным образом им позволено было торговать мехами, юфтью, сафьяном и другими туземными продуктами, с тем только условием, чтобы мыло, перчатки и мелкие вещи продавались местными разносчиками. Наконец, чтобы предупредить могущее произойти недоумение между сборщиками пошлин и торгующими, назначена была особенная такса всем привозимым и отвозимым товарам и определены таможенные пошлины и лицент, считая по 2 процента с тогдашней действительной стоимости товара. Извлечение из этой таксы о некоторых русских товарах, без сомнения, будет любопытно, тем более что означенная в ней таможенная пошлина подает повод к сравнению их тогдашней и нынешней ценности. Но прежде мы должны заметить, что шведские деньги считались рейхсталерами, марками и эре, так что 8 эре серебряной монетой равнялись одной шведской марке, 4 марки или 32 эре шведскому талеру, а 6 марок и 48 эре одному рейхсталеру specie. Медь стоила менее, так что один рейхсталер specie стоил 60 эре медной монетой; но ее тогда не брали при таможенных сборах. На основании прежде бывшей монетной системы были в обращении еще *эртуги*, которых три равнялись 6 эре, и *пенязи* (Peningar); 16 пенязей равнялись эртугу; 48 пенязей равны были эре; но все эти монеты по большей части уже вышли из

www.etoumbr.ru

употребления, за исключением последних, т. е. пенязей, бывших при определении таксы необходимыми. Их отношение к нынешней нашей ходячей монете объясняется Императорским манифестом от 17 (29) декабря 1809 года, которым один шведский рейхсталер specie определяется равным одному рублю 44 копейкам серебром; отсюда выводим, что

1 марка серебра равняется 24 коп. сер.
1 эре « « 3 «

Но пенязь (пенниг) стоит несколько меньше русской полушки. По показанному отношению шведской монеты к нашей ходячей, читатель может сам высчитать цены; мы сообщим в выписке только таксу.

ОТПУСКНЫЕ РУССКИЕ ТОВАРЫ:

	Рейхс.	Эре.	Пен.
Бочка поташу	–	22	8
Льну Pater noster 1 ласт = 12 бочкам или 120 фунт	1	–	–
Литовского 1 ласт	–	35	16
Пеньки 1 ласт	–	35	–
Хлопчатой бумаги пуд русский	–	4	6
Невыделанных кож 1 декер	–	8	–
Русских козловых 1 декер	–	2	20
Русская подошвенная кожа 1 декер	–	6	–
Сафьяну 1 декер	–	3	16
Замши 1 декер	–	1	12
Русской черной смолы (вар) 1 ласт	–	13	–
Дегтю 1 ласт	–	6	12
Салакушки (Strömling) 1 бочка	–	1/4	–
Икры 1 морской фунт	–	4	12
Рыбьего клею 1 пуд	–	3	–
Русских попон (чепраков) 100 штук	–	8	–
Перчаток 100 пар	–	2	8
Тонкой нитки 1 фунт	–	–	16
Русского полотна 100 аршин	–	4	–
« из пеньки	–	2	–
Воску 1 морской фунт	–	25	14
Сала 1 морской фунт	–	8	–
Масла 1 бочка	–	9	8
1 бык	–	5	22
Корова	–	4	16
Лошадь	–	5	22
Перьев 1 морской фунт	–	16	16
Русских рогож 100 штук	–	3	–
Огурцов 1/8 тонны [218]	–	1	–

www.aroundspb.ru

Устроив сказанным образом русскую торговлю, правительство обратило внимание на прошение города Ниэншанца об увеличении земли, отведенной под пастбища, считавшиеся весьма важными в то время, когда общество еще не убедилось, что город может существовать и без земледельческих занятий. Мы находим, что почти все финляндские города, основание которых относится к этому или к предыдущему времени, снабжены землями более или менее значительными, употреблявшимися частью под пастбища для городского скота, частью под пашни и огороды для городских обывателей. Что правительство приняло твердое намерение, по требованию времени, делать все для содействия благосостоянию Ниэншанца, явствует также очевидным образом из дарений, пожалованных городу грамотой от 31 октября 1648 года, следовательно, в том же году, когда издан был таможенный устав [219]. Эти дарения состояли из многих поместий, выменянных правительством у государственного шитта Бернгарда Стена фон Стенгузена, и все они находились в Ореховской области, Спасском погосте, заключая в совокупности $3^{5}/_{16}$ обжи или $^{2}/_{3}$ манталя. Они были следующие: *Колссоя* $^{1}/_{4}$ обжи, *Охкия* $^{1}/_{8}$ обжи, *Эжкия-Рисса* $^{5}/_{6}$ обжи, *Выгран* или *Выгэл* $^{1}/_{4}$ обжи, *Уконова* пустошь $^{3}/_{32}$ обжи, *Прекюле* пустошь $^{3}/_{32}$ обжи, *Кондуя Лахтеншоя* $^{1}/_{16}$ обжи, *Лахте Корельская* $^{1}/_{8}$ обжи, *Спасский погост* $^{1}/_{8}$ обжи, *Сабрине* с *Аллуеном* пустошью $^{3}/_{4}$ обжи и *Кондуя* деревня $^{3}/_{8}$ обжи. Ныне неизвестно, как обширна была земля, которой прежде владел Ниэншанц; а что он владел землей, ясно видно из того, что полученные им имения мы находим теперь в далеком расстоянии от Ниэншанца; надобно полагать, что и для крепости, заложенной несколько лет прежде города, также отведено было значительное пространство земли. Все эти владения находились, как сказано, в границах Спасского погоста, под которым разумеется та часть Ингерманландии и Ореховской области, которая лежала по обе стороны реки Невы до самого Шлиссельбурга и оттуда далее вверх по берегам Ладожского озера, по возвышенностям Токсова. Хотя на карте Ингерманландии, относящейся к 1676 г., довольно тщательной и полной, не обозначено другого названия, кроме Сабрина, хотя не показано даже Спасского погоста, однако должно предполагать, что все они находились в одном и том же крае; а что имена прочих участков исчезли, может объясниться тем, что вместе с вышепоказанными русскими названиями они могли иметь свои финские прозвища.

Впрочем, настоящая причина исчезновения имен могла быть и та, что упомянутые местности, как принадлежащие городу, при начертании карты не были уже обрабатываемы. В 1649, 50 и 51 годах Финляндия была жертвой повсеместного голода, причиной которого было, как говорят, весеннее разлитие воды и происшедший от того неурожай. Так как в приходах еще не были учреждены отдельные запасные магазины, а правительство также не имело никаких запасов, то все надежды в этом бедственном положении возлагались на привоз, которого можно было ожидать из чужих краев. Чтобы облегчить этот привоз, даровано было в 1650 году право свободного ввоза ржи, муки, ячменя, солоду, овса и гороха, и жителям предоставлено право покупать эти товары для своего потребления прямо с иностранных судов, не стесняясь никакими препятствиями со стороны купцов или городских обывателей. А как в Ниэншанц и лифляндские города ежегодно привозилось из России большое количество хлеба, то и приказано было в то же время отправлять этот хлеб в Швецию и Финляндию, где он продавался без взимания лицента и большой пошлины. Только Ниэншанц и Нарва имели право отправлять хлеб за границу, однако с условием, чтобы пятая часть всего в чужих края вывозимого хлеба продавалась в портах собственного государства. Также дозволено было, вопреки прежним постановлениям, обитателям финляндских шкер, были ли они дворяне, священники или крестьяне, самим на собственных судах (шкунах) ездить в Ревель и там покупать хлеб, продавши рыбу. Действие всех распоряжений, изданных правительством для споспешествования торговле и благосостоянию Ниэншанца и лифляндских городов, не могло не обнаружиться, и надобно полагать, что такие явные доказательства королевской милости привлекали туда людей зажиточных, желавших утвердить там свое жительство и пользоваться предложенными выгодами.

Коммерческая комиссия 23 августа 1651 года получила особенную инструкцию, как оживить торговлю во всех шведских провинциях и устранить все препятствия, замедлявшие ее успехи. На сей конец учреждена была особенная комиссия, состоявшая из 9 членов и разделенная на три коллегии, каждая из трех членов, секретаря и писца. Сперва комиссия имела свое местопребывание в Стокгольме и управляла всей внутренней судоходной торговлей, промышленностью и ремеслами. Вторая, состоящая из трех членов, должна была

жить в Риге, Ревеле и Нарве, и под дирекцией правителя таможни заведовать промышленностью Лифляндии, Эстляндии и Ингерманландии, товарами, заготовляемыми в этих краях, и изыскивать средства сосредоточить русскую и литовскую торговлю в Швеции. Третья имела свое пребывание в Висмаре, Стаде и Штеттине с обязанностью сосредотачивать внешнюю торговлю в Померании, Бременских городах и Висмаре. Для достижения предположенных целей каждый из означенных членов обязывался тщательно исследовать, что именно препятствовало успехам торговли и промышленности в том или другом месте, и смотреть, какие статьи можно предоставлять одному лицу и что непременно должно быть свободно и изъято. Всю городскую промышленность сосредотачивать в городах, а сельскую промышленность оставлять за селами. Юношества как в городах, так и в селах, заблаговременно отучать от лени и нищенства, а бедных переписывать и, смотря по нуждам, призирать. Сверх того считалось необходимым наблюдать, чтобы земля обрабатывалась и доставляла сырые произведения, которые должны были обделываться на фабриках и заводах, устроенных в пределах страны, чтобы ими снабжать жителей, сколько того требовали нужда и честь их. С искусными иностранными ремесленниками приказано было заключать контракты, приглашая их селиться в тамошней стране. Иностранные товары, как например: вино, соль, сельди, пряности, масло и другие должно было привозить из первых рук через собственных жителей государства, на собственных судах; кораблестроение и все к нему относящееся всеми способами надлежало стараться совершенствовать и т. д. Надобно было думать, что все эти предписания, имевшие целью благоденствие страны, не могли скоро осуществиться; но чтобы они не подверглись совершенному забвению, приказано было находившимся в Лифляндии и Германии двум коллегиям собираться через каждые 2 года в Стокгольме для представления отчета и объяснения правительству различных мер, какие могли быть приняты в том или другом отношении. В наше время нельзя с достоверностью определить, что могла сделать для означенной цели лифляндская коллегия; но вышеозначенное, во все времена применимое основное правило свидетельствует о том благородном усердии, с каким правители входили во все, что вело к процветанию и благоденствию страны [220]. Но если уже самое заложение Ниэншанца само по себе было бельмом на глазу для выборгских купцов, то очень

естественно, что преимущества, приобретенные впоследствии первым, еще более должны были увеличить нерасположение к нему, уже и прежде обнаруженное последними. Выборгские купцы обратились к генерал-губернатору Петру Браге с формальной жалобой на то, что Ниэншанц отвлекает от Выборга всю торговлю, и что казенные доходы с кексгольмской области, которые должны были, на основании привилегий, остаться в Выборге, перенесены в Ниэншанц: они надеялись, что этот могущественный человек решит дело в их пользу. Не делая однако никакого решительного шага, он отложил все дело до следующего государственного сейма, имевшего начаться летом того же года (1650).

Между тем городские обыватели Ниэншанца не могли оставаться в незнании опасности, угрожавшей их родному городу: предохранительные меры были необходимы и скоро приискапы. В Стокгольм отправлен был городской бургомистр Генрих Пипер и вместе с ним Берндт Тиммерман, два человека, отличавшиеся своим умом, обязанные в звании депутатов по делам города не только предупредить все замыслы Выборга, но и исходатайствовать соизволение королевское на разные другие прошения, которые они хотели представить в пользу города. Государственные чины были созваны к коронованию королевы, и сейм начался 20 июня; резолюция же по делам депутатов относится к 29 ноября 1650 г.; содержание ее мы представляем здесь вкратце [221].

В решении спорного вопроса между Выборгом и Ниэншанцем избрана была, как кажется, золотая середина. С одной стороны, правительство не хотело согласиться на то, чтобы каким бы то ни было образом уменьшить дарованные городу Ниэншанцу привилегии, а с другой стороны нашло справедливым отказать Ниэншанцу в просьбе об освобождении его от шведской таможенной таксы, с подчинением его только лифляндской. Обе таможенные таксы применялись в Ниэншанце, смотря по тому, откуда привозились товары; а как шведская таможенная такса была введена там собственно ради Выборга, то и почитали необходимым удержать ее, чтобы Выборг, древний и важный город, не разорился и не пал совершенно. Обыватели Ниэншанца должны бы были считать уже великой королевской милостью облегчение, оказанное им по отношению к русской пошлине; сверх того, городу теперь дано было право удерживать половину пошлин со всех товаров, провозимых через Ниэн из России. Половина пошлин от всех отпускных

и привозных товаров, за исключением русских, была дарована им уже в 1646 году. Из представленных ими жалоб можно, кажется, заключить, что купцы нижские, в предшествовавшем году, потерпели в России некоторые неприятности, которых они на будущее время желали избегнуть при посредстве правительства; но как причина неудовольствий заключалась, по-видимому, в каком-то частном оскорблении, безрассудстве или обидчивости, и как правительство опасалось своим высшим посредничеством сделать размолвку еще затруднительнее, то оно и нашло лучшим предоставить магистрату добрыми советами останавливать все, что могло вести к пресечению торговли; и сам король, сколько было возможно, обещал магистрату свою помощь. Вопрос о судоходстве небольших городов кексгольмской области, возбудивший также жалобу, оставлен был для решения на будущее время.

Что касается до имений, пожалованных городу за два года перед тем, то теперь ходатайствовали уже об их освобождении от военной повинности, от училищных денег и от других меньших податей, на что и получено было соизволение правительства; в то же время позволено было оставить неприкосновенными в распоряжении магистрата пустоши, на которых основан был город; но когда сверх того представлены были по именам и другие местности, которые также желали приобрести в дар для города, то на это представление последовал отказ, несмотря на то, что некоторая часть последних земель принадлежала не казне, а частным лицам. Отсюда видно, до какого развития достигла в это время система приобретений поземельных имений; и мы скоро увидим, что упомянутый отказ не только не лишил просителей бодрости, но еще более подстрекнул их к новым попыткам, по пословице: «Толците и отверзется». В числе жалоб, принесенных в это время правительству, представлена была и жалоба на то, что правитель нижской таможни, к немалому ущербу жителей, сам пустился в торговые спекуляции с тем большим успехом, что его должность давала ему наилучшее к тому средство. Такое нарушение порядка в силу того, что таможенный правитель получает от казны жалованье и не исправляет никакой городской повинности, приказано было генерал-губернатору прекратить. Как новое доказательство королевской милости, город Нишпанц получил право еще на 4 года продлить свободу от гражданских повинностей, к которым причислялись малая пошлина или воротные деньги, печные деньги, платимые за

право печь хлеб, акциз на соль, масло и водку, продававшиеся в черте города и в пределах его ведомства, содержание боцманов, обыкновенные городские подати [222]. Эта льгота в тогдашнее безденежное время должна была иметь большое значение и сильно подействовать на население города и его благосостояние. Но важнее всего по отношению к прежде упомянутым умыслам Выборга было уверение, данное правительством и выраженное в ясных словах, что каковы бы ни были стремления и намерения других городов касательно Ниэншанца, суд и магистрат могут быть уверены, что Его Королевское Величество не желает их разорения; напротив, будет содействовать тому, чтобы город, основанный на русской торговле, возрастал и увеличивался, и всеми возможными способами будет содействовать его благосостоянию. С такой резолюцией депутаты города, убежденные в милости правительства, возвратились с радостью и веселием в отечественный город.

Читатель был бы в праве ожидать изображения результатов, осуществленных в общей деятельности многоразличными милостями щедрого правительства, и здесь именно было бы кстати показать итог таможенных доходов, приращение частного благосостояния, увеличение народонаселения, застройка города и тому подобное, чего можно ожидать от цветущей торговой деятельности. Но исполнение этих справедливых требований превышает наши силы оттого, что в жерле всепоглощающего времени погибо все, что могло бы в этом случае служить нам указанием. Узнав меры, принятые для образования на Неве торгового города, каждый может сколько-нибудь судить по собственному соображению о применимости их, о более или менее успешном действии на торговлю и на общее благосостояние [223]. А мы пойдем далее и будем собирать то, что найдем.

www.aroundspb.ru

Глава 11

НОВЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ШВЕЦИЕЙ И ВЛИЯНИЕ ИХ НА НИЕН СО ВРЕМЕНИ ОБЪЯВЛЕНИЯ ВОЙНЫ В 1656 Г. ДО ЗАКЛЮЧЕНИЯ КАРДИССКОГО МИРА

Проходит много лет, а мы не находим ни одного замечания о Ниэншанце. По-видимому, все шло своим ровным и обычным ходом. При всем том нельзя не заметить тучи, которая подымается с востока и, понемногу приближаясь, угрожает маленькому городу гибелью и разрушением. Обстоятельства, нам в точности не известные, уже несколько лет перед тем начали колебать дружбу и зарождать негодование на шведских купцов в России [224]. Трудно решить, что было тому причиной, самовластные ли притязания, чрезмерное ли своекорыстие шведов, или другие, к ущербу русской торговли клонившиеся распоряжения. По крайней мере верховные власти с той и с другой стороны не желали придавать частному разладу политическое значение и желание их в этом случае было искренно. Но другие, неожиданные происшествия шведской истории изменили мирный образ мыслей властей и подали повод к войне, имевшей для Ниэншанца самые плачевные последствия, именно: город, заложенный на Неве реке, вторично был завоеван русскими и едва в конец не разрушен. С того времени, как король польский Сигизмунд после битвы при Стонгебро в 1598 г. был объявлен лишенным шведской короны, он старался разными интригами, заведенными внутри и вне государства, возвратить свои потерянные права, и при каждом новом замещении королевского престола протестовал против избирательного права шведских государственных чинов. Сын его, Иоанн Казимир с саном короля польского наследовал и притязания отца, и при происшедшей тогда перемене правительства в Швеции стал действовать согласно с отцовской политикой, когда в 1654 г. Карл Густав был избран в преемники королевы Христины. Чтобы раз

навсегда положить конец этой возмутительной политике и обеспечить обладание собственным престолом, Карл решился наказать своего противника, объявил Польше войну и начал ее вторжением в Литву. Этот шаг со стороны Швеции царь Алексей Михайлович почел нарушением мира, ибо, объявив еще в 1654 г. войну Польше, он уже прежде овладел частью Литвы и считал ее в то время своею завоеванною землею. Неудовольствие возросло еще более, когда шведский король вошел даже в переговоры с князьями Сапегою и Радзивилом касательно признания его главою Польши, и когда дело дошло до того, что Магнус Габриель Делагарди был уже назначен губернатором тамошнего края.

Эти обстоятельства послужили предлогом к разрыву, хотя истинная причина войны, происшедшей скоро затем между Россией и Швецией, без сомнения, заключалась в надежде возвратить, во время затруднительного положения Швеции при открытой войне с Польшей и Данией, земли, потерянные Россией по Столбовскому миру. Шведы действительно опасались подобной диверсии со стороны России и старались всеми способами сохранить дружбу и предупредить нарушение мира. Но их усилия были напрасны. Война была объявлена в июне 1656 г., в то время как все шведские силы были сосредоточены в Польше. Царь Алексей Михайлович сам повел главную армию, вторгся в Лифляндию и осадил Динабург, Кокенгаузен, Дерпт и Ригу, из которых первые три действительно были взяты. Другая часть войска перешла 4 июня границу Ингерманландии и Карелии, изрубила пограничную стражу и рассеялась во все стороны тамошнего края [225]. Сверх пехотного войска, прибыло еще из Ладоги множество небольших судов с 11 000 человек экипажа, расположившегося около Орешка, с целью обложить и завоевать крепость, защищаемую комендантом Францем Гравиусом. Несмотря на то, что весь гарнизон, по шведским показаниям, состоял лишь из 120 человек пехоты, положение крепости отнимало у русских надежду в короткое время заставить крепость сдаться. Как видно из описания, составленного за несколько лет до того Петреем, к ней трудно было подойти, ибо, говорит он, замок построен в виде семи крепких кругов, которые соединяются между собой стенами. Внутри у стены был бастион в три локтя толщиной, построенный из песка, глины и хряща, который невозможно было пробить ядрами даже огромнейших пушек. Ни с одной стороны крепости

нельзя укрепиться окопами ближе расстояния четырех ружейных выстрелов, считая от реки, протекающей здесь мимо. Если бы неприятель вздумал переправиться на судах или шлюпках, чтоб штурмовать стены, то для защиты не нужно ни ядер, ни пороха, а довольно одних камней, бревен, рогатин и бердышей для отражения неприятеля. Только от голода и болезней крепость могла бы пасть [226]. Потому, как скоро русские узнали, что во всем крае нет войска и что, следовательно, им нечего было опасаться, они оставили Орешек в тылу и рассеялись по Карелии. Все туземцы, как шведы, так и финны, попавшиеся в руки неприятелей, испытывали их жестокость. Всякий, кто мог спасаться бегством, скрывался в лесах. Пленным предоставлялось два жребия: или перекреститься в греческую веру и присягнуть в верности царю, или умереть. Никому не было пощады, за исключением живших в том крае русских, которые соединились со своими соотечественниками. Тогдашнее состояние Ниэншанцских укреплений нам неизвестно: очень вероятно, что они были не важны, если вспомним, что со времени заключения мира правительство не принимало никаких мер к их улучшению. Это видно также из того, что по прибытии из-под Орешка 2000 человек осадного войска город немедленно был взят, дома сожжены, и все, которым не удалось убежать, изрублены. О крепости ничего не говорится. Все богатые запасы, бывшие в городе, погибли, и говорят, что уже до прибытия русских, по приказу генерал-губернатора Густава Горна, шведский комендант сжег соляной магазин и запас ржи в 70 000 тонн, не убранный вовремя его хозяевами.

Таким образом с разрушением города погиб плод многолетних усилий. Русские же по взятии Ниэншанца возвратились к Орешку и испытывали все возможные средства, чтобы заставить крепость сдаться. Как в Карелии, так и в Ингерманландии повсюду видны были следы опустошений: ни церкви, ни усадьбы не были пощажены. Русские проникли до самого Кексгольма, где шведы имели незначительную пограничную стражу, которая частью была рассеяна, частью побита. Бедствие войны увеличивалось еще тем, что народ, никем не обуздываемый, из лесов, где он скрывался, нападал и грабил селения и поместья, куда неприятель еще не успел проникнуть [227]. Между тем шведы мало-помалу собрались с силами. Густав Горн, назначенный в то время генералом шведской и финской конницы, открыл в Ингерманландии с отрядом конницы наступательные действия против русских и заставил

некоторую часть отступить. Христофор Бурмейстер со 150 человек конницы, 200 драгун и с 9 батальонами пехоты отправился к Кексгольму, осажденному русскими, чтоб выручить его из беды. Здесь 29 июля, во время густого тумана, напали на него русские; но благодаря своей выгодной позиции при церкви *Раутус*, ему удалось удержать за собою поле, и когда первые отступили, он загнал их в болото, где убито было 200 человек и взято в плен четыре батальона со всем обозом [228]. В другой раз Густав Горн с 200 всадниками и 40 человек вербованной пехоты под крепостью Копорьем обратил в бегство 1000 русских, причем начальник их с 300 человек пал, тогда как победители потеряли убитыми лишь 8 человек и ранены только двое. Так гласили шведские донесения. Также при деревне Тайпале, на дороге к Выборгу, когда русские собирали здесь съестные припасы, шведы напали на них врасплох и большую часть убили; кроме того, на многих других местах, куда русские заходили, их убивали и брали в плен. Те из них, за которых от русского царя не являлось ни выкупа, ни размена, были, как никуда негодные и обременительные люди, без всякого милосердия предаваемы смерти. Такое бесчеловечие было обыкновенным следствием тогдашних войн, когда жестокость считалась геройством. Между тем русские заложили около Кексгольма шесть батарей, чтоб воспрепятствовать привозу припасов и таким образом принудить крепость к сдаче. Но начальствовавший в ней Левенгаупт собрал наскоро несколько отрядов, сделал вылазку и устремился на батареи с намерением разрушить их. Он действительно пошел на одну штурмом, но должен был отступить, потеряв 60 человек. В следующую ночь снова сделано было нападение с проломными машинами, которое кончилось тем, что русские с потерей ста человек должны были оставить батарею и отступить в другие, неподалеку находившиеся шанцы. Левенгаупт устремился и туда со своими проломными машинами, но по недостатку сильного отряда был отбит. Болотистое местоположение края не давало армиям возможности испытать силу в чистом поле. При деревне Ингрис русские построили с помощью крестьян небольшую крепостцу: Густав Горн взял ее штурмом и разрушил; потом обратился к Ниэншанцу, опустошенному и покинутому русскими. Пользуясь удачными обстоятельствами, он снова велел построить несколько шанцев вдоль реки Невы, в которых оставил 150 человек гарнизона, главным образом на тот конец, чтобы преградить русским судам путь в море. Сам же лично он соединился с Левенгауптом

и мог успешнее отыскивать русских, скрывавшихся за твердынями окопов, в которых они были недоступны.

Так протекло целое лето в постоянных схватках, наступлениях и отступлениях, и ни та, ни другая сторона не могла похвалиться какими-либо приобретенными выгодами. Оттого русские в ноябре прекратили осаду Кексгольма и отступили к Ореховской крепости, которую они уже два раза тщетно старались захватить врасплох. Разорив страну и не сделав ничего важного, русские понемногу начали оставлять Ингерманландию и отправляться восвояси безвозвратно. После того война перенесена была в Лифляндию, где она велась с переменным счастьем до тех пор, пока обе воюющие стороны не нашли лучшим сблизиться друг с другом и подумать о мире. В 1658 г. заключено было перемирие в Валлисаари близ Нарвы, после чего мир в Оливе 1660 г. положил конец польской войне, а мир в Кардисе 28 августа 1661 г. – конец спорам между Россией и Швецией: все приведено было в прежнее положение, и граница между обоими государствами, определенная Столбовским мирным договором, снова восстановлена [229]. Акт был подписан с русской стороны князем Прозоровским, князем Барятинским, Прокисевым и дьяками Дохтуровым и Юрьевым, а со шведской стороны государственным советником Бенгт Горном, надворным советником бароном Густавом Бауером и ассистент-советником Андерсом Валльвиком. Шведы получили право торговать в Москве, Новгороде, Пскове, Ладоге, Ярославле, Переяславле, Холмогорах, Тихвине, Александрове, Пустыне и в других русских местностях; в то же время дозволено иметь им в Москве, Новгороде, Пскове и Переяславле фактории (торговые дома) и свободно отправлять богослужение. Русские получили такую же свободу торговли в Стокгольме, Риге, Выборге, Ревеле, Нарве и Ниэншанце со свободным отправлением богослужения в Стокгольме, Риге, Ревеле и Нарве, где им дозволено было также заводить торговые дома. Горн, Валльвик и ландграф Эстляндский Иоган Гастфер, в качестве послов, отправлены в 1662 г. в Россию, где царь подтвердил мир целованием креста. В том же году 22 апреля и русскому посольству вручена была в стокгольмской великой церкви ратификация мира [230].

www.aroundspb.ru

Глава 12

ВОССТАНОВЛЕНИЕ БЛАГОСОСТОЯНИЯ ГОРОДА И РАЗВИТИЕ ЕГО ПРИВИЛЕГИЙ, ТОРГОВЛИ И КОММЕРЧЕСКОГО БЫТА; ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ВРЕДНО ОТЗЫВАВШИЕСЯ НА ПРЕУСПЕЯНИИ ГОРОДА И УСКОРИВШИЕ РАЗРЫВ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ШВЕЦИЕЙ

Как скоро стоустая молва разнесла весть о перемирии в Валлисаари, устрашенные и скрывавшиеся обыватели Ниэншанца мало-помалу стали возвращаться, чтобы на пепелище прежнего города выстроить новые жилища. Человек неохотно покидает свои пенаты и если он вынужден к тому, то не прежде примиряется со своим горем, как по возвращении на родную почву, на которой он снова, подобно муравью, может водвориться. Еще до заключения мира в Кардисе Ниэншанц отправил своего бургомистра Генриха Пипера в Гетеборг, куда созваны были в январе 1660 г. государственные чины: ему поручено было во второй раз повергнуть пред престолом верное описание бедствий, постигших город, и в то же время исходатайствовать у правительства такое содействие, которым город мог бы уврачевать свои язвы и достигнуть прежнего благосостояния. Но король скончался во время самого государственного сейма 12 февраля 1660 г. и не мог, следовательно, приняться за дела Ниэншанца. Несмотря на то сейм продолжался и 8 марта временное правительство, по ходатайству Пипера, подписало резолюцию, из которой самым ясным образом видно, с какой заботой и какими пожертвованиями старались вознаградить понесенные городом потери [231]. Все прежде дарованные городу привилегии были снова утверждены и всем селившимся там лицам предоставлена 10-летняя свобода от податей и повинностей; сверх того, на подъем домостроительства назначены все взимаемые в городе пени вместе с доходами от порториума в городских таможнях. Теперь поняли также, как было бы важно, если бы город, так близко лежащий к границе, был защищен твердыми укреплениями, хотя до воспоследования об этом предмете

мнения военной коллегии нельзя было ни на что решиться. При всем том этого дела не выпускали из виду, как увидим ниже. Но так как возвышение города главным образом зависело от деятельной и обширной торговли, то бургомистр старался исходатайствовать ему свободное производство торговли в Москве и других русских городах, каковое ходатайство, конечно, не могло быть тогда удовлетворено, потому что мир еще не был заключен, зато, как выше сказано, было выговорено в мирном договоре. Но тогда же немедленно Ниэншанц был сравнен в таможенном управлении с Нарвой и Ревелем относительно всех товаров, привозимых из России и по отношении к русскому и ингерманландскому зерновому хлебу, между тем как товары, привозимые из выборгской и кексгольмской областей, ради Выборга, предписано было очищать пошлиной по шведскому таможенному уставу.

Различные земли, подаренные (как сказано выше) правительством городу, остались и теперь собственностью Ниэншанца. Сверх того, к нему причислен был еще священников двор в Спасской деревне, принадлежавший тамошнему русскому священнику, но опустошенный за его поведение во время войны. Городские власти старались приобрести еще два селения и деревню Туккила, принадлежавшую потомкам Стена фон Стенгаузена; однако эти имения, состояние которых в точности было неизвестно, остались покуда во владении прежних хозяев. Все эти поземельные владения, вместе с пустошами в черте города, предоставлены были в свободное распоряжение магистрата, однако с условием, чтобы в важнейших случаях сноситься по делам с генерал-губернатором и всегда соблюдать такое отношение, чтобы между этими двумя властями всегда сохранялось доброе согласие. Чтобы поощрить кораблестроение, еще за несколько лет перед тем, правительство понизило пошлину на товары, привозимые на судах, построенных в тамошнем краю, а теперь Ниэншанц получил свободу от пошлин и на такие товары, которые привозились на судах, построенных за границей, если только можно было доказать, что арматорами (судохозяевами) были не иностранцы, а действительно граждане Ниэншанца.

В век монополий, когда вместо того, чтобы поощрять торговлю и внутреннюю промышленность, напротив, разными распоряжениями подавляли необходимое условие их процветания, свободу их производства, городские обыватели Ниэншанца страдали особенно оттого, что торговля смолой

и дегтем в чужих краях им совершенно была запрещена. Между тем город был окружен большими лесами и пустошами, находившимися без всякого употребления и в то же время подававшими надежду на обильное производство дегтя, если бы только эта ветвь промышленности была свободной. Известно, что уже с древнейших времен заграничная торговля дегтем была монополией стокгольмских жителей, хотя притом всем обитателям государства позволено было гнать деготь, сколько каждому угодно, для собственного потребления и на продажу внутри государства. Но когда эта монополия мало-помалу пришла в упадок, то учреждена была в 1648 г. так называемая дегтярная компания, утвержденная в 1654 г., в состав которой вошли не только многие шведские, но и финляндские города: Або, Гельсингфорс и Выборг. Эта компания учреждена была для того, чтобы скупать за известную, установленную цену весь деготь, выгнанный во всех местах, лежащих к северу от Стокгольма и Ниэншанца, между тем как деготь, выгнанный на юге от упомянутых городов, мог быть употребляем хозяевами по произволу. Установленная цена за ласт или 12 тонн равнялась 22,5 далерам серебряной монетой, что на наши деньги составляет 37 р. 80 к. ассиг. или 10 р. 80 к. сер. Сумма залога для всей Финляндии была определена в 30 000 рейхсдалеров, из которых на долю Выборга назначено 18 000, Або 6000 и Гельсингфорсу 6000. Таким образом наибольшая доставка дегтя рассчитана была на Выборг, который в свою очередь основывал свою торговлю на огромных лесах Карелии. Ожидали от этого больших выгод, и неудивительно, если прочие города Финляндии подавали против этого частые протесты, когда дело касалось их древних привилегий. Что Ниэншанц, именно по близости своей к лесам Карелии, хотел также сделаться членом компании, видно из представления о том бургомистра Пипера на государственном сейме в Гётеборге. Дело это не удалось, но неудача послужила к лучшему, ибо компания не любила ярмарок. Как обыкновенно бывает при монополиях, деготь так вздорожал, что даже в южных областях государства, где гонка дегтя была позволена, но не производилась, его начали гнать и деятельно продавать. Это поставило дегтярную компанию в затруднительное положение; ибо, по силе привилегии, приготовленный народом деготь должен был скупаться за установленную цену; а между тем запасы лежали без продажи. Кончилось тем, что дегтярная компания мало-помалу распалась. Торговля табаком шла

несколько лучше. Довольно долгое время ее вело особенное общество, привилегии которого были в 1660 г. правительственным отношением к коммерц-компании отменены по причине частых и многих неудовольствий, объявленных многими городами и в том числе Ниэншанцем. Спустя два года, когда правительство нашло, что свободный ввоз табака не приносил ожидаемого дохода в казну, заключен был новый контракт с мастером домашней утвари Андерс Андерсоном и горожанином Петер Бамом в Стокгольме, по которому за ежегодный взнос 120 000 далеров в продолжение первых 5 лет и 170 000 далеров в остальные пять лет предоставлено было право им одним исключительно торговать табаком по всему государству, в Эстляндии, лифляндии и Ингерманландии включительно. Впрочем, так как торговля табаком составляла важный предмет торговли в остзейских провинциях, куда он привозился партиями из России, то в 1670 г. сделана была та перемена, что табачная компания стала получать 50 000 далеров ежегодного вычета из арендной ее суммы; а Нарва и Ниэншанц получили право свободной торговли табаком, однако с ограничением не нагружать его в шведских городах. Во всяком случае лицент взимался в пользу директорам, причем они обязаны были наблюдать, чтобы не производилась какая-либо недозволенная торговля с Россией [232]. Кроме того, представлено было множество поручений меньшей важности; но как они, по своей маловажности, легче всего могли быть решены генерал-губернатором, то и указано было депутатам города передать ему дела их.

Вследствие того, по возвращении бургомистра Пипера, когда таможня узнала об умножении городских привилегий, магистрат обратился к генерал-губернатору с вышеупомянутыми просьбами, на которые и последовала 10 мая 1661 года резолюция: скажем теперь несколько слов об их содержании.

Одно обстоятельство привело магистрат в такое неприятное положение, что он нашелся вынужденным жаловаться, – именно на недостаток почтительности в подчиненных ему гражданах, – недостаток, проистекавший из того, что в городе много было охотников повелевать, упрекать и бранить магистрат в тех случаях, когда что-нибудь не исполнялось по их желанию; такие люди нередко позволяли себе даже, вопреки привилегиям, арестовать обывателей города и временных жителей. Жалобы ясно указывают на военное сословие, расположенное в крепости и поставленное в городе на таких

условиях, при которых невозможно было избежать столкновения его с гражданами и гражданской властью города. Там, где границы между преимуществами военных чинов и привилегиями магистрата не обозначены ясными чертами, а, напротив, права одного сталкиваются с правами другого, там неизбежны беспорядки и несогласия. Горожане, претерпевая нередко насилие от военных и не находя достаточной безопасности под кровом своих прав, должны были мало-помалу терять уважение к магистрату, которое принадлежало ему по законам и общественному порядку. Отсюда возник разлад, сделавшийся опасным и в другом отношении. Вместо того, чтобы с полной доверенностью примыкать к своему начальству, жители соединялись друг с другом и образовывали лиги, целью которых было противодействовать злу. Быть может, входили сюда и политические расчеты, итог которых не мог быть благоприятен патриотическому образу мыслей истинных сынов отечества. Еще до начала войны имели они тайные собрания и совещания, против которых правительство не принимало никаких мер, и эти собрания продолжали существовать безнаказанно. Что они были весьма опасного качества, доказывается донесением магистрата, представленным генерал-губернатору; может быть здесь должно искать зародыша даже важнейших происшествий. Легко понять, что генерал-губернатор Симон Грундель Гельмфельт не мог равнодушно смотреть на это дело. Он изготовил инструкцию на имя главного начальника в Ниэншанце, определив в ней строгую границу между военной и гражданской властями, и вместе с тем побуждал магистрат подвергать справедливому наказанию всех, учреждающих тайные собрания, и обещал ему в этом собственное содействие. Этой важной инструкции до сих пор никому не удалось найти [233]. В ней же запрещено было военным насильно брать у народа лошадей и употреблять их для разных собственных нужд, как было прежде в обыкновении.

В 1662 г. представлено было генерал-губернатору на разрешение множество других вопросов, как например о введении малой пошлины и акциза, также о большой пошлине, причем как видно из самого представления, уклонились от существовавших постановлений; вопрос о праве городов Ревеля и Нарвы продавать в Россию соль в ущерб Ниэншанцу, о запрещении вывозить в Россию звонкую монету, что, по мнению просителей, могло совершенно прекратить русскую торговлю и пр.; но все эти вопросы переданы были для разре-

шения его королевскому величеству. Очень вероятно, что представление об этих вопросах дошло до высших инстанций; однако неизвестно, воспоследовало ли на то решение, кроме того, что в 1664 г. сообщено было городу государственным камер-советником Лоренцом Крейцем касательно лицента на вино, которое вывозилось в Россию, и с которого в Ниэншанце несколько времени взималось более, чем в Ревеле и Нарве: именно, теперь постановлено было взимать лицент по таксе 1648 года, а за все вино, потребляемое в городе и его окрестностях, предписано было платить обычную прибавку [234]. В виде вспоможения городским доходам назначена была определенная плата за людей и вещи, переправляемые с ингерманландской стороны в город, и надобно полагать, что народное движение было довольно живо, если и частные лица, в том числе некто Тайне Симон, желали на собственных судах делить барыши от перевозов. Через Неву, в то время очень широкую, не было моста; но через Охту были перекинуты два, один прямо против крепости, другой выше, на конце городских валов. Обязанность предупреждать вмешательство этого Тайне Симона в городские права была возложена особенным предписанием генерал-губернатора на губернатора. Жаловались также на неудобства, причиняемые городу постоями. Нет никакого повода предполагать, чтобы привилегии освобождали их от этой повинности. Да и после произведенного исследования оказалось, что жалобы были несправедливы, ибо за исключением одного отряда гвардии, расположенного постоем в городе, весь остальной гарнизон находился в шанцах. Потому-то генерал-губернатор нашел справедливым обязать городских обывателей снабжать постой своим отоплением и свечами, по мере возможности каждого дома. Причина жалоб, конечно, заключалась в старом разладе, бывшем между военным сословием и горожанами, и еще не погасшем. Упомянутая выше инструкция, данная полковнику Якову фон Горену, вероятно, не произвела должного действия, ибо жаловались и на то, что комендант, сверх других неправд, приказал огородить для себя поля между Большой и Малой Охтами, принадлежавшие собственно городу. Эту жалобу удовлетворили тем, что постановили употреблять помянутую землю на пастбище сообща военным и горожанам. То же было и с рыбными ловлями [235].

Мы говорили выше, как в 1650 году Ниэншанц через своих депутатов старался приобрести в свою пользу некоторые

www.aroundspb.ru

местности, еще принадлежавшие другим владельцам. Впоследствии по этому делу составилась обширная переписка, и земли, принадлежавшие потомкам Стена фон Стенгузена, за два года перед тем, взяты были под секвестр впредь до решения дела. Наконец 12 декабря 1665 г. по этому делу объявлена была королевская резолюция, в силу которой все спорные владения, находившиеся в Спасском погосте, и Туккила подчинены были Ниэншанцу. Прежний владетель, стен ф. Стенгузен называется здесь по фамилии капитаном Бёлья; но как имя сего последнего было также Стен, то вероятно, это одно и то же лицо с прежним. Имена местностей были следующие: луг *Анлоса* $^{1}/_{10}$ обжи, *Кормойсова* $^{1}/_{3}$ обжи, деревня *Ахта* $^{2}/_{3}$ обжи, *Корская* деревня $^{1}/_{5}$ обжи, *Варкобиа* или *Салубия* $^{3}/_{5}$ обжи, пустошь *Порох* с тоней $^{1}/_{10}$ обжи, *Серетская* пустошь $^{1}/_{15}$ обжи, *Угелеретская* $^{1}/_{15}$ обжи, итого $2^{2}/_{15}$ обжи [236]. Таким образом городу принадлежало, в качестве ленных владений, по нынешнему счету, около 9 тягл (мантал) земли, и ценность ее увеличивалась особенными доходами, на которые можно было рассчитывать от принадлежавших к ней обширных лесов и тоней. Потому что условием дарений постановлялось, чтобы леса употребляемы были на кирпичные заводы: множество кирпичных заводов, которые еще и ныне находятся вдоль Невы за Невским монастырем, вероятно, ведут свое начало из тех времен. Невская лососина играла в прежние времена важную роль и теперь еще составляет выгодную часть улова, особенно под Невским монастырем. Предположено было также построить на реке мучные мельницы, а остальную часть земли отвести под разные постройки для ремесленников, доход же с них взимать в городскую кассу. Однако неизвестно, были ли построены где-нибудь мельницы или другие, водою приводимые в движение фабрики; обстоятельства времени и ограниченные виды правительства решительно не благоприятствовали подобным гражданским предприятиям [237].

Между многими беспорядками и злоупотреблениями, вкравшимися в этот удаленный от взоров правительства край и возбуждавшими беспрестанные жалобы, самую вопиющую несправедливость производили военные люди. Расположенные в пограничном месте Лаве, они начали взимать денежную плату со всех проезжавших по торговым делам в Россию и обратно, и даже имели дерзость давать формальные квитанции в получении. Видно, что эти деньги, взимаемые обманом, были важнее, чем нынешние на чай или на водку. Но этот

доморощенный источник доходов, который с течением времени мог бы сделаться весьма прибыльным, был пресечен вследствие предписания, данного генерал-губернатором коменданту Александру Андерсону [238].

На государственном сейме, открывшемся в Стокгольме 17 июля в 1666 г., явился в третий раз бургомистр Генрих Пипер, чтобы по делам Ниэншанца наблюдать за неприкосновенностью прав города. В числе возложенных на него поручений важнейшим был вопрос об определении количества пошлины. Резолюцией от 12 ноября 1664 г. в Нарве пошлина значительно была понижена, между тем Ниэншанц, до того времени равнявшийся в этом отношении Нарве, не мог пользоваться этим преимуществом. Пиперу удалось убедительными доводами объяснить, как вредно было бы не только для города, но и для казны, если бы это неравенство в пошлине еще продолжилось, и как, напротив, уменьшенная пошлина увеличила бы соперничество и соединила прибыль торговцев с выгодами казны. Основательность его доводов была принята в уважение и пошлина понижена, что, впрочем, было необходимо по случаю распрей, происшедших после Кардисского мира в России, где торговля была в таких же оковах, как и в Швеции [239]. Впрочем, все поставлено было по-прежнему, на хорошую ногу фельдмаршалом Гельмфельтом и шведским послом Адольфом Эбершельдом, ездившим в Москву, откуда вслед за тем прибыл сюда от русского царя полковник фон Стаден. Кроме разрешения этих вопросов, подтверждено было и то, что уже прежде постановил генерал-губернатор, а именно: чтобы комендант не присваивал себе для собственных нужд лугов, если они отведены для общего пользования, также не арестовал бы никого из граждан или русских купцов, проживающих там по делам торговли. Еще приказано было измерять все количество ржи до нагрузки ее для вывоза. Строго запрещено было взимать какие-либо необыкновенные контрибуции или взносы без королевского именного указа. Повелено было во всей строгости соблюдать цеховые учреждения и не допускать к мастерству негодных ремесленников (bönhasar). В видах увеличения городских доходов установлена была определенная ежегодная плата за каждое место под городским строением и за каждую купеческую лавку в городе и за городом. Первый налог вычислялся по 2 процента с цены двора по умеренной оценке. Городу позволено было также собирать в свою пользу приход с малой таможни (порториума)

в продолжение 10 лет, и на такой же срок дана ему была свобода от пошлин на известь и камень. Наконец ему пожалованы были еще королевским величеством два двора: *Лукина* и *Соквила* в $^{7}/_{30}$ обжи (то же в деревне Туккиле), пожизненно принадлежавшие вдове ниэнского пастора Генриха Фатабура, с которою предоставлено городу войти в соглашение или дождаться ее кончины. Другое имение *Вигора*, дарованное еще прежде городу, но, подобно вышеупомянутым, бывшее в пожизненном владении у рыцаря Михеля Кискойнена, став выпорочным, перешло в непосредственную собственность города [240]. Другой важный вопрос, предъявленный на том же сейме и переданный на обсуждение коммерц-коллегии, решен был правительством уже в следующем 1667 г. Именно дело шло о неравенстве в платеже пошлин между русскими и шведскими подданными, из которых первые пользовались значительными преимуществами перед последними. Торговцы обоих городов, Нарвы и Ниэншанца, ходатайствовали у правительства, чтобы при невозможности возвысить русскую пошлину понижена была по крайней мере шведская на степень русской, ибо в противном случае шведская торговля в России должна была совершенно прекратиться. К немалой выгоде означенных городов и это ходатайство было исполнено [241].

Нельзя отрицать, что правительство по средствам того времени разными способами старалось споспешествовать возрастанию города, несмотря на то, что в то время состояние финансов после обременительных и продолжительных войн не дозволяло делать больших пожертвований. Ниэншанцу, кажется, надобно бы быть довольным и не беспокоить начальство новыми жалобами на недостаточность способов существования. Но основным правилом того времени было — брать, сколько возможно, не краснея, и требовать большего. Едва магистрат успел вступить в обладание всеми упомянутыми преимуществами, как уже снова подана была генерал-губернатору горькая жалоба на незначительность городских доходов и на большие расходы, необходимые для построения церквей, училища, ратуши и других общественных зданий. Жалоба сопровождалась просьбой, в которой просили генерал-губернатора доложить о их нуждах его величеству. По этому и по многим другим делам составлена была резолюция 6 января 1670 года. Что касается до испрашиваемого пособия, то вопрос, кажется, возбудил неудовольствие начальства. Генерал-губернатор, напомнив гражданам постоянные заботы

короля о благосостоянии города и его старания споспешествовать оному щедрыми дарами, в то же время обещал им представить королю поданную ими просьбу, если только они наперед подадут отчет о том, как с того времени расходуемы были городские доходы, и велел представить вместе с тем смету издержек на здания, для построения который вспоможение считалось необходимым: вместе с тем он подает надежду, что его величество, без сомнения, не уступит случая снова оказать им, сколько возможно, свое благоволение. Упомянутый вопрос находили в связи с данным прежде от правительства повелением о привидении в порядок города, о поправке укреплений и о возведении новых, относительно чего ожидали от правительства дальнейших приказаний.

В том же акте генерал-губернатора заключаются многие другие, по понятиям и требованиям того времени, полезные для города распоряжение. Так, все сельские торги запрещаются, а плохим ремесленникам не дозволяется селиться в господских поместьях, в ущерб городским ремесленникам. Никому не позволяется перескакивать ночью через городские валы и рогатки и т. п., что считалось необходимым для сохранения должного порядка. На слишком мелочную просьбу магистрата, чтоб офицерам запретили продавать водку, а солдатам излишек поденной порции другим, кроме собственных жителей города, генерал-губернатор отвечал соответственно тому, чего заслуживало подобное домогательство [242]. Несмотря на то, что город Ниэншанц, как уже было сказано, в силу различных резолюций относительно пошлин, получил многие преимущества перед прочими городами Финляндии, случалось однако, что финляндский таможенный смотритель, получая временные по делам таможенным предписания, применял их и в Ниэншанце. Чтобы уяснить это дело и в то же время представить к докладу множество других важных для города дел, аудитор и ратман Ф. В. Ладау снова отправился в Стокгольм, где ему посчастливилось новой резолюцией от 13 сентября 1671 г. доправить городу следующие преимущества. Ниэншанц был совсем отделен от финляндской таможенной камеры и подчинен лифляндской, с правом в делах пошлинных, в торговом отношении и других преимуществах считаться равным Нарве. Все шхуны и суда, отправляемые Новою в море или в Нарву и Ревель, обязаны платить пошлину и порториум в Ниэншанце. Магистрат получил позволение продавать пустопорожние места на вечное владение не только

в черте города, но и участки окрестных болот, если бы нашлись охотники приобрести их и застроить. Иноземные купцы, приезжавшие в город, обязаны были торговать с русскими и русские с первыми, а отнюдь не между собою. Впрочем, еще многие другие, в то же время представленные вопросы были отложены впредь для решения, как, например, вопрос о жаловании немецкого пастора, об имении *Борисово Учение*, отданном в лен королем сыну капитана Бёлья, об имении подполковника Бутурлина, которым, вместе с некоторыми другими местностями, сладел тогда полковник Мараш. Кроме того, жалоба магистрата на вдову умершего Якова Рёлинга, смета суммам необходимым для города, представление о праве отправлять рожь на собственных лошадях города, о снабжении паспортами проезжающих купцов, о торговле офицеров и солдат, наконец о перемещении церквей и ратуши, все эти дела были переданы на рассмотрение генерал-губернатора, до окончательно их решения его королевским величеством [243]. Прибавим еще, что когда город Нарва, по особеной резолюции от 14 октября 1675 г., получил различные преимущества, то король предписанием от того же числа приказал городу Ниэншанцу пользоваться теми же преимуществами [244].

Выше было сказано, что Ниэншанц в 1650 г. получил четырехлетнюю свободу от платежа *печных денег*, или подати за право печь хлеб дома. Эта льгота была потом продолжена еще на 10 лет после мира 1660 г., но по истечении этого срока она, кажется, была прекращена. Ибо в 1672 г. мы находим таксу печных денег, составленную для Ниэншанца и вычисленную по состояниям и имуществу следующим образом:

	Тал. сер. м.	Эре
Пасторы и профессора платят	3	»
Лекторы, ректоры	1	16
Пасторы, кистеры и другие служители	1	16
Государственные чиновники высших степеней	1	16
Государственные чиновники низших степеней	1	»
Бургомистры	5	»
Ратманы, не занимающиеся торговлей	3	»
Купцы, торгующие оптом, и ратманы, ведущие торговлю	6	»
Зажиточные граждане	4	»
Зажиточные ремесленники	2	»
Небогатые граждане	1	16
Бедные граждане	»	24
Крайне бедные, имеющие одну печку	»	8
Не имеющие печки не платят		
Skottkarlar, работающие вне города и не подверженные поголовной подати	»	24

www.arounds pb.ru

Спустя 7 лет город получил собственное браковое право, свидетельствующее о заботливости, с какой правительство старалось предупредить разные подлоги, возможные в торговле, и в то же время представляющее любопытные сведения о качестве различных товаров того времени; важность этого акта побудила нас дать ему место между приложениями [245].

Мы уже упоминали, что жители Ниэншанца особенно заботились о том, чтобы их город был хорошо укреплен. Каждый раз, когда их депутаты отправлялись в Стокгольм, этот предмет входил в докладную бумагу; но протекло 20 лет, а по этому делу не сделано было ни одного распоряжения. В самом деле, замечательно, что дело это озабочивало, по-видимому, более правительство, чем обывателей города; но кто знает систему государственного хозяйства времен Карла IX, тот не будет тому удивляться. Правда, работы по укреплениям несколько лет производились, но так медленно, как возможно только при совершенном отсутствии средств. Новая депутация, во главе которой находились бургомистр Герман Гарц и синдик Валтасар Ладау (1679 г.), осмелилась еще раз обеспокоить короля повторным напоминанием о том же предмете, важном как для общей безопасности, так и для частного блага города. Резолюцией от 4 июня король приказал приняться за это дело решительнее, что и было исполнено. Впрочем, неизвестно, о чем, собственно, был вопрос, о самой ли крепости Ниэншанца, или о валах, окружающих город. Столь же мало известно, сделаны ли были правительством какие-либо сметы; но известно то, что не только жители города, но и весь край чувствительным образом принужден был участвовать в издержках для возведения этих стен. Именно, король повелел, чтобы все способные к работе мужчины в Ингерманландии и Карелии употреблялись на эту работу по одному месяцу в год, без всякого вознаграждения; за то горожане обязаны были доставлять им пропитание во все время работы [246]. Генерал-губернатору приказано было стараться о приведении дела в действие. По рассмотрении его в присутственных местах ему действительно удалось достигнуть желаемого. Работа, по крайней мере, двигалась вперед и стены были выстроены: но прошло 20 лет, и они снова были разрушены [247].

Мы имели случай говорить о многих мерах, принятых правительством для споспешествования русской торговле в ингерманландских городах, и читатель сам мог видеть, были ли они, и в какой степени, сообразны предположенной цели.

Но мы не коснулись еще одного обстоятельства, весьма важного в торговых расчетах и всякого рода сделках, а именно большей или меньшей прочности монеты. Вследствие многих войн, в которые вовлечена была Швеция в предшествовавшие годы, когда надлежало на чужой земле содержать многочисленные армии, правительство увидело себя вынужденным запретить вывоз медной монеты, бывшей разменной государственной монетой, и приказать, чтобы жалованье и торговля производились серебряными рейхсталерами и червонцами. Ближайшим следствием такой меры было то, что в короткое время серебряная монета, червонцы и мелкие разменные деньги возвысились до неслыханной ценности, повлекшей за собой замешательства во всех родах деятельности. В благородном негодовании на оказанное при этом случае нехристианское своекорыстие капиталистов король 19 марта 1681 г. повелел чеканить из казенной и частной меди плитки (plåtar) в 24 талера, в 6 талеров и в 6 марок, а также и меньшую монету, с тем, чтоб плитки в 24 талера употреблялись в торговле с иностранцами, а меньшая оставлялась в границах государства, под опасением в противном случае конфискации; в то же время установлена была определенная ценность червонцев и серебряных денег в отношении к медной монете и изменять эту ценность запрещено было под опасением строгой ответственности. Но вследствие того в обращении капиталов вскоре обнаружился общий застой. В особенности же вредное влияние имело это распоряжение на торговлю Ниэншанца и городов лифляндских. Россия и Лифляндия были тогда хлебным рынком Швеции. Отсюда ежегодно привозились тысячи тонн ржи, которая по большей части скупалась нагорными жителями Швеции, платившими мелкой ходячей государственной монетой. По упомянутым выше запрещением вывоз сей последней должен был прекратиться. Выменивать ее на червонцы и серебряные деньги было невозможно, ибо их не было. Векселя были не в употреблении, а 24-талерные плитки слишком огромны и неуклюжи. Да и этой медной монеты не много было в обращении, а чтоб вывезти ее, должно было приносить ее в банк, где за вывоз взималась в казну известная пошлина. Непосредственным следствием было то, что торговля хлебом в короткое время прекратилась: торговцы, принужденные оставлять свои деньги в Стокгольме и долгое время выжидать их размена, избегая бесплодного застоя своих оборотных капиталов, естественно, должны были

искать других путей своей торговле. Государству угрожал голод; король, узнав об опасности, резолюцией от 19 июня того же года позволил жителям Ингерманландии и кексгольмской области свободно и беспрепятственно вывозить деньги, вырученные за хлеб, каковы бы они ни были. Но это значило из Сциллы попасть в Харибду. Ничто так скоро не может сделаться товаром, как монета. Потому-то едва ли не справедливо, что это позволение было также крайностью, которая повлекла за собой переход в Россию медной монеты. Распоряжением от 14 апреля 1685 года этот вывоз был строжайше запрещен [248].

Было еще много обстоятельств, которые, как следствие гильдейского духа, отличавшего большую часть мер правительства, препятствовали успехам, ожидаемым от заложения Ниэншанца. Пока нельзя было допустить единственного действительного средства – свободы промышленности и независимости от таможен, лицент-камер и других уз, связывавших торговлю, все остальные меры должны были оставаться мнимыми пособиями, увеличивавшими лишь наличные суммы казначейства на счет общей нищеты. Когда генерал-губернатор граф Иёран Сперлинг, которого ревность о благе края доказывается многими сюда относящимися мерами, несколько времени перед своей смертью посетил Стокгольм, правительство позаботилось отобрать от него самые точные сведения о городе Ниэншанце и о том, что можно было сделать для его благосостояния. Надобно полагать, что он не преминул сообщить все объяснения, которых требовало самое дело, со свойственной его характеру отчетливостью. Но смерть похитила его прежде, нежели успели предпринять что-либо определенное по этому делу. При всем том слова верного слуги престола не остались бесплодными. Ссылаясь на данные им объяснения, камер- и коммерц-коллегии в Стокгольме вошли со своими мнениями о Ниэншанце к королю, который 16 октября 1691 г. не только определил и подтвердил, чтобы город пользовался прежде полученными привилегиями и правами, но и сделал многие другие распоряжения, имевшие целью благосостояние города. Между сими последними заслуживает упоминания распоряжение о свободе от платежа акциза за употребление домашних мельниц или ручных жерновов, о которых несколько времени перед тем (1690 г.) вышел указ, возбудивший своей строгостью общий ропот. По этому указу никто не имел права молоть своего хлеба на ручной мельнице,

если она не была наперед представлена в акцизную камеру, где выплачивалась пошлина; в противном случае взыскивалось 100 талеров серебром пени, которыя в случае несостоятельности лица уплачивались работой в рабочем доме, а иной раз обращались в наказание сквозь строй или розгами. Еще благотворнее было позволение производить внутреннюю торговлю лесом. Прежде лес исключительно вывозился из России, и вывоз его из Ниэншанца был весьма незначителен; это видно из того, что пошлина на этот товар в предшествовавшем году (1690) дошла до 6000 талеров сер. или 8640 рублей ассигнациями. Между тем области ореховская и кексгольмская изобиловали обширными лесами, стоявшими в девственной неприкосновенности, без всякого употребления и пользы для казны. Даже дегтю не позволялось гнать больше того количества, какое необходимо было для потребностей Дегтярной Компании, хотя это явно было в ущерб доходам края. Думали от этого выиграть, а между тем теряли вдвое. Из документа, in extenso помещенного в приложениях, можно усмотреть, какие виды имело правительство относительно разных, сюда относящихся предметов [249].

Если теперь на основании сказанного сообразим меры, которыми шведское правительство старалось привлечь русскую торговлю в руки шведов, и если посмотрим на основанные с этой целью города, то легко заметим, что правительство следовало двум главным и сходным между собой началам, которые, однако, несмотря на все старания соединить их, слишком явно противоречили друг другу и тем причиняли в делах разлад, имевший своим конечным следствием совершенное распадение воздвигавшего целого. Одно из этих начал гласило: *Чем больше доходов получает казна, тем сильнее становится край; другое было подобно первому: Чем меньше пошлины для русских, тем больше торговой деятельности в крае.*

Едва ли надобно доказывать, что первое начало в основании было ложно: война, возгоревшаяся в следующие годы, явилась неопровержимой свидетельницей того, как мало значит богатое казнохранилище, если беден и истощен самый край; а что и второе начало было ложно, видно из того простого правила, что незначительная пошлина не может сравниться с выгодой, доставляемой свободным движением торговли, особенно в том случае, когда понижение пошлины простирается на одних иностранцев. – Но положим, что оба эти начала сами по себе были верны: следовать им строго было невоз-

можно, как нельзя служить двум господам без упущения интересов того или другого, или без предпочтения одного другому. Так и было здесь на самом деле. Правда, для привлечения русской торговли к Балтийскому морю сначала, по-видимому, отказывались от настоящих выгод в надежде на будущие; но истинный смысл этих мер нельзя было скрывать долго; напротив, чем более приближалось время к концу столетия, тем яснее высказывается в каждом распоряжении правительства касательно русской торговли нередко мелочное старание умножить доход казны на счет предоставленных русским преимуществ. С другой стороны очевидно, что русские при своем расположении к торговле и под защитой пониженной пошлины должны были причинить значительный ущерб прочим торговцам того края, которые, платя гораздо большую пошлину и обремененные всеми повинностями своего состояния, не могла рассчитывать на прибыль и принуждены были наконец разориться. Сверх того известно, как легок переход от позволительного к запрещенному, когда дело идет о прибыли. Контрабанда, торговля по дворам и многое другое, чем нарушались законы, взяло верх и оставалось без преследования, нередко с согласия самого правительства, которое смотрело на то сквозь пальцы, для того, чтобы, как говорили, не выгнать русских вон из края. При этом забывали, что нарушение закона, вошедшее мало-помалу, становится в глазах народа законом и что неудовольствие бывает неизбежным следствием восстановления нарушенного. Такое неудовольствие действительно возникло здесь как между туземцами, так и у русских, и это двусмысленное положение, все более и более обнаруживавшееся к концу XVI столетия, имело гораздо более влияния на дела, чем кто-либо до сих пор догадывался. Здесь именно лежало семя разрыва, происшедшего потом между Россией и Швецией, и откуда развилось могущество, мало-помалу возвысившее Россию на ту высоту значения и славы, на которой она в настоящее время красуется между европейскими державами. Заканчиваем описание коммерческих отношений Ниэншанца изображением главнейших пружин неудовольствия, возникшего частью между русскими, частью между финляндскими купцами и имевшего следствием, после вмешательства в эти споры правительств, изменение политической системы соседнего государства – разрушение Ниэншанца и возникновение нового царского города.

В числе первых жалоб, представленных русскими купцами, на которые последовала королевская резолюций в грамоте, данной камер-комиссии от 8 октября 1688 г., мы можем считать ту, которая касается вывоза в Россию шведских медных труб. Дело было вот в чем. В продолжение довольно долгого времени было в обыкновении у русских купцов скупать у финляндских медников медные трубы, которые были обложены пошлиной как мануфактурные изделия; а в 1671 г. они даже выхлопотали себе предписание, в силу которого им позволено было вывозить в качестве мануфактурных изделий медные водосточные трубы. Но как пошлина с необделанной меди была гораздо выше, то и выдумали подлог: брали сплющенную медь, свертывали ее в форму труб и в этом виде очищали пошлиной, как мануфактурное изделие. Подлог, по всей вероятности, производился слишком грубо, так что дело дошло до сведения короля, который повелел, чтобы русские очищали пошлиной упомянутые трубы как необделанную медь. Последние выразили на то свое неудовольствие, ссылаясь на статью договора и на старые узаконения; но король остался при своем решении, и на основании того, что в договорных условиях ни одна из сторон не лишена права в собственных владениях повышать или понижать пошлину по произволу, предписал, чтобы эти мнимые водосточные трубы очищались пошлиной, как плиточная медь, причем вменил в обязанность коллегии вызвать русских вместе с теми таможенными служителями, на которых первые жаловались, и представить трубы, чтобы через сравнение их с настоящими водосточными трубами обличить неправду [250].

Другое обстоятельство, возбудившее неудовольствие, касалось торговли дегтем. В силу установленного прежде между обоими правительствами соглашения, все изготовленное в России количество дегтя, в случае привоза его в Ниэншанц или другие лифляндские города, облагалось лишь незначительным лицентом, между тем как с финляндского дегтя взималась весьма высокая пошлина. Чтобы воспользоваться этой низкой русской дегтярной пошлиной, русские, равно и торговцы Ниэншанца, нашли весьма выгодным гнать деготь в Карелии и потом на судах отправлять его через Ладогу по Неве в Ниэншанц и очищать пошлиной как русский деготь. Узнав об этом, король предписал весь выгнанный в Финляндии деготь, откуда бы он ни отправлялся, как скоро он привозился в Ниэншанц, облагать финской пошлиной и русскому

дегтю предоставить только право пользоваться облегченным лицентом. Это не воспрепятствовало однако королю, спустя два года по предложении камер-коллегии, объявить и русский деготь, привозимый из Нарвы и Ниэншанца, лишенным прежде данного облегчения в пошлине, по той причине, что в договорах, при тщательнейшем исследовании, не оказалось никакого основания оказывать русскому дегтю какое-либо покровительство предпочтительно перед финским, и что сверх того эту возвышенную пошлину приходилось платить не русским, а торговцам Ниэншанца [251]. И юный монарх России, Петр Великий частным образом должен был испытать неудобства шведского таможенного управления. В 1688 и 1689 гг. привезена была из чужих краев в таможенную камеру Ниэншанца партия лекарств, назначенная на личные потребности царей, Петра и Иоанна Алексеевичей, но была там задержана. По этому поводу новгородский воевода с нарочным отправил к генерал-губернатору Спарлингу грамоту, в которой требовал, чтобы лекарства, выписанные для потребностей самих царей, пропущены были беспошлинно, и ссылался на 18 статью Кардисского мирного договора и на другие акты. Хотя генерал-губернатор не находил никакого затруднения к беспошлинному пропуску этих лекарств, однако счел своей обязанностью доложить об этом королю и испросить его решения. Хотя в грамоте от 31 декабря 1689 г. король одобрял его образ действия, однако в то же время приказал ему дать знать воеводе, что это сделано по особенной дружбе к царям и чтобы они со своей стороны не объясняли этого каким-либо мнимым правом и не ставили бы в пример в других случаях, о которых договоры положительно не упоминают. Этим объяснением русское правительство, конечно, не могло остаться вполне довольным [252].

Наконец можно сюда отнести и жалобы, принесенные русскими послами в 1683 г. на то, что им запретили вывезти обратно столько денег серебром и медью, сколько они выторговали на товары, привезенные ими в Стокгольм. Этим жалобам однако удовлетворили к полному удовольствию всех к тому соприкосновенных лиц тем, что позволили не только самим послам, но и всем подданным русского царя, торгующим в Швеции, вывозить все деньги, которые они приобретали на свои товары. Эта привилегия была подтверждена позднее, именно тогда, как для всех прочих иностранцев вывоз медных плиток (монет) был в 1685 и в 1688 гг. строго запрещен. Но

когда впоследствии в монетной системе произошла перемена и введена была серебряная ходячая монета вместо медных плиток, эта льгота была отнята у русских, и большие медные плитки стали считаться запрещенным товаром, который русские отнюдь не имели права вымешивать, чтобы барышничать, как говорится в королевском указе, данном камер-коллегии 7 июля 1689 г. [253]

Решительный и почти повелительный тон, который слышится в ответах шведского правительства на все вышеупомянутые жалобы, дает нам средство судить, какими глазами в высших инстанциях смотрели на русские отношения: он может быть был приготовлен расположением умов, особенно ясно выражавшимся в низших сословиях. Промышленники завистливыми глазами смотрели на преимущества, которыми пользовались русские торговцы в ущерб собственному краю, и как нельзя было отнять у них того, что им предоставлено было высшей властью, то по крайней мере старались предупредить распространение привилегий за пределы закона. Городские обыватели не только Стокгольма, но и Нюэншанца, Нарвы и Ревеля принесли правительству формальные жалобы на то, что русские вместе с другими гражданами в продолжение нескольких лет производят различную торговлю, не участвуя нисколько в соединенных с ней повинностях и налогах. Подобные жалобы приносимы были из всех финских восточно- и западно-ботнических городов как во время государственных сеймов, так и в обыкновенное время. Жаловались на то, что русские привозят не только произведения собственной страны, но и иностранные, например, сукно, шелковые материи, всякого рода мелочные и москательные товары и проч., продавая их по мелочи: по локтям, по лотам, и не только в городах, в открытых лавках, но и по всему краю, где они скупают потом всякого рода кожаные товары, медь, сало и тому подобное; кроме того, жаловались на то, что они торгуют с другими иностранцами, прямо вопреки городским привилегиям, привозят с собой разных ремесленников, как, например: скорняков, жестянщиков, медников, шпажных мастеров, которые скупают в краю материалы, обрабатывают их в мануфактурные изделия и продают снова как товары, привезенные из России. Столь разнообразные жалобы по делу, касавшемуся интересов всего государства, побудили короля приказать канцелярий-камере и камер-коллегии составить для исследования этого обстоятельства комиссию. Члены этой комиссии

представили мнение, которое и было утверждено королем 23 марта 1692 г. При обсуждении этих дел руководством служило сочинение, написанное и представленное нарвским бургомистром Христофером фон Кохеном под заглавием: *Дедукция того, как русская торговля со шведскими, в соседстве лежащими городами с большею пользою и выгодою может производиться* (Deduction, huru Ryska handeln med de Svenska, där i nejden belägna städer med mycken nytta och fördel kunde idkas.) Под этим сочинением подписался умерший позднее генерал-губернатор граф Йёран Сперлинг. Не без основания можно было ожидать от этих двух мужей наилучших о том крае сведений. Ибо Сперлинг, в качестве высшего правителя края в продолжение многих лет производил тщательные исследования о состоянии страны, а фон Кохен уже на 18 году жизни состоял в 1655 г. канцеляристом при шведском королевском комиссаре Иоганне Роде, в Москве, где он содержался в плену во время войны до самого 1660 года. В 1678 году он был назначен комерц-фактором в Москву, а впоследствии комиссаром; он же заведовал переговорами в 1680 г. при Плюссе и наконец в качестве посланника отправился в Россию в 1684 году; заведывая всеми этими почетными поручениями, он имел случай вблизи исследовать все обстоятельства и вникнуть в них. В числе препятствий, замедлявших успехи торговли с Россией, устранение которых автор и вслед за ним комиссия считали первым делом, приводится то, что пошлина, взимаемая в России со шведов, гораздо значительнее платимой собственными подданными царя; именно первые должны платить до 30 процентов с товаров, и сверх того, запрещен был вывоз поташа, несмотря на то, что он свободно вывозился из Архангельска. Кроме того, показано было, что пошлина с различных товаров, привозимых через шведские города, были выше пошлины с тех же самых товаров в Архангельске, куда преимущественно приезжали англичане и голландцы, которые, сколько можно заключить из толкования комиссии, употребляли все возможные средства, чтоб отвлечь торговлю с Балтийского моря в свою пользу [254]. Таким образом, нет ничего удивительного, если Петр Великий светлым умом скоро понял мысль о возможности независимого положения России, когда не только жалобы собственных подданных, но и завистливые интриги соседей вполне раскрывали ему глаза и показывали, что он должен был и что мог сделать.

Кроме всех вышеупомянутых обстоятельств, поколебавших дружественные отношения между обоими государствами, другая, может статься, сильнейшая причина содействовала к ускорению разрыва между Россией и Швецией, именно неприязненное расположение умов против шведского правительства и его распоряжений, громко выражаемое всеми сословиями Лифляндии и Ингерманландии. Все знают, с какой строгостью производилась редукция, и всем известно, что она никоим образом не могла пробуждать к правительству любви народной. Да и в другом отношении многим подданным казалось, что Швеция поступает с ними не как мать, а как мачеха. Так, на государственные сеймы, которые были весьма часты и на которых решались важнейшие дела государства, Ингерманландия и Лифляндия не имели права посылать своих уполномоченных, не взирая на то, что они наравне с прочими подданными государства должны были участвовать во всех податях. Шведское правительство не расчитывало, как опасно, не соображая времени и местных отношений, производить изменения в целом народе по делам, весьма близко касающимся обыденной жизни человека и освященным уже законами. Шведы смотрели на других своих подданных почти как на чужих в их родной земле, и гражданский быт этих народов хотели преобразовать по своей прихоти. Не удивительно, если в сердцах низшего класса этого народа недоставало той небесной любви, которая должна соединять начальство с подчиненными. В какой же мере должно увеличиться опасение народа, когда делается покушение на святейшее достояние его, на религию? Ниже, когда дело дойдет до церковных отношений края, мы увидим, как мало обращали внимания на политику и истинный дух христианства, в сравнении с выгодами, какие думали приобрести в то время через введение в завоеванном крае лютеранизма, хотя надобно сознаться, что промахи в этом отношении должно приписывать не столько правительству, сколько лицам, которым вверено было церковное управление.

www.aroundspb.ru

Глава 13

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КРАЕМ; ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ; НАМЕСТНИКИ И ЛАНДСГЕВДИНГИ; ПОСТАНОВЛЕНИЯ КАСАТЕЛЬНО ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ; КОМЕНДАНТЫ КРЕПОСТИ; НЕКОТОРЫЕ БУРГОМИСТРЫ, САНОВНИКИ И ДРУГИЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЛИЦА, ЖИВШИЕ В ГОРОДЕ И В ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ

После этого краткого и во многих отношениях несовершенного изображения коммерческого быта города Ниэншанца остается объяснить характер гражданской власти, которой вверено было управление не только городом, но и всей провинцией, и представить меры, принятые в делах церковных с целью распространить между грубыми и еще на низкой степени образования стоявшими туземцами более основательные религиозные познания. Несмотря на то, что время, о котором теперь идет речь, отдалено от нас не более как на 200 лет, и что с первого взгляда можно было бы ожидать самых определенных показаний о любом деле, сверх ожидания бытописатель встречает здесь темноту и сбивчивость, которая отнимает у него всякую охоту исследовать и приводить в исторический порядок факты. Потеря памятников и актов объясняется опустошениями во время продолжительной войны, когда жители Ниэншанца рассеялись, и все акты, относившиеся к управлению края, частью сгорели, частью попали в руки таких лиц, которые не находили никакого интереса в их сохранении для потомства. При всем том автор считает своим долгом сообщить по крайней мере те сведения, какие он мог собрать из разрозненных и отрывочных показаний, предполагая, что и эта малость, которая впоследствии, может быть, пополнится более искусной рукой, будет принята и прочтена с удовольствием.

Еще до заключения Стокгольмского мира и прежде нежели этот край мог считаться завоеванным, шведское правительство назначило наместника над теми провинциями, где было главное расположение армии. Должность эта возложена была

на Ганса Стольгандске, который два раза, именно в 1612 и 1616 г., был избран в наместники Кексгольма и области того же имени. После мира 1617 г. получил эту должность Генрих Споре и в том же году, за несколько времени до заключения мира, назначен был Карл Гюллениельм наместником Нарвы, Ивангорода, Яма, Копорья и Гдова. Преемником Гюллениельма был Богислав Розен, а в 1622 г. Генрих Флеминг, за ним Андерс Гестгувуд (Hästhufvud). В 1626 принял наместничество Нильс Ассерсон Маннершёльд. По всей вероятности, при увольнении от должности Генриха Споре в 1617 г. произошло соединение кексгольмской области с Нарвой в одно ведомство. Известно, что Маннершёльд в 1642 г. по высочайшему повелению должен был сдать Кексгольмскую область, которая вверена была тогдашнему Нюландскому ландсгевдингу Рейнгольту Медтстахе. Высшим начальником по краю был генерал-губернатор, который в то же время был шефом расположенных в провинции военных сил. Под ним состояли наместники или так называемые *ландсгевдинги*, которым подчинены были по делам казенных сборов и полицейского управления края *кронофогды* (казенные приставы, исправники), а в городах *бургомистры* с другими, к магистрату принадлежавшими должностными лицами. Легко понять, каково было управление краем в первые годы по завоевании. Правительство, не имея контроля касательно сборов и не находя возможности в короткое время завести его, избрало легкий, но для жителей края весьма стеснительный способ: оно предоставляло область или произвольному управлению, или позволяло частному человеку в виде аренды, за определенную сумму, взимать доходы, имевшие поступать в казну. В возмездие за денежные пособия, оказанные казне Яковом Делагарди во время продолжительной войны, ему отданы были на 6 лет под залог (1618 г.) Ореховская и Кексгольмская области, со всеми казенными правами и доходами. Таким образом, он мог беспошлинно вести внутреннюю и внешнюю торговлю, пользоваться обеими областями, как своей собственностью, и управлять ими через собственных приставов. Наместник имел только смотрение за тем, чтобы подданные беспрепятственно пользовались шведскими законами и правами. За то Делагарди обязан был отвечать за целость обеих крепостей, давать жалованье наместнику и содержать 204 человека гарнизона. Но как ни умеренны были эти условия, их далеко не исполняли. Так, гарнизонный священник в Кексгольме вынужден был принес-

ти жалобу королю на то, что Делагарди отказывался платить назначенное годовое жалованье. Подобно Ореховской и Кексгольмской областям, отданы были в аренду Ям, Копорье и Ивангородская область наместнику ее Богиславу Розену. Этот государственный арендатор был прежде купцом в Ревеле и ссужал казну деньгами, вследствие чего его возвели в дворянское достоинство, наградили имениями и наконец сделали ландсгевдингом. Но его тирания над бедными людьми доходила до того, что сии последние принуждены были через депутатов искать у короля защиты против собственного ландсгевдинга. Вследствие того он был, кажется, уволен, и король назначил в 1620 г. в преемники Розена наместником Выборгской, Нюслотской и Кюменегородской областей Генриха Флемминга с поручением исследовать жалобы крестьян. Чем кончилось это следствие, неизвестно; каждый вправе думать, что угодно, и кроме того заметим, что Флемминг поделился с Розеном половиною аренды, которая, по его собственному свидетельству, принесла в год чистой прибыли 10 000 талеров или около 15 000 рублей. Когда король, узнав об этом распоряжении, выразил свое неудовольствие, Флемминг тотчас же отказался от аренды и устроил так, что вышеупомянутый Яков Делагарди сделан был казенным арендатором и этих земель и поделился с ним барышами [255]. Несмотря на то, что Флемминг был в постоянной милости у короля и получил за свою верную службу в дар несколько казенных селений с освобождением их от всех сборов на вечные времена.

Следующее за тем время представляет такую же печальную картину корыстолюбия частных людей. От всех сборов края казна получала самую меньшую часть; остальное делили между собою должностные лица. Несмотря на то, что все пути к жалобам были заграждаемы, подобные проделки не могли скрыться от взоров правительства, которое желало, но не могло устранить зла. Назначены были должностные лица под именем камер-фискалов для охранения казенного права и для предания суду как высших, так и низших чиновников, обличенных в неверности или в незаконных поступках во время своей службы. Но эта должность была очень опасна и сопряжена с большими трудностями. Из рассказа о состоянии Кексгольмской области, представленного одним из таких чиновников, Самуилом Креелем в 1649 г. в надворный королевский суд в Або, видно, что на уездных сеймах, до окончания

заседаний, не только судья, но и присяжные обыкновенно брали деньги как с истцов, так и с ответчиков. Когда тяжущиеся являлись перед трибунал судей, они прежде всего чертили на воздухе пальцем, сколько рихсдалеров они намерены дать; затем решалось дело. Эти отсчитанные на воздухе деньги по окончании сейма взимались очень аккуратно. Каждый староста обязан был платить подать ландсгевдингу. Зато они в свою очередь, соответствуя немдеманам, присяжным нашего времени, имели после каждого сейма пушок на рыльце, и за этот пушок выплачивали ландсгевдингу после каждого сейма от 80 до 90 рихсдалеров. Каждый бобыль должен был давать ландсгевдингу 1 рихсдалер; а по показаниям видно, что в области было 8000 бобылей. Государственные преступления совершались без зазрения совести, и того, кто смел жаловаться, секли или заключали в оковы, что побуждало многих, из страха и по негодованию, переселяться в Россию. Нюслотский ландсгевдинг имел гораздо больше доходов, нежели казна от всех казенных сборов области. Каждый подчиненный ему кронофогд обязан был ежегодно приносить ему серебряный кубок в 100 лотов весом и сверх того ландскамериру 150 талеров. Утверждали, что и сам губернатор участвовал в этих взятках: по крайней мере был в кексгольмской области обычай взимать особенную подать под именем Pesce или Rosiribla penningar, которая делилась между губернатором, ландсгевдингом и сборщиком [256]. Судя по названию, можно предполагать, что этот побор был остатком русского владычества. Говоря о злоупотреблениях, господствовавших в этом краю, мы отнюдь не хотим унижать благих намерений правительства о пресечении зла. Король Густав Адольф в 1626 г. был сам в Лифляндии и объехал весь край в сопровождении генерала Флемминга. Занятый военными предприятиями, он никогда однако не упускал из виду беспорядков, которые надлежало устранить. Когда Андерс Эйксон, возведенный впоследствии в дворянское достоинство под именем Гестсгувуда, был в 1622 г. после Генриха Флемминга назначен наместником в Нарву и ландсгевдингом Ингерманландии, он получил тогда краткую инструкцию касательно главнейших мер, какие надлежало принять по управлению краем. Первейшей и важнейшей была та, в силу которой этот край имел быть разделен на определенные погосты (socknar); а церковная десятина, о которой прежде не имели никакого понятия, имела быть взимаема как с податных, так и льготных земель. Но несмотря на эти инст-

рукции, король нашел порядок вещей, кажется, не в том виде, в каком желал найти. Гестгувуд был уволен и получил губернаторскую должность в одной части Польской Пруссии (1626 г.), а на его место определен Нильс Ассерсон Маннершёльд наместником в Нарве, Ивангороде, Яме, Копорье и области того же имени. В помощники ему король назначил комиссара Эрика Андерсона Трана и дал обоим инструкцию и особую промеморию, которые обе подписаны 6 марта 1626 г. [257] В них заключаются краткие указания, на что главным образом должны обращать внимание правители. Охранение замков и крепостей вверялось наместнику в виде особенной обязанности, равно как и сохранение благочиния в городах и деревнях. Так как количество казенных доходов главным образом зависело от хорошего содержания казенных земель, отданных в аренду, то ландсгевдинг обязан был ревизовать их, смотреть за их возделыванием, за своевременной жатвой и тому подобным, в чем кронофогды должны были ему содействовать. Для увеличения доходов все мельницы подчинены казне, а за мельницы, принадлежавшие имениям, предписывалось выдавать участки земель. Повелено было завести земскую книгу и внести в нее все местности с обозначением их природы, пространства полей и лесов; бродяг, схваченных в городах, приказано было принуждать обрабатывать землю; предписано иметь попечение об устройстве почт и дорог, об учреждении станций и тому подобном, что казалось нужным для умножения выгод казны и для благосостояния края. Больше всего король заботился о том, чтобы начальство со всеми поступало по справедливости, по шведскому закону, не различая ни лиц, ни состояния. Поэтому он между прочим говорит, что до его сведения дошло, «что многие судебные дела скрываются, что многие тяжкие преступления, касающиеся жизни и чести граждан, утаиваются и подкупами, дарами или грубым насилием оставляются без всякого разбирательства в судах и без окончательного решения, и виновные не получают должного возмездия за совершенные злодейства». Вследствие того на ландсгевдинга возложена обязанность иметь надзор за тем, чтобы дела, будут ли они касаться дворян, королевских фогдов или других лиц, все без исключения решались по правам и законам. Желая положить преграду всякой частной неправде, король в то же время старался предупредить беспорядки, происходившие от того, что правительственные лица промышляли покупкою участков земли, закладыванием их,

владением, арендным содержанием и другими сделками. Король запретил навсегда подобные сделки, с тем поощрительным обещанием, что за труды, понесенные наместниками для благоустройства края и городов, его королевское величество в свое время воздаст вознаграждением и королевскими милостями, *которые, без сомнения, принесут более благословления, чем все, накопленное посредством взяток*. Как опасался между прочим король, чтобы своекорыстие и теперь не уничтожило, как прежде, его благих и благородных стремлений, видно из мысли, находящейся в конце инструкции, данной ландсгевдингу, где сказано: «Его Королевское Величество особенно желает, чтобы наместник Никольс Андерсон ни тайно ни явно не вмешивался в сделки арендаторов и не искал никаких выгод от аренды» [258].

Из этого видно, как обширен был круг должностных обязанностей ландсгевдинга. Он должен был иметь блидательный надзор не только за крепостями, но и за исполнением законов, доходами казны, возделыванием земель и т. п. После генерал-губернатора он был высшей военной и гражданской особой. Но в стране, где употреблялось более времени на приведение в порядок дел, находившихся в ужасном хаосе, чем на управление установленным ходом вещей, такая многосложная должность была неисполнима. Скоро поняли необходимость отделения военного ведомства от гражданского, из которых каждое требовало своего начальника. В форме управления, начертанной в 1634 году во время малолетства королевы Христины, положено было назначить комендантов для всех крепостей и обязать их исключительно одной обороной укреплений, а ландсгевдинги ограничены были одними гражданскими административными делами края. Впрочем, это постановление не было приведено в исполнение по отношению к Ингерманландии, как видно из инструкции, данной в 1645 году ландсгевдингу Гансу Драке, в которой ему предоставлено еще более власти, чем его предместникам. По этой инструкции ландсгевдинг должен был помнить, что он занимает место короля, управляя в отсутствие сего последнего королевским владением, и что он именно потому именуется королевским наместником; далее, он есть глава края и после королевских и казенных выгод, обязан заботиться о благе края и подданных. В качестве такого лица он должен быть главою духовного, военного и гражданского ведомств. Что касается до первого ведомства, то на ландсгевдинге лежала обязанность смотреть,

чтобы евангелическое учение сохранялось во всей силе и чтобы соблюдался порядок как со стороны пастырей, так и со стороны паств. Впрочем, он не должен был вмешиваться в духовные административные дела, которые предоставлены были суперинтенданту. В том только случае, когда бы ему удалось без особенной гласности склонить русских, живших в том крае, особенно их священников, к переходу к господствующей церкви, ему надлежало оказывать свое содействие, всегда, впрочем, давая знать о том генерал-губернатору.

В военном отношении его должность требовала надзора за крепостями и их гарнизонами, за исправностью стражи, за хорошим продовольствием солдат, за точным производством ежемесячных смотров солдатам и за доставкой хорошей амуниции. Он должен был также заботиться о том, чтобы в деревнях военная повинность строго исполнялась. Но еще обширнее был круг его обязанностей по гражданскому ведомству. Все присутственные места, лагманы, герадсгевдинги и магистраты по городам состояли под его надзором. Сам он должен был судить и давать решения как изустно, так и письменно, не только в ландсканцелярии, но и во время обзоров края, которые он по временам и даже часто обязан был производить. Он должен был печься о целости казенных имуществ и доходов и надзирать в то же время, чтобы каждый мог всецело владеть и пользоваться тем, что ему принадлежит по закону. Он должен строго наблюдать и замечать все неудовольствия, какие могли бы произойти между туземцами и русскими, разыскивать их причины с тем, чтобы предупредить всякое зло, и доносить о подобных делах правительству. Для облегчения сношений он должен устраивать в крае хорошие дороги и постоялые дворы, которых до того времени совсем не было. Наконец, он обязан сделать распоряжения, необходимые для содержания почтового ведомства. Девять лет перед тем на всю Швецию распространено было это общеполезное учреждение, по которому 20 февраля 1636 г. состоялся устав. Он был очень прост. На каждых двух, много трех милях поселялся почтовый крестьянин с двумя работниками, с обязанностью быть готовым, при прибытии почти, к отправлению ее до следующего почтового крестьянина. На проезд одной мили он мог употребить 2 часа; за промедление он отвечал осьмидневным заключением на хлеб и на воду. О состоянии тогдашних дорог говорится в этом же уставе, в 3 параграфе, следующее: Почтовые крестьяне обязаны заботиться о том, чтобы на их

дистанциях дороги содержались в исправности, для беспрепятственного проезда почтовых крестьян днем и ночью; в местах топких или неровных надлежит класть доски и ставить вехи и устраивать проезд через встречающиеся изгороди. В Ингерманландии почта содержалась прежде для сношений между ландсгевдингом и шведским правительством в Стокгольме, для доставки как писем, так и казенных денег, как скоро они поступали в казну. Для этого употреблялись сначала казенные крестьяне, но как их было очень мало и отправление почты сделалось бы для них слишком обременительным, то Густав Адольф повелел, чтобы и дворянские крестьяне, по установленному на сей конец порядку, принимали участие в этом деле.

Столь обширная, ответственная и обременительная должность не могла возбуждать зависти соискателей: это можно заключить из 35 параграфа вышеупомянутой инструкции, где говорится: «По истечении 3 лет службы ландсгевдинг, смотря по обстоятельствам, может быть уволен к первому числу июня, к сроку, когда он лично должен явиться в Стокгольм и отдать отчет в своем управлении; если окажется, что он хорошо исполнял свою обязанность, то он приобретет честь и славу и может надеяться на королевское вознаграждение; тогда он получит квитанцию за все три года и таким образом навсегда освободится от ответственности за свое управление. Если же по какому-либо делу будет на него обвинение или жалоба, то дело это подвергнется исследованию и решению по законам».

В 1642 г., когда ландсгевдинг Нильс Маппершёльд, как мы сказали выше, должен был сдать Кексгольмскую область Медтстаке, в ней образовалось, кажется, своего рода управление. Кексгольм стал особой областью, а Ингерманландия образовала другую область, однако обе подчинены были ведомству одного генерал-губернатора. Впрочем, в сочинениях нередко встречаем большие недоумения, происходящие оттого, что последняя область носит в актах разные названия, и оттого, что ландсгевдинги иногда называются губернаторами, иногда наместниками, иногда ландсгевдингами. Быть ландсгевдингом в Ингерманландии, в Копорье, Яме или Ивангородской области значило одно и то же. Нарвской области по названию в актах часто не оказывается, хотя ландсгевдинг по инструкции должен был жить в Нарве. Там же, в старом замке, жил генерал-губернатор. Может статься, что он жил

некоторое время и в Ниэншанце, как видно из того, что многие данные им резолюции написаны в Ниэншанце, что, впрочем, могло случиться и во время проезда [259].

Порядок, в котором высшие должностные государственные лица следовали в службе друг за другом, сколько автору удалось восстановить его по актам, был следующий.

Генерал-губернаторы Лифляндии, Ингерманландии и Карелии.

1) **Иог. Бенгтсон Шютте** (Skytte) был первый, получивший этот титул. Круус, Делагарди, Банер, приводимые Розенгане, были лишь губернаторами или ландсгевдингами. После альманского перемирия в 1629 году впервые учреждена была должность генерал-губернатора и Шютте был первый назначен в эту должность. Отец его Бенгт Нильсон был бургомистром в Нючёпинге (Nyköping). Сам он называл себя Шродерусом до 1603 г., когда возведен был в дворянское достоинство под именем Шютте. Его необыкновенные дарования и обширные сведения, приобретенные в путешествиях по чужим краям, доставили ему счастье быть наставником будущего великого короля Густава Адольфа. Впоследствии он исполнял многие важные поручения при иностранных дворах, сделался в 1617 г. государственным советником, в 1620 президентом королевской счетной камеры, а в 1622 канцлером Упсальского университета. Спустя два года он возведен в звание барона и в то же время получил в Ингерманландии в лен весь дудергофский округ; затем в 1629 назначен генерал-губернатором всех новозавоеванных провинций: Лифляндии, Ингерманландии и Карелии. Эту важную и почетную должность исполнял он с 1634 г., когда вызван был назад в Швецию с назначением быть президентом в Götha Hofrätt (гётском надворном суде). Его заслуги по народному просвещению общеизвестны. Он написал 37 сочинений и часть их напечатана. Скончался 5 марта 1646; его преемником был:

2) **Бенгт Бенгтсон Оксеншерна** (Oxenstjerna), назначенный 16 сент. 1634 генерал-губернатором Лифляндии и Ингерманландии. Он родился в 1591 г. 19 октября. В путешествиях по чужим краям он приобрел много опытов и познаний. По возвращении он сделался в 1620 г. камергером Густава Адольфа, а потом в 1626 назначен губернатором в Эльбинг. На следующий год он сделан был обер-шталмейстером; титул этот он удержал и в звании генерал-губернатора, которое получил

он, как сказано выше, в 1634 г. В 1641 г. он произведен в государственные советники и умер в 1642 г. – Его заслуги по вверенной ему области велики и снискали ему всеобщее уважение. Он виновник устава *о должности и доходах священников в Ингерманландии*, устава, изданного 28 июня 1639 г. и служившего там до позднейших времен руководством касательно содержания духовных лиц; ниже мы возвратимся к этому предмету.

По смерти Б. Оксеншерны последовала следующая перемена в должности генерал-губернатора: Лифляндия была отделена и получила собственного генерал-губернатора, которому подчинена была и Эстляндия, между тем как Нарвский генерал-губернатор получил всю Ингерманландию с Алентакой и Кексгольмской областью. – Но по делам судебным Алентака принадлежала к Эстляндской губернии. Эта губерния, как сказано выше, заключала в себе Кексгольмскую и Ореховскую области.

3) **Эрик Гюлленшерна**, в молодости бывал также в чужих краях, служил во Франции в лейбгвардии Людовика XIII, и по возвращении в Швецию в 1629 г. произведен был в камергеры. Затем он опять предпринимал путешествия по делам государственным и был, между прочим, в 1634 году в Москве. В 1636 он произведен в государственные камер-советники, а на следующий год назначен ландсгевдингом Выборгской, Нюслотской и Кюменегородской областей. В 1642 г., 14 июля он переведен оттуда в генерал-губернаторы Ингерманландии, Кексгольмской области, Нарвы и Алентаки. В 1645 году он произведен в государственные советники, а в 1651 г. возведен в звание барона, причем получил в баронское владение несколько дворов и селений в округе Улео. По оставлении им должности генерал-губернатора его назначили в 1652 году в ассесоры в шведском надворном совете, в 1654 в президенты в абовский надворный суд, и наконец в 1657 в генерал-губернаторы всей Финляндии; но еще до получения на то полномочия он скончался в том же году 23 октября в своем поместье Нюнес, близ Нючёпинга.

4) **Эрик Стенбок** в звании генерал-майора был в 1645 г. сделан правителем Риги и округов Венденского и Перновского в Лифляндии. В 1647 году он был назначен губернатором Риги, в 1649 государственным советником, в 1651 г. пожалован саном графа и в том же году 16 июня определен генерал-губернатором и исправлял эту должность до 1654 г., а в следу-

ющий год назначен генерал-комендантом в Голланде. В 1657 году он был лагманом в Вестер-Норрланде и в том же году государственным цейхмейстером. Во время штурма Копенгагена 11 февраля 1659 г. он был убит выстрелом.

5) **Густав Горн Эвертсон**. – Его должно отличать от графа Густава Горна Карлссона, назначенного в 1652 г. генерал-губернатором Риги. Первый, будучи бароном и генерал-майором, в 1647 был произведен в государственные советники, а в 1654 в генерал-лейтенанты и генерал-губернаторы Ингерманландии и Кексгольмской области. Эту должность он исправлял 5 лет, по прошествии которых назначен лагманом в Нерике и кончил свою жизнь в 1665 г., будучи фельдмаршалом и губернатором в Бремене и Фердене.

6) **Симон Грундель Гельмфельт** (Helmfelt). Сей муж, оказавший столько заслуг своей области, был сын стокгольмского бургомистра Иакова Грунделя, возведенного в дворянское достоинство в 1663 г., уже после того, как сын его, гораздо прежде, именно в 1646, удостоился этого пожалования. От самого 1641 г. до вестфальского мира в 1648, он участвовал в войне в Германии и уже в 1649 был начальником над всей артиллерией. В 1656 г. он назначен был губернатором Риги, в 1659 генерал-майором и генерал-губернатором Ингерманландии и Кексгольмской области, в 1664 государственным цейхмейстером, и в 1666 шефом экспедиции, отправленной для мирных переговоров в Россию, открывшихся при реке Плюсе. Во время его отсутствия генерал-губернатором был барон Яков Иоган Таубе, но в 1668 Гельмфельт снова вступил в эту должность, и тогда же получил звание фельдмаршала. В 1673 г. он уволен был от должности генерал-губернатора и произведен в государственные советники, а в 1666 в лагманы в Норра-Финне Лаглага. В течение своей жизни он участвовал во многих сражениях и имел много тяжких ран. И при конце жизни он отличился еще в битве при Ландскроне в 1677 г. 14 июля, где и пал от выстрела в левую сторону груди; погребен в церкви Св.Николая в Стокгольме.

7) **Якоб Иоган Таубе** был назначен генерал-губернатором в другой раз, после того, как Гельмфельт в 1673 г. вышел в отставку. Он состоял тогда в звании генерал-лейтенанта. Год его смерти не известен; ему наследовал

8) **Мартин Шульц**. В 1652 г. будучи майором он возведен был в дворянское достоинство, а по достижении чина генерал-лейтенанта от инфантерии, возведен в баронство в 1674 году.

Губернатором Ингерманландии и Кексгольмской области он назначен был в 1681 г. 28 апреля, но в следующем году умер, и его преемником был

9) **Ганс фон Ферзен**, определенный в генерал-губернаторы 6 мая 1682 г. Он прежде был в чине генерал-лейтенанта, губернатором в Риге, и в 1674 г. возведен в баронство. Скончался в 1683 году [260].

10) **Граф Иёран Сперлинг**. Этот высокозаслуженный муж провел свои лучшие годы в разных битвах. Во времена Карла X он участвовал в польской и датской войнах, а в царствование Карла XI сражался в Сконии в войне датской, в продолжение которой дослужился до генерал-майора. Затем он сделался в 1677 году губернатором Сконии, в 1679 году губернатором Гестрикеланда, Гельсингланда, Медельпада, Ингерманландии, Гериедаля, Емтланда и Ламнарка, откуда в 1683 г. 18 марта переведен в генерал-губернаторы Ингерманландии и кексгольмской области. В 1690 г. он пожалован был в фельдмаршалы и умер в Нарве в 1691 г. 22 сентября на 61 г. от рождения. Во время его осьмилетнего управления в звании генерал-губернатора принято было много полезных мер, не только в пользу торговли, как уже было замечено, но особенно для общего благосостояния и образования края. Он был другом и покровителем епископа Гецелиуса, к мнениям которого о церковном управлении он питал теплое сочувствие. Преемником графу Сперлингу был

11) **Отто Вильгельм ф. Ферзен**, барон и двоюродный брат вышеупомянутого генерал-губернатора Ганса ф. Ферзена. В 1693 г. он пожалован был в фельдмаршалы, а в 1698, по всей вероятности, оставил службу, и затем

12) **Граф Отто Веллинг**, принявший на себя эту должность, был последним из генерал-губернаторов, поставленных в Ингерманландии шведским правительством. В происшедшей скоро за тем войне с Россией он назначен был генерал-шефом шведской армии в Лифляндии и Ингерманландии. Впоследствии он избран был в президенты абовского надворного суда, но никогда не отправлял этой должности. Умер в Стокгольме 19 мая 1708 г. Он был женат на Иоанне Тизенгаузен, которая достопамятна тем, что впоследствии была гувернанткой дочери Петра Великого, принцессы Анны.

Представив ряд генерал-губернаторов, постараемся теперь, сколько возможно, показать, каким лицам, в звании наместников или ландсгевдингов, вверяем был край в управление. Вот они:

1) **Ганс Драке**, вместе с полковником Саломоном Адамом, был прежде комендантом в Магдебурге, – крепости, уступленной этими лицами в 1636 г. курфюрсту саксонскому, за что они приговорены были к смерти, но помилованы. Впоследствии, в 1640 г., он сделался слотсгауптманом в Орешке, оттуда в 1645 г. переведен ландсгевдингом в Копорье, Ям и Ивангородскую область и был таким образом ее первым ландсгевдингом, после того как эта область отделена была от Кексгольма (предшествовавшие ландсгевдинги, общие для всего края, были уже упомянуты).

2) **Петтер Лофельт**. Состоя еще в податном состоянии под именем Петтера Антони, он отличался своей ученостью, обширными сведениями и был употребляем для исправления многих важных дел. Сперва он назначен был ассесором в дерптский надворный суд, оттуда переведен в 1642 г. резидентом в Москву и пожалован в том же году дворянским достоинством [261]. В 1650 г. его назначили преемником Драка в звании ингерманландского ландсгевдинга, но 7 февраля 1652 г. его опять отставили от этой должности, препоручив другую, в коммерц-коллегии. Его преемник

3) **Эрик Оксе** был ландсгевдингом в Нюландской и Тавастгусской областях, когда в 1652 г. 15 ноября переведен был в той же должности в Копорье, Ям и Ивангородскую область. После трехлетнего отправления этой должности он получил увольнение 5 мая 1655, и его место заступил

4) **Генрик Засс**, подполковник и комендант рижской крепости, назначенный в ландсгевдинги 30 мая 1655 года.

5) **Скраггеншёльд** был человек ученый и назывался прежде Скрагге. По окончании курса учения он занял место кронофогда в Ореховской области, а потом в 1640 был казначеем при генерал-губернаторском доме в Ингерманландии. Занимая этот пост, он получил другой; именно в 1646 г. он назначен был слотсгауптманом (комендантом?) в Ниэншанц. В 1666 г. ему дано место областного ландсгевдинга.

6) **Генрик Пипер** был сын ниэнского заслуженного бургомистра Генриха Бернтсона Пипера, брат которого Петтер был таможенным сборщиком в Выборге. Прослужив два года волонтером в Германии, он возвратился и стал камериром шведских удельных имений королевы Христины. В 1678 он был назначен ландсгевдингом своей родины и, состоя именно в этой должности, он возведен был в дворянское достоинство. Он умер в 1704 и был, следовательно, последним

ландсгевдингом в Ингерманландии. Дядя этого ландсгевдинга Карл Бердтсон Пипер был камериром в кригсколлегии в Стокгольме и через сына своего Карла сделался родоначальником графского рода Пиперов в Швеции [262].

После этого краткого очерка администрации края с правителями его вообще, нам предстоит теперь показать, какие постановления существовали в частности по управлению самим городом Ниэншанцем.

Согласно с содержанием привилегий, Ниэншанц должен был управляться по шведскому государственному праву, с соблюдением тех изменений, которые впоследствии сделаны были в торговом его управлении. Государственное право появилось в свет в 1617 г., а торговое право уже в 1614 г.; но здесь разумеются все те распоряжения касательно торговли, которые изданы с 1617 по 1642 г. и, следовательно, должны были считаться за видоизменения или пояснения государственного права.

Кроме того, город Ниэншанц имел свой собственный торговый устав, проектированный магистратом и представленный на утверждение короля, как видно из г.-губернаторского отношения от 6 января 1670 г. К несчастью, этот важный памятник для нас потерян. Впрочем, может быть, он содержал в себе не что иное, как *извлечение из шведского права и стокгольмского городского статута.* Это извлечение помещено нами в Приложениях [263] и встречается в прибавлениях к собранию ниэнских привилегий, которым я при обработке этого сочинения пользовался. В этом извлечении заключаются разные предписания касательно торговли и полиции города, составляющие важное пособие при изучении понятий и правов того времени. Собственно управление города предоставлено было бургомистру, обязанности которого вместе с обязанностями всех остальных городских чиновников точно определены в уставе об администрации города 1619 г. и главным образом в привилегиях 1642 г. Бургомистров здесь было трое: один для юстиции, другой для полиции и третий для застройки города. Должность последнего в 1679 г. отменена по случаю определения его жалованья на содержание школы в Ниэншанце. Бургомистр со своим советом имел право определять все, что могло быть полезным для благосостояния города, за исключением таких предметов, которые противоречили закону или привилегиям. В последнем случае дела имели быть представляемы на конфирмацию короля. Кроме того, на бур-

гомистрах лежала обязанность производить суд и расправу между жителями (города) и другими лицами, принадлежавшими к судебному ведомству города; хотя по уставу 1619 г. запрещено было призывать стрянчих на их суд, но каждый должен был отвечать сам или через своих друзей. В помощь бургомистру в городах большого объема приказано было определять *синодика*, который, в случае надобности, служил помощником, но главным образом должен был наблюдать за тем, чтобы все акты и протоколы должным образом вносимы были в списки, чтобы городские привилегии и книги не употреблялись во зло, и наконец хранить городскую печать и все исходящие бумаги. Я не могу с уверенностью сказать, состоял ли подобный чиновник в Ниэншанце: в вышеупомянутых привилегиях о нем не упоминается. Но по крайней мере известно, что синдик Валтасар Ладау в 1679 г. в качестве депутата города Ниэна был в Стокгольме. Дважды в неделю бургомистр со своим советом обязан был являться в присутствие, причем протокол составлялся *градским писарем*, или нотариусом, на котором тоже лежала обязанность вносить в так называемую *памятную книгу* решения и приговоры, положенные магистратом для исполнения. Еще поныне сохраняется и помещено нами в Приложениях извлечение из подобной памятной книги от 1631 до 1644 г.; все решения в ней очень коротки и удобнонаходимы. В тогдашнее время не любили многословия, стараясь лишь о выражении мысли. Из магистрата можно было переносить дело в дерптский надворный суд, что продолжалось до 1684 г., когда Ингерманландия подчинена была надворному суду в Або; однако по искам, не превосходившим 300 талеров, апелляция в высшую инстанцию не имела места и суд магистрата приводился в исполнение. Сверх того, король взял магистрат под свою защиту, так что не всякая апелляция могла требовать его пред трибунал надворного суда, и он пользовался преимуществами, приведенными в 22 члене тогдашнего устава судопроизводства. Для разбирательства дел меньшей важности, напр., споров по долговым обязательствам и т. п., определены были два *камерира* (заседателя), которые обязаны были сходиться по крайней мере три раза в неделю в особенной комнате под названием заседательской, отведенной им в ратуше. Протокол составлялся особым, так называемым *надзирательным писарем* (vårdskrifvare), который, подобно нотариусам магистрата, обязан был записывать все текущие дела. В исках, превышавших

40 талеров, дела могли переноситься из этой инстанции в магистрат с платою 6 марок на законные пени, которые были взимаемы заседателями (камерирами) и вносились каждую субботу в определенные места; казенная часть в сих случаях передавалась ландсгевдингу или пронофогду.

Третья должность, которая также, в силу привилегий, должна была иметь исполнителя в городе, была должность *архитектора*. На сей конец избираемы были два знающих дело городских обывателя, состоявших сперва под ведомством третьего бургомистра, которые обязаны были смотреть за общественными постройками города, валами, воротами, гаванями, мостами, колодцами, улицами и наблюдать, чтобы частные лица не строились вопреки установленному порядку.

Четыре раза в год они обязаны были осматривать все здания в городе, в присутствии кронофогда, бургомистра и 2 ратманов. Что при таких случаях определялось, то должно было исполняться беспрекословно. В помощь им дан был *строительный писарь*. *Городские служители* или так называемые отроки (Svänner) были в распоряжении магистрата и состояли в числе одного, двух, трех человек, смотря по надобности. При выборе чиновников и при решении других важнейших дел должны были присутствовать ландсгевдинг или кронофогд и председательствовать по делам королевским.

Так как бургомистру и совету часто приходилось совещаться с мещанством по делам, касавшимся их общего блага, и как легко могли возникнуть большие беспорядки, если бы все без разбору могли участвовать в совещании, то и постановили, чтобы мещанство ежегодно избирало из среды своей 96 добрых мещан, 48 из торгового и 48 из ремесленного сословия, и представляло магистрату, избиравшему из этих 96 ч. в свою очередь 48 лиц, которые вместе с магистратом должны были вести городские дела и решать все, что находили для города полезным. В важнейших случаях эти лица могли держать совет с прочим мещанством, когда оно собиралось в своих *гильдейских избах* по делам торговым. В переводе на наши понятия это значило собираться на бирже.

Жалованье всем городским чиновникам производилось из собственных сумм города, по штату, определенному королем. Итог всей суммы на жалованье теперь неизвестен; но как кажется, он был весьма незначителен, до тех самых пор, пока король особенным штатом, изданным от 7 января 1690 г., не прибавил юстиц-бургомистру 500 талеров, другому бурго-

мистру 400 талеров и 5-ти ратманам 200 талеров на каждого, считая все серебряною монетою. Нарвскому магистрату в то время также увеличили жалованье, но не в такой степени, как в Ниэншанце. Это и побудило генерал-губернатора Сперлинга войти к его королевскому величеству с представлением о пожаловании Ниэншанцу тех же преимуществ, в силу того, что ниэнский магистрат ближайшим образом соответствовал нарвскому магистрату. Отсюда можно заключить, на какой степени высоты стоял уже Ниэншанц, когда вспомним, что Нарва в XVII столетии производила торговлю весьма значительную. Его представление было утверждено, и для ниэнского магистрата определен штат: юстиц-бургомистру 600 талеров; другому 500 талеров и наконец 4 ратманам 250 талеров на каждого, считая все серебряной монетой [264].

Ход дела заставляет нам сказать несколько слов о городских *доходах* и *расходах*. Первые состояли частью из общих всем городам доходов, частью вытекали из частным образом полученных привилегий. К общим доходам принадлежало: 1) все, что могло быть собрано от пожалованных городу владений, как, напр., с полей, лугов, лесов, рек, мельниц, рыболовных мест и т. п. Эти городские владения отдавались в аренду частным лицам, вносившим за это в городскую кассу определенную плату. Понятно, что Ниэншанц, одаренный обширными владениями, состоявшими в лесах и рыбных ловлях, имел довольно значительные от того доходы. 2) Доходы от городских весов, на которых за известную плату приказано было весить все, что покупалось и продавалось; доходы от торговых лавок, домов, дворов, пустопорожних мест, подлежавших ежегодно определенному сбору податей. Сюда же могут быть отнесены сборы за право перевоза через реку, с мостов, колодцев и гаваней, сборы, которые в Ниэншанце, как приморском городе, без сомнения, доходили до значительного итога. 3) Доход с *городской конторы* (погреба) или с права продавать по рознице вино и иностранные напитки. Она отдавалась в аренду одному или многим лицам городского сословия, и очень вероятно, что в городе, отличавшемся такой обширной деятельностью, она доставляла достаточный сбор. 4) Доходы, вытекавшие от дарованных Ниэншанцу привилегий, были пени, взимавшиеся в городе. Сюда же принадлежала часть пени, взимаемой надворным судом в Дерпте, и десятая часть от всего имущества тех, которые оставляли город. К действительным доходам можно причислить неплатеж

малой пошлины, печные деньги и акциз на иностранные вина: всеми этими льготами город согласно со своими привилегиями пользовался в продолжение многих лет.

Из этих доходов производились ежегодные городские расходы, состоявшие в жалованьи чиновникам, в возведении зданий, поправках и т. п. В тех случаях, когда средств не доставало, городское общество обязывалось дополнять недостаток придаточным вносом. Это называлось *делать скут*, и этот сбор вычислялся по известной таксе, которой подлежали все, имевшие огонь и дым. В то время, как казна собирала в городе налоги, сбор скута производился так, что со 100 марок взималось по 12 эре или по одному проценту. Сборы производились бургомистром, двумя ратманами и четырьмя городскими обывателями. Городские доходы и расходы ревизовались ландсгевдингом.

Не имея права, как мы уже говорили, в лице представителей своих присутствовать на государственных сеймах, Ниэншанц не имел также места в городской табели о рангах. Для служащих лиц в Эстляндии и Ингерманландии начертаны были особые табели от 23 февраля 1689 г. и от 21 февраля 1696 г., которые несколько отличаются от обнародованной в 1680 г. общей табели о рангах. Служа объяснением взаимных отношений чиновников края, эти табели, конечно, будут интересны тем или другим читателям, что и заставляет нас поместить их здесь:

1. Фельдмаршалы.
2. Генерал-фельдцейхместер.
3. Президенты в висмарском трибунале.
4. Генералы от инфантерии и кавалерии.
5. Таковые же генерал-лейтенанты.
6. Гоф-канцлеры.
7. Генерал-майоры, адмиралы, ландсгвединги.
8. Гофмаршалки и полковники гвардии.
9. Полковники лейб-полка.
10. Полковники артиллерии.
11. Полковники и Вице-Адмиралы.
12. Подполковники Драбантов.
13. » Гвардии.
14. » Лейб-полка.
15. Статс-Секретари.
16. Вице-Президенты в стокгольмском надворном суде.
17. Вице-Президенты в иёнчепингском, абовском и дерптском надворных судах.

www.kronoudsph.ru

18. Камер-Советники, Кригс-Советники, Поместники в Ревеле, Экономии-Наместники, Унтер-Наместники в Стокгольме, Лагманы, Церемониймейстеры.
19. Подполковники от артиллерии.
20. Подполковники и Генерал-квартирмейстеры, Лейтенанты фортификации.
21. Подполковники.
22. Майоры гвардии.
23. Майоры лейб-полка.
24. Шутбинахт.
25. Камергеры и Гофъегермейстеры.
26. Майоры от артиллерии.
27. Майоры фортификации.
28. Майоры, капитан-лейтенанты драбантов, статс-майоры и ландрихтеры в Лифляндии (земские судьи).
29. Капитаны гвардии и лейтенанты драбантов.
30. Ротмистры лейб-полка.
31. Секретари в Канцелярии Его Королевского Величества, Ассессоры в надворных судах дворянского класса, Генерал-Аудиторы и Обер-Директоры Большой Морской Таможни.
32. Статс-Комиссары, Генерал-Инспекторы малых таможень, Кригс-Комиссары Его Королевского Величества и Вице-Церемониймейстеры.
33. Казначеи Его Королевского Величества.
34. Капитаны артиллерии.
35. Капитаны фортификации.
36. Ротмистры, Капитаны, Ассессоры в Коллегиях и Надворных судах второго класса, Директоры Землемерия, Обер-Камериры в провинциях и Обер-Егермейстеры.
37. Секретари в Королевских Коллегиях.
38. Камериры там же.
    Генерал-губернаторские Секретари, Обер-Аудиторы и Ассессоры гражданского суда в Ревеле.
40. Генерал-губернаторские Камериры.

Вот что было постановлено об этой табели рангов:

Буде кто либо присвоить себе ранг выше того, какой ему приходится по праву, в силу королевского полномочия, или буде кто по родству, дружбе или свойству уступить кому-либо чин и лишить себя таким образом тех преимуществ, которые по вышесказанной табели о рангах ему принадлежат,

и следовательно, унизит достоинство и превосходство, связанное с известной должностью, таковой виновный без всякой пощады подвергается пене в 1500 риксдалеров, две части которой (1000 р.-д.) идут в пользу собора в столице, а остальная третья часть обращается в собственность фискала или доносчика.

Видно, что век Людовика XIV и дух его времени успел уже проникнуть и в холодный север. Главным начальником в крепости Ниэншанце или Сканцене (Skanzen), как она в отличие от города называлась, был комендант, который по должности своей совершенно отделенный от магистрата был, однако, обязан при встречавшихся экзекуциях и других случаях содействовать магистрату, если он того требовал. Ее первые коменданты нам неизвестны; позднейшие были следующие:

Фома Киннемонд, Шотландец. Он был прежде слотсгауптманом (начальником замка) в Копорье, а в 1647 г. именован подполковником и комендантом в Ниэншанце, откуда он впоследствии в звании полковника и коменданта переведен был в Динамюнде, укрепления которого, говорят, им же построены.

Авраам Раньельм (Rahnhjelm). До пожалования в дворянство назывался Рань. В звании капитана он назначен был комендантом Орешка, в 1658 Ниэншанца; в нем он оставался до 1662 г., и вышел в отставку, сохранив за собой звание капитана.

Александр Андерсон. Также Шотландец и полковник. Уже 17 июня 1661 г. имел полномочие на этот пост.

Александр Пересветов-Морат. Происходил от русской фамилии; отец его был ротмистр Петр Пересветов. Морат был женат на Агате, дочери ингерманландского воеводы Федора Аминова и перешел в шведскую службу во времена Густава Адольфа. Александр был в звании полковника, когда 19 июня 1696 г. назначен был комендантом Ниэншанца.

Иоган Аполлов, происходил также от русской фамилии, назывался прежде Цебетриев. Отец его назывался Григорием, сестра Александра была замужем за капралом Симоном Калитиным, принявшим евангелическое вероисповедание, хотя она оставалась в православии. По всей вероятности, и Аполлов был лютеранин. В звании подполковника он произведен был в 1689 г. 14 апреля в комендант Ниэншанца, в котором он и оставался до того времени, когда в 1703 г. эта крепость уступлена была русским.

Охотно я присовокупил бы еще имена городских бургомистров, некоторых сановников и других замечательнейших лиц, живших в самом Ниэншанце и в его окрестностях; но по недостатку источников это для меня совершенно невозможно. До меня дошли лишь имена немногих. На территории, занятой некогда Ниэншанцем, и ныне еще видны местами остатки валов и укреплений, а между тем нет никакой возможности найти общую между ними связь: пусть точно так же сохранятся для памяти потомства следующие отдельные имена без органической между собою связи.

Генрих Пипер. В должности городского бургомистра он три раза посещал государственный сейм в Стокгольме, а именно: в 1650, 1660 и 1666 годах, причем по его ходатайству совершено много дел в пользу вверенного ему города. Перед достижением означенной должности он служил комиссаром в России и потому хорошо знал все обстоятельства, находившиеся в связи с торговыми оборотами этого государства.

Герман Гарц или правильнее Герц (Härtz), как оно значится на 474 стр. сочинения Шернмана «Höfdinga minne» и в истории абовского гофгерихта (стр. 279), изданной Лагусом. В должности ниэнского бургомистра он присутствовал в 1679 году на государственном сейме в Стокгольме, и в 1692 году еще состоял в этом звании. Его сын Герман Герц, родившийся в Ниэне (см. Лагуса там же), воспитывался в абовском университете в 1690 году; впоследствии он был ниэнским городовым секретарем, а в 1704 году утвержден вице-адвокат-фискалом абовского гофгерихта, где потом занимал должность советника; умер в 1722 году.

Гавриил Гиндель (Hindell), о котором известно только, что он был также бургомистром Ниэншанца.

Фридрих Вильгельм Ладо. Он называется обер-аудитором и ниэншанцким ратманом в тех документах, на основании которых он был откомандирован в 1671 году в Стокгольм депутатом по делам, касающимся городского интереса. Некто Бальтазар Ладо сопровождал в 1679 году Германа Герца во время его поездки в Стокгольм, и при этом занимал должность *синтика*.

Арон Иоганн Клевершёльд (Klöfverskjöld), заведовавший всеми казенными делами по хозяйственному и финансовому управлению Финляндии, Эстляндии и Ингерманландии. 2 мая 1652 г. ему повелено быть комиссаром на границах Новгородской и Олонецкой областей «для обмена перебежчиков,

которые 1 сентября 1647 года перешли из самой Швеции или подвластных ей провинций в пределы России и наоборот, а также для осмотра и поверки границ и наконец для разбора и решения тяжеб между подданными русского царя и короля шведского». При исполнении этого поручения ведеп им журнал, который в виде рукописи поднесен королеве (Лагус т. с. стр. 141).

Иохим Кребс. После нескольких путешествий за границу он был определен сперва русским комиссионным секретарем, а потом письмоводителем императорского дворянства. Когда же эта область подпала судебной администрации абовского гофгерихта, вследствие чего там, по шведским узаконениям, были учреждены должности герадсгевдингов (уездных судей), то он первый облечен в эту должность в 1686 году, и признан дворянином. Так значится о нем на 871 стр. сочинения Шернмана: «дворянский матрикул (Adeliga Matrikeln)». Лагус же говорит в истории абоского гофгерихта (стр. 262), что Христиан-Адриан Розенмюллер в 1683 году был назначен уездным судьей в Копорье после Иохима Кребса, который и уступил ему свою должность. Это могло случиться таким образом: Кребс, уже до того быв там судьею, уступил место Розенмюллеру, но был опять определен к этой должности после введения шведского судопроизводства в Ингерманландии. Отец Розенмюллера по имени также Адриан был, как и Кребс, секретарем ингерманландского дворянства. Его сын Христиан Адриан был убит в 1700 году, в то время когда он в стычке с русскими при Копорье предводительствовал местными жителями.

Нет сомнения, что должность уездного судьи (герадсгевдинга) существовала в Ингерманландии и до Кребса, хотя в этой стране и не руководствовались шведскими законами; это видно из того, что Иогану Шернстроле, бывшему сперва профессором астрономии в Дерпте, а с 1650 года профессором прав, было поручено в 1653 году исправлять вместе с тем и должность копорского судьи. Впоследствии он достиг должности председателя дерптского гофгерихта и, сколько известно, отличался своими познаниями и неутомимой деятельностью.

Монс Брандшёльд, признанный дворянином в 1649 году, был сперва ингерманландским земским ревизором, потом квартирмейстером, и наконец комендантом кексгольмской крепости.

Иоган Роденбург. После нескольких экспедиций за границу он утвержден в 1639 году генерал-инженером Лифляндии и Ингерманландии, а в 1647 году определен аландским квартирмейстером.

Аксель Лильегрен. Сначала он состоял канцелярским чиновником в канцелярии ингерманландского генерал-губернатора, а потом произведен там же в таможенные смотрители. Впоследствии он состоял нарвским тюремным надзирателем и провиантмейстером. При возведении его в 1683 году в дворянское достоинство упоминается в числе прочих его заслуг, «что он ссудил без процентов шведский гарнизон хлебом, зерном и прочими припасами». Из сего можно заключить, что он владел значительными имениями. Он был женат на Гедвиге, дочери нарвского суперинтенданта Эрика Альбогиуса.

Симон Калитин, служивший в коннице капралом. Он по происхождению русский. Отца его звали Кузьмою, а деда Никитою, который по заключении Столбового мира перешел в шведскую службу, не переменив при том вероисповедания. Симон принял лютеранскую веру, а жена его Александра Григорьевна Аполлова сохранила до смерти, т.е. до 1707 года веру своих предков; она погребена в склепе князя Бориса Алексеевича Голицына.

Мартын Сегеркранц, родился в Ингерманландии, где его отец был арендатором какого-то имения. По признании первого из них дворянином в 1720 году он переменил свою первоначальную фамилию Энберг на Сегеркранц. В походах Карла XII он отличился неустрашимой храбростью и умер в 1752 году.

Эрик Трана, называвшийся до возведения его в 1625 году в дворянское достоинство Эриком Андерсоном, служил военным комиссаром в Лифляндии и Ингерманландии, а в 1627 году был утвержден при сохранении прежней должности штатгальтером города Дерпта и начальником всего дерптского округа. Впоследствии он пожалован в полковники.

Монс Пальм, сопутствовавший Якову Делагарди, во время его похода в Россию, занимал должность секретаря при заключении Столбовского мира, а в 1621 г. он утвержден судьею кексгольмского округа, в состав которого тогда входил и город Ниэн. Он скончался в Стокгольме в 1641 году.

Матвей Соп. В 1651 году при возведении его рода в баронское достоинство он был членом шведского гофгерихта, а также государственного совета и верховного суда Ингерманландии.

Иоган Шернстроле (Stjernstråle), профессор прав дерптского университета и вместе с тем судья в Ингерманландии, славился своей ученостью и трудолюбием; он умер в 1686 году.

Ларс Валлепстет, служил сперва в шведском посольстве при французском дворе, а по возвращении утвержден секретарем канцелярии ингерманландского генерал-губернатора, и достиг наконец должности председателя шведского гофгерихта.

Петтер Шернгранц (Stjerncrantz), родился в имении гудилове, находившемся на берегу реки Невы, где жил его отец, камерир канцелярии генерал-губернатора. Петтер Шернгранц умер в 1737 году, быв губернатором Нюландской и Тавастгуской губерний. Он участвовал во многих походах Карла XII, где оказал большую храбрость. Упоминается еще другой Шернкранц по имени Арвид, который, как утверждает Шерман, определен в 1691 году судьей ингерманландских уездов Странда, Эскис и Эврямя. Надобно, впрочем, заметить, что эти уезды находятся в Выборгской губернии, а не в Ингерманландии.

Андрей Олофсон Линдемарк, был в 1660 году таможенным смотрителем в Ниэне.

Иоган Генрих Фризенъельм, сын ниэнского немецкого пастора, Генриха Фризиуса. Занимаясь торговыми оборотами, он приобрел столь значительное состояние, что мог оказать большое содействие Карлу XII во время затруднительной по расходам войны с Россией, почему он и пользовался постоянным благоволением правительства; в 1716 году он возведен в дворянское достоинство, и был начальником Нейшлотской и Кюменской губерний, а в 1727 году признан бароном. Основанием его богатству послужила женитьба на вдове ниэнского купца и ратмана Дидриха Блома Екатерине, урожденной Бакман. Ее сыновья от первого брака Даниил и Дидрих были признаны дворянами вместе с их отчимом и потому называли себя Фризенгеймами. Сам же Фризенгейм умер бездетным, пораженный параличом в 1737 году в Вильманстранде.

Из комендантов Нётеборга (т. е. позднейшего Шлиссельбурга) мне известны только следующие:

1) **Николай Баггувуд** (Bagghufvud), который в 1633 г. оставил по себе вдову Луцию, урожденную ф. Трейден.

2) **Ларс Стормгат**, начав службу с рядового, дослужился до подполковника, в 1643 году назначен комендантом Ивангорода и в 1645 году переведен на таковую же должность в Нётеборг, а потом в 1655 году в Ничёпинг. Умер в 1657 году.

3) **Генрих Засс** в 1655 году был *преемником* Стормгата.

Глава 14

ПОЛОЖЕНИЕ И ВИД НИЭНШАНЦА, ГОРОДА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ: ОПИСАНИЕ КАРТ И ПЛАНОВ, ПРИЛОЖЕННЫХ К ИССЛЕДОВАНИЮ, И ДРУГИХ; ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИНГЕРМАНЛАНДИИ В XVII В.; ЗАМЕЧАНИЯ О НАЗВАНИЯХ ПОСЕЛЕНИЙ, О ЗНАЧЕНИИ СЛОВА «ПОГОСТ» И О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ДЕРЕВЕНЬ, ОЗНАЧЕННЫХ НА КАРТАХ

Изложив в доступной нам подробности историю Невы и обратив при том внимание на все обстоятельства, которые по гражданским, торговым и церковным учреждениям имели какое-либо отношение к находившимся некогда при этой реке небольшой крепости и города Ниэншанцу, нам остается лишь определить в кратком очерке положение и вид их, с указанием на некоторые близлежащие поместья.

Из I-й части этого сочинения читателю известно, что уже в начале XIV столетия при впадении Охты в Неву была основана шведами крепость Ландскрона, которая вскоре после того покорена и разрушена русскими. Находилась ли эта крепость на северном или южном берегу Охты, мы в точности определить не можем, ибо чертеж, сохранившийся в Рифмованной Хронике, позволяет думать так и иначе [265]. Итак, мы должны довольствоваться сохранившимися от XVI, XVII и XVIII столетий известиями, заимствованными из древних, до сих пор неизвестных чертежей, которые нам удалось достать из шведских архивов.

По взятии Понтом Делагарди в 1580 году Кексгольма, и после покорения всей русской Карелии до Ладожского озера и Невы, приказано ему было королем «поручить человеку, владеющему туземным языком, объехать в сопровождении военного конвоя покоренную страну, для исследования границ ее и собрания сведений: какие в ней находятся города и укрепленные места, сколько там приходов, как велико число дворян и сельских обывателей, какие там озера, реки и тому подобные обстоятельства, которые нужно знать». Таковое

повеление короля, без сомнения, было исполнено и начерчена карта этой страны, хотя до сих пор нельзя было указать на нее с достоверностью. Если я не ошибаюсь, то эта карта и есть именно та самая, которая ниже значится у нас в реестре карт под № 1. Я не могу подтвердить этой догадки указанием на имя и год; но видно, что эта карта начерчена в то время, когда Швеция еще не имела ни малейшего понятия о положении этой страны, а потому во многих случаях должна была основываться на тех показаниях, которые могли быть отобраны от местных жителей. На этой карте обозначено весьма мало деревень, но зато тем большее количество дорог; это, вероятно, не что иное, как указание различных направлений путешествий, совершенных Понтом Делагарди во время короткого его пребывания в этом крае. Начиная от Ниэна, откуда, вероятно, было предпринято им первое путешествие, одна дорога ведет, почти по прямому направлению, в деревню Лембалу, а оттуда, также по прямой линии, через Раутуский приход в реку Вуоксу, в Пюхяярви (Pyhäjärvi) и город Кексгольм. После покорения этой крепости Делагарди, как свидетельствует о том история, отправился в Нётеборг. Согласно с тем на карте видно, что от Пюхяярви другая дорога, сворачивая налево, ведет прямо через Токсово, где до сих пор хранится предание о его приезде в Нётеборг. Здесь надобно заметить, что эта деревня значится дикой и изобилующей лесом, между тем как все прочие уезды и станы, кроме находящихся на север и юг от Ниэна, по-видимому, были совершенно неизвестны издателю этой карты. Мое предположение подкрепляется еще следующим обстоятельством: на этой карте начерчены только северная и восточная части, т.е. собственная Карелия, как завоеванная Швецией страна, между тем Ингерманландия, принадлежавшая тогда России, вовсе на ней не значится. Есть, кроме того, еще одно основание полагать составление карты до Столбовского мира, а именно: на ней нигде не встречается никакой крепости, никакого укрепления, а между тем на северной стороне реки Охты значится город Ниэн, на том самом месте, где встречается этот город впоследствии. Выше мы представили основания предполагать, а теперь можно принять за достоверный факт, что еще задолго до русского владычества, т. е. до 1703 года и эта страна была населена купцами и лицами других званий, отчего это место получило вид маленького города, хотя оно не считалось таковым и даже не имело улиц. Впрочем, была там, кажется, церковь с колокольней,

которая, судя по рисунку, была построена в немецком вкусе. В недальнем расстоянии от Ниэна на плане значатся владения Бутерлина, который в следующей войне ясно доказал свою приверженность к шведам, чему причиной было то обстоятельство, что его владения находились в весьма близком расстоянии от Ниэна, где шведы по основании Ниэншанца во время Якова Делагарди сосредоточили свои силы [266].

Причина основания этой крепости уже объяснена выше, а именно: Яков Делагарди, главный начальник шведских войск в войне против России, сознавая необходимость, для сохранения и определения границ завоеванных шведами земель, иметь при Неве какое-либо укрепление, послал с этой целью к королю подробную топографическую карту этой страны, на которой начерчено было и Ладожское озеро, со всеми его заливами и гаванями; при этом он отправил инженера, который изустно мог объяснить все подробнейшие обстоятельства. Не смею прямо утверждать, но имею много фактов, которые заставляют меня думать, что представленная королю Яковом Делагарди топографическая карта есть тот оригинал, с которого снят чертеж, означенный в нашем реестре под № 2, со следующей надписью: *Сия карта Нётеборгской губернии снята с большой, старой карты, находившейся в здешней конторе, и приведена в обычную ландкартам величину. Января 1699 года К. С. Стуарт. Чертил Ф. Вазандер.*

Если эта карта называется старою, то надобно полагать, что она существовала, может быть, до того уже за целое столетие, и в таком случае она начерчена во времена Якова Делагарди, ибо на ней нигде не значится укрепления, возведенного им, или правильнее Линдведом Гестеско, между тем как город Ниэн со своей церковью изображен как на этом, так и на прежде упомянутом чертеже: из чего можно заключить, что обе эти карты суть произведения более или менее современные. Одно лишь обстоятельство возбуждает во мне некоторое недоумение, а именно: карта эта слишком пространна и точна, что не совсем соответствует такому отдаленному времени, когда эта страна не была еще размежевана, и когда положение рек и деревень не могло быть там определено, по крайней мере до такой точности, как это показано на карте. Едва ли можно предполагать, чтобы на этой территории могло быть более деревень и домов, чем значится на этой карте, особенно на южной стороне Невы, которая представляется сильно населенною, исключая части, простирающиеся от Невы до

Дудергофа, где встречается мало населенных мест. Но и это обстоятельство разъясняется весьма легко тем, что при снятии карты с оригинала в уменьшенном (нынешнем) ее масштабе она была подвержена всем необходимым исправлениям, со внесением в нее всех недостававших имен, со специальной карты деревень, начерченной в 1675 г. при размежевании Ингерманландии шведскими инженерами. Такое предположение подтвердилось при сличении мной этой карты с изданною в 1827 году Шубертом картою Ивангорода, Яма и Копорья, извлеченною капитаном Бергенгеймом из вышеупомянутых специальных карт, находившихся в шведских архивах, а ныне хранящихся в С.-Петербургском Главном Штабе. Большая часть названий деревень на той и другой карте согласны; что же касается до общего вида страны, то по подробности и точности должно отдать преимущество чертежу Бергенгейма. До конца XVII столетия, кажется, не было подробной карты Карелии и Ингерманландии; потому не удивительно, что в ней оказалась величайшая необходимость в то время, когда угрожала война с Россией, и когда, следовательно, было важно иметь точные сведения об этой стране. Если это мое убеждение покажется сомнительным, тем не менее достоверно, что виновник этой карты в настоящем виде не есть Яков Делагарди, хотя она, как копия с пропавшего *старого* оригинала, замечательна.

Может быть, чертеж этот явился вскоре по заключении Кардисского мира в 1661 году, когда укрепление было уничтожено. Но как могла она тогда называться *старою*?

Густав Адольф, как сказано прежде, желая в 1632 г. даровать Ниэну право шведского города, вероятно, намеревался укрепить его, почему и было поручено Георгу Швенгелю начертить необходимый для того план. Этот инженер отправился туда в 1633 г., когда там, кроме частных домов, находился только небольшой замок, обведенный, может быть, земляными стенами. Однако по не известной нам причине он не прежде 1644 года исполнил данное ему поручение. Королева Христина даровала в 1638 году первые полные городские права этому месту, ибо привилегии, данные Густавом Адольфом в 1632 году, имеют значение лишь временных, и вследствие прав королевы возник снова вопрос об укреплении города согласно предначертанию Густава Адольфа. План Швенгеля, начерченный в 1644 г., стоит в нашем реестре под № 3. На нем значится построенный Линдведом Гестеско замок, который

действительно был весьма незначителен. Он находится в выдающемся материке между южной стороной реки Охты и Невой, и имел вид прямоугольного параллеллограмма с башнями на каждом углу; длиною он был в 120, а шириною в 100 шведских локтей, считая по внешним бокам; отчислив толщину стен по 15 локтей, мы видим, что внутренняя длина замка простиралась до 90, а ширина до 70 локтей. На позднейших планах и картах Ниэншанца этот замок не изображен, вероятно потому, что он был разрушен при взятии города русскими в 1656 году. Был ли замок (Castell) обведен стенами или нет, нам неизвестно; вернее, впрочем, допустить последнее. Можно с достоверностью принять, что так называемый «Skansen» или собственно укрепление города построено по плану Швенгеля и в том виде, как он изображен на чертеже. Валы составляли пятиугольник, находившийся на том месте, где ныне построена корабельная верфь и где до сих пор видны следы прежних укреплений. В поперечнике эта крепость не заключала более 100 шведских локтей, что составляет немногим более 100 русских сажень.

В центре стоял помянутый замок, а вокруг него главные валы с тремя равелинами. Внутри крепости не значится никаких других строений. На восточной стороне одного равелина видны ворота, прямо на мост ведущие через Охту, к находившемуся по другую сторону реки городу Ниэну, который, судя по чертежу, где это яснее усматривается, обращен двумя сторонами к крепости и укреплен стеною. Город должен был состоять из 3 главных частей, а именно: 1) Из старого, до тех пор уже населенного города, примыкающего западной стороной к Неве, северной к болотам, идущим далеко за город, и восточной к Черной речке, впадающей в Охту, и южной к Охте. В этой части города предполагалось провести три улицы в направлении с севера к югу, с тремя другими пересекающими их улицами с востока на запад. 2) Пространство земли на юг от Черной речки до Охты и крепостных стен также велико и содержит столько же улиц, как и первая часть. 3) Пространство, лежавшее на юг, т.е. по одной стороне с крепостью. Эта часть города с 4 улицами, идущими с севера на юг и с 3 поперечными, имела быть самой большой, но она никогда не состоялась, как увидим впоследствии. Крепость соединялась с первой частью города мостом через Охту, где проведен был еще другой мост на восток через Черную речку во вторую часть города: там видна церковь с кладбищем. Ниже

находились жилище пастора и школа. Площадь между обоими мостами, Охтою и Черною речкою должна была служить рынком. Идущая отсюда на восток улица называлась Королевской (Kungsgata); другая, параллельная этой, называлась Средней, а третья Выборгской, потому что она вела на дорогу того же названия. Прочие улицы еще не имели особенных названий. Больше подробностей можно видеть на самом плане. На одном из дворовых мест 1-ой части сочинителем прописано следующее замечание: «После начертания мною в 1633 году, по повелению его королевского величества, предварительного плана этого чертежа, число жителей увеличилось на $^{2}/_{3}$. Дай Бог успехов!» В следующий год после поездки Швенгеля в Ниэн, т. е. в 1634 году город этот удостоился посещения известного путешественника Олеария, который засвидетельствовал возраставшее благосостояние города.

Если замок был разрушен русскими во время войны 1656 года, то можно полагать, что и окружающие его стены подверглись той же участи, хотя они впоследствии воздвигнуты снова на прежних развалинах.

Был ли город укреплен до войны, нам неизвестно; должно, однако, полагать, что местами были возведены окопы, ибо много лет спустя говорили о развалившихся древних земляных стенах, видных даже на некоторых картах, которые нами будут рассмотрены впоследствии. Если они и существовали, то их вместе с городом постигла одинаковая участь, потому что депутаты города Ниэна еще до окончания войны просили на сейме в Гётеборге в 1660 году об укреплении города, и король обещал иметь эту просьбу в виду, предоставляя ее между тем рассмотрению военной коллегии. Но дальнейших мер по этому делу не было принято; когда же городовой магистрат просил генерал-губернатора указать, где построить церковь и ратушу, то в ответ им дано 11 июля 1664 года следующее решение: следует обождать утверждения его королевским величеством одного из двух имеющихся планов укрепления, после чего они тотчас получат надлежащее уведомление. Потому кажется, как будто кроме плана Швенгеля должен существовать еще другой; но следов его нам нигде не удалось открыть. Между тем прошло несколько лет в ожидании, а решения никакого не последовало, почему магистрат на сейме 1671 г. осмелился возобновить свою просьбу об укреплении города, представляя притом, что никто из иностранцев не соглашается поселиться в Ниэне, опасаясь повергнуть свое имущество

случайностям в этом пограничном неукрепленном и ненадежном месте. Вследствие того правительство обещало обезопасить город постройкой стен, что должно было последовать в скорейший срок, тем более что план был готов. Он значится в нашем реестре под № 4 и имеет следующую надпись: *Подлинный план крепости Ниэна 1671 года (подписали): Врангель, Гильтер, Ф. Курк, Густав Оксеншерна, И. Вернщёльд, Ронберг, И. Пальмгрен, Б. Гильдегов, И. Строп. Стокгольм 22 мая 1671 г.* Из этих лиц более замечательны: И. Вернщёльд, бывший генерал-квартирмейстером всех крепостей; И. Пальмгрен – секретарь и член военной коллегии и И. Строп, служивший в помянутой коллегии, где, по-видимому, и состоялся этот план, без формального утверждения правительства, вероятно потому, что король еще не был совершеннолетним, а правительственная опека, может быть, не хотела заняться решением столь важного вопроса.

По этому плану объем пятиугольной крепости был тот же, как и прежний, но замка при нем не видно. Саму же крепость должно было увеличить, именно в южную ее сторону, в ту самую, которая по плану Швенгеля составляла третью часть города, и стены здесь должны были простираться всего на 1200 шведских локтей; тогда одна сторона крепости прилегала бы к Неве, другая к Охте, а третья (южная) к болоту. Улицы и номера дворовых мест здесь показаны иначе, нежели на карте Швенгеля; о церкви ничего не упомянуто, потому что она, вероятно, была уже построена, или же имела быть сооружена в самом городе, вне крепости. Мост, соединявший крепость с городом и находившийся близ Невы, по новому плану отнесен вверх по течению реки на 700 локтей. Нигде не заметно предначертания к укреплению города, ибо издержки, сопряженные с этим предприятием, не соответствовали бы тогдашним средствам города. Хотя таковой план, утвержденный надлежащими подписями, и имел быть отправлен в Ниэн, для руководства при укреплении его, но правительственная опека оставила это дело, подобно многим другим, без всякого внимания и город все оставался неукрепленным. Между тем Карл XI вступил в полное управление королевством, а известный Эрик Дальберг был в 1674 году определен директором управления всеми крепостями Швеции. Уже в следующем, т. е. в 1675 году он представил королю для подписания новый план расширения Ниэншанца. На этом чертеже, который значится под № 5, находится следующая надпись:

www.knigafund.ru

Геометрический очерк Ниэна, в Ингерманландии, вновь утвержденный его превосходительством господином военным министром и военною коллегиею, по различным прежним чертежам, а также по рисунку, начерченному по поручению королевского военачальника в замке его Экебюгоф, и подписанный его королевским величеством в присутствии его сиятельства государственного адмирала графа Густава-Оттона Стенбока, фельдмаршала Густава Банеера и генерал-квартирмейстера Дальберга; в Стокгольме 29 марта 1675.

Этот план, подписанный королем Карлом XI, собственной его рукой, имеет ближайшее сходство с предыдущим чертежом. Только относительно распределения домов в пределах крепости в этом чертеже отчасти изменено многое, отчасти же прибавлено то, чего не доставало в прежних. При сем назначено было построить в прежней крепости дом коменданту, две казармы, пороховой погреб и три караульни. Территория новой расширенной крепости была разделена на дворовые места, распределенные по обе стороны прямых улиц. В середине оставлена довольно большая площадь, вероятно, для рынка. Такие же пустопорожние места были назначены для цейхгауза, провиантского магазина, сборного места (?) и семи караулен. Нам известно, какие именно средства были отчислены для выполнения этого предприятия, но прежде уже было замечено, что в 1679 году приказано Карлом XI, чтобы каждый способный к работе поселянин Карелии и Ингерманландии был употребляем в эту работу, в продолжение одного месяца. Мы не знаем также, каковы были результаты этого повеления, однако можно полагать, что ни стены, ни само распределение улиц и домов не соответствовали требованиям необходимости, ибо план за № 6, составленный в 1698 г., т. е. более 20 лет спустя, представляет крепость в том виде, как она должна бы быть, а не в таком, как она была в действительности, а на нем все значится совершенно иначе, чем можно бы ожидать на основании вышеупомянутых планов. Этот чертеж имел следующее заглавие: *«План города Ниэна*[267] *с обозначением глубины в разных точках Невы и Охты, разделенный на квадраты, из которых каждый обозначен верными и разными замечаниями»*. Ниэн, 29 июня 1698 г. (подписал) И. Мейер. Этот рисунок в разных отношениях интересен. Сама крепость здесь сохранила прежний вид, а домов не видно, заметны лишь бастионы и равелины. Бастион, находившийся ближе к Неве, примерно там, где ныне на охтенской верфи спускаются

корабли, называется *мельничным (Quarnbastion);* находящийся налево от него имеет название *Гельмфельтова*, а направо, обращенный к Охте, *старого бастиона.* Два остальные бастиона, находящиеся по ту же сторону, называются: *Мертвым* и *Карловым* бастионами. *Меньший равелин* обращен к Неве, а *большой* находился напротив него. Постройка валов внешнего укрепления, кажется, начата по течению Невы, согласно утвержденному, впрочем, в 1675 г. плану, но далеко еще не была доведена до конца; пространство внутри валов было по большей части не обстроено, а улиц вовсе не видно. Кроме казенного цейхгауса, старого запасного магазина и шалаша для солдат, здесь не находилось никаких строений, кроме нескольких хижин, построенных частным образом солдатами, вероятно, для жительства своим женам и семействам. Все прочее было не обстроено. Город, напротив того, кажется, был распределен по улицам и кварталам, и видно, что в нем господствовал строгий порядок. В 1-й части возвышалась *немецкая церковь*, примерно там, где ныне построена русская, а во 2-й части, на восточной стороне речки, протекавшей через город, стояла шведская церковь. Русская же церковь, или, как она правильнее называлась, часовня находилась не в городе, а наискось по другую сторону Невы, недалеко от нынешнего Смольного монастыря. Вокруг города видны остатки древних укреплений, которые, вероятно, не были окончены, а может быть, и срыты. Дорога в Выборг вела по берегу Невы, а другая на восток в Нётеборг. Все прочие окрестности города состояли из болотистой почвы, где жители воспользовались плодороднейшими местами для посевов, садов и хмельников. Недалеко от внешнего укрепления устроены были смоловарня и канатный завод, а между коленом Охты и ручейком, называемым Кервилою, находились жилище и угодья шведского пастора. Эта карта замечательна еще тем, что на ней обозначена глубина Невы примерно от того места, где ныне находится Таврический дворец, вниз несколько дальше крепости, для чего все это протяжение реки разделено на квадраты величиной в 15 рейнландских рóдов [268]. В каждом таком четырехугольнике находится цифра, означающая глубину того места. Высота воды в Охте измерена также по всему ее протяжению около крепости, но она не значится в квадратах, вероятно, по незначительности ширины этой реки.

Кроме исчисленных чертежей и проектов укрепления города Ниэншанца, есть еще два, упоминаемые в нашем реестре,

www.aroundspb.ru

один под № 7, составленный без означения года Сигисмундом Дейдером, другой под № 8, составленный 17 февраля 1698 года, без наименования сочинителя. Несмотря на то, время сочинения первого плана может быть определено довольно приблизительно, потому что внешние укрепления, а также и распределение улиц и дворовых мест, совершенно согласны с чертежом, утвержденным королем Карлом XI в 1675 г., с тем лишь различием, что сей последний заключает в себе только саму крепость с внешним укреплением, между тем как рисунок Дейдера представляет укрепленным и город, и форштат с подробными распределениями в нем улиц и дворовых мест. Удивительно, что древнейшая, прежде всего заселенная, ближайшая к Неве часть города, которая нами названа первою, на этом плане значится пустопорожней, и только вторая часть, находившаяся за Черной речкой, назначена для обстройки и заселения. Может быть, всю 1-ю часть хотели оставить площадью перед крепостью для свободного действия пушек в случае, если бы неприятельский флот вздумал пройти мимо нее. Сравнив таковое предположение с вышеизложенным ответом генерал-губернатора в 1664 г. на просьбу депутатов Ниэншанца об укреплении города с ответом: «обождать, который из обоих планов (первый или второй), будет утвержден его величеством», можно думать, что было совещание о том, должно ли укрепить внешними стенами один только замок, или же обвести весь город стенами? До того было замечено, что первый чертеж признан королем, почему и можно предполагать, что он был сочинен и представлен уже до 1664 года; второй же (без означения имени составителя), начерченный в 1698 году, заключает в себе план укрепления Ниэншанца, но совершенно отличный от предыдущих; он замечателен вообще тщательностью отделки и полнотой, из чего можно заключить о познаниях сочинителя в фортификации, что́, вероятно, и побудило короля поручить ему составить новый план укрепления реки Невы, не стесняясь ни в чем прежними чертежами. Сам сочинитель, хотя никогда не бывал в Ниэншанце, но тотчас начертил план его по доставленным ему прежним рисункам, которые, по его отзыву, были неверны и недостаточны для начертания нового плана; потому он смотрел на свой чертеж единственно как на проект, который он хотел исправить впредь, лично ознакомившись с местностью. В присовокупленной к чертежу записке автор говорит: «этот план составлен мною по оригинальному чертежу местности того

края, который не совсем точен, а так как я не был в Ниэншанце, и потому не мог сверить его, то чертеж этот признаю только за проект, предполагая впредь, когда лучше узнаю местность, подать всеподданнейшее мнение как о том, должно ли Ниэн, или Нётеборг принять за настоящую точку защиты, или же крепость должно построить при впадении Невы в Балтийское море, а равно и о том, в какой мере при укреплении одного из этих мест его королевское величество в случае необходимости может найти для государства такую защиту и пользу, которая соответствовала бы расходам». Автор при сем, вероятно, имел в виду Ениссари и Котлин, выгодным положением которых Петр Великий умел воспользоваться. Далее автор говорит о своем плане: «План Ниэна таков, что неприятель может только на один полигон сделать решительное нападение, так что крепость всегда может быть охраняема 1000 человек, защищаема 2000 человек против незначительной осады, а 4000 (кроме артиллерии, конницы и драгун) против самых сильных нападений; в крепости достаточно мест для общественных построек и зданий, безопасные от выстрелов кладовые для аммуниции и гарнизона и дворовые места для 150 граждан, которые могут иметь свои амбары и отдельную часть города с гаванью, могущею служить рвом для лучшего охранения города». Что автор заботился обо всем, чего можно было ожидать от незначительного объема крепости, в том мы убеждаемся из следующего описания строений, которые он предлагал в ней воздвигнуть. *A.* дом коменданта; *B.* церковь; *C.* ратуша, с находящимся под нею подвалом, исправительным домом и тюрьмою; *D.* школа с квартирами для служащих при ней; *E.* дом пастора и церковнослужителей; *F* таможня; *G.* казенный пакгауз, весы и складочное место; *H.* пивоварня; *I.* пекарня; *K.* госпиталь и сиротский дом; *L.* госпиталь для раненых, который в мирное время должен служить баней; *M.* пожарное депо; *N.* городской колодец с насосом; *O.* лесной двор; *P.* рынок; *Q.* плац-парад; *R.* артиллерийский двор; *S.* пакгауз; *T.* ворота и квартира плац-майора, сторожевская и острог; *U.* главная гауптвахта; *V.* караульня; *W.* таможенный и обыскной дома; *X.* 4 ветряные мельницы; *Y.* 6 пороховых погребов; *Z.* лестница на стены, общие отхожие места и наконец 12 колодцев. Под четырьмя куртинами назначено было устроить двухэтажные своды, из которых та часть, которая вдается далее внутрь стен, могла бы служить помещением для аммуниции, а внешняя часть подвала казармой для гарнизона,

www.etoonline.ru

так, чтобы офицеры помещались бы в верхнем этаже, а солдаты в нижнем. Во всех бастионах и фланках имели быть учреждены казематы, где бы можно было поставить маскированные пушки для защиты, погреба для необходимого количества пороха, а перед ними артиллерийские казармы.

Кроме вышеизложенного, назначено было, как видно на плане, оставить место для возведения богатыми гражданами и купцами 22 пакгаузов, а также при рынках и более оживленных улицах 50 больших дворовых мест, а при малых сто меньших по объему мест для ремесленников и граждан. Должно сознаться, что все было хорошо придумано, и кроме того, можно заметить, что при этом имели в виду переместить в крепость все необходимое, что прежде находилось в городе, который, по-видимому, хотели оставить на произвол судьбы. Впрочем, он еще и не успел получить вид правильного города, хотя в проектах недостатка не было. Дома стояли криво растянутые почти по берегу Невы, там, где ныне находится деревня Большая Охта. Притом валы вокруг города перед самым открытием войны с Россией еще не были окончены. Нордберг в истории Карла XII стр. 423, говорит, что генерал-майор Крониорт, расположившись лагерем перед Ниэншанцем в 1702 г., построил там укрепление, которое при осаде крепости служило для русских прикрытием; но где оно находилось, я не могу с точностью определить. Между тем мне кажется правдоподобным, что он исправил внешнее укрепление, которое при осаде не могло быть защищаемо шведами, удалившимися в саму крепость, и потому служило для русских благоприятным прикрытием от ядер, тогда как они оттуда удобно могли обстреливать крепость. Представляю обсудить это предположение знатокам фортификации, причем я в оправдание моего убеждения замечу, что оно подтверждается тем изображением Ниэншанца, которое помещено в так называемой «Марсовой книге», изданной при Петре Великом и заключающей в себе рассказ о ходе осады каждой крепости, взятой его храбрым войском во время войны со Швецией; к тому присовокуплен план города с указанием позиции, занимаемой осаждавшими. На этом чертеже видно, что одна лишь южная часть так называемой новой крепости была готова, а других стен по ту или другую сторону крепости нельзя было заметить. Может быть, именно вышеупомянутое укрепление и есть то самое, которое по словам Нордберга построено генералом Крониортом. Оно также видно на медали,

выбитой по случаю взятия Ниэншанца и изображенной в *«Schlüssel zum Neustädtschen Frieden»*. Что воздвигнутое Кронгортом внешнее укрепление находилось выше Ниэншанца, т. е. по ту сторону, которая обращена к Невскому монастырю, подтверждается и Миллером (*Sammlung Russischer Geschichte* т. V. стр. 583); даже в настоящее время видны развалины его, и желательно, чтобы совершенное уничтожение впредь не было, как до сих пор, предоставлено произволу частных лиц, ибо глядя на них, каждый любитель древности углубится в тот век, когда берега Невы по большей части еще не были обстроены; они напомнят, что падение Ниэншанца было причиной основания другого города, новой крепости, которой ныне гордится Россия; где пребывает Самодержец всей империи, где сотни тысяч людей благословляют того, кто по завоевании Ниэншанца и Невы своим творческим гением вознес Россию на ту степень могущества и славы, которую она ныне занимает в системе европейских государств. Ниэншанц навсегда останется в памяти потомства.

Кроме описанных нами чертежей и планов, которые за исключением № 1 и 2 изображают одну крепость Ниэншанц с самим городом Ниэном, в нашем реестре значится еще 3 карты, о которых до сих пор еще вовсе не упоминалось. Из них две изображают все течение Невы от Шлиссельбурга до Кронштадта, без указания на прилежащие к этой реке земли, третья же, напротив, изображает не только Неву во всем ее течении и часть Ладожского озера, но даже и весь берег с обозначением поместьев, деревень, озер, притоков и пустошей. Первый из этих трех чертежей, означенный под № 9, имеет следующее заглавие: *«Геометрическое начертание реки Невы, начиная от Ладожского озера и Нётеборга до Ниэншанца; прочая же часть реки до Балтийского моря начерчена с меньшею точностью»*. Эта карта, изображающая только Неву и прилежащие к ней деревни и дворы, кажется довольно отчетливой и точной, за исключением той части, которая, протекая нынешний Петербург, впадает в Финский залив; она начерчена по догадкам (как говорит сам сочинитель), почему как самая та часть реки, так и острова в ее устьи неверно означены. Не только крепость Ниэншанц, но и город Ниэн изображаются ясно, и так как автор при черчении этой карты не руководствовался прежними чертежами, но все представил по существующим данным, то и план этот в отношении Ниэншанца весьма интересен. Крепость здесь сохранила тот же

самый вид, как и на прежних планах, и пред нею на юг виден *новый верк*: так он называется и здесь и изображен точно в том же виде, как на плане, утвержденном королем Карлом XI; зато город касательно улиц и домов представляется весьма неправильным. Их, вероятно, еще не успели устроить, а оставили в том виде, как они находились вскоре после Кардисского мира, когда еще не знали, как и где строить. Между тем изображаются обе церкви, одна на восточной, другая на западной стороне Черной речки. Верхняя или восточная часть города, по-видимому, была укреплена, но это, вероятно, было сделано (как сказано выше) в более отдаленное время. Между тем эти валы сохранились отчасти до 1703 года, когда город был взят и разрушен, и даже в настоящее время встречаются следы их. Ниже по течению Невы видны деревянные строения Ниэна. Против самой крепости на другом берегу реки изображается также нечто подобное городу, под названием Spaski Hakelverk или Warenpol, каковым названием это место обозначено в других чертежах. Здесь была переправа в город, доходы с которой шли в городскую казну. Отсюда шла дорога через Ингерманландию в Эстляндию и Лифляндию. На нижней кайме приписано сочинителем следующее замечание: «Берега Невы от Ладожского озера до Ниэншанца высоки, состоят из песка и покрыты большей частью густым лесом или кустарником. Течение ее не очень быстро; хотя высота воды в ней везде доходит до 6 футов, несмотря на то глубина реки незначительна; так что на ладьях и других судах при попутном ветре можно плыть против течения, но при сильном противном ветре трудно. При буре с запада, севера и юго-запада вода у Ниэна подымается на четыре локтя выше обыкновенного и причиняет находящемуся там укреплению большой убыток. Близ *A* около 32 версты выше того места, где Охта вливается в Неву, течение в ней самое быстрое, что неправильно называется порогом. В Туссине, на расстоянии 1,5 мили от Невы и 0,5 мили от реки того же названия, находятся ломки, где добывается известь и строевой камень, который по рекам Туссине и Неве может быть доставлен в Ниэн. Чертил в октябре 1681 года Э. Ф. П. Б...г.» (вероятно, Блассинг).

Другой чертеж под № 10 есть *гидрографическая карта Невы от рейда Ниэншанца (в Балтийском море) до рейда Нётеборга (в Ладожском озере) с означением настоящего ее положения и глубины и отмелей; черчен в мае и июне 1701 г.*

Карлом Эльдбугом. Эта карта почти во всем сходна с предыдущей, исключая того, что на ней означены (чего недостает в первой) все острова в устье Невы, где впоследствии основан Петербург, с сохранением их первоначальных финских названий; причем можно пожалеть, что чертеж этот, ограничиваясь деревней Лахтой, не заключает в себе Кронштадта, из чего можно бы было узнать, как финны именовали этот остров. Кроме того, эта карта доказывает, что глубина реки от Лахты до Нётебурга была измерена и обозначена на плане цифрами, выражающими число футов. Посему чертеж этот служит дополнением к карте Мейера от 1698 г., где определяется глубина воды только вокруг крепости Ниэншанца, но при этом надобно заметить, что первый из этих чертежей не разделен на квадраты.

Третья из помянутых карт имеет заглавие: «*Географическая и путевая карта окрестности Нётеборга и реки Невы по всему ее протяжению от Ладожского озера до Балтийского моря; чертил Блассинг.*» Год составления не означен; несмотря на то можно полагать, что карта эта состоялась не ранее 1670 года, потому что в ней вовсе не упоминается о *новом верке*, возведение которого утверждено разолюцией от 29 марта 1675 г. Кроме того, наше предположение подтверждается еще двумя доводами, а именно: только на этой карте означено владение *Мёрнергольм*, основанное дерптским президентом Карлом Мёрнером на городской земле. Нам не известно, платил ли он за эту землю какую-либо аренду, или она была подарена ему в пожизненное владение. Скорее можно предположить последнее, ибо по смерти президента Мёрнера в 1665 г. городовой магистрат тотчас же стал требовать это владение от наследников Мёрнера, которые и должны были возвратить оное вследствие решения от 18 сентября 1666 года, после чего земля эта, вероятно, была приобщена к городской территории; вместе с тем должно было мало-помалу исчезнуть и название владения Мёрнерова. Второе обстоятельство, усиливающее наше убеждение, тоже не маловажно, а именно: на этом чертеже означаются только следующие приходы: *Спаский, Славянка, Ингрис, Ярвисаари, Дудергоф, Лоппис* и *Кельтос;* между тем известно, что нарвский суперинтендант, впоследствии епископ Абовской епархии Иоган Гецелиус во время заведования делами этого края велел разделить несколько больших приходов, и, вероятно, тогда определились те границы, которые сохранились до сих пор; а как это еще не означено на

разбираемом нами чертеже, то можно полагать, что он издан до вступления Гецелиуса 10 сентября 1681 г. в звание суперинтенданта. Впрочем, карта эта очень хороша и означает различными цветами лесную и болотистую почву; зато на ней видно очень мало деревень в Карельской части, вероятно потому, что жители этого края, совершенно опустошенные в предыдущую войну, не успели поселиться там для обрабатывания земли.

Разобрав таким образом вкратце обозначенные в нашем реестре карты, приобретенные мною из шведских архивов и изображающие Ингерманландию и Карелию, особенно город Ниэн и крепость Ниэншанц, замечу, что в Императорской Академии Наук в С.-Петербурге хранится еще план Ниэна *(Город Ниэн с его окрестностями)*, план очень изящный и во многих отношениях интересный. Так как Академия определила уже особо издать эту карту, то я со своей стороны касательно ее не принял пока никаких мер. Считаю долгом лишь заметить, что этот чертеж снят в 1737 г. К. И. Шварцом с оригинала, изданного в 1698 г. бывшим в то время подполковником и начальником Нюландской и Тавастгусской губерний, Кроониортом. Здесь много подробностей, которых не достает в чертежах, мною представленных, ибо эта карта, изображая также и окрестности Ниэншанца, показывает все, что только заслуживает особенного внимания. Так, напр., видно, что около города находился хороший сад под названием городского, и кроме того другой, менее роскошный, принадлежавший коменданту; что на Васильевском острове (на стрелке) были тони, принадлежавшие (графу) Делагарди, что строения Ниэна простирались по ту и другую сторону крепости, что там, где ныне Невский монастырь, существовала лаборатория, и т. п.

Однако и эта подробная карта не представляет вообще столько удовлетворительных сведений, как можно бы желать, точно так же как и чертеж, вышедший в 1827 г. в С.-Петербурге на 4 листах под заглавием: *Карта бывших губерний Ивангорода, Яма, Копорья и Нотеборга под присмотром генерал-майора Шуберта, генерального штаба штабс-капитаном Бергенгеймом.* Этот чертеж составлен по источникам, хранящимся в архиве Главного Штаба в С.-Петербурге, куда он был представлен по условию Ништадского мира в 1721 г. Между тем и эта карта рассмотрена мною и сличена с прочими. А так как исторических памятников о положении города и кре-

пости, и также о достопримечательностях, в них заключавшихся, более не имеется, то мы просим читателя удовольствоваться тем, что было нам доступно. Всего этого, конечно, мало, все же есть что-нибудь, и я надеюсь, что многие решатся сопутствовать мне в места более отдаленные, на которых я буду иметь честь показать другие достопамятности, хотя бы только для сравнения их прежнего значения с нынешним.

Сначала прошу последовать за мною в Кронштадт, составлявший крайнюю точку на западе Новгородской области, по которой проходила пограничная черта между Швецией и Россией в то время, когда Ингерманландия и Карелия составляли уже русские владения. Эта граница разделяла остров на 2 части, так что юго-восточная (большая) принадлежала России, а остальная, юго-западная – Швеции, где, по сохранившемуся до сих пор преданию, крестьяне Новокиркского прихода деревни Ино владели до времен Петра Великого сенокосными лугами. О виде острова мы не будем распространяться, ибо он почти всякому известен, хотя по карте, где он представляется в виде большой рыбы. В то время, о котором мы здесь говорим, почти весь остров был покрыт лесом и не населен, за исключением нескольких жалких рыбачьих мазанок. Если же это был тот самый остров, который упоминается на 117 стр. Переписной окладной книги [269], где говорится о «о селе на Фомине острове на Неве у моря», что он довольно хорошо населен, ибо там около 1500 года (т. е. до шведского владычества) находилось около 32 дворов, которые, имея во владении 26 обж, засевали до 60 коробей и получали 300 копен сена. Кроме того, там было 4 двора, которые не имели пашен, а занимались, вероятно, рыбным промыслом. Я не смею, однако, положительно утверждать, было ли село Фомино именно там, где ныне Кронштадт, хотя это весьма правдоподобно, ибо ясно говорится, что село находилось на взморье и было хорошо населено; этого нельзя приписать никакому другому из близлежащих к Петербургу островов. Тем не менее г. Бутков говорит, что «под названием Фомени разумелись все острова, составляемые протоками Невы при ее устье», а так как они были покрыты густым дубовым лесом, то легко объяснить и само название «Фомино», происходящее от финского слова «Tammi», которое значит *дуб* [270]. Не хочу отнимать достоинства у этого предложения, но замечу, что и Петр Петрей, говоря о Кронштадте в истории великого княжества московского (стр. 83) [271], утверждает, что там жило 30 крестьян, а это

ближе всего подходит к сведениям, заключающимся в Окладной книге. Впрочем, история средних веков доказывает, что этот остров был известен в то время под названием «Kettlingen», быв впоследствии назван русскими *Котлиным*. Второе название, вероятно, есть не что иное, как перевод первого, ибо слово «kettel» значит по-русски *котел*. По общему мнению, этот остров был называем туземными финнами «Rettu saari» (Реттусари). Уже в первой части сочинения мы старались опровергнуть подлинность этого названия, полагая, что оно скорее было Кеттусари (Kettusaari), что значит лисий остров, ибо слово «Кетту» значит лисица, чем и может быть объяснено производство слова Кетлинг. Это предположение может быть подтверждено лишь находкой какой-либо древнейшей карты. Все дело теперь заключается лишь в недостоверности первой буквы, именно была ли она R или K; во всех же новейших чертежах слово это пишется через R. В прочих памятниках, где только упоминается этот остров под своим прежним названием, пишется также Rettusaari. Сомнение же устраняется картой, описанной нами под № 2, которая по древности своей заслуживает особенного доверия. Здесь остров этот значится под названием «Kellasaari»; а так как слово Kella не есть финское, то можно думать, что издатель карты, или тот, кто в 1698 году снял ее со старого большого оригинала, представив ее в настоящей величине, забыл провести черту на буквах *ll*, или, может быть, по ветхости подлинника не мог заметить ее. По той же самой причине буква *a* могла быть поставлена вместо *u*. Вообще на это должно смотреть как на описку, зная, что ни Kella, ни Ketta не имеют решительно никакого значения на финском языке, где неминуемо должно искать их корня. Итак, если согласятся мо мной в подлинности слова *Кеттусари*, то тем самым решится вопрос из древней Русской топографии, важный уже потому, что значение слова *Kettlingen* есть название острова, который, составляя ныне ключ Петербурга, подвергается разбору многих исторических изыскателей. При этом не могу оставить без внимания переданного мне устно одним другом, который слышал некогда от своего отца, что остров Кронштадт прежде назывался *«Repo saari»*, а это имя тождественно со словом Kettu saari. Не могу ручаться за достоверность этого рассказа, но тем не менее он правдоподобен; ибо слова «Kettu» и «Repo» суть синонимы, из которых последнее употребляется только в окрестностях Кронштадта, т. е. в Ингерманландии, в кивинебском и ново-

киркском приходах, а первое в остальной Финляндии, особенно так называемыми Гямяляйнами, которые, как известно, населяли некогда окрестности нынешнего Кронштадта. По всей вероятности, ими этот остров был назван Kettu saari (Кеттусари), а иностранцы [272] заменили это название словом Kettingen, Kettlingen. Впоследствии же туземцы, согласно духу своего языка, заменили это название словом «Repo saari» (Лисий остров), точно также как находящийся в нескольких верстах от Кронштадта на северном берегу Финского залива полуостров и в настоящее время называется Лисим носом (Revonenä) [273]. Далее по тому же берегу встречается деревня Лахта, которая значится не только на всех мною поименованных чертежах XVII столетия, но и в *Окладной книге по Новугороду Вотьской пятины* 7008 (1550) году. Она состояла тогда из 9 дворов и 8 обж земли. Недалеко от Лахты находилась другая деревня, которая на карте Бергенгейма называется «Рихилакс» (Rihilax), а на чертеже Блассинга под названием Ряхяля (Rähilä), каковые названия мне до сих пор остаются неизвестными.

Перейдем теперь к островам, лежащим при устье Невы; они в настоящее время большей частью населены. Мне неизвестно, как эти острова назывались в то время у русских; первоначальные же их названия не только обозначены на современных картах, но сохранились до сих пор в устах туземных финнов. Таким образом Елагин остров встречается под следующими названиями: у Эльдбуга (1701 года) «Mistula saari», на карте Бергенгейма (1675 года) «Mitsala Saari», а в чертеже Блассинга «Mustila saari»; последнее, как чисто финское слово, имеет больше достоверности. Mustila происходит от прилагательного «musta» (черный) и потому Mustila Saari значит: Черный остров или Черный двор. Противолежащий сему остров называется *«Risti Saari»*, от чего и произошло нынешнее его название *Крестовский*, ибо risti значит на финском языке крест. Г. Бутков, полагая, что на этом острове некогда находилась часовня, производит название его от креста, которым отличалось это здание от прочих [274]. Нельзя ли здесь предположить, что название Крестовского есть произведение позднейшего времени, происшедшее от пересекавшихся там крестообразно двух аллей? Название «Каменный остров» есть ни что иное, как перевод финского *Kiwi saari*, ибо слово «kiwi» значит по-русски *камень*. На противоположной стороне лежал остров «Korpi saari» (Карповка), который отделяется небольшой

речкой того же имени от Койвусари (Березового острова) или нынешней Петербургской стороны. Блассинг называет оба эти острова Койвусари. Во время шведского владычества находилось там большое поместье, известное под именем *Биеркенгольма* (Björkenholm) и там, по всему вероятию, король Густав Адольф хотел основать город Ниэн. Впрочем, неизвестно, кому это место принадлежало. При впадении Карповки в Неву находится островок, называвшийся тогда *Kili saari* (Козьим). Нынешний Петровский остров, который речкой (шириной в несколько сажень) отделяется от Петербургской стороны, куда он и причислен по древнейшим картам, назывался Патсисари (Patsi saari), а у Бергенгейма Путсасари (Putsa saari). Небольшой остров, лежавший против устья малой Невы, назывался *Кервиц;* значение этого слова нельзя отыскать ни в финском, ни в русском языке. Ниже Койвусари находился в большой Неве остров Jänis saari (Заячий), тот самый, где ныне стоит крепость. Васильевский остров назывался тогда Hirvi saari (лосий), вероятно, потому, что так, как утверждают, некогда водились лоси. Известно и то, что он был местом охоты Якова Делагарди. Близ нынешнего Калинкина моста находился остров *Kala saari* (рыбный), вероятно, названный так по рыбному промыслу, производимому там. Вероятно, это не что иное, как нынешняя Емельяновка. Ниже при устье Невы находилось еще несколько островов, из которых один назывался «Lammas saari» (бараний), другой «Witsa saari» (таловый), а третий «Kiwi saari» (каменный). Ниже Витсасари виден на карте Блассинга остров *Alais* (Гутуев), который не значится в прочих чертежах. Та часть Петербурга, которая ныне составляет собственно город и где находится Зимний дворец, представляла также некогда остров, который омывался с одной стороны Большой Невою, а с прочих небольшой рекой, которая ныне известна под названием Фонтанки; прежде она называлась «Kämäjoki» на карте Эльдбуга видна деревня того же имени; итак, мнение г. Буткова, что Фонтанка прежде называлась «Кеме» [275], совершенно справедливо. Однако ни в одном из описанных чертежей не упомянуто, какое общее название имеет этот остров. Известно лишь, что та часть острова, где находится дворец, адмиралтейство и т. д. до Галерного двора, и которая ограничивается Мойкою, называлась Усадиссою (Usadissa) или Удиссою (Udissa). Само же «Усадищо» [276] находилось при выходе Фонтанки из Невы, примерно там, где ныне дворец Петра Великого в Лет-

нем саду. При сем трудно определить, были ли там еще другие владения, или и остальная территория принадлежала к Удиссову двору; нижняя часть острова или пространство между Мойкой и Фонтанкой названа на карте Бергенгейма *Perukka Saari*, в карте за № 2 *«Perusina»*, а в чертеже Блассинга за № 11 *Perwiskina*. Несмотря на то, что слово это пишется различным образом, однако несомненно, что оно чисто финское и производится от слова *«perus»*, означающего землю, которая имеет твердый грунт, для различия от Удиссы, которая поблизости к Неве была более подвержена наводнениям и состояла из почвы менее твердой, чем первая, где поверхность земли достигла той твердости, что ее можно было обрабатывать. И здесь, по указанию карты, около тех мест, где ныне стоит Михайловский замок, находилось поместье, называвшееся тоже *Перузиным* (Perusina) [277]. Впрочем, все исчисленные острова были мало населены, чему причиной должно считать болотистую их почву, неудобную для разработки. Западная часть Васильевского острова представляла огромное болото, напитанное водой; лишь только восточный берег, где ныне находится биржа, был населен и обработан. Там находилась деревня Гирвисари, место охоты и тони Якова Делагарди. На западном берегу при устье реки находился только один двор, называвшийся *Рюненя* (Rynenä). Там жили лоцманы, в которых нуждались мореплаватели по причине существующих в устье Невы многочисленных мелей. На Крестовском острове были две деревни; одна у перевоза против нынешней дачи Нарышкиной, другая там, где в настоящее время находится Чухонская деревня. На Корписари или на Карповке было также два двора, а Койвусари, как удостоверяет карта, заключал в себе семь дворов, из которых пять находились на берегу большой Невы; названия их не дошли до нас. Земля на север и юг от Невы, а также и от рукавов ее обработана, чем доказывается, что эти страны меньше островов подвергались влиянию воды. Как для иностранцев, так вообще для тех, которые искали выгод в торговле с Россией, река эта была не так доступна, как в настоящее время. Рейд, начиная от Котлина острова до Невы, был весьма опасен, и плыть по нему без лоцмана было почти невозможно. Тогдашний путь был совершенно отличен от нынешнего. Фарватер шел по *новокирскому* и *кивинебскому* берегам до деревни Лахты, которую по причине отмелей должно было оставить несколько левее. При входе в большую Невку стоял дом таможенного досмотрщика,

где все суда останавливались для освидетельствования. Это было именно в деревне, которая называлась Likanowa (грязная) или нынешняя *Старая деревня*. Далее встречается деревня «Kiwinenä» или нынешняя *Новая деревня*. Вверх по Невке находилось имение, называемое «Kiskoin» (Кискойн) против Каменного острова, немногим ниже по южную сторону от впадения Черной речки в Невку, там, где ныне дача графа Строганова. Это поместье принадлежало какому-то военному по имени *Кискойнен*, после смерти которого оно было, вследствие королевского повеления, уступлено Ниэну для увеличения городских доходов, разумеется, не без тяжбы со стороны родственников прежнего владельца. Немногим выше истока Карповки находились на Выборгской стороне дворы Путтус (Puttus) и Макула (Makula). Там, где ныне при впадении Невки в Неву стоит госпиталь, находились деревни Ависта (Awista) и Ихола (Ihola) и при них кирпичный завод Ниэна и пушечный двор. То место, где Нева, свернув на юг, образует колено, и где находилось несколько деревянных строений, называлось «Ремсан» (Remsan) и походило на небольшую деревню. После этого следовали госпиталь и предместье Ниэна, состоявшее из группы деревянных домиков, которые не находились на городской территории, хотя примыкали к ней, и были обитаемы преимущественно ремесленниками и чернорабочими. Это место ныне занято Большою Охтою. На южной стороне крепости находились городской канатный завод и смоловарня, кирпичный завод и полотняная фабрика, с местом для отбеливания полотняных тканей.

Путь, мною описанный от Лахты до Ниэна, назывался *старым фарватером* для различия от нового, шедшего по южную сторону Кронштадта и удержанного до сих пор. Им воспользовались, вероятно, не ранее XVII столетия в то время, когда Нева была в руках Швеции.

Все, изложенное мною здесь вкратце о Ниэне с его окрестностями, содержит в себе лишь топографические сведения, относящиеся к XVII столетию, когда Ингерманландия была еще шведской провинцией; эти сведения почерпнуты мною из хранящихся в шведских архивах карт, которыми руководствовались чиновники того времени. Но это оказывается весьма недостаточным для доставления читателю удовлетворительного знания топографии этой страны вообще, и той степени образования, которой достигли жители в отношении обработки земли, ремесел и прочих условий гражданской жизни.

Топографические и географические исследования не довольствуются узнанием одного или двух столетий, хотя и таковые сведения уже имеют свое значение. Явления всякого периода имеют свое основание в прошедшем времени; потому при всяком исследовании необходимо требуется рассеять мрак, покрывающий отношения прошедших веков, и разъяснить факты, которые еще не вполне исследованы. Чтобы доставить нашему труду окончательную полноту, какая нам доступна, мы должны бы были обратиться к древнейшим векам и показать, каково было положение этой страны во время новгородского владычества и царей московских до покорения ее шведами. Недостатка в источниках нет, потому что подобные сведения отчасти уже собраны из русских архивов и напечатаны. Но кроме того, что такое описание получило бы слишком большой объем, оно утомило бы многих читателей; оно и не столь необходимо, ибо любознательный исследователь может найти богатый источник в весьма дельных сочинениях гг. Беляева и Неволина, помещенных в XI-й книге *Временника* ИМПЕРАТОРСКОГО *московского общества истории и древности российских, 1851 года, и в VIII-й книжке Записок* ИМПЕРАТОРСКОГО *Русского Географического общества 1853 года.* Там исчисляются не только округи, погосты, волости, города и деревни, но встречается и указание на все известные тогда разделения земли, на администрацию и установления о податях, основанные на писцовых, изгонных и окладных книгах, и прочих древних актах. Проф. К. Неволиным составлена карта, где он при помощи найденных им актов указал границы каждой новгородской пятины, со всеми заключающимися в ней озерами, большими и малыми реками и главнейшими деревнями. Так как я со своей стороны ничего не имею прибавить к сущности этих сведений, ни изменить в них что-либо, то было бы лишним заниматься здесь одним их повторением; почему и считаю достаточным ограничиться одной только ссылкой на этот важный труд. Мне хотелось бы только найти у автора сличение прежних названий деревень, их положения и состояния с нынешними; тогда бы можно было со статистической точки зрения судить о состоянии этой страны и развитии ее гражданских понятий в то время: от этого труд автора представил бы еще более интереса. Это обстоятельство, как видно, не входило в круг исследований автора. Такой труд потребовал бы издания отдельного сочинения, которое, без сомнения, когда-нибудь явится, для чего

необходимо иметь подробный список названий всех деревень и дворов каждого прихода как на финском, так и на русском языках, а потом сравнить их с теми названиями, которые встречаются в древнейших источниках, причем неминуемо найдутся многие деревни и дворы, которых теперь напрасно ищут в старых чертежах. Таковой список легко можно приобрести, сделав извлечение из метрических книг, ныне везде заведенных, в чем местное духовенство, вероятно, окажет свое содействие. Но труд тем еще не будет кончен. Во многих деревнях произошли большие перемены, которые, впрочем, редко касались их названий на финском языке, ибо каждая деревня удерживает свое первобытное имя, хотя бы в них селились новые племена. Они легко отличаются своими окончаниями на: *«ла»* (la), *«ля»* (lä), *«ло»* (lå), *«сто»* (stå), *«ис»* (is), *«рис»* (ris) или же на: *«оя»* (oja), *«иоки»* (joki), *«ярви»* (järwi), *«корпи»* (korpi) и т. д., чем означается, что деревня расположена при ручье, реке, озере или роще. Такое производство названий чаще всего встречается у финнов, и вообще нет ни одной деревни, которая не имела бы своего отдельного названия, значащегося издревле в метрических книгах или вообще официальных актах. Даже дворы, если не значатся номерами, имеют свои отдельные названия, которые нередко переменяются, особенно когда владение подвергается дележу. В этом русские деревни разнятся: отчасти они имеют свои особенные названия, но чаще всего означаются по имени владельца территории, и потому самые названия их подвергаются переменам. Из этого следует, что прежние русские названия деревень исчезли, быв забыты и обменены на новые. Таким образом было бы необходимо узнать исторический переход владения каждой поземельной собственности, чего достигнуть весьма трудно. Это потребовало бы для каждого уезда отдельного исследователя. К этому присоединяются еще многие другие обстоятельства, которые отягощают труд; именно многие финские названия явились в переводе, или же, удержав корень, они приняли русскую форму и окончание, для очищения которых требуются большие филологические познания. Другие же слова, по происхождению финские и чудские, быв произнесены и написаны по-русски, изменены до того, что их трудно узнать. Таким же преобразованиям подверглись наименования, означенные на шведских картах XVII столетия, ибо составители их, по незнанию финского и русского языков, написали их в таком виде, как требовал дух их языка. Разуме-

ется, что это обстоятельство представит большое затруднение тому, кто захотел бы исследовать древние топографические отношения этой страны: такое предприятие должно предоставить будущему времени. Потому и я, при издании сего сочинения, не посмел приняться за это огромное дело, зная, что оно превосходит как мои, так и силы многих других, даже и в том случае, когда оно касается только ближайших окрестностей Невы, которые собственно и составляют предмет настоящего труда. Однако заметим нечто вообще о Спасском погосте, который, начиная от Нётеборга, простирается по обеим сторонам Невы до ее устьев.

Существуют разные мнения о первобытном значении слова погост, встречающемся так часто в древних русских источниках; потому и я позволяю себе выразить мой взгляд об этом предмете. Впрочем, он не заключает в себе ничего нового, но может послужить только дополнением тому, что сказано г. Неволиным в вышеупомянутом его сочинении [278] о слове «погост», получившем в позднейшее время обширнейшее значение.

Русские летописцы рассказывают, что мудрая Ольга, быв в Новгороде, учредила «по Мьсте погосты и дани, а по Луге оброки и дани»; она везде владела ловищами, имениями и погостами; ее сани еще долго хранились во Пскове; она совершала путешествия по Днепру и Десне, и ее имение Олжичи существовало долго [279]. Эти сведения, которые летописец счел нужным передать потомству, должны иметь большое значение; остается лишь отгадать полный смысл этих кратких выражений, и почему они именно в качестве достопримечательностей получили место в летописи. Я объясняю это следующим образом: По сохранившимся известиям Константина Багрянородного [280], русские князья имели обыкновение объезжать все подчиненные им земли однажды в год, именно в ноябре для сбора ежегодных податей и дани. Они возвращались в столицу не прежде апреля. Такие путешествия для князей были весьма обременительны, а без них было невозможно следить за верностью платежа податей. Потому вероятно, что Ольга хотела избегнуть этого затруднения преобразованием прежнего порядка взимания княжеских доходов. Она начала с Новгорода, где, по-видимому, легче всего было предпринять эту меру, так как первоначальная идея заимствована из швеции, а первые русские князья с их сподвижниками были варяги, поселившиеся большей частью в самом

Новгороде и окрестностях его. По свидетельству Снорра, древние шведские конунги объезжали ежегодно свои владения, но не так, как русские князья, для сбора податей, а для узнания состояния разных частей государства и для решения важных дел, часто же только с целью навестить своих сподвижников и друзей. Для взимания податей существовал другой порядок. Уже о конунге Ануиде повествуют, что он построил себе дворцы в каждом более значительном уезде Швеции и объезжал свое государство для того, чтобы погостить у друзей. Конунг принадлежал всему народу и должен был везде быть ему доступным. Подданные должны были помнить о том, что у них есть повелитель; для того конунг имел, как сказано выше, в каждом большом уезде дворец, считавшийся за его жилище, где он как бы пользовался вносимым ему содержанием. Если конунг и не успевал навещать ежегодно все уезды, тем менее пробыть в них продолжительное время, зато каждый уезд заключал в своих пределах дворец, напоминавший повелителя и хранивший его в памяти местных жителей, хотя он и не жил в кругу их. Снорро приписывает соблюдение этого обычая более всего шведскому конунгу Анунду, который с особенным вниманием заботился об улучшении почвы. Он приказал для себя отчислить, возделать и обстроить в каждом уезде такие земли, которые более всего оказывались способными к обработке; они составляли отдельную его собственность и назывались конунговыми дворами или угодьями (Konungsgårdar). Названия эти сохранились до наших времен, хотя земли, ими означаемые, служат источником совершенно других доходов. Назначением таких угодий было не только одно лишь доставление помещения для конунга во время его путешествий; но вместе с тем они должны были доставлять ему то содержание, ко взносу которого обязан был каждый из подданных. Но как при недостатке денег подати были уплачиваемы припасами, то жителям каждого уезда представляли удобный случай вносить их в местный конунгов двор, где они принимались и сохранялись назначенными к тому чиновниками. Этим самым было доставлено подданным большое облегчение, а конунг легко мог следить за взносом следующим ему съестных припасов. От конунга зависело употребить эти средства по своему благоусмотрению, хотел ли он израсходовать их на содержание себя и своей дружины во время пребывания в том месте, или же назначить часть их на оклады чиновникам и на покрытие других необ-

ходимых расходов. Содержание войска не представляло никаких издержек, потому что на каждом гражданине лежала прямая обязанность явиться без всякого жалованья на защиту отечества во время угрожавшей опасности. Для облегчения взимания доходов конунга все государство было разделено на округи. Совокупность округов, окружавших конунговы угодья, называлась герадом (уездом), а собранные с него подати означались словом *«вейцла»* (Veizla). Так как вейцла обыкновенно издерживалась конунгом и его дружиной во время пребывания их в угодье, или же сановниками, приезжавшими по его поручению, то слово вейцловать значило *гостить*, но только в том смысле, как нами изложено выше. Итак, разница между значением слов *вейцла* и обыкновенным угощением была следующая. Первое значило угощение на счет конунга, производимое его подданными, а под вторым словом разумели угощение гостя на счет хозяина. Для приема приносимых герадом податей на конунговом дворе находился чиновник, называвшийся *коронным фогдом* (Kronans fogde). Вообще же подобное соединение отдельных частей в одно целое для достижения какой-либо цели именовалось словом «lag» (союз), которое и до сих пор сохранило свое значение. Таким образом *Byalag* (составленное из *by* деревня и *lag*) значит совокупность всех поземельных владений, заключающихся в пределах какой-либо деревни; под словом *tingslag* (составлено из *ting* – древ. *вервь* – и *lag*) разумеются все деревни, которые подчинены ведомству одного судьи. *Gelag* – значит совокупность людей, соединившихся при общей трапезе; *Gästelag* (составленное из слов *gäst* – гость и *lag*), когда несколько дворов соединяются для взаимного и поощереного угощения, какое бывает в Швеции и в Финляндии при общих ежегодных испытаниях, учиняемых приходскими пасторами всем прихожанам, в знании ими догматов веры; при этом случае хозяин всегда принимал всех приезжих. Сюда можно причислить *«Gislalag»*, хотя значение этого слова до сих пор не определено с точностью. Оно встречается в известной Рифмованной Хронике, там, где идет речь об основании выборгского замка Торкелем Кнутсоном:

«Han tringade Carela sva omsider
At thet alt under Viborg laa
Väl fjorton *Gislalag* stor och sma».

«Он покорил Карелию, подпричислив всю ее к Выборгу; по объему она заключала в себе всего четырнадцать больших и малых гислалагов».

www.arcumdspb.ru

Если число это верно и не преувеличено, то под словом гислалаг нельзя разуметь герад (уезд), ибо в выборгской губернии даже ныне заключается только 9 герадов; здесь также не разумеваются и приходы (Socknar), ибо хотя из примечаний определения упсальского сейма 1593 видно, что число приходов в Саволаксе и Карелии доходило до 17-ти, однако весьма неправдоподобно, чтобы столь значительное пространство могло быть покорено в столь короткое время. До совершенного разъяснения этого вопроса должно только предположить, что такие гислалаги были не что иное, как небольшие округа ближайших к Выборгу деревень, ибо в нётебеоргском договоре говорится, что великий князь Юрий Данилович уступал шведам три гислалага: Саволакс, Яскис и Эвряпя с карельским гислалагом. Из этого видно, что пространство гислалага было довольно значительно и соответствовало нынешнему гераду (уезду). Из числа этих гислалагов до сих пор сохранились названия герадов Яскис и Эвряпя. Итак, определение Рифмованной Хроники о количестве покоренных гислалагов должно считать преувеличенным. Впрочем, здесь это второстепенный вопрос. Мы с достоверностью можем только принять, что если Россия уступила Швеции три гислалага, то такое распределение на гислалаги должно было существовать в Карелии уже в то время, когда она составляла русскую область; из чего можно заключить по аналогии, что и в Ингерманландии, и в прочих областях новгородского княжества было подобное разделение и что само слово гислалаг совершенно однозначно с русским словом *погост*. Этимологическое родство слов *погост* и *погостить* слишком ясно указывает нам на то, что мудрая Ольга ввела в своей земле тот же обычай, который господствовал у норманнов, относительно сбора податей, которые таким образом распределялись по количеству на известные области, где их взимали определенные к тому от казны лица, и которые употреблялись в пользу тех, которых князь велел там угощать. Какой соблюдался порядок при взимании этих податей, нельзя теперь определить с точностью: это производилось, вероятно, таким образом, что на каждый погост (гислалаг) налагался взнос известной суммы денег с определенным количеством съестных припасов, которую жители, по взаимному соглашению, вносили соответственно владеемой или поземельной собственности.

Первоначально эти налоги производились, вероятно, вследствие ревизии средств местных жителей (выражаемое

по-фински: arwion jälken), что и поныне служит при платеже казенных податей в Карелии основанием счислению по арвиорублям. Но как впоследствие поземельные владения каждого были определены границами и ежегодные поверки оказались ненужными, то количество сбора со всего погоста распределялось на жителей сообразно количеству их поземельных владений, отчего образовался порядок сбора по *обжам* в древней Ингерманландии и в некоторых частях Карелии. Было ли слово гислалаг употребительно в России, мне достоверно неизвестно, но кажется возможным. Если бы нашелся русский подлинник нётеборгского договора, то можно бы удостовериться, какому русскому слову соответствует понятие гислалаг. К сожалению, сколько нам известно, этот документ до сих пор не найден в русских архивах. На древне-норманнском наречии «gisl» значит залог, а потому под словом «гислалаг», вероятно, разумели известный участок земли, который ежегодной податью представлял как бы залог своего верноподданнического отношения к повелителю. Спаский погост получил свое название от сохранившейся доныне церкви Спаса-Преображения на левом берегу Невы недалеко от Шлиссельбурга. Как этот погост, так, вероятно, и остальная часть Водской пятины, были прежде более обработаны и населены, нежели в бытность их под шведским владычеством. Разумеется, что Новгород, богатый своей обширной торговлей, неминуемо должен был иметь благотворное влияние на соседние области, в особенности же на те, которые лежали по обеим сторонам Невы. Конечно, мы не имеем никаких сведений о селах и числе жителей того времени, когда ганзейская торговля достигла высшей степени своего развития; но приблизительное понятие о том можно вывести из Переписной окладной книги, напечатанной в вышеозначенном сочинении г. Беляева, где вычисляются все входящие в состав Водской пятины погосты, деревни и дворы с именами их жителей и количеством собираемой с них подати. Эти таблицы, составленные с большой точностью, удостоверяют, что на протяжении обоих берегов Невы от устьев ее до Шлиссельбурга находилось 55 деревень, из которых некоторые были весьма незначительны, так что состояла частью только из одного двора, но зато большая часть их были довольно обширны, так что между ними многие заключали в себе более 20 дворов. Чаще всего один двор состоял из мужа и жены, иногда из двух мужчин, редко же из трех или более лиц. Итак, двор (по понятиям того

времени) был то же самое, что ныне разумеется в Карелии под словом «matlag» или по-фински «parwi» (семья), так что одна изба могла служить жилищем для двух или более таких семейств. Впоследствии эти семейства расширялись и заключали в себе нередко более 20 человек, считая и детей. Если семейства были так обширны в древнейшие времена, то и само значение двора было бы иное. Для избежания всяких затруднений и сбивчивости при сборе податей, может быть, считали жителей по парам, каковая система счисления сохранилась местами до сих пор, когда при общественных потребностях налоги раскладываются по приходам. Впрочем, такой порядок счисления мне кажется неправдоподобным: я скорее соглашусь с мнением, что каждый владетель известного пространства земли, платя за нее подать, имел свой отдельный двор и жилище, что было весьма легко приобрести при тогдашнем изобилии лесов. Кроме большого количества деревень на побережьи Невы, в том же списке упоминается 45 деревень, расположенных по обе стороны Ижоры, 17 деревень по берегам Славянки, 12 на Охте, 16 при Тосне, кроме деревень, лежавших в большем отдалении от этих рек. Их было немного, ибо люди обыкновенно выбирали себе жилища около рек, по которым представляется удобнейший способ сообщения, особенно важное обстоятельство при недостатке дорог. Итак, видно, что в Спасском погосте считалось в 1500 году, в то время, когда составлена Окладная книга, до 160 деревень. Можно полагать, что число их до того было еще значительнее, ибо в этом сочинении говорится, что некоторые деревни заключали в себе прежде более дворов. После покорения Новгорода и вследствие тягостных войн со Швецией, многие из этих деревень и дворов были разрушены, так что казна от них не получала никаких доходов. Царь Иоанн Васильевич для приведения дела в ясность велел в 1575 г. исследовать, какие дворы Спасского погоста были разрушены, когда именно и кем, каким князьям или боярским детям принадлежали в то время эти земли, какие сверх того в этом погосте деревни, реки, озера, болота, мельницы, перевозы, рыбные, бобровые и лебяжьи ловли и т. д., с которых бы можно было получать казне хотя некоторую пользу. Это исследование, произведенное в присутствии надлежащих чиновников, обнаружило, что весь погост заключал в себе 200 обж, оставшихся совершенно опустошенными, что произошло частью от того, что владельцы их должны были переселиться или по недостатку

средств к платежу тягостных податей и частных своих долгов, или для предохранения себя от опустошений, производимых набегами шведов и наводнениями Невы. По свидетельству г. Буткова [281], Вотьская пятина состояла в 1602 году из 23 698 обж, разделенных на 60 погостов, и если предположить, что все они были по величине одинаковы, и если опустошение произошло в них в одной и той же степени, то на каждый погост приходилось по $394^{29}/_{30}$ обж; из чего видно, что половина территории каждого погоста оставалась в 1575 году разоренною. Нельзя думать, чтобы такая участь постигла всю страну в одинаковой степени; разумеется, что Спасский погост более был подвержен опустошениям, наносимым неприятелями и Невою; но зато если мы даже уменьшим число разоренных обж до трети, то должно сознаться, что положение этой страны было жалкое. Следующее, т. е. XVII столетие представляет еще менее утешительные результаты. Это было время продолжительной и тягостной борьбы, когда Яков Делагарди со своим войском, состоявшим из наемных иностранцев, бродил по Ингерманландии и Карелии. Нуждаясь в провианте, он довел эти области, без того нуждавшиеся в хлебе, до крайнего истощения. Вот причина, почему шведский король, покорив их, должен был официально вызывать как своих подданных, так и иностранных к переселению туда, давая им в собственность землю для обработки. Еще и ныне хранится между крестьянами Ингерманландии и Карелии предание о переселении туда их предков из Финляндии, часто даже с определением мест, откуда именно; что́ подтверждается, впрочем, и названиями различных семейств. Весьма понятно, что эти пришельцы, построив себе новые жилища, не всегда удерживали прежние названия дворов, которых может вовсе и не знали, но именовали их отчасти по своим фамилиям, отчасти же по тем деревням и дворам, откуда вышли, или же по другим данным. Это обстоятельство объясняет, почему так мало означенных в Окладной книге названий встречается в чертежах XVII века, равно и то, почему нынешние наименования деревень не тождественны с теми, которые находятся в топографических источниках того столетия. Не хотим утверждать, что все древние названия их исчезли, ибо иные сохранились до сих пор без всякого изменения, и если даже некоторые искажены вследствие взаимного влияния русского и финского языков, то корень их может быть отыскан без малейшего затруднения. Подробное перечисление их было бы

лишним трудом и не представило бы большого интереса. Здесь я считаю необходимым заняться лишь определением местоположения тех деревень, которые означены на картах и заслуживают бо́льшего внимания. Таковы:

Сабина, находившаяся наискось против Большой Охты; она означена на карте Бергенгейма крупными буквами, чем, вероятно, указывается на бо́льшее значение этого места; между тем это название вовсе неизвестно и на прочих чертежах нигде не встречается. Судя по изображению, это был небольшой редут, который однако не встречается нигде кроме чертежа № 8, где на этом месте показан проект редута, с замечанием, что при нем находится *«Rathsdorf»*, на том месте, где ныне Смольный монастырь. На карте № 9 это место означается под названием *«Hakelverk Spasko* alias *Worrompol»*, состоявшее из нескольких домиков и, по-видимому, не укрепленное. На карте Мейера от 1698 года за № 6 оно называется *«Vorumpol»*, на чертеже за № 7 *«Wormpah»*, а за № 10 *«Vårompol»* с примечанием, что здесь был перевоз через Неву в Ниэн и обратно. На карте Блассинга за № 11 это место не имеет особого названия, но означено началом пути в Нарву. Итак, Сабина, вероятно, было название не всем известное. На несколько сажень ниже перевоза стояла русская часовня; не от нее ли происходит название «Сабина», предоставляю решить это другим ученым. Еще немного ниже, именно где Нева под Смольным монастырем изгибается на запад, находился двор, называемый *Калла Мурри* (Kalla Murry), а на другой карте *Каламория* (Kalamoria). Это было место беления всех бумажных тканей, изготовляемых в городе [282]. Кроме того, слово «kala» (рыба), от которого произведено это название, показывает, что здесь производилась выгодная рыбная ловля. Все пространство до Усадиссы или вся нынешняя Литейная часть представляла в то время обработанные земли, луга и рощи (как видно на картах Блассинга и Кронпорта), принадлежавшие, вероятно, жителям *Каламории, Сабрулы, Ларовы, Патанеки* и *Кюян* (Kyan). Хотя прежде уже было говорено о селении Удиссе, мы прибавим здесь, что ему также присваивались названия *Конова* (Konovshof) и *Садулунгофа* (Sadulunhof) точно так же, как и находившийся на Фонтанке Окерфельтов двор (Åkerfeltshof) назван на чертеже Бергенгейма Первискиным (Perviskinahof).

Деревня *Туккила* (Tukkila), замечательная тем, что она дарована королем городу Ниэну, находилась недалеко от тех

www.karelindspb.ru

деревень на северо-восток, при реке *Ахаиоки*, где также стояла Лубиаская мельница (Lubia qvarn), где ныне пороховые заводы.

Ландскрона значится на карте Бергенгейма при Черной речке (которая назвалась финнами Суттилою), где ныне возвышается Невский монастырь. Это явная ошибка шведских инженеров, ибо в 1676 году Ландскрона уже не существовала и она ни на одной из рассмотренных мною карт не встречается. При реке Суттиле находился лишь один двор, называвшийся Вихтерис (Vihteris) или Виктерова (Vikterova), и на карте Бергенгейма Рихтиова (Rihtiowa).

Гудилово (Gudilof, Gudilova, у финнов Лунноиво) было известное в то время поместье, находившееся при впадении Славянки в Неву. Оно встречается на всех разобранных нами чертежах, исключая № 1, которая относительно наименования местностей недостаточна. Даже на древнем плане под № 2 это поместье видно. Из древнейших ее владетелей известен ингерманландский и кексгольмский губернский камерир Петр Роман, возведенный в дворянство в 1674 году под фамилией Шернкранц (Stjernkranz) и умерший в 1682 г. Неизвестно, куплено ли им это имение или оно подарено ему шведским королем на праве феодального владения. Его сын Петр, был нюландским и тавастгузским губернатором, признан бароном в 1720 году; он родился в Гудилове 4 ноября 1681 года. Трудно объяснить происхождение названия этого поместья. Вероятно, оно прежде называлось *«Слава Богу»*, отчего производится название реки Славянки или же наоборот. Может быть, здесь именно Александр Невский одержал свою блестящую победу, память которой хотели сохранить для потомства в названии *«Слава Богу»*.

Поместье Туссина (Tussinahof) с деревней того же наименования, по-русски *Тосна*, находилось при устье реки Тосны, там, где течение Невы самое быстрое; недалеко отсюда находился известковый завод.

Варегово состояло из трех деревень одинакового названия, расположенных по берегу Невы между *Тосною* и *Ореховым*. Из них первая величиною в 1 обжу принадлежала Захару и Даниле Олферовым, вторая Сеньке и Михаилу Фомкиным, третья Осташу Васкову и Игнатию Касткову. Оно состояло из 3 обж. В Окладной книге за 1500 год значится: «при старой ее деревне», из чего можно заключить, что деревня была весьма стара. Она упоминается только потому,

что составляет памятник Варягов. Кроме этого, говорится (на стр. 130) о другой деревне Варягове, положение которой я определить не могу.

Аникин монастырь, в другой же карте это место называется *Елинкена*, а также *Мункила* и *Тельниконамовым двором* (Telnikonams hof) (1681); без сомнения, оно было некогда русским монастырем; нам известно только, что оно находилось в нескольких верстах от Орешков.

Толдога упоминается в русских летописях 1338 года. Эта деревня, не значится ни на одном из принадлежащих мне чертежей, хотя о ней говорится на 297 и 314 стр. Окладной книги; она находилась в окрестностях Дудергофа, а не близ Ладоги, как полагают некоторые историки.

Кобылицею назывался известный участок земли, состоявший из нескольких деревень, находившихся в *Кельтоском* погосте; о нем говорится в разных местах Окладной книги. Место это замечательно тем, что жители Кобылицкой Карелии крещены в католическую веру шведами, жившими в Выборге, вследствие чего они и не были выданы при заключении мира в 1339 году. Долго нельзя было решить, что подразумевали под названием Кобылицкой Карелии; ныне же объяснить это весьма нетрудно. Она заключала в себе часть Кельтоского и Токсовского округов с селом Рябовым, составлявшим прежде подчиненный приход. Замечательно, что и здесь встречается деревня под названием *Варягова*, чем подтверждается предположение, что отечество варягов имело свое начало у берегов Невы.

Теперь перечислим места, обозначенные на карте Бласинга маленькими домиками с красными шпилями; почти все они именуются поместьями (Hof); ими владели, вероятно, дворяне, имена которых нам неизвестны.

По северную или верхнюю сторону Невы находились:

Паркала-гоф (нынешнее Парголово с принадлежащей к нему деревней); она была расположена у дороги, ведущей из Ниэна к Выборгу.

Угла-гоф, находившаяся несколькими верстами выше нынешних пороховых заводов. На карте Бергенгейма она называется *Романейсю* (Romaneisy).

Катиноваскана-гоф недалеко от Кельтоской церкви.

Ганносильда, у Бергенгейма Haerasilda. На карте С.-Петербургской губернии, изданной Шубертом, это место называется ныне *Полюстровым*.

Гофсала, у Охты, против Мёрнергольма и недалеко от Ниэншанца.

Сурсиоки или *Сундерица*. На карте под № 2 оно называется *Соруиоки*. Это нынешняя малая Рыбацкая слобода.

Мустила-гоф при реке Мустиле (Черной речке) называется ныне «Резимка».

Удисса, *Первискино* и *Биöркенгольм*, о которых говорено выше.

По южную или нижнюю сторону Невы находились:

Сарис-гоф, нынешнее Царское Село.

Париц-гоф, у Бергенгейма Перусино, при реке Славянке, близ славянской церкви, где ныне находится Павловский дворец. В недалеком расстоянии от этого места находилось небольшое поместье, называемое Карлборг.

Вивола, в нескольких верстах от Сарисы, ниже по Славянке.

Ускина-гоф близ устья Ижоры.

Ингрис-гоф близ церкви и реки того же названия.

Петсово при большой Мьи, близ ярвисаарской церкви.

Фама при реке Нассе, впадающей в Ладогу.

Гейтола (Heitola) ниже при той же реке.

Париц-гоф еще ниже по той же реке; все эти три поместья находились в приходе Ярвисари.

Путтилова-гоф, Лопписской церкви, у дороги, ведущей в Нётеборг.

Лавой-гоф, при устье реки Лавы, составляющей границу между Россией и Швецией.

Грегой-гоф и Васильково при реке Василькове.

Муцыкино между Васильковым и Лопписскою церковью.

При этом я считаю лишним исчислять все прочие, менее замечательные деревни в пределах Спасского погоста, потому что нынешние их названия нам неизвестны, а прежние легко могут быть найдены в шведских чертежах, прилагаемых к этому сочинению.

www.aroundspb.ru

Глава 15 ЦЕРКОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И БЫТ; ШКОЛА

Когда Ингерманландия, по Столбовскому миру, вступила под владычество шведов, состояние ее было в высшей степени жалко и бедственно. Продолжительная война ослабила, расторгла узы порядка и общественной жизни, начавшей в некоторой мере развиваться во время прежнего, мирного состояния. Это касается преимущественно религиозного образования, от которого берет свое начало всякое другое. Оно было в этом крае, так сказать, еще в пеленках. Туземцы причисляли себя к последователям греческого вероисповедания, введенного между ними уже за несколько сот лет; но по своей народности и жизни они не были русскими. Большая часть состояла из чистых финнов, из которых одни назывались *Ингрикот*, другие *Ватиаляйсет:* те и другие различались в некоторой степени друг от друга по языку и правам [283]. Там и сям жили русские семейства, поселившиеся здесь в различные времена. По завоевании этого края шведами сюда переселилось много немцев, шведов и финнов, находившихся в самом смешанном отношении друг к другу. Во время войны 1656 и следующих годов многие переехали в Россию, особенно из Ореховской области, которая впоследствии населена была колонистами из Финляндии. Достоверно известно, что первобытные жители края при нашествии шведов имели своих священников; но было ли какое-нибудь настоящее церковное управление, подлежит сомнению. Из дошедших до нас свидетельств явствует, что в те времена все имело вид хаоса, и даже много лет после прихода шведов этот край оставался другою Сибирью, местом ссылки преступников и злодеев, которых отправляли сюда для заселения страны и ее возделывания. Понятно само собою, что при таком

населении трудно было рассчитывать в этой земле на успехи религии и нравственности. Правда, король Густав Адольф повелел учредить здесь церковное управление по образцу своих прочих владений, но дело подвигалось вперед медленно. В 1622 г. тамошний ландсгевдинг получил повеление разделить край на приходы, ввести платеж десятины и взимать ее со всех землевладельцев, как свободного, так и податного сословия. Легко себе вообразить, что это распоряжение приводилось в исполнение весьма медленно, хотя оно доказывало, что правительство желало посредством одинаковых внешних форм понемногу ввести порядок в церковном управлении и с тем вместе проложить для лютеранского исповедания путь к преобладанию. Уже и прежде король Густав Адольф повелел назначить в Выборг суперинтенданта, епархия которого должна была обнимать Карелию и Ингерманландию, а для лучшего ознакомления со страной он велел избранным и способным священникам объехать и исследовать ее.

Подобное путешествие с целью ревизования предпринято было в 1627 г. епископом Рудбеком Вестерэсским в сопровождении многих других лиц, в числе которых был также сделавшийся потом епископом Терсерус; но все они встретили столько препятствий, что в продолжение всего лета успели посетить только Эстляндию. В сентябре послал он в Ингерманландию суперинтенданта ревельского собора Нильза Газу, лектора Андрея Эрици и нотария комминистра Христофера Шиллинга, с поручением созвать на месте священников, исследовать состояние приходов и вообще привести все в возможный порядок; после того епископ сам, в конце октября, отправился в Стокгольм, чтобы представить отчет о своем поручении. По смерти короля на государственном сейме в 1636 г. сословия выбрали иочёпингского пастора Иоахима Юринкиуса в епископы Эстляндии и Лифляндии, куда он и отправлялся в 1638 г. с королевским полномочием. Но все его старания учредить порядок в епархии встретили такое противодействие, что он принужден был испрашивать содействия высшего начальства. Надобно заметить, что на государственном сейме в 1624 г. по представленному упсальскими профессорами проекту король предложил учредить генерал-консисторию, которая должна была состоять из 6 духовных и 6 светских членов, под председательством архиепископа и государственного столыника; кроме многих других дел, она должна была особенно заботиться о преобразовании

Эстляндии и Ингерманландии. Но это предложение встретило столько возражений со стороны духовенства, что было совсем оставлено. Все рапорты, представляемые начальству, сходились в том, что грубости и невежеству народа не было границ, что и заставило правительство употребить все меры, чтоб вывести народонаселение из этого печального состояния. Король был столь же неутомим в этом деле, сколько был религиозен. В 1618 г. вызван из германии словолитчик Петер фон Целов, получивший 14 апреля 1625 г. полномочие быть русским типографщиком и издавший впоследствии много сочинений религиозного содержания, казавшихся необходимыми для просвещения жителей Ингерманландии. Из числа этих сочинений упомянем о финском катехизе, напечатанном славянскими буквами, изданном в первый раз в 1643 г. и вторым изданием в 1644 г. в Стокгольме. Один русский толмач Бенгт Матсон, сидевший в 1630 г. в стокгольмской тюрьме, написал также множество сочинений, которые он желал видеть напечатанными, как, напр., Русский Катехизис, Русский Словарь, Русскую Грамматику и Русское Евангелие. Мысль о преимуществах лютеранизма уже во времена Густава Адольфа начала глубоко пускать свои корни в Швеции и распространение оного стали признавать долгом совести. Различными поощрениями старались побудить русское духовенство в Ингерманландии содействовать этому стремлению, хотя в первые двадцать лет не было принято никаких открытых мер, которые могли бы потревожить жителей в их богопочитании. Лишь во время тридцатилетней войны и позднее эта мысль достигла полной зрелости. Великая слава и обширные владения, приобретенные Швецией в этой войне, приписывались в уме подданных только вероисповеданию, которому они следовали и в чистоте которого они твердо были убеждены. Это было причиной того, что законоучители с изумительной ревностью начали стараться о распространении между своими прихожанами Закона Божия, находя своим стараниям твердую опору в содействии правительства. Правда, духовенство достигло через то такой высокой степени значения и приобрело такое влияние, какого оно ни прежде, ни после не имело; но следствия оного были для их отечества самые благотворные: оно посеяло в сердцах подданных страх божий и покорность властям. По нашим беспристрастным понятиям, не все принятые духовенством меры к распространению лютеранизма в Ингерманландии могут быть одобрены, но они извини-

тельны, если мы перенесемся в дух того времени и не произнесем суда по предварительно составленным идеям. Впрочем, правительство поступало очень умеренно и старалось противодействовать всеми средствами действиям частной ревности, если она переходила должные пределы. Сверх того в мирном договоре с Россией определительно было выговорено остающимся жителям русского вероисповедания свободное отправление веры; шведы опасались нарушить эту статью, да и не хотели предпринимать чего-либо такого, что в этом отношении могло служить поводом к жалобам. Потому шведы вели дела веры весьма осторожно, стараясь достигнуть цели не насилием, а благотворительностью. В инструкции, данной ландсгевдингу 1645 года, находилось предписание: «буде кто-либо из русских священников будет бенефициями побужден к переходу в нашу веру, и особенно к отправлению учения и к проповедыванию прихожанам лютеранского катихиза, то таковой случай должен быть доведен до сведения генерал-губернатора». Другой мерой, клонившейся к той же цели, было распоряжение, обнародованное 18 октября 1675 г., по которому всем русским, жившим в Нарве, если они примут лютеранскую веру, позволялось остаться и пользоваться всеми преимуществами, наравне с остальными гражданами; напротив, желавшим остаться в старой вере приказано было переселиться в Копорье и заниматься там внутренней торговлей. Впрочем, уже прежде, резолюцией от 24 октября 1645 гг. они получили приказание переселиться из Ивангорода на Нарвскую сторону, с позволением свободно отправлять веру и пользоваться правом гражданства; но вызов священников из России затрудняли чрезвычайно. Между прочим тем из шведов, которые столько научались русскому языку, что могли вразумительно проповедовать народу евангелические учения, выдавалось от правительства награждение. Но все эти меры так были недейственны, что в 1681 г. еще не было почти никого из жителей этого края, который бы изменил вере своих предков, за исключением некоторых дворян, побужденных к тому страхом потери привилегий, сопряженных с обладанием имениями. Лишь в следующее за тем время дело обращения стало производиться с большей ревностью.

Особенную деятельность оказал в этом епископ Гецелиус младший, тогдашний нарвский суперинтендант, который, при обращении Ингрикот и Ватиаляйсет, держался той мысли, что народ финского происхождения, не знающий русского

языка, не должен считаться народом русским, а потому и обращение его в новую веру не может противоречить условиям, постановленным в мирных договорах. Выставляя на вид невежество народа, он говорит о нем следующее: «в числе 600 чел. едва можно было найти одного, который умел бы прочесть *Отче наш*; из 1000 человек едва один умел читать никейский или апостольский символ веры, а в мириадах трудно было сыскать такого, который бы знал десять заповедей». Но зато, как обширна была его деятельность, видно из представленного им собственного его рассказа о делах его звания от 1681 до 1686 г. В течение этого времени он собирал 4 собора, произвел по всей епархии два общих осмотра, созвал особый собор вместе с русским духовенством, причем побуждал подчиненных себе духовных обучать и просвещать народ, и достиг того, что уже в это время несколько тысяч русских выучили молитву Господню на своем природном языке, не говоря о других христианских обязанностях. В 1684 году он объехал с некоторыми священниками все деревни и показал им *ipsa praxi*, каким образом они должны были вести обучение. Он учредил двадцать различных церковных и школьных должностей, а на различных местах назначил быть священникам. Число семейств, принявших в его время лютеранское вероисповедание, доходило, говорят, до 3000, и более 1000 детей крещено было по тому же обряду [284]. Впрочем, не должно упускать из виду, что эти насильственные действия не были делом распоряжений и приказаний начальства, и того менее соответствовали желаниям правительства. Все они были следствием, сколько понятий отдельных лиц и, может быть, своекорыстных стараний, столько же и плодом господствовавшего духа времени. Между тем само собой понятно, что подобные поступки духовенства должны были возбудить ропот и неудовольствие в простом народе, терявшем мало-помалу доверие и любовь к начальству. Он вынужден был принести горькие жалобы, с одной стороны, королю шведскому, с другой своим единоверцам в России. Сохранилось прошение русского прихода в ивангородской слободе, Петра Савельева, в котором он жалуется на суперинтенданта Албогиуса за то, что он в отправлении обычных обрядов и церковных постановлений греческой веры, до него не касающихся и ему не понятных, причиняет русским священникам разные несправедливости, вред и порчу и т.д. В этом же прошении испрашивается милостивейшая защита и покровительство его королевского величе-

ства. Таким же образом жаловались пред шведским посольством в Москве в 1684 г. на преследования, претерпеваемые русскими единоверцами в Ингерманландии, вопреки условиям мирных договоров. Король шведский в различных грамотах, отдельно писанных к генерал-губернатору и суперинтенданту, строжайше запретил употреблять насилие или принуждение для обращения последователей греческой веры в лютеранство, во избежание каких-либо жалоб. Но и эта мера возбудила неудовольствие, и существовавшая вражда между партиями, несмотря на все усилия короля потушить ее, не успела к тому времени угаснуть, когда война, возгоревшаяся между Швецией и Россией, изменила все дотоле бывшие отношения.

Что касается собственно церковного управления, то Ингерманландия вместе с Карелией подчинена была выборгской епархии, учрежденной в 1618 г. До того времени в продолжение целых 35 лет все церковные дела Выборга исправлялись в Абовском соборном капитуле, которому, без сомнения, трудно было иметь над этим отдаленным краем такой бдительный надзор, какого требовал бы порядок вещей. Олоф Элимеус был первым епископом епархии; за ним следовали Николай Магни и Гавриил Мелартопеус, во время которых церковное управление Ингерманландии находилось в самом дурном состоянии. Чтобы устранить зло и дать начальствующим возможность с большей тщательностью надзирать за епархией, королева Христина по смерти епископа Мелартопеуса, разделила епархию на две части, так что Ингерманландия составила особую суперинтенданцию, со включением в нее Кексгольмской области и Нарвы, как резиденции суперинтенда. 16 июля 1642 г. Ревельский соборный протоиерей (домпробст) Генрих Сталь был назначен первым суперинтендантом епархии. Его преемниками по должности были: Иоган Рудбек, Петр Броммиус, Саломон Матиэ, Абрам Таувониус, Эрик Альбогиус, Петр Бонг, Иоган Гецелиус, Яков Ланг, Николай Бергиус и Иоаннес Рунгиус, умерший в 1704 году, в котором Нарва взята была русскими.

Что касается до русских, живших в Ингерманландии, то мне не известно, под каким церковным начальством они состояли до 1642 г. Вероятно, они сохраняли сношения со своими единоверцами в России и оттуда получали своих священников; впрочем, последнее обстоятельство встречало впоследствии много затруднений. Неоднократно испрашивали они

у шведского правительства позволения привезти к себе из России архиерея, который бы мог посвящать на места священников: постоянным ответом правительства было то, что если им без епископа обойтись нельзя, то пусть пошлют кого-нибудь в Константинополь для посвящения от тамошнего патриарха. Когда они в 1640 году возобновили ту же просьбу, то решено было, чтоб они, не предпринимая далекого путешествия в Константинополь, сами из своей среды избирали способных и годных мужей, которых посвятит в священники суперинтендант, назначавшийся в то время в Нарву. В самом деле правительство имело в виду предоставить суперинтенданту все духовное управление епархии, учредило на сей конец должность четырех ассессоров, которые обязаны были вспомоществовать ему и председательствовать в консистории. Положено было одному быть из шведов, другому из немцев, третьему из финнов, четвертому из русских, всем из духовных лиц. При них должен был состоять нотарий и русский переводчик, которому по штату назначено было 150 талеров серебряной монетой. Как бы то ни было, вопрос о посвящении священников был делом очень щекотливым, и уже в самом начале произвел разлад как в консистории, так и в самом крае. Это видно также из нерешительности распоряжений правительства. Мы видели, что на возобновленные представления по этому предмету отвечали то так, то иначе. Решением от 24 октября 1646 г. на испрашиваемое позволение вызывать священников из Новгорода русским предоставлялось руководствоваться прежними постановлениями, а 7 декабря того же года им предлагают отправиться в Константинополь, с пропускным видом, обещанным от короля, и с сотней рублей дорожных денег. В 1650 г. 27 ноября постановлено было снова, чтобы они отправили кандидатов для посвящения в Киев, с тем, впрочем, условием, чтобы они перед отправлением давали присягу в верности в присутствии генерал-губернатора. Что суперинтендант был им противен, видно из всего: он дошел до того, что начал производить осмотры в их церквах, за что, впрочем, получил от короля строгое замечание. Между тем взаимное ожесточение достигло высшей степени и обнаружилось явным образом между русскими, изливавшими свое негодование в поносительных выражениях, в отказе читать в церквах молитвы за начальство и т. п. Следствием этого было опять то, что король по получении о том донесения выразил свое неудовольствие и повелел, чтобы русские

священники определились опять суперинтендантом и находились под строгим надзором. Хотя потом русские просили прощения за свое неповиновение и получили его, но истинного согласия не было, ибо неудовольствие слишком глубоко пустило свои корни и не могло быть подавлено насильственными средствами.

Не с одними, впрочем, иноверцами суперинтендант был в разладе: он приходил также в столкновение с городскими магистратами и местными дворянами. Обе эти корпорации имели свои древние привилегии, которыми они в этот век весьма дорожили; но суперинтендант, в силу данной ему 16 июля 1642 г. инструкции, считал себя поставленным выше тех и других. Самым труднейшим и щекотливейшим вопросом был вопрос о способе определения в приходы священников. Суперинтендант, по совещании с консисторией, считал это своим, исключительно его званию принадлежащим делом. Магистрат между тем и дворянство имели прежде сильное влияние в этих делах и хотели сохранить оное и теперь, что, впрочем, не удивительно, если вспомним, что на этот случай не было издано определенного закона. В церковном управлении, равно как и в других ведомствах, обычай значил более закона, и потому определение священников, в продолжение долгого времени, происходило так, что иногда сами приходы призывали к себе священников с согласия консистории, в другой раз сам король определял, или наконец епископ назначал их, по совещании с консисторией. Но представителями приходов в городах были по большей части магистраты, а в деревнях поместное дворянство, и решение этих представителей считалось как бы выражением общей воли, и потому нередко встречало противоречие. Если и бывали иногда неудовольствие и ропот, все, однако, улаживалось само собой в глазах народа, привыкшего питать уважение к начальству и благоговение к духовному главе, что всегда составляло отличительную черту в характере финского народа. Но в Нарве суперинтендант пришел в столкновение с магистратом, и именно, может быть, от того, что должность суперинтенданта была нова, а должность магистрата стара, а старший, по слабости человеческой, неохотно уступает младшему. Многие своевольства и прежде небывалые учреждения, вводимые суперинтендантом с благой целью, но без разумной осторожности, еще более усилили то враждебное отношение, которое уже сначала обнаружилось между духовным и светским

ведомствами в Нарве. Суперинтендант едва пробыл на месте три года, как уже все угрожало страшным раздором и междоусобной схваткой высших правительственных лиц, и Бог знает, чем бы все это кончилось, если бы король не вошел в это дело. Обнародованная при этом случае 6 ноября 1645 г. резолюция для прекращения возникших несогласий составляет важный памятник и пособие для объяснения вопроса об объеме власти магистрата в делах духовного управления. Если мы сравним этот акт, касательно вопроса об определении священников, с резолюцией, изданной королем 30 апреля 1651 г. по просьбе дворянства и землевладельцев ингерманландских, то увидим, что права на избрание священников были за приходами, представителями которых в некоторых городах был магистрат, но что при всем том не могло быть никакого назначения прежде, чем дело не пройдет через консисторию и пока не воспоследует ее мнение. Но это мнение в свою очередь должно было основываться на том, были ли представляемы *три способных и по учености и по поведению безукоризненных священника*, или нет. Если можно сделать заключение, по аналогии, из того, что постановлено было в той же резолюции 1645 года о школьных учителях в городах, то выйдет, что консистория имела право отказывать искателям, если они не удовлетворяли *in vita, doctrina* et *donis docendi*, и магистрат должен был приискать новых кандидатов. Многие другие проекты, плоды упомянутых дурных отношений, были представлены на рассмотрение короля, но не были им утверждены, как, напр., учреждение митрополитского управления с принадлежащими к нему асессорами (синода?) для русских, учреждение смешанной консистории (consistorium mixtum) для лютеран, наконец проект права из консистории подавать апеляцию в надворный суд. Кто считал себя обиженным, мог обратиться за удовлетворением прямо к королю.

В деревнях господствовали своего рода неудовольствия, возникшие от столкновения народа с новым духовенством по случаю платежа жалованья сему последнему: давать жалованье священникам в тех краях было делом, совершенно дотоле неслыханным. Устав короля Густава Адольфа о взиманиях духовенства 1617 г., в главных своих положениях введенный, кажется, по всему государству, едва ли служил здесь руководством, ибо что касается до разделения страны на погосты, построения церквей и определения священников, то все это

происходило очень медленно и то лишь в позднейшее время. Доходы священников между тем зависели от случайностей, основывались на произвольных требованиях или добровольных приношениях и на некоторых, законом установленных поборах. То же самое было и в церковном управлении, в экономии и дисциплине приходов и в других сюда относящихся делах, которые не были определены законом и потому самому подавали повод к беспорядкам и несогласиям.

Тогдашний генерал-губернатор Бенкт Оксеншерна, чтобы хотя несколько помочь горю, начертал устав о церковном управлении в Ингерманландии, который до издания королем другого распоряжения должен был служить законом. Этот губернаторский устав издан был 28 июня 1639 г. Но так как прошло около 50 лет, прежде нежели король Карл XI обнародовал свой закон о взиманиях священников, то вышеупомянутый устав во все это время служил в Ингерманландии руководством, и потому может быть признан за правило, которому следовали касательно содержания тамошних священников до позднейшего времени. То или другое в частности, конечно, могло быть видоизменено по местным обстоятельствам и другими, позднее изданными правилами. В этом уставе княжество ингерманландское разделено было на два пробства: ниэнское и ивангородское. К первому причислена была вся Ореховская область, город Ниэн и баронство Дудергоф, со всеми сюда принадлежащими погостами. Ко второму принадлежали области Ивангородская, Ям и Копорье, с относящимися к ним погостами. Некоторые из этих погостов не назывались тогда теми именами, какими они теперь обозначаются; и даже в 1676 г., когда этот край был измерен шведскими инженерами, мы находим особые названия. К Ниэнскому пробству принадлежали тогда следующие погосты. *1. Куйвас*, включавший в себе нынешние Лембалу и Волес. *2. Корбосельский* погост или нынешние Токсово и Валкиасаари. *3. Кельтис. 4. Спасский погост* или страна по обеим берегам реки Невы. *5. Дудергоф. 6. Славянка. 7. Ингрис. 8. Лисино. 9. Иервисаари. 10. Лоппис* погост. Второе пробство заключало в себе следующие погосты: *1. Петровский* погост или Ивангородскую область. *2. Ополье. 3. Врадесский. 4. Ястробинский* погосты; все три составляли собственно область Яма и наконец Копорье, куда относились: *5. Толдоский. 6. Каргал западный. 7. Каргал восточный. 8. Райпсинский. 9. Григорьевский. 10. Замойский. 11. Детелинский. 12. Саритский* и наконец *13. Озерский погосты.* Местопребыванием пробстов были Ниэн и Ивангород.

Впрочем, главою церкви оставался генерал-губернатор, которому оба пробста, до назначения епископа, должны были рапортовать о беспорядках, требовавших более или менее сильного содействия его по делам церковного управления. Он же принимал жалобы туземцев на своих священников. Даже и впоследствии, после определения епископа генерал-губернатор сохранял верховный надзор в делах церкви.

Пробства учреждены были в этом краю с той целью, чтоб ввести и соблюсти в делах церкви раз навсегда установленный порядок. Главной обязанностью пробстов было смотреть за тем, чтобы народ был руководствуем в чтении и понимании священных книг, а для этого они должны были ежегодно в мае производить осмотры в подчиненных им приходах; для распространения грамотности духовенство каждого прихода обязано было четыре раза в год побывать в погостах, посетить все семейства, испытывать и обучать как старых, так и молодых, исследовать их образ жизни и доносить ежегодно суперинтенданту о найденном состоянии дел. Все не посещавшие сходок для чтения, учреждаемых священниками, подвергались пени в рубль серебром, которая поступала в церковь и взималась весьма тщательно. Обязанность пробства состояла в заботе о построении церквей, где таковых не имелось, и о поддержании построенных прежде. На этот конец отмеривались участки земли для церквей; в этих участках отводились по плану места для храма и для жилищ священника и кистера. Оттого и поныне подобные участки называются церковною землею (Kirchenland). Тогда постановлено было, чтобы церковная земля заключала в себе 24,5 тонны пахотной земли, делившейся так, что священник получал один гак или 15 тонн земли для своего местопребывания или так называемого *гофлагеря;* землю эту он должен был возделывать собственными людьми. Кроме того, он получал полгака с поселенными на нем крестьянами, которые не только обязаны были работать на священников двор, но и платить пастору следующую с их домов аренду, за исключением мельничного побора и акцизных денег, поступавших в казну. Под двор кистера отводились две остальные тонны земли, свободные от всех пошлин, кроме мельничной [285]. Встречаются ли теперь где-нибудь в Ингерманландии крестьянские дворы, подчиненные пасторским усадьбам, или нет, я не знаю. Что касается до построения и поддержания церквей, то оно определялось тем же правилом, которое и ныне остается в постановлениях о церк-

ви, а именно: все живущие в погосте обязаны строить церковь. Таким образом здесь даже дворянство не было изъято, между тем как в Финляндии оно из-за своих вотчин не обязано участвовать в построении церковных дворов. Число зданий, которые надобно было строить при церкви, определялось согласно с древним шведским законом, который предписывал строить: избу или дом с двумя комнатами и с сенями, гостиную избу, гардеробную (westhus?), баню, конюшню, скотный двор, ригу с овином. Построение прочих зданий как там, так и здесь предоставлялось, по всей вероятности, самим священникам. Теперь погост, кажется, обязан заведовать постройкой всех зданий.

Жалованье, производившееся финскому духовенству, главным образом состояло из десятины, которая давалась частью рожью, как видом десятины времен католических, частью всякой живностью, что называлось «живою десятиною». Несмотря на то, что ландсгевдинг, как уже выше было сказано, еще в 1622 г. получил повеление ввести раскладку десятины в той же форме, как было в прочих шведских провинциях, исполнение этого повеления, по-видимому, встретило много затруднений, по причине которых жалованье священников в Ингерманландии не могло производиться таким же способом, как в Финляндии. Зато здесь способ взимания священнического жалованья упрощен был тем, что за мерило его приняли обычные обжи или гаки. Таким образом постановлено было, чтобы каждая вотчина по числу принадлежащих ей гаков земли платила 10 хлебных мер ржи, 10 мер зернового хлеба и 10 мер овса и кроме того 3 марки сереб. мон. или на наши деньги 1 рубль. 8 коп. ассигнациями. Крестьянин, владевший гаком земли, должен был платить то же, что и барский двор, за исключением денег; с полгака земли взималось семь мер и четверть четырех мер каждого рода хлебов.

В этом поборе заключалась десятина со всего того, что растет на полях и в огородах, равно и так называемая живая десятина, ибо пастор, кроме фунта льна и одной курицы с каждого двора, не мог ничего более взять с крестьянина. Нельзя также сказать, что эти сборы с крестьян были слишком велики, если сравнить их со сборами в других местах. Обыкновенные пасторские доходы также не были велики. Так, за крещение младенца платилось 6 эре, за погребение хозяина или хозяйки 16 эре, за погребение ребенка, работника или работницы только 8 эре, за венчание 8 эре и в пасху

с каждого крестьянина бралось по 2 эре. Заметим, что один эре сер. мон. соответствует 4,5 копейкам ассигнациями. Взимать деньги в тех случаях, когда народ приходил записываться для принятия святых тайн, обыкновение, к общему неудовольствию, вероятно, и здесь бывшее в ходу, как в других местах, было строго запрещено. О капелланах не упоминается вероятно потому, что эти церковные служители в то время не считались необходимыми в ингерманландских приходах. Жалованье же кистеру определялось одной хлебной мерой ржи и мерой зерна с каждого гака, сверх чего он имел право взимать при крещении 1 эре, при венчании 2 эре, при похоронах за каждого покойника, им провожаемого, 1 эре, считая все серебряной монетой. За первое посещение церкви после родов ни пастор, ни кистер не имели права брать плату. Об «ликстоле» не говорится также ничего: это служит доказательством того, что уже в то время этот побор, до наших времен обыкновенно взимаемый в Швеции и Финляндии, считался неприличным. Вообще можно сказать, что все условия пасторского жалованья были весьма умеренны и народ ни в каком случае не был ими обременен. Но после того, как этот край получил своего суперинтенданта, очень вероятно, что сей последний, сравнив состояние своего края с другими и, может быть, наведенный на то своим подчиненным духовенством, нашел возможным увеличить статьи побора. С этой целью он издал с согласия нарвской консистории во имя короля новый устав о правах священников в Ингерманландии, значительно отступающий от прежнего устава. Вместо 10 мер ржи, ячменя и овса с гака земли установлено было по 12 мер ржи, 12 м. ячменя и по 8 мер овса, как с вотчинников, так и с крестьян, с тем различием, что первые обязаны были еще платить 24 эре с. м., а последние фунт льна, курицу, воз сена и три воза дров. С полгака или полобжи должно было платить 8 мер ржи и столько же мер ячменя и 6 мер овса, воз дров и полвоза сена. С четверти обжи бралось, как и прежде, 4 меры разных хлебов, воз дров и $^1/_4$ воза сена. Фунт льна и одна курица взимались с каждого двора, как малого, так и большого. Капеллану, о котором прежде не было речи, предоставлялось теперь взимать одну тонну ржи с каждого барского двора, а с крестьян с полуобжи, т. е. 8 мер ржи, 8 мер ячменя и 6 мер овса. Так по крайней мере я старался объяснить выражение с полуобжи и тем самым нашел сходство с определением капелланского жалованья, установленным в изданном позднее

уставе от 1681 г., по которому капелланам дается 8 мер хлеба с каждого целого и половинного двора, между тем как с четверти двора или с бедного мужика (torpare) взималось лишь 4 меры. Кистер получал с барского двора 10 мер ржи, но с крестьян лишь 2 меры с каждого гака. Другие пасторские доходы были также увеличены.

Эти распоряжения однако возбудили неудовольствие в той части народа, которая исповедовала греческую веру. Русские крестьяне принуждены были по числу своих обж, наравне с финнами, давать сборы лютеранскому духовенству и сверх того платить ему прочие денежные взимания за крещение, венчание, отпевание и т.п., несмотря на то, что эти обряды совершались их собственными священниками. Когда принесены были на то правительству жалобы, суперинтендант пытался извинить денежные поборы тем, что таковое взимание происходило и прежде вследствие дозволения ландсгевдинга Маннершёльда, и последовавшего за тем утверждения на то генерал-губернатора Гулленшерны. Но правительство поняло несообразность подобных поступков и повелело, чтобы русские крестьяне, имевшие землю, платили пастору за целую обжу только 6 мер ржи, 8 мер ячменя и 8 мер овса и два воза сена, и в той же пропорции с других участков земли: сверх этого пастор не мог требовать ничего более. В 1651 г. король почел за благо совершенно уничтожить и запретить производство денежного жалованья, наложенного на дворы вместе с побором хлеба, как обычай, введенный лишь произволом суперинтенданта и неизвестный в прочих шведских провинциях [286].

Для сохранения порядка и благочиния в приходах определены были в каждом погосте 6 так называемых церковных старост, которые избирались пастором при совещании с приходом, для службы сроком на три года. Их делом было: 1) *иметь надзор за церковными доходами*, за правильным их взносом и употреблением; они обязаны были также наблюдать за приличным содержанием пасторского двора и заботиться о необходимых исправлениях его принадлежностей, 2) *наблюдать за нравами*, а) *учителей*, и в случае их лени и неблагопристойной жизни доносить на них генерал-губернатору. После учреждения суперинтенданта жалобы на священников приносимы были консистории, b) *прихожан*, и в случае беззаконной их жизни, подающей повод к соблазну, старосты могли доносить в узаконенные места и требовать им должного

наказания. Всякого, кто вздумал бы продавать при церквах пиво или водку, они имели право наказывать при свидетелях, а товар конфисковывался в пользу церкви. 3) Они обязаны были взыскивать с непокорных законные поборы, предоставленные пасторам. Кроме этих надзирателей, которых власть была довольно значительна, в каждой деревне были еще так называемые *старосты*, которых должность в церковном отношении состояла лишь в том, что они извещали и сзывали народ, когда приезжало в деревню духовенство для испытания в чтении и для осмотра домашнего быта. О церковных сторожах (называемых в Ингерманландии Sondio соб. Sundia церк. сторож) с жалованьем ничего не говорится. По старому церковному порядку, должность их исполнялась кистером. Пока раскладка десятины по краю не была приведена в исполнение и обычная тонна жита для вина не могла быть установлена, определено было, чтобы издержки на вино и облатки производились на церковные суммы.

Теперь совершенно неизвестно, каково было жалованье нижского пастора, который как надзиратель (пробст) над прочими приходами, с большим кругом деятельности, пользовался также большим значением. Вероятно, оно состояло из добровольных приношений, ежегодно им взимаемых, подобно тому как это и теперь еще водится в большей части городов Финляндии. Известно только, что ему назначено было по штату какое-то жалованье, как можно заключить из 8 параграфа королевского определения от 8 марта 1660 г., где говорится: «Что касается до содержания пастора и штата школы, на что гражданство всеподданнейше просит обратить милостивое внимание, то об этом уже воспоследовало решение, которым упомянутое гражданство, по мнению Его Королевского Величества, будет вполне довольно». Сверх того ему назначен был в пособие Спасский погост, но потом в 1649 г. отнят по причинам, изложенным в ответе короля суперинтенданту на некоторые представленные им пункты: «Так как город Нижн, говорит он, в состоянии содержать своего пастора, то и нет надобности быть Спасскому погосту под его ведомством, а скорее нужно дать этому погосту особенного пастора». Впрочем, повторенные представления о незначительности доходов нижского пастора побудили правительство резолюцией от 14 июля 1679 года снова дать ему в пособие погост Кельтис. Не подлежит сомнению, что в городе Нижне кроме шведского пастора был также финский священник, хотя

нельзя с достоверностью сказать, имели ли они отдельных пасторов или слушали одного и того же учителя. С большей достоверностью знаем, что здесь существовал немецкий приход. Вопрос об его учреждении возник впервые в 1645 г., когда подано было королю формальное о том прошение. Но на этот раз дело не имело успеха. Король отказал в просьбе города на том основании, что «ремесленников, для которых испрашивался особый немецкий священник, не так много, чтобы для них необходим был особый пастор; а когда Его Королевское Величество узнает, что число таковых увеличилось и собралось в должном количестве в городе, то об определении особого пастора воспоследует должное распоряжение». Однако король скоро переменил свой образ мыслей и повелел в вышеупомянутом послании к суперинтенданту от 1649 г. *дать ниэнским немцам* позволение на свой счет построить церковь и определить к ней пастора: король взял ее под свое покровительство, а управление ею предоставил консистории. Потом назначено было пастору казенное жалованье, а для местопребывания отведен двор *Туккила*, который прежде принадлежал вдове пробста Фаттеборга, а перед тем возвращен был в казну.

По счету доходов 1697 г., жалованье немецкого пастора заключало в себе:

	сер. мон.
Казенных доходов и арендных денег	70
5 тонн ржи	15
5 тонн ячменя	15
Итого:	100 талер.

Кроме означенных приходов, был здесь еще русский приход, в котором священник, сверх взимаемого им со своих прихожан, получал казенное жалованье по резолюциям от 4 мая 1683 и 29 октября 1684 годов, доходившее до 100 талеров сереб. мон., сумму, равную той, какую получал немецкий пастор.

Оканчивая речь о преимуществах города Ниэншанца, мы не должны умолчать о праве, в силу королевского манифеста, избирать себе духовного отца по собственному желанию. В резолюции от 13 сентября 1671 г. право избрания магистрата обусловлено тем, чтобы кандидат предварительно подвергался

испытанию пред консисторией и утверждал присягой верную преданность своему вероисповеданию. По исполнении этого условия все остальное зависело от прихода и консистории было строго запрещено определять в город священников без согласия магистрата. Такое же распоряжение имело силу при определении школьных учителей.

Теперь надобно было бы представить роспись всех законоучителей, состоявших при ниэнском приходе в продолжение короткого времени существования города; но и здесь мы встречаем затруднения от недостатка памятников, которыми история этого отдаленного края вообще не изобилует. Впрочем, чем богаты, тем и рады. Следующая роспись, которую мы старались составить сколько возможно полнее и в порядке из рассеянных показаний, может послужить основанием будущим по этому предмету исследованиям.

Очень вероятно, что Ниэншанц не имел собственного пастора до 1632 г., когда издан был первый акт об основании города. Потому первое место должен занять:

1. **Генрих Мортенсон Фаттабур**. Он был прежде ректором в выборгском училище и искал потом выборгского пасторатства вместе с лектором богословия Якобеусом Толиа (Jacobäus Tolia); пасторатство дано было в 1631 г. последнему. Я предполагаю, что Фаттабур искал пасторатства в Ниэншанце впоследствии и получил оное около 1632 или 33 года; впрочем, год смерти его совершенно неизвестен. Что он был здесь пастором, очевидно из вышеупомянутой королевской резолюции от 1666 Г., где дело идет о дворах *Лукин* и *Сокойл* в деревне Туккиле, о которых говорится, что они принадлежат вдове покойного пастора Генриха Фаттабура. Его сын Генрих служил сначала в ингерманландской губернской канцелярии, управлял потом тамошним имением графа Якова Делагарди, пожалован был после того чином капитана и состоял в звании ревизион-комиссара, когда в 1676 г. возведен был в дворянство под именем Лильеборга. В 1684 г. умер бездетным.

2. **Эрланд Ионассон Ярне** (Hjärne) происходил из древней фамилии, поселившейся наконец в Бондестрендет. Его отец был Ионас Ярн, а мать Катарина Татт, умершая в 1617 г. Эрланд учился в Упсальском университете, где он получил степень магистра. Сперва он был пастором в Скворище в Ингерманландии, потом в Каттиле и наконец пробстом в Ниэне и вместе священником до своей смерти в 1654 г. для шведов,

финнов и немцев. Он был женат два раза: 1) на Христине Шмидт. Сын ее Эрланд умер в 1687 году секретарем при банке в Стокгольме. 2) на неизвестной. Дети ее: *a*. Урбан, родившийся в Ниэне, известный в истории шведской учености и занимавший место архиатра. *b*. Томас, известный своей лифляндской историей, изданной г. Нацерским [287]. *c*. Генрих, капитан-лейтенант при артиллерии.

3. **Петрус Троттопиус Смоландус**. О нем больше ничего не знаем, кроме того, что он был здесь пастором и умер прежде 1660 г., потому что вдова его, Брита Биллингия, в этом году вступила во второй брак с тогдашним секретарем шведского надворного суда Ларсом Мёрлингом, который, вероятно, познакомился с ней во время своего путешествия в Москву при Шведском посольстве в 1655 году.

4. Здесь должен остаться пробел, потому что не было возможности доискаться, кто после Троттопиуса был здесь пастором. В надежде, что этот пробел в будущее время будет пополнен, мы переходим к следующему.

5. **Веньямин Симонсон Крок**, определен пастором в Ниэншанц в 1668 г. Он родился в Орешке и обучался в Дерпте и Упсале. В 1659 г. нючёпингский епископ назначил его лектором еврейского и греческого языков в Выборге; в 1664 г. он получил степень магистра и умер в Ниэншанце в 1675 году.

6. **Петрус Карстениус**, шурин предыдущего и сын выборгского епископа Генриха Карстениуса. Он был прежде ректором выборгского училища, потом лектором еврейского и греческого языков при тамошней гимназии в 1675, и в следующем году призван был на пасторатство в Ниэншанц. Здесь он служил до 1683 года, когда выборгский приход пригласил его к себе на пасторство, а король назначил его соборным пробстом. В 1705 г. он был первым кандидатом на выборгское епископство, на которое, впрочем, назначен был доктор Давид Лунд; впоследствии он, за неисправности по службе, был уволен и умер около 1712 года. Он был женат на дочери епископа Абрама Таувониуса.

7. **Яков Иоган Ланг**. Родился в Гефле в 1648 г., где отец его был таможенным чиновником. Обучался сперва в Або и Упсале, потом в Оксфорде и Париже, где он занимал в то же время место секретаря при шведском посланнике Лильероте. По возвращении в отечество в 1683 г. 4 мая он был назначен пробстом и пастором в Ниэншанц, в 1688 г. суперинтендантом в Нарву, в 1690 г. получил степень доктора богословия,

в 1700 г. сделан генерал-суперинтендантом Лифляндии, в 1701 г. епископом ревельским, откуда во время военных неустройств со многими другими бежал в Швецию. После нескольких лет ожидания в силу полномочия, данного в Бендерах 21 апреля 1711 г., он получил место епископа в Линчёпинге, где и умер в 1716 году. Его дети возведены в дворянское достоинство под именем Лагеркрейц.

9. **Андерс Лундберг**, был также пастором в Ниэншанце и, вероятно, преемником пробста Ланга. Я не знаю о нем ничего, кроме того, что его дочь Гедвига Катерина вышла замуж за профессора, после бывшего епископом в Борго, Даниила Юслена. В 1690 годах служил здесь под именем вице-пастора некто Эрик Квист, который в 1698 г. переведен был на место гарнизонного пастора в Нарву. Впрочем, неизвестно, был ли он помощником при Лундберге или определен к должности пастора на некоторое время по смерти сего последнего. Его преемником был:

10. **Эрик Альбогиус**, сын суперинтенданта Эрика Альбогиуса в Нарве. В 1697 г. он был еще лектором и ректором нарвского училища, следовательно, переведен сюда пастором в 1698 или 1699 годах. До этого времени в 1693 году он выдержал диспут под председательством профессора Гавриила Шёберга: *De virtute pendente* в Дерпте и *De consiliario* в 1695 г. Умер около 1701 или в 1702 г. Он был женат на Марии Гиндель, которая потом вышла замуж за преемника своего первого мужа.

11. **Магистр Захарий Габриельсон Литовиус**. По свидетельству пасторских воспоминаний Страндберга, он был определен сюда пастором в 1702 г., но спасаясь от неприятеля, бежал в Швецию, где и оставался без насущного хлеба до 1713 г., когда его назначили пастором в Улеоборг. Впрочем, очень сомнительно, исправлял ли Литовиус, несмотря на свое назначение, должность пастора в Ниэншанце. В то время пламя войны уже пылало в Ингерманландии; почти все искали спасения в бегстве; без сомнения, и он не дерзнул отправиться на позорище кровопролития тем более, что город в следующем году был взят русскими.

Согласно преданиям, сохранившимся из тех времен и собранными Бюшингом и пастором Гротом, полагают, что Альбогиус был последним пастором в Ниэншанце. Достоверно также, что после разрушения Ниэншанца не было под рукой ни одного пастора, который мог бы на туземном языке от-

правлять богослужение для оставшихся жителей, – обстоятельство, прямо доказывающее, что Литовиус не был на своем посту в Ниэншанце. Рассказывают, что какой-то немецкий пастор по имени Толле, призванный сюда в 1704 г. адмиралом Круйсом, выучившись несколько финскому языку, исправлял должность священника для живущих около Петербурга финнов, а священник Майделин с двумя пленными полковыми священниками Вреденбергом и Мелартопеусом служили пасторами для шведов и финнов, работавших при основании С.-Петербурга.

Как бы то ни было, но замечательно, что пастор Грот, написавший пространное сочинение об истории инородных в России ее единоверцев, с такими затруднениями собравший для того материалы, нисколько не упоминает о шведском или немецком приходах в Ниэншанце, хотя из него вышли первые жители С.-Петербурга. Случилось ли это от незнания, или из опасения помрачить славу поддерживаемой Бюшингом, мнимой древности немецкого прихода в С.-Петербурге? Или он думал, что славу Петербурга может затмить мысль о Ниэншанце? Но разве русский флот стыдится ботика Петра Великого? Впрочем, дело не в том. Он не мог иначе. Откуда ему было взять сведения? Все бумаги были рассеяны или уничтожены; жители бывшего города переселились в вечность; у жителей новой столицы совершенно изгладилось из памяти воспоминание о небольшом, но в свое время и в своем роде процветавшем Ниэншанце.

Что касается до пасторов, проповедовавших евангелие в немецком приходе в Ниэншанце, то в наше время нет даже возможности поименовать их. Так как все памятники церковного управления города пропали и немецкие пасторы не имели сношений с прочими пасторами Финляндии, то и не удивительно, что память о них мало-помалу забылась. Только трое известны по имени:

1) **Генрих Фризиус**, живший около 1670 г.; воспоминание о нем живет собственно в его сыне Иогане Генрихе, пожалованном впоследствии в дворянство и баронство под именем Фризенгейма. Он был сперва купцом в Ниэншанце, сделан был потом ассесором в коммерц-коллегии и наконец криг-советником. Будучи купцом, он нажил себе огромное богатство, так что большими суммами помогал правительству во время Северной войны, и даже снаряжал на собственный счет корабли для перевоза войск, поддержал гарнизон Выборга во

время осады города и был всегда полезен своим кредитом, когда другой помощи быть не могло.

2) **Иоахим Виттсток**, пастор около 1680 Г. Его сын Иоган Виттсток был пастором в Тохмаярви.

3) **Иоахим Майнке** был в 1683 году пастором при немецкой церкви в Ниэне, откуда он вызван был в Москву пастором для тамошней немецкой церкви [288].

О священниках русского прихода в Ниэншанце я не мог доискаться никаких сведений.

В 1671 г. построена была новая церковь для общего отправления богослужения приходам шведскому и немецкому, и правительство определило на то все пени, какие были собираемы в дерптском надворном суде, и кроме того король пожаловал 8 Skeppund, т. е. 75 пудов (ластовой) меди на колокола для новой церкви. Финский приход, вероятно, пользовался потом старой церковью.

Для наставления юношества в христианстве и других полезных науках была также учреждена в Ниэншанце школа, о поддержании и преуспеянии которой правительство оказывало особенную заботу. О начале этой школы и о времени назначения штата ее учителей мы ничего не знаем, но резолюцией от 1660 г. был утвержден прежний штат училища. Но как церковное управление, так и весь школьный быт, по-видимому, находился в самом жалком состоянии до времен суперинтенданта Гецелиуса, который мощной рукой повел дела своего ведомства. Это можно заключить из письма генерал-губернатора к ниэнскому магистрату от 6 января 1670 г., в котором говорится: «что касается до представления о слабости педагога Пекториуса и происшедшем от того невежестве и вялости учеников, то и в этом случае его королевское величество оказал особенное милостивое попечение, назначив учителю казенное жалованье, и надобно пожалеть только, что первое определение педагога не имело должного успеха; а для того, чтобы юношество не было совершенно запущено, магистрат обязан поискать другого годного человека и посоветоваться об этом деле с суперинтендантом, которого скоро должно туда ожидать [289], для того чтобы это важное место было занято достойным лицом, и губернаторская власть охотно будет содействовать тому, чтобы достойный и способный педагог был обеспечен всем необходимым содержанием». Что и было исполнено; резолюцией от 4 июня 1679 года король обещал не только назначить средства для улучшения город-

ской школы, но и повелел обратить на это полезное дело жалованье уволенного от должности третьего бургомистра. В рапорте, представленном в 1686 г. суперинтендантом Гецелиусом, говорится: «школы епархии, особенно в Нарве, Ниэне, Орешке, Копорье, слава Богу, заметно улучшились, снабжены несколькими учителями, которые от его королевского величества и городов обеспечены жалованьем и помещением лучше чем прежде; ученики также умножились, часы уроков приведены в порядок, школьные суммы исправно вносятся и вернее расходуются, экзамены происходят чаще и в лучшем порядке». Все это доказывает, что данное обещание было осуществлено. Подать на школу взималась со всей ореховской области и погоста Славянки. Кроме вышеупомянутого Иогана Пекториуса, известен еще по имени Христиан Гисселькорс, последний из тамошних учителей. Он был прежде конректором в Ниэншанце, а после бегства своего из этого города учителем школы в Улео, до 1716 года, когда он сделан пастором в Лишито и умер в 1729 г. Он был женат на Брите Густаве Литовиус.

www.aroundspb.ru

Глава 16 ПАДЕНИЕ НИЭНШАНЦА В 1703 ГОДУ

Для полноты картины теперь остается еще сказать несколько слов о последующей участи Ниэншанца. Овладев в 1702 году крепостью Орешком и, для показания важности этого завоевания, назвав его Шлиссельбургом, Петр Великий всеми силами старался сделаться обладателем Невы и всего окрестного края для того, чтобы поставить Россию в соприкосновение с остальной образованной Европой.

Когда русские силы из Лифляндии начали подвигаться к Ингерманландии, панический страх обуял всех ингерманландцев и жителей Ниэншанца: один за другим они искали спасения в бегстве. Немногие, кажется, остались в городе; крепость защищалась тогдашним комендантом подполковником Аполловым, под начальством которого находилось 600 человек солдат. Русская армия сделала сперва диверсию по направлению к Кексгольму, но возвратившись скоро назад, осадила Ниэншанц. Это случилось 25 апреля 1703 года, за час до рассвета. Осадное войско состояло из 18 полков пехоты и отряда артиллерии, хорошо снабженной всем необходимым. По прибытии своем царь Петр немедленно овладел внешними укреплениями, возведенными за год перед тем генералом Кронироотом. Затем открыты были траншеи и построены батареи для обстреливания крепости. Все это было готово в 5 дней, по истечении которых, вечером 30 апреля, началось бомбардирование. К счастью осаждающих, вспыхнул пороховой магазин и причинил крепости огромный вред. В продолжение 10 часов пущено было в крепость до 700 бомб и сверх того валы ее 10 раз обстреляны были 19-ю половинных картаунов. Комендант, не видя возможности более защищаться и будучи человеком больным, решился сдаться на

капитуляцию. Крепость с ее артиллерией стала добычей победителя, который в тот же день 1 мая 1703 года вступил в город и подчинил его своей власти. С радостным чувством празднует житель севера этот многознаменательный день, в который, с возрождением природы, всему даруется новая жизнь и сила, и шумная толпа, ежегодно торжествующая на равнинах Екатерингофа приход гости весны, не подозревает, что это есть день кончины Ниэншанца. Великий Монарх провел около 14 дней в этом краю и большей частью в крепости, которую он назвал Слотбургом. Еще сохранилось четыре письма, писанных им отсюда к генерал-губернатору Апраксину от 2, 10, 21 и 30 мая; из них можно заключить, что государь сначала не имел намерения разрушать крепость. Но потом, став обладателем всего края, он имел случай исследовать ближе различные местоположения, и тогда-то в нем родилась другая мысль. 16 мая положено основание Петербургской крепости, а прежняя крепость и город Ниэншанц были разрушены и сравнены с землей. За 80 лет еще видны были следы валов и рвов бывшего города.

Крепость имела вид пятиугольника, построена была по новому образцу и находилась на небольшом возвышении. Говорят, что валы ее имели 9 сажень вышины и 6 сажень толщины. Диаметр площади, занятой крепостью, заключал в себе только 500 сажень, так что в ней кроме гарнизона не было места для других жителей. Не принадлежавшие к военному званию все жили в городе, который находился на другой стороне реки Охты и соединялся с крепостью мостом, не направленным, впрочем, прямо к крепости. На правой стороне реки находились новые внешние укрепления, превосходившие объемом саму крепость. Город, окруженный валами, по виду своему был узкий и длинный: он состоял из двух продольных улиц, пересекавшихся пятью кратчайшими.

Напротив, по другую сторону реки Невы, где теперь Воскресенский монастырь, находилось также небольшое укрепление, построенное шведами.

Теперь нет и следов того, что было прежде. Место, называемое теперь Большой Охтой, застроено наподобие города красивыми и чистыми домами. Окидывая отсюда взором величественную Неву, берега которой некогда представляли топи и болота, а теперь красуются палатами, церквами и башнями, познай, читатель, беспредельную мощь человеческого разума и думай, что отсюда-то, со стен разрушенного

Ниэншанца, изошла творческая мысль, которая пробудила от усыпления целый народ и вызвала наружу силы, изумившие вселенную. Но если история учит нас познавать непостижимые пути, которыми решаются судьбы стран и народов, то пусть наше сердце откроется для святой молитвы: Боже! да почиет Твое благословение над Царем и Царским Градом.

www.aroundspb.ru

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Стр. 16.* Снорро Стурлесон родился в 1178 году на острове Исландии, где он впоследствии сделался лагманом и на 62 году своей жизни был убит своими политическими врагами. Его «повести о королях» (Konunga sagor), обыкновенно известные под именем «Heimskringla», представляют древнейшую историю Скандинавов, или собственно ряд сказаний о древних королях скандинавских, начиная от баснословного Одина до второй половины XII века. Из многих изданий этого сочинения более известны: *Стокгольмское*, Перингскёлда, 1697 г. и *Копенгагенское* 1777, in fol. Русский перевод его я видел в рукописи в Библиотеке Имп. СПб. Эрмитажа. Копенгагенское Королевское Общество северных антикваров оказало важную услугу русской истории, выбрав из исландских памятников все известия, в каком-либо отношении касающиеся России и других восточных стран, и издав этот выбор в отдельном сборнике (2 больших тома in-fol. 1850 г.) под заглавием: Antiquiteees Russes, по лучшим, древнейшим манускрпитам, со всеми вариантами, с множеством ученых примечаний и толкований и с приложением прекрасного латинского перевода. Повествование Снорро об Одине и его переселении в Швецию см. в упомянутом издании т. I, стр. 246 и след.

[2] *Стр. 18.* В Космографии Мюнстера (Базель, 1544 г.) на стр. 519 читаем: Der Sprachen halb des Finlands soltu mercken, das zwo Sprachen werden darin gefunden. Von Wiburg bisz gen Borga oder Sibbo am Gestaden des Meeres gebrauchen sich die Ynwoner des Lands der Schweder Sprachen: aber hinden auszen im Land haben sie gar ein besundere Sprach. In vilen Flecken als zu Wiburg und Pittis, findt man beyde Sprachen, und man musz auch zweierlei Predicanten haben. Что это замечание отчасти справедливо, можно заключить из того, что и в настоящее время в означенной местности, до самого Ведерлакского кирхшпиля, встречаются еще деревни со шведскими именами.

[3] *Стр. 19.* Полн. собр. русск. лет. I, 2. – Варяжское море и Варяги, как народ, обитавший на берегах этого моря, были известны также и арабским писателям. См. Ibn Foszlans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, C. Frähn, St.-Pet. 1823. Из многих, собранных в этом сочинении известий арабских писателей о Руссах и Варягах, приведем здесь следующие слова Якути (стр. 182): «Море, омывающее на западе обитаемой части земли, берега стран Тангера и Испании, называется всемирным морем. Древние Греки именуют его *Okeanos*. Пуститься на средину этого моря никто не отваживается, а плавают только вдоль его берегов. От упомянутых мест оно изгибается к северу, против земли Славян. И оттуда на севере страны Славян идет большой залив (канал) или рукав, который простирается почти до земли магометанских Булгар. Этот рукав называют морем Варягов. Варягами же называется народ, живущий вдоль его берегов». Сравни также в «Büschings Hist. Magazin» *Abulfeda*.

[4] *Стр. 19.* Полн. собр. русск. лет. I, 8.

[5] *Стр. 19.* Там же, стр. 3.

[6] *Стр. 20. Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины, 7008 года.* Вторая половина этой книги, напечатанная во «Временнике Имп. Моск. Общества Ист. и Древн. Росс.» кн. 11-я и 12-я. Москва, 1851–1852, содержит в себе описание городов Ореховца и Корелы и всех погостов (приходов) Ладожского, Ореховского и Корельского уездов в 7008 (1499–1500) году, с указанием в каждом погосте всех волостей и селений, числа дворов и жителей, пространства возделанной земли, количества посева, рыбных ловель и других угодий, равно как и количества дохода, получаемого землевладельцами. В этой книге в числе деревень, находившихся на берегах Невы, поименованы (Врем. кн. 11-я), стр. 130: *В деревне в опчей в Варягов на Неве* полобжи (*обжа* – участок возделанной земли, определяемый количеством посева); стр. 139: *Деревня Варягова на Неве*, обжа; стр. 140: две деревни того же имени и также *на Неве*, из коих в первой одна, а во второй две обжи, и стр. 248: *Деревня Варягово на Кобылицах*, одна обжа.

[7] *Стр. 21.* Полн. собр. русск. лет. I, 8 и 9. В моем исследовании о шведском диалекте в Нюландской губернии (см. Acta Societatis Fennicae T. II, fasc. IV. *Om Swenska Språkdialecten i Nyland*) я старался доказать, как лингвистическими, так и историческими доводами, что финский морской берег, уже гораздо прежде завоевания Финляндии шведами, был населен народом скандинавского племени, и что нынешнее шведское население этого берега не может быть, следовательно, почитаемо колонией, выведенной из собственной Швеции, как до

сих пор обыкновенно утверждают. Предлагая тем, кого интересует этот вопрос, обратиться к означенному исследованию, и оставаясь при прежнем своем убеждении, я заключаю, что эти древние скандинавы, с незапамятных времен населявшие южный берег Финляндии и, может быть, также невские побережья, непременно долженствовали первые, из скандинавских народов, сделаться известными своим южным соседям – народам славянским, и что они-то именно и были Несторовы «Варязи». Этим объясняется и само сказание Нестора о народах Иафетова колена, при исчислении которых он очевидно держится естественного, географического порядка их жилищ, говоря (Полн. собр. русск. лет. I, 2); «*Афетово бо и то колено: Варязи* (вдоль Финского залива), *Свеи* (Шведы), *Урмане* (Норвежцы), *Гот* (жители Готского государства в южной Швеции, а может быть и Датчане), *Русь* (какой это народ – того я решить не могу; может быть это имя, которое не во всех списках встречается, представляет здесь позднейшую вставку), *Агняне* (Англичане), *Галичане* (Испанцы, названные так по области Галиции), *Вольхва* (жители сев. Франции, или Нормандии, известной у Скандинавов под именем Valland), *Римляне, Немци, Корлязи* (тоже Немцы, по объяснению Круга), *Веньдици* (Венецияне), *Фрягове* (Генуэзцы) *и прочии*».

Следовательно, нет никакой надобности, подобно Шлецеру и другим, прибегать к знакам препинания и, изменяя чтение этого места, включать все исчисленные здесь народы под общим именем «Варязи»; имя это у Нестора очевидно означало народ особый, отдельный от шведов, норвежцев и других скандинавов, хотя и сплеменный с ними. Этому народу он дает еще и другое название – *Русь*, вероятно по той причине, что у финнов их скандинавские соседи, варяги, были известны под именем *Ruotsi, Ruossi, Ruotsalaiset*, и что это имя из уст финнов перешло потом и к славянам. Может быть также, что *Ruotsi* или шведское *Rôds* первоначально было частное собственное имя какого-либо воинского общества, товарищества, или отдельного поколения скандинавских варягов, а так как это общество или поколение, вместе со своими князьями, впоследствии переселилось в землю славянскую и основало там новое государство, то и имя его, изменившееся в устах славян в *Русь*, сделалось названием этого государства и всех его обитателей.

[8] *Стр. 22.* Некоторые из этих баснословных рассказов о королях, будто бы уже в первые века по Р.Х. царствовавших в Альдейгаборге и в России, извлеченные из Саксона (Hist. Dan.), Торфея (Hist. Norw.) и из саг исландских, помещены у Карамзина (Ист. Гос. Росс. т. I, прим. 96). Хотя бы в этих баснях и скрывалась какая-нибудь капля исторической истины, то она никак не может

относиться к Русскому государству, основанному не ранее половины IX века. Но может быть эти рассказы основаны на каких-либо темных преданиях о королях варяго-русских, господствовавших над финскими берегами. О финских королях со скандинавскими именами упоминает и Снорро в своем «Ynglinga Saga». Все это, впрочем, сокрыто во мраке, непроницаемом для истории.

[9] *Стр. 22.* Полн. собр. русск. лет. III, стр. 4: «Том же лете (6624) Павел, посадник ладожский, заложи Ладогу город камян». О названиях: Альдейгаборг и Альдаген см. Карамзина Ист. Г. Р. т. I, прим. 485. Вероятно, что эти названия происходят от финск. alto – волна, altowa – волнующийся, altokas – многоволнистый, бурный (финское t после l, n, r произносится почти как d).

[10] *Стр. 23.* Козьма Молчанов «Описании Архангельской губернии» Спб. 1813, на стр. 125-й, говорит: «Холмогоры древний город, лежит под 64°95' северной широты и под 56°2' долготы... Вокруг лежат высокие холмы и горы, большею частию населенные. Толь прекрасные виды природы подали, думать надобно, причину назвать сей город *Холмогорами*, речением сложенным из холмов и гор (!). Некоторые думают, что город сей в древние времена назывался *Холмогардиею*, что значит на чудском языке: *холмов* остров и *гардия* правительство (sic); а из сего и выводим, что Холмогардия есть *правительственный город*» (!). Струве в Dissertation sur les anciens Russes, стр. 36, приводит одно место из Торфея, где главный город Биармии назван будто бы Хольмгардом. Норвежской истории Торфея я не имею под рукою, но Карамзин (т. II, прим. 62) говорит, что такого места он не мог найти у Торфея, у которого, напротив, Хольмгардом называется древний Новгород. Вероятно, Струве, подобно Миллеру, соблазнился сходством имен: Холмогоры и Хольмгард. В. Крестинин, холмогорский уроженец, в своем «Начертании истории города Холмогор» на стр. 3, говорит, что город этот составился из трех деревень: Курцева, Качкова и Падрокурья, и что имя Холмогор происходит от финских слов kolme (три) и wuori (гора). Но число гор, или холмов, окруженных протоками Двины близ Холмогор, простирается до 8 или 9, и число деревень также больше трех. На этом основании г.Верещагин, в описании Холмогор и Кур острова (см. «Иллюстрацию» 1847 года, № 25), опровергает объяснения Крестинина. Имя города Холмогор встречается в старинных правительственных актах только с XIV века, и притом как в них, так и в Двинской летописи и в «Книге большему чертежу», пишется не Холмогоры, а *Колмогоры*.

[11] *Стр. 24.* Об утверждении Рюрика в Новгороде в большинстве древних списков Несторовой летописи говорится так: «По дву же

лету» (после призвания князей, след. в 864 г.) «Синеус умре и брат его Трувор, и прия Рюрик власть всю один, и пришед к Ильмерю и сруби город над Волховом, и прозваша и Новгород, и седе ту княжа, и раздая мужем своим волости и городы рубити, овому Полтеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом суть находници Варязи, а перьвии насельници в Новегороде Словяне, и в Полотьске Кривичи, в Ростове Меряне, в Белеозере Весь, в Муроме Мурома. И теми всеми обладаше Рюрик» (см. Полн. собр. р. лет. I, стр. 9, в выносках).

[12] *Стр. 24.* Много было толков о происхождении Рюрика и Варяго-Руссов. Со времен Байера, почти каждый ученый, занимавшийся русской историей, считал непременной обязанностью принять участие в решении этого спорного вопроса, породившего, таким образом, множество журнальных статей и отдельных сочинений; из последних должно в особенности указать на сочинение г. Купика: Die Berufung der Schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. St.-Petersburg, 1845.

[13] *Стр. 26. Ynglinga Saga*, Cap. XXXIII, XXXIV, см. в Heimskringla, ed. Peringskiold. Stokholmiae, 1697. Эти главы не помещены в «Antiquitees Russes», как и все, что не касается России и других восточных стран.

[14] *Стр. 26.* Исландское viking в латинском переводе обыкновенно выражается словами pirata, praedo maritimus; но такое значение оно получило только впоследствии, когда под влиянием христианства в Скандинавии развились новые понятия о праве и законности, и когда морские разбои подверглись уже осуждению общественного мнения и преследованию верховной власти, как действия несовместные с новым порядком вещей. Первоначально же, по понятиям древних скандинавов, ремесло викингов считалось почетным и благородным, вполне достойным людей храбрых, которые, презирая мирными, но тяжкими трудами земледельца, избирали море поприщем своей деятельности и с опасностью для жизни искали богатства и славы. Скандинавские саги наполнены рассказами о походах морских королей и викингов, которые на своих легких ладьях разъезжали по всем морям, тревожили набегами всю Европу, проникали в отдаленную Исландию, Гренландию, в хладную Биармию, и под именем Норманнов, людей севера, сделались грозными и страшными для всех соседних народов. Хотя викинги нередко являлись виновниками кровавых потрясений и в самой Скандинавии, но вместе с тем они имели на нее и благотворное влияние: их дальние отважные походы и несметные сокровища, привозимые ими отовсюду, питали и поддерживали в народе страсть к мореходству и воинским

подвигам, любовь к личной свободе и независимости, и даже стремление к умственному развитию.

[15] *Стр. 32.* О нынешнем финском населении С.-Петербургской губернии см. сочинение Шегрена: Ueber die Finische Bevölkerung des St.-Petersburgischen Gouwernements, und über den Ursprung des Namens Ingermanland. St.-Petersburg, 1833.

[16] *Стр. 33.* Ни русские, ни скандинавские летописи ничего не знают о том, где укрывался Владимир, бежавший от властолюбия старшего брата. Первые говорят только, под 6485 (977) годом, что он «убоявся бежа за море», а потом под 6488 годом, что он возвратился «с Варяги Новугороду». – Достигнув престола киевского и отпустив варягов в Грецию, Владимир не призывал уже новых из-за моря; по крайней мере летописец ничего не говорит о его сношениях с варягами после 980 года. Но сын его Ярослав принужден был опять прибегнуть к помощи этих наемников.

[17] *Стр. 34.* Antiq. Russes, T. I, p. 286.

[18] *Стр. 36.* Там же, стр. 272–280: *Saga af Olah konungi Tryggvasyni.*

[19] *Стр. 37.* Полн. собр. р. лет. I, 56.

[20] *Стр. 38.* Там же, стр. 61, 62.

[21] *Стр. 39.* Antiquités Russes I, 316.

[22] *Стр. 40.* О супружестве Ярослава с Ингигердою Снорро говорит: Vere proxime insequenti in Svethiam venere legati regis Jarizleivi ab oriente ex Holmgardo, rem accuratius tractaturi, quam rex Olavus praecedenti aestate pollicitus fuerat, se filiam Ingigerdam regi Jarizleivo nuptum daturum. Rex Olavus eo negotio cum Ingigerda locutus, hanc esse suam voluntatem significavit, ut regi Jarizleivo nuberet; illa respondet: si regi Jarizleivo nubam, inquit, doni sponsalis nomine postulo Aldegioborgam, quaeque eo pertinet dynastiam; legati Gardenses regis sui nomine hoc polliciti sunt. Tum Ingigerda: si orientem versus in regnum Gardorum proficiscar, ex imperio Svionum virum eligere volo, qui mihi maxime idoneus videatur, ut mihi comes sit; id quoque paciscor, ut ibi in oriente non minori, quam hic, titulo dignitatis gaudeat, neque jura honoresve inferiores aut minores adipiscatur, quam quibus hic utitur; hoc pollicitus est rex, itemque legati; et ad hanc rem rex legatique fidem suam interposuerunt. Tum rex Ingigerdam interrogavit, qui in imperio vir esset, quem sibi eligere comitem vellet; illa respondet: hic vir est dynasta Rögnvaldus Ulvi filius cognatus meus. Rex respondet: equidem aliter Rögnvaldo dynastae rependere perduellionem cogitaveram, qua filiam meam in Norvegiam duxit, eamque ibi crasso illi homini, quem nobis inimicissimum esse novit, concubinae loco tradidit; quam ob causam hac aestate suspendii poenam luet. Tum Ingigerda patrem

rogavit, ut datam sibi fidem servaret; cujus precibus factum est, ut rex, concessa Rögnvaldo incolumitate, eum imperio Svionum excedere, neque in regis conspectum venire, neque in Svethiam Olavo rege redire juberet; quo facto Ingigerda, missis ad dynastam nunciis, ei has res nunciari jussit, tempusque et locum, ubi convenirent, constituit. Dynasta vero statim se itineri accinxit, et in Gothiam orientalem equo vectus, comparatis ibi navibus, cum suis ad Ingigerdam regis filiam contendit. Hi omnes una eadem aestate orientem versus in regnum Gardorum profecti sunt. Tum Ingigerda regi Jarizleivo nupsit; horum filii fuere: Valdamar, Vissivaldus, Holtius strenuus. Regina Ingigerda Rögnvaldo dynastae *Aldegioborgam eòque pertinentem dynastiam* (Aldeigjoborg ok pat jarlsriki, er par fylgi) dedit, ibi Rögnvaldus dynasta diu commoratus est; filii Rögnvaldi dynastae et Ingibjargae erant Ulvus dynasta et Eilivus dynasta (Antiquitès Russes I, 331 et sq.) – Основываясь на том, что в русских летописях рождение старшего сына Ярославова Владимира показано под 1020 годом, полагают, что Ярослав сочетался браком с Ингигердою в 1019 году, получив на то согласие отца ее уже в предыдущем году. Но на сказанном основании можно утверждать только, что он вступил в брак *не позже* 1019 года, а мог вступить и *раньше*, будучи уже при жизни отца, с 1010 года, князем новгородским, и состоя в 1014 года в тесных сношениях с варягами. В летописи Нестора под 6558 (1050) годом сказано: «преставися княгини Ярославля, февраля в 10-е» (см. Полн. собр. р. лет. т. I, 67, т. V, 138, т. VII, 332); а в новгор. 3-ей летописи (там же, т. III, 239) под 6947 годом читаем: «Того же лета владыка Евфимий позлати гроб князя Владимира, внука великому князю Владимиру, и матери его Анны гроб позлати и подписал, и память устави творити на всякое лето месяца октября в 4 день, иже и доныне совершается». Гроб супруги Ярославовой стоит в новгородском Софийском соборе, память ее празднуется там 10 февраля, т. е. в день ее кончины, и еще 4 октября, вместе с памятью ее сына Владимира. Карамзин (Ист. Гос. Росс. II, прим. 34) полагает, что она в России при жизни могла называться Ириною, как догадывался Татищев, а перед кончиной, приняв пострижение, была названа в монашестве Анною.

[23] *Стр. 41.* Шегрен в своем исследовании: «Ueber die Finnische Revölkerung» etc. на стр. 47 и далее именно говорит, что свадебный подарок Ярослава его новобрачной состоял только из восточной, или, вернее юго-восточной, к Ладоге прилежащей части нынешней петербургской губернии, т. е. из области, первоначально принадлежавшей к городу Ладоге и, по имени Ингигерды, названной Ingerin maa.

[24] *Стр. 42.* Достоверно неизвестно, с которого времени началось правительственное разделение Новгородской области на *пятины*.

Неволин в исследовании «О погостах и пятинах новгородских в XVI веке» (см. Записки Имп. Русск. Географического Общества, кн. VIII, С.-Петербург, 1853 г.) утверждает, что это разделение введено только Иоанном III после окончательного покорения Новгорода, и следовательно, не древнее исхода XV века, так как до того времени слово пятина нигде не встречается – ни в летописях, ни в правительственных актах. – О положении и разделении Водской пятины см. в упомянутом исследовании стр. 56–59; о положении Спасского городенского погоста там же, стр. 128.

[25] *Стр. 44.* Сага об Эймунде, Eymundar saga, помещена вся, без пропусков, в «Antiquités Russes» T. II, p. 170–211, с приложением латинского и французского переводов, с предисловием и примечаниями, в которых ученые издатели стараются согласить ее повествование с известиями русских летописей о войне Ярослава с Святополком и Брячиславом. На русский язык она переведена Сенковским в «Библ. для Чтения», т. II, 1834.

[26] *Стр. 46.* Antiquités Russes T. I, p. 290–357. *Saga of Olah konungi hinum helga.* В этой довольно пространной саге, написанной Снорро Стурлесоном, рассказ о пребывании Олафа в России начинается только со 191-й главы, на стр. 345. В «Antiq. Russes», T. I, помещены также извлечения из двух других редакций Олафовой саги, a) *по редакции самой пространной* на стр. 427, и b) *по самой сокращенной редакции* на стр. 472.

[27] *Стр. 47.* Antiquités Russes. T. I, p. 357 et sqq: *Saga Magnus konungs hins Goda*, из сочинения Снорро Стурлесона. Извлечения из другой редакции той же саги см. I. c. T. II, p. 2–18.

[28] *Стр. 48.* Antiquités Russes T. I, p. 360 etsqq: *Saga Harlads konungs Hardrada*, из Снорро. Ср. извлечения из другой редакции той же саги, I, c. T. II, p. 19–62.

[29] *Стр. 49.* Полн. собр. р. лет. I, 5; «А се суть инии языци, иже дань дают Руси: Чюдь, Меря, Весь, Мурома, Черемис, Мордва, Пермь, Вечера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Норова (в Р. Т. правильно: *Нерома*, т. е. Жмудь по объяснению г. Ширрена), Либь; си суть свой язык имуще, от колена Афетова, иже живут в странах полунощных».

[30] *Стр. 49.* Шегрен: Ueber die älteren Wohnsitze der Jämen. См. Mémoires de l'Académie de St.-Petersb. 1832, T. I, p. 263 etsqq.

[31] *Стр. 50.* Еще в настоящее время в некоторых кирхшпилях южной Финляндии все жители суть чистые скандинавы, не понимающие ни слова по-фински; таковы кирхшпили: *Перно, Сиббо, Карис, Инго, Пойо* и *Тепала.* В других же кирхшпилях скандинавы населяют нижнюю или приморскую, а финны верхнюю часть их; как, напри-

мер, в кирхшпилях: *Борго, Гельсине, Эсбо, Чюкслете* (Kyckslätt), *Шундия* (Sjundiå) и *Лойо* (Lojo). В некоторых кирхшпилях, отстоящих на несколько верст от морского берега, встречаются опять скандинавы и финны, живущие смешанно друг подле друга, на небольшом пространстве. Сюда принадлежат кирхшпили: *Мерскум, Лаптреск, Тусбю, Нурми-ярви* и *Вихтис*. Кроме того, в Остерботнии, вдоль Ботнического залива, обитатели многих кирхшпилей суть чистые скандинавы. Смотри: мое рассуждение о шведском диалекте в Нюландии. Число живущих в Финляндии скандинавов простирается до 200 000 душ, чем уже достаточно подтверждается то предположение, что скандинавы с незапамятных времен населяли берега Финского и Ботнического заливов, и что их, следовательно, нельзя считать колонией, прибывшей сюда из Швеции в XII и XIII столетиях, как до сих пор полагали и утверждали. Сам язык этих обитателей также носит на себе отпечаток более глубокой древности: в нем встречается множество слов старого исландского наречия, есть также многие слова, которые, кажется, заимствованы из различных шведских, в особенности южно-шведских диалектов, и весьма немного слов, указывающих на Гельсингландию, хотя и утверждают обыкновенно, что будто бы оттуда вышла эта колония. Как бы то, впрочем, ни было, но, вероятно, исторические разыскания когда-нибудь разрешат этот вопрос. По крайней мере существование этого скандинавского населения в Финляндии даст повод думать о его переселении туда прямо с востока.

[32] *Стр. 51.* Имя *Таваст* известно и арабским писателям; оно встречается у Эдризи, и звучит у него как *Табаст*, см. Френа: Ibn-Foszlans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. St.-Pet. 1823, p. 145. – Юстен (M.Pauli Juusten, Chronicon Episcoporum Finlandensium, ed. Porthan, Aboae, 1799.) именует 17-го епископа абовского: «Magnus Olai, ex nobili et famoso vasallo *Olavo Tavast* in Paroecia Virmo et villagio Alasjoki oriundus» (l. c. p. 17). По свидетельству Рюцелиуса (Rhyzelius, *Episcoposcopia* p. 334) этот епископ Магнус родился в 1357 году, в день св.Каликста (14 октября). Посему отец его Олаф, первый по имени (и только по имени) известный Таваст, мог родиться около 1300 года, т. е. лет 50 спустя по завоевании шведами Тавастландии. Это подкрепляет нас в том убеждении, что Тавастландия получила свое название от фамилии Таваст, которая в то время и, вероятно, уже задолго до того господствовала если не над всею, то по крайней мере над значительной частью области Ямлян (Hdmeen maa). Сверх того, если принять в соображение, что на пространстве от реки Кюмени до города Або, в разных местах, встречаются мызы и деревни, которых названия очевидно происхо-

дят от слова *Таваст*, то нельзя, кажется, не согласиться, что тавастский род имел некогда в этой стране многие и обширные владения. Фамилия Таваст считалась древней и благородной фамилией, хотя из этой фамилии только Гермунд Таваст в 1625 году первый был записан в книге шведского дворянства. Отец его Арвид, бывший выборгским штатгалтером, был казнен вместе с другим сыном своим Иваром за то, что они стояли за короля Сигизмунда против дяди его герцога Карла. См. Den välborna Tawastiska släktens ättaretal, jämte anmärkningar om dess namn. vapen, personer, embeten, gods och sätesgärdar etc. (Ряд предков благородного Тавастского рода с замечаниями о его именах, гербах, липах, должностях, имениях, домах и проч.) соч. Ионаса Бонга, Стокгольм, 1756, in-fol.

[33] Стр. 52. Scriptores rerum Svecicarum medii edi dit Fant, Upsaliae, 1818, in-fol. См. в этом издании *Chronicon Rhytmicum majus* (Stora Rimchronican), где в повествовании о покорении Тавасландии Биргером на стр. 6 читаем:

The satte thet land medh Christna män,
Sva som iak vänter thet staar än,
Thet samma Land vart alt Christit,
Jak troor thet Ryssa konunger mistit.

Schondia, auctore Jacobo Zieglero, помещена у Кранца (Allerti Krantzii, Regnorum aquilonarum Chronica.) Слова, приведенные в тексте, см. I. c. p. 495 Циглер, бывший некогда профессором в Упсале, умер в Баварии в 1549 году. Сведениями своими о Швеции и Финляндии он, как утверждают, много обязан изгнанному из Швеции упсальскому архиепископу Иоганну Магнусу, с которым он в бытность свою в Риме находился в дружеских сношениях. См. *Warmholtz Bibliotheca Historica Sveo Gothica*, T. I, p. 47 et sq.

[34] *Стр. 52.* Полн. собр. р. лет. I, 66. V, 137. VII, 331.

[35] *Стр. 54.* Там же, т. I, 64: «Сем же лет (6538) иде Ярославь на Чюдь и победи я, и постави град Юрьев». О походах на Чудь в 1054 и 1060 годах см. т. V, *Соф. 1-я лет.* стр. 139 и 140; этих сказаний нет в *Лавр. лет.* – Карамзин (Ист. Гос. Росс. II, прим. 114) отвергает известие об убиении посадника Остромира в походе 1054 года.

[36] *Стр. 54.* Вожане, или Водь, давнишние данники Новгорода, как видно, восстали в 1069 году, возбужденные, вероятно, Всеславом Полоцким, и под его предводительством двинулись на Новгород; но под стенами его потерпели жесточайшее поражение, так что летописец восклицает: «О, велика бяше сеця Вожяном! и паде их безчислыное число». (Полн. собр. р. лет. III, *Новгор.* 1-я л. стр. 2; ср. также т. V, стр. 143; Карамз. т. II, прим. 125). Об убиении Глеба Святославича см. Полн. собр. р. лет. I, 85.

[37] *Стр. 54.* Упоминая под 6613 (1105) годом о походе «в Ладогу на войну» (Полн. собр. лет. III, стр. 3), летописец не сказывает, против кого предпринят был этот поход. Вероятно, Ладога подверглась тогда нападению каких-то неприятелей, Ями или Чуди, и новгородцы ходили на помощь к ладожанам. Посадник Павел, обведший в 1116 году (см. там же стр. 4) Ладогу каменной стеной, назван в Новгор. 3-й летописи (там же стр. 214) посадником «Великаго Новаграда»; но он действительно был посадник ладожский, см. Карамз. II, прим. 238. О делах князя Мстислава с Чудью древний новгородский летописец (Полн. собр. лет. III, 4) упоминает почти сряду под несколькими годами: «Том же лет (6619) ходи Мьстислав на Очелу», (*Очела* народ чудский, как сказано в той же летописи под 6687 годом: см. Карамз. III, прим. 54). «Сем же лет (6621) победи Мьстислав, на Бору, Чюдь». – «В лето 6624, иде Мьстислав на Чюдь с Новгородьци, и вся Медвежю Голову на 40 святых».

[38] *Стр. 54.* Полн. собр. лет. т. III, стр. 5: «В лето 6631... на весну ходи Всеволод с Новгородьци на Емь, в великое говение, и победи я, и лют бяше путь» (вероятно, *обратный*, по причине весенней распутицы; от того и дороговизна), «оже купляху по ногате хлеб».

[39] *Стр. 54.* Там же, стр. 6.

[40] *Стр. 55.* Там же, стр. 6 и 7. О походе на Чудь летописец говорит: «Том же лете (6641), на зиму, иде Всеволод с Новгородьци на Чюдь, и взя город Гюргев (*Юрьев*) на память святого Никифора, февраля в 9 день». Стало быть, Чудские народы, вероятно, в предыдущем году, пользуясь начавшимися в Новгороде неустройствами, успели уже завладеть Юрьевым (Дерптом), а теперь Всеволод взял от них этот город обратно.

[41] *Стр. 56.* «В се же лето (6638), идуце из замория с Гот (из Готландии), потопи лодии 7; и сами истопоша и товар, а друзии вылезоша, в нази, а и в доми придоша здорови» (Там же, стр. 6).

[42] *Стр. 56.* «Том же лете (6642) рубоща Новгородц за морем в Дони (в Дании)» там же, стр. 6. Изгоняя своего князя, новгородцы обвиняли его во-первых в том, что он «не блюдет смерд», т. е. поселян. Там же, стр. 7.

[43] *Стр. 58.* Полн. собр. р. лет. III, *Новгор.* 1-я л. стр. 9.

[44] *Стр. 59.* См. там же, вслед за предыдущим известием. Касательно достоверности этих и других известий половины XII века, сообщаемых Новгородской первой летописью, заметим, что они записаны летописцем современником, который сам говорит о себе под 6652 (1144) годом: «В то же лето постави мя попом архиепископ святый Нифонт».

[45] *Стр. 60.* Сверкер I, прозванный Древним (den Gamla), царствовал в Швеции с 1138 до 1155 года и погиб от руки своего конюха. Он особенно покровительствовал монашествующему духовенству и доставил ему сильное влияние на дела государства. Сын его Карл остался, по смерти его, только королем Готов, шведы же избрали на престол Эрика Святого, родоначальника дома Бонде.

[46] *Стр. 60.* Полн. собр. р. лет. III, 9: «В тоже лето (6651) ходиша Корела на Емь, и отбежаша 2. лоиву бити» Карамзин (т. II, прим. 282) спрашивает: «Что такое *лойва?*» и предлагает догадку: «не *засмоленая* ли лодка? *лой* есть смола». Нет, лойва есть финское laiwa – корабль, большое парусное судно.

[47] *Стр. 61.* Полн. собр. р. лет. III, 11.

[48] *Стр. 62.* О походе Эрика см. Script. rer. Svecic. T. I, *Olai Petri chronic.* p. 241. Juusten, *Chron. Episc.* p. 11; но год похода в обоих неверно показан 1150-й; ср. Лерберга «Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands», p. 126, русск. перевод Языкова, стр. 101. О графе Дугласе, ненавистном для финнов своей жестокостью, см. Портана примеч. к «Chron. Enisc.» pag. 777.

[49] *Стр. 63.* Porthan, Sylloge monumentorum ad illustrandam Hist. Fennicam pertinentium. № II, pag. 14 et sq.

[50] *Стр. 64.* Полн. собр. р. лет. III, 13.

[51] *Стр. 65.* Там же, см. под означенными в тексте годами.

[52] *Стр. 66.* Там же, стр. 19.

[53] *Стр. 66.* Эрик Олаи (Script. rer. Sveciearum medii aevi, T. II, pag. 49) именует врагов, разрушивших Сигтуну, неопределенно *язычниками* (pagani), а Лаврентий Петри *Эстами* (Ester), так же и Олаи Петри (l. c. T. I, pag. 243); но в подробной рифмованной хронике (*Stora Rimchr.*, l. c. T. I, pag. 10) они именно названы *Карелами.* Ср. Лерберга «Untersuch.» p. 134; русск. перев. стр. 109. Одни врата в новгородском Софийском соборе действительно называются *шведскими,* но что они вывезены из Сигтуны – это только предание, о котором первый упоминает Валин в своей диссертации *Sigluna stans et cadens.* Upsala 1729. Ср. Аделунга: Die Korsunchen Thyren in der Kathedral Kirche zur heil. Sophia in Novgorod. Berlin, 1825.

[54] *Стр. 66.* «В тоже лето (6664) поставиша заморьстии церковь святыя Пятнице, на торговищи» (Полн. собр. лет. III, 12). Эту церковь, о которой летописцы упоминают и во многих других местах, Лерберг (Untersuchungen, etc. pag. 269–270, русск. перев. стр. 221.) признает именно церковью варяжских, или готландских купцов.

[55] *Стр. 67.* Полн. собр. лет. III, 20.

[56] *Стр. 68.* Там же «В лето 6699. Ходиша Новгородьци с Корелою на Емь и воеваша землю их и пожьгоша и скот изсекоша».

О сожжении Або см. Юстен Chron. Episc. pag. 12. Ср. Лерберга Untersuch. p. 136, русск. перев. стр. 110.

[57] *Стр. 68.* См. Gruberi, *Orig. Livoniae* pag. 51 et 57.

[58] *Стр. 68.* Полн. собр. р. лет. III, стр. 25.

[59] *Стр. 69.* Папские буллы, см. у Портана, Sylloge monumentorum, etc. №№ III, V, VIII, IX, X.

[60] *Стр. 70.* Полн. собр. р. лет. III, стр. 42: «В лето 6735. Иде князь Ярослав с Новгородци на Емь и повоева всю землю, и полон приведе без числа». – О крещении карелов упоминает один только суздальский летописец, мних Лаврентий (см. там же, т. I, стр. 190 и след.), который поход на Ямь относит к 1226 году, а крещение карелов к 1227-му.

[61] *Стр. 70.* Полн. собр. р. лет. III, 42. *Исад*, по объяснению Карамзина, значит пристань.

[62] *Стр. 71.* См. Портана, Sylloge monumentorum № XII, pag. 37 et sqq.

[63] *Стр. 73.* Полн. собр. р. лет. III, стр. 46–48. Ср. т. IV, *Новгор. 4-я л.* стр. 29; *Псковск. 1-я л.* стр. 178.

[64] *Стр. 76.* Полн. собр. лет. III, 52, 53. Ср. т. IV, Новгор. 4-я л. стр. 35. Т. V, Соф. лет. стр. 176. Т. VII, Воскр. лет. стр. 146 и след. Ник. лет. III, 9.

[65] *Стр. 77.* Там же, стр. 53. Т. IV, *Псковск. 1-я л.* стр. 179. Т. V, *Пск. 2-я л.* стр. 2 и след.

[66] *Стр. 78.* См. в Script. rer. Svecic. T. I, Stora Rimchronican, pag. 6; Olai Petri Svenska Chronica, pag. 245 et sq.

[67] *Стр. 78.* Полн. собр. р. лет. III, *Новгор. 1-я л.* стр. 55.

[68] *Стр. 79.* Annales ecclesiastici Baronii, auctore Odorico Raynaldo. Lucae, 1747, fol. T. XXI, pag. 538 et sq. №№ LXII, LXIII.

[69] *Стр. 79.* Полн. собр. р. лет. III, 56: «В лето 6764. Придоша Свеи и Емь, и Сумь и Дидман с своею волостию, и множьство рати, и начаша чинити город на Нарове». Карамзин (т. IV, прим. 93) говорит, что «Дидманом называли Латыши великого магистра ливонского»; но вероятнее мнение Лерберга (Untersuch. p. 171, русск. перев. стр. 138, 139), что этот Дидман был датский вассал или помещик в Эстонии.

[70] *Стр. 80.* Новгородский летописец (см. предыдущ. прим.) говорит: «...идоша до Копорья, и поиде Александр на Емь... и бысть зол путь, акы же не видали ни дни, ни ночи, и многым шестником бысть пагуба...» Соф. 1-я л. (Полн. собр. лет. V, 189) прибавляет: «и проидоша горы непроходимыя и повоеваша поморие все». Ср. Ник. лет. III, стр. 37.

[71] *Стр. 81.* См. в Полн. собр. лет. III, Новгор. 1-ю лет. под означенными в тексте годами.

[72] *Стр. 81.* Там же, стр. 64.

[73] *Стр. 82.* Там же, стр. 65. В Соф. 1-й лет. стр. 201, эти шведы, «Свея», называются «Немци свейские».

[74] *Стр. 82.* Scriptores rer. Svecic. T. I, *Stora Rimchronican* p. 20 (см. Приложения №), Olai Petri Svenska Chron. p. 256. L. c. T. II, Chronica Erici Olai, p. 71. Полн. собр. р. лет. III, *Новгор. 1-я л.* стр. 65: «В лето 6801. Пришедше Свеа, поставиша город на корельской земли». Ник. лет. т. III, стр. 93, помещает это известие под 1294 годом.

[75] *Стр. 83.* Первый поход русских под Выборг, о котором ничего не говорят шведские хроники, излагается в Новгор. 1-й летописи, см. предыдущ. прим. Ср. Полн. собр. р. лет. т. IV, стр. 44; т. V, стр. 202.

[76] *Стр. 84.* Полн. собр. р. лет. III, стр. 66. Script. rer. Svecie. T. I, Stora Rimchr. p. 20; Olai Petri, p. 256.

[77] *Стр. 84.* Полн. собр. р. лет. III. 69.

[78] *Стр. 84.* Крепость Кексгольм стоит при впадении реки Вокши в Ладожское озеро, на двух островах, окруженных порогами. На большем из них, лежащем у левого берега, находится главная крепость с казармами, с православною церковью и несколькими казенными домами; меньший же остров, лежащий от первого вправо, есть как бы самая внутренняя часть укрепления и потому называется у финнов «Pesälinna» (гнездо-крепость, детинец). Самый город Кексгольм расположен на левом берегу реки, несколько выше крепости, при начале порогов; название его не шведское, а финское – Käkisalmi, т. е. Кукушкин пролив.

[79] *Стр. 85.* Полн. собр. р. лет. III, стр. 67 и след. Ср. там же стр. 130. т. IV, стр. 46, т. V, стр. 203, т. VII, стр. 183. Ник. лет. III, 97 и 98.

[80] *Стр. 89.* Script. rer. Svecic. T. I, Stora Rinchr. p. 21–25 (см. ч. III, Приложения № 1), Olai Petri Svenska Chron. p. 256; Chronica Erici Olai p. 73, Messenius, *Seondia illustrata*, T. II, p. 73, T. XII, p. 147, 148.

[81] *Стр. 89.* Полн. собр. р. лет. III, 68: «В лето 6810 Заложиша город камен Новугороду... Тогоже лета посылаша послы за море, в Доньскую землю, и превозоша мир докочавше».

[82] *Стр. 90.* Грамата Новгородцев к в. к. Михаилу Ярославичу помещена в «Древн. Росс. Вивлиофике» ч. 1, стр. 22, № 8. Ср. Карамз. т. IV, прим. 213.

[83] *Стр. 90.* Полн. собр. лет. III, *Новгор. 1-я лет.* стр. 69. О названиях и положении урочищ, упоминаемых в этом известии, высказано много разных предположений. Карамзин (Ист. Гос. Росс. Т. IV,

www.kargundarb.ru

стр. 173 и примеч. 214) полагает, что под «Купецьскою рекою» разумеется «может быть *Кюмень*»; *Черную* же реку он считает за реку Кумо, а город *Ванай* за нынешний Бьернеборг, который, говорит он, «стоял прежде гораздо выше на реке Кумо, где ныне Ульфсби, и сие место называлось *Ванакила*» (Wanha kylä – Старая деревня). Реки же *Кавгалу* и *Перно* указывает он там, «где ныне местечко Перно», т. е. близ Ловизы. Лерберг в статье: «О жилищах Еми» (см. его Untersuch. p. 184–187, русск. перев. стр. 149–151), полагает, что Купецкою рекою называлась река *Кумо*, а Черною проток Нокиа, объясняя притом, что этот проток мог быть назван Черною рекой потому, что финск. noki значит сажа, а nokia – трубочист. Город же *Ванай*, по его мнению, должен быть нынешний Тавастгус, а «детинец», где укрылись немцы, т. е. шведы, – замок Тавастборг, построенный Биргером; наконец, реку Кавгалу полагает он по соседству с рекой Перно, впадающею в Финский залив между Борго и Ловизою. Я в своей брошюре: Bemerkungen über einen in den Russischen Chroniken ervähnten Kriegszug der Russen nach Finland. St.-Petersburg, 1820, старался приурочить этот поход к совершенно другой местности, приняв *Пойоскую бухту* за Купецкую реку, ибо известно, что в старину там производилась значительная торговля с иностранцами. Эта бухта посредством *Черной реки* (Svartå) соединяется с *Ванайским* озером, которое принимает реку Ванай, текущую из *Вихтисского* кирхшпиля. Река *Кавгала*, находящаяся в нескольких верстах от Гельсингфорса, впадает в Финский залив недалеко от устья реки *Перно*. В Гельсингфорской газете Morgonbladet, за 1839 год №№ 39–41 помещена статья неизвестного автора, который силится доказать, что поход этот вовсе не касался Финского залива, а был направлен к берегам Ладоги при впадении в нее реки Вокши. С ним отчасти соглашается и пастор Штрольман (см. его статью в Borgä Tidning 1839, № 76), но эта гипотеза не имеет никакого исторического основания. – Впоследствии я переменил свое мнение по этому предмету, приняв за Купецкую реку, вместо Пойоской бухты, реку *Халико*, в том предположении, что эта река должна быть та самая, которую Циглер в своем сочинении Schondia называет *ancoper fluvius*, каковое название, кажется, указывает на нижненемецкое Ankäufer, означающее торгаша, барышника. Это мнение я изложил, между прочим, в статье: *Afhandling om Tyska landet i Finland* (Рассуждение о Немецкой земле в Финляндии), помещенной в Acta Societatis fennicae. T. II, Fascic. 1. Helsingf. 1843. Но знаток финских древностей доктор Гренлунд, производя разыскания в Гельсингфорском сенатском архиве, открыл, что в реке Кюмени близ имения Аньяла еще в XV и XVI столетиях находилась рыбья нора, именовавшаяся

Ankopora. Основываясь на этом, равно как и на многих других доводах, профессор М. Акиандер в статье: Om Ankoper flodens läge (см. Журнал «Suomi», год шестой, стр. 161), доказал, что под этим названием должно разуметь не *Халико*, а именно реку Кюмень. Стало быть, вот куда направлен был поход новгородцев – в страну, где еще ныне находится многочисленнейшее шведское население и где, вероятно, пристал со своим флотом и ярл Биргер, когда он шел покорять Тавастландию.

[84] *Стр. 90.* Полн. собр. р. лет. III, 70. Ник. лет. III, стр. 108, говорит: «посадник ладожский иде с Ладожаны ратью на немцы, и сему изшедшу тамо, и Немцы пришедше Ладогу взяша и сожгоша, и люди в полон поведоша, и со многим богатством возвратишася во свояси».

[85] *Стр. 90.* «Того же лета (6825) приходиша Немци в озеро Ладожьское и побиша много Обонижьских купец». «В лето 6826. Ходиша Новгородци воиною за море в Полную реку, и много воеваша, и взяша Людерев, город Сумьского князя, и Пискупль; и придоша в Новгород вси здорови» (Полн. собр. р. лет. III, 72). «В лето... и взяша 2 города – Людерев и Пискупль, а Немець избиша» (там же IV, 49). *Полная река* есть Aurajoki, на которой стоит город Або (финск. aura, или awara зн. полный), а *Людерев* – абовский замок, служивший местопребыванием тогдашнего правителя Финляндии Людера фон Кюрн, и потому названный его именем: *Пискупль* же означает замок Куусто (Kuusto), где жил епископ абовский. С этим сказанием вполне согласуются и финские известия (см. Chron. Episc. p. 14, 15, 217; Fragmentum Palmsk. iu Sylloge monumentorum p. 7); день разграбления показан fer. 2 Pentecostes.

[86] *Стр. 92.* Полн. собр. р. лет. III, 72; IV, 49; V, 216.

[87] *Стр. 92.* Там же, III, стр. 73.

[88] *Стр. 93.* Ореховский договор, подлинник которого, кажется, затерян, уцелел в нескольких более или менее искаженных списках на латинском и шведском языках (ни одного русского списка доселе не отыскано). Он был несколько раз издаваем с примечаниями и толкованиями издателей: Портан поместил его в Sylloge monumentorum, p. 76–84, сличив по трем латинским копиям; его изданием пользовался Лерберг в «Untersuchungen» p. 231, etsq.; Бутков перепечатал этот договор с переводом на русский и со своими объяснениями, в Журн. Мин. Внутр. Д. ч. 23 (1837 г.), стр. 346–363; Визелгрен напечатал его в «Delagardiska Archivet» T. I, p. 46–49 с латинской копии, хранящейся в шведском королевском архиве, в книге под названием «Muscovitica»; древний шведский перевод этого договора, находящийся в той же книге, но не сходный с латинским,

напечатан, также с примечаниями и толкованиями, в Журнале «Suomi. Helsingf.» 1841, кн. 1, стр. 59–68. Наконец последнее и, бесспорно, лучшее критическое издание этого важного документа см. в «Antiqutés Russes», II, p. 471–492.

[89] *Стр. 94.* Dithmari Chronicon ex edit. Wagneri, Norimburgi, 1807, p. 265. Adami Brem. apud Lindenbrog, p. 58, 218.

[90] *Стр. 96.* Этот договор напечатан Дрейером в его «Specimen juris publici Lubecensis». 1762, pag. 177 cts. Хотя из самого акта не видно, когда именно он был составлен, но Лерберг в статье: «О Борхраме» (Untersuchungen p. 239–272, русск. перев. стр. 195–223) полагает, что это случилось осенью 1201 года.

[91] *Стр. 97.* См. Карамзина Ист. Гос. Росс. т. IV, стр. 107 и прим. 132.

[92] *Стр. 97.* Договор Новгорода с немецкими и готландскими купцами см. Сарториуса, Urkundliche Geschichte der Deutschen Hanse, 2-ter Band № XXXII, p. 95–101, а разбор его и объяснение некоторых выражений у Круга, в его Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. St.-Petersb. 1848, 2-ter Th. p. 619–638. Нельзя не согласиться с Кругом, что Ketlingeu означает нынешний Кронштадтский остров, в старину известный у русских под именем *Котлина*; но спрашивается: откуда произошло это название? Оно неизвестно финнам, а между тем финны, без сомнения, первые ознакомились с этим островом, и, следовательно, первые должны были дать ему какое-нибудь имя. Какое же?... На старинных шведских картах и чертежах этот остров назван Retusaari, или Rettusaari, и нас уверяют, что это и есть его древнее финское имя. Но, во-первых, имя это, сколько мне известно, в настоящее время неупотребительно между финнами, и никто из них не помнит, чтобы оно когда-нибудь означало нынешний Кронштадтский остров, а во-вторых, слова и хотя и финские (так же как и saari – остров), но по своему значению они не совсем-то приличествуют для названия этого острова: первое (вовсе неупотребительное в Карелии и Ингерманландии), значит кровяная вошь, а второе – оборвыш, лохмотник, неряха. Чем же этот остров мог заслужить от финнов такое странное, как бы ругательное название?.. Сомневаясь в правильности названия Rettusaari, позволим себе предположить догадку. Так как это название встречается только в немногих письменных памятниках – в старинных картах и чертежах, составленных во время шведского владычества, то не проскочило ли оно вследствие опечатки или недоразумения из первоначального, теперь, впрочем, также забытого уже финского названия Kettuzaari, означающего Лисий Остров? Буквы R и K так сходны по начертанию, что первая весьма легко могла под пером

переписчика или копировщика старинной карты явиться вместо второй. Допустив уже возможность такой описки и приняв Kettusaari за правильное финское название острова Кронштадта, не трудно уже объяснить происхождение отсюда названий Ketlingen и Котлин, а именно: иноземные, немецкие купцы, заслышав слово kettu, сходное по звуку с их родным, нижне-немецким Kettel (котел), заменили его сим последним, к которому прибавили окончание, встречающееся в именах весьма многих мест в Германии и Нидерландах, а так как составившееся таким образом имя Ketlingen и выражало понятие: котел-остров, то русские и перевели его на свой язык словом Котлин или, может быть, усвоили без перевода, переделав только это немецкое название согласно с фонетическими условиями своего языка, т. е. заменив *е* звуком *о* и откинув чуждое окончание.

[93] *Стр. 99.* См. Дрейера Specimen juris publici Lubecensis, 1762, in 4-to, pag. CLXXIV et sqq.

[94] *Стр. 101.* Полн. собр. р. лет. III, стр. 76.

[95] *Стр. 101.* Там же, стр. 77.

[96] *Стр. 101.* Там же.

[97] *Стр. 103.* Там же, стр. 78.

[98] *Стр. 104.* Там же. Толдога речка, впадающая в Суму, которая посредством реки Ситти впадает в Финский залив западнее речки Капорки. Погост «Никольской Толдожской в Чуди», которого главное селение Котлы или Котел (финское Kattila) лежит при речке Толдоге, принадлежал к Ямскому уезду. См. Неволина: О погостах и пятинах новгородских в XVI веке, в Записках Русского Географического общества, кн. VIII, стр. 137 и приложение первое стр. 44.

[99] *Стр. 104.* Полн. собр. р. лет. III, стр. 78, 79. Об этом мире новгородцев с воеводою Петриком и посольстве их к королю в Норвегию (Мурманскую землю), равно как и о предшествовавших враждебных действиях, ни слова не говорится в шведских хрониках. Упоминаемый в летописи Степ, воевода Выборгский, не известен по шведским правительственным актам, Петрик же мог быть Petrus Ioansson, который, со званием Advocatus Wiburgensis, управлял около этого времени Выборгом (см. Портана: Chron. Episc. p. 249, 142) «Кобылитьского Карелого» летописец называет тех мятежников, которые, перерезав русских в Карельском городке, бежали в Выборг, а из переписной книги 7008 (1500) года видно, что это были обитатели довольно населенной местности в Кельтушеском погосте, в описании которого (см. означенную книгу во «Временнике Московского Общества Истории и Древностей», книга II, стр. 236–256) упоминаются: деревня Кобылицы, деревня Варягово на Кобылицах, деревня Кучково Вяколово на Кобылицах на Сярке, деревня Ортемьино Бес-

хлебниково над озером над Кривым на Кобылицах и еще до 10 деревень других названий, также «на Кобылицах». Карамзин (т. IV, стр. 236 и прим. 311) полагает, что «Людовли», где король Магнус утвердил договор с новгородцами, есть город Лунд, что весьма вероятно, так как в 1339 году Магнус действительно находился в южной Швеции, где он в городе Скара Sabbato proximo post diem cinerum, дал охранную грамоту двум рыцарям. См. Лагербринга Svea Rikes Historia, t. III, p. 285.

[100] *Стр. 106.* Scriptores rer. Succic. t. I. Stora Rimchron. p. 54. Пророчества святой Бригитты, Revelationes S. Brigittae, собранные по ее смерти, в первый раз изданы в Любеке в 1492 г.

[101] *Стр. 107.* Полн. собр. р. лет. III, стр. 83 и след. См. там же Новгр. 3-ю лет. стр. 226; т. IV, стр. 58, т. V, стр. 225. Ник. л., ч. III, стр. 187.

[102] *Стр. 108.* Scropt. rer. Svecic. t. I Stora Rimch., p. 55, Olai Petri chron. 267. L. c. T. II Laurentii Petri Svenska chron., p. 94; Erici Olai chron., p. 103; Messenius, н. Scondia T. III, p. 13.

[103] *Стр. 108.* Полн. собр. р. лет. III, стр. 84 и след.

[104] *Стр. 109.* Ник. лет. ч. III, стр. 194: «того же лета (1350) новгородские послы ходиша в град Юрьев немецкий и взяша мир с Немцы и выменишa у Свеиского короля на Ореховскис Немцы Авраама тысяцкого и Козму Твердиславича и прочюю дружину их, что были заведены за море Магнушем королем Свейским». Олай Петри (Script. rer. Svec. T. I, p. 268), говоря, что за походом 1348 года последовало заключение мира между королем Магнусом и великим князем Юрием Новгородским (Iörgen af Nogård), очевидно, сбивается на договор Ореховский. Письмо Бо Ионсона (Drtzzetus Regni Bo Ionsson) к архиепископу упсальскому Биргеру см. Scrifter och Handlingar til uplysning i swenska Kyrko = och Reformations Historien, p. 351 sq.

[105] *Стр. 109.* Annal. eccl. Baronii auctore Odor. Raynaldo, T. VI, p. 548 № 34. Так называемое «Рукописание Магнуша короля Свейского» (см. Полн. собр. рус. лет. т. V, стр. 227) не имеет никакого исторического значения.

[106] *Стр. 112.* Полн. собр. рус. лет. III, стр. 91.

[107] *Стр. 114.* Там же. Ср. т. V Соф. 1-ая л. 235. Шведские известия не только ни слова не говорят об этом походе, но не знают даже о существовании в это время Нишлота, который по их показанию основан только в 1477 году. См. Juusteni Chron. Episc. p. 26, 580. Но достоверность сказания об этом походе подтверждается отчасти буллою Урбана VI от 13 декабря 1378. (См. Портана Sylloge monumentor., p. 140 sqq.), в которой папа говорит: «nuper ad nostrum non sine mentis turbacione pervenit auditum quod regnum Sveciae a Ruthenis infidelibus et eismaticis eidem vicinis saepius impugnatur...» и пр. Не

указывают ли на время основания Нишлота следующие слова Новгр. 4-ой летописи под 6883 годом (Полн. собр. рус. лет. т. VI, стр. 72): «Того же лета поставиша Корела Семидесятская Новый городок»? Но в таком случае, почему Саволакская Корела названа Семидесятской?

[108] *Стр. 114.* Полн. собр. рус. лет. III, стр. 96, 97; тоже т. IV, Новгор. 4-я л. под означенными годами, и т. V. Соф. 1-ая л., стр. 245, 248, 250.

[109] *Стр. 114.* Там же Новгор. 1-ая л., стр. 104; Новгор. 3-я л., стр. 235 (в ней год события показан 1412); т. IV Новгор. 4-я л., стр. 113; т. V, Соф. 1-я л., стр. 258. Ник. лет. ч. V, стр. 41. В сем последнем пригород, взятый шведами, называется «Корельский», а во всех прочих – Тиверский. Где находился этот пригород – не знаем. Шведские хроники ничего не знают об этих событиях; см. впрочем Chron. Episcop. p. 410, nota 366.

[110] *Стр. 115.* Chron. Episc. Finl. p. 575, not. (599) et p. 578.

[111] *Стр. 116.* Полн. собр. рус. лет. т. IV, стр. 123. Ник. лет. ч. V, стр. 191.

[112] *Стр. 116.* Карамзин, История Гос. Росс. т. V, стр. 301 и примеч. 316, в коем приведено содержание разных актов Кенигсбергского Архива, относящихся до этой войны Ордена с Новгородом.

[113] *Стр. 117.* Полн. собр. рус. лет. т. IV, стр. 123, 124. Ник. лет. ч. V, стр. 193 и след.

[114] *Стр. 118.* Gruber, Liefländische Chronik 2-ter Th., p. 135. Ср. содержание актов Кенигсб. Арх. у Карамзина (выше прим. 112) и в том числе отрывок проекта союзного договора. Newsloss, без сомнения, Яма, как город новопостроенный в 1386 году; Walchaw может быть, Ладога, но как попала сюда Ландскрона, Landskron, от которой в это время, судя по переписной книге 1500 года, кажется, не осталось уже и развалин?

[115] *Стр. 119.* Полн. собр. р. лет. т. IV, Псковская 1-ая лет., стр. 213. Ср. т. V, Псковская 2-ая лет., стр. 31.

[116] *Стр. 119.* Там же. Странно, что ни об этой славной победе новгородцев, ни о заключении мира с Орденом, ничего не говорится в новгородских летописях.

[117] *Стр. 120.* Полн. собр. р. лет. т. IV, Новгр. 4-ая л., стр. 124.

[118] *Стр. 122.* Там же. т. IV, стр. 162, 164; т. VI Соф. 2-ая л., стр. 240; т. VIII Воскр. л., стр. 227, 228. Ник. лет. ч. VI, стр. 136, 140.

[119] *Стр. 123.* Script. rer. Svecic T. I Stora Rimchr. p. 191 et sq. (см. в сем изд. ч. III); Olai Petri Svenska Chron., p. 329. L. c. Laurentii Petri Svensk. chr. p. 137. Dalin, Geschichte des Kцnigreic hs Schwed. T. II, Cap. 19, парагр. 14.

[120] *Стр. 123.* De Tonitru factitio Viburgensi, dissert. M. Antonii Bahde, Ups. 1740. Энгельберт Кемпфер, в качестве секретаря сопровождавший в 1683 году шведское посольство в Россию и Персию,

www.arounderb.ru

в описании своего путешествия (рукописи хранятся в Британском музее) говорит, между прочим, также о Выборге и его чудесном спасении от русских. Читая его рассказ, который любопытные могут найти в соч. Аделунга: Siegmund Freyherr von Herberstein, St.-Petersb. 1818, p. 502, можно подумать, что Кемпфер не только видел своими глазами тот адский котел (по фински Helwetin kattila), взрыв которого поразил страхом все русское войско, но даже сам присутствовал при взрыве. Ни рифмованная хроника, ни Олай Петри, ни другие ближайшие к событию исторические памятники ничего не знают о мнимом чародействе и магическом искусстве Кнута Поссе; все рассказы об этом, как замечает Портан (Chr. Episc., p. 627), не древнее исхода XVI века.

[121] *Стр. 123.* Полн. собр. рус. лет. т. VI, Соф. 1-я л., стр. 40. Соф. 2-я л., стр. 240; т. VIII, Воскр. л., стр. 231. Ник. лет. ч. VI, стр. 145. Юстен (p. 27) говорит, что при епископе Магнусе «Rutheni Careliam totam, superiorem Tavastiam, atque partem Nylandiae usque ad Pyttis inclusive, totaliter exusserunt. Idque factum anno D: ni 1496, prima hyeme».

[122] *Стр. 124.* Полн. собр. рус. лет. т. VI, Соф. 1-ая л., стр. 42, Соф. 2-ая л., стр. 241; т. VIII, Воскр. л., стр. 233. Ник. л. ч. VI, стр. 149.

[123] *Стр. 124.* Договор 1510 года хранится в шведском Королевском Архиве, в книге «Muscovitica», откуда напечатан в журнале «Suomi» Helsingf. 1841, № 3; а подтвердительный трактат 1513 года находится в Моск. Архиве Канц. иностр. Дел и помещен в истории Карамзина т. VII, прим. 154.

[124] *Стр. 126.* Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины, 7008 года, и, в виде предисловия в ней, статья Беляева: О поземельном владении в Московском Государстве см. Временник Моск. Общества Ист. и Древн., 1851, кн. 11-ая и 1852 кн. 12-ая. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке соч. Неволина см. Записки Русск. Геогр. Общества кн. VIII, С.-Пб. 1833. О состоянии местно-стей Санкт-Петербургских, статья Буткова в Журнале М. В. Д. ч. XX, СПб. 1836, стр. 391–425.

[125] *Стр. 128.* В упомянутом сочинении Неволина гл. V, положение погостов определяется только указанием в каждом из них главного селения и его расстояния от Новгорода. Иначе, без сомнения, и поступить невозможно было при определении всех погостов: но в Орехов ском уезде мне казалось возможным, посредством сличения указаний переписной книги с подробными чертежами и картами, определить положение и отчасти границы самых погостских округов, по крайней мере приблизительно.

[126] *Стр. 131.* Полн. собр. рус. лет. т. VI, Соф. 2-ая л., стр. 217; т. VIII, стр. 195. Ник. л. ч. VI, стр. 97. Тогдашняя Новгородская гривна

www.alexandrspb.ru

содержала в себе 14 денег, а рубль состоял из 15 гривен и 6 денег или из 216 денег; деньга же новгородская равнялась двум деньгам московским. См. Времени. кн. 11, статья Беляева, стр. 80.

[127] *Стр. 132.* Переписная книга 7008 года во Времени. кн. 11-ая, стр. 124, 168.

[128] *Стр. 132.* Там же, стр. 317, 362.

[129] *Стр. 133.* Впрочем, в переписной книге нельзя искать сведений о всех церквах и монастырях: упоминаются только погостские церкви, о других же церквах и монастырях упоминается только при описании принадлежавших им имений. Но, вероятно, были и такие церкви и монастыри, которые не имели поземельных владений и о которых, следовательно, в той книге нет известий.

[130] *Стр. 134.* Грамота эта помещена в «Древн. Росс. Вивлиофике» изд. 2-ое. Москва. ч. XIV, стр. 149.

[131] *Стр. 136.* Грамоту Феодосия см. там же стр. 167. О деятельности архиепископа Макария и посланного им священника Илии в Чудской земле. См. также Полн. собр. рус. лет. т. V, стр. 73; т. VII, стр. 292, 296.

[132] *Стр. 137.* Gadebusch, Versuche in der Liefländischen Geschichtskunde und Rechtgelehrsamkeit, Riga 1783. I Band. 5-ter Stück II B. 2-ter St. Cf. Commentarii. Acad. Petrop. Pars X, pag. 372, 460.

[133] *Стр. 138.* Из переписной книги видно, что во всем Орехов-ском уезде, кроме самого города Ореховца, было только одно торговое местечко – так называемый *Рядок у клетей* в Ижерском погосте, на р. Ижере, в 7 верстах от Невы (см. Перен. кн., стр. 344). Тут жили в восьми дворах «торговые люди», числом 20 человек, которые все вместе давали оброку по старому письму, т. е. по предшествовавшей переписи, 12 гривен, а по новому только полтину. Такое уменьшение оброка с торговых людей, тогда как с пахотных крестьян он почти везде увеличен, ясно свидетельствует об упадке местной торговли, как неизбежном следствии прекращения торговли ганзейской.

[134] *Стр. 140.* О дороговизне и голоде см. под означенными в тексте годами Новгородскую первую летопись в Полн. собр. рус. лет. т. III.

[135] *Стр. 141.* См. там же.

[136] *Стр. 141.* Script. rer. Svec. T. I Olai Petri chron. p. 268.

[137] *Стр. 141.* Полн. собр. рус. лет. т. III, стр. 58; т. IV, Новгр. 4-ая л., стр. 60 и след. Псковск. 1-ая лет., стр. 191 – Митрополит Феогност умер 1 марта, и на той же неделе умерли два сына великого князя Иоанна и Симеон; сам великий князь умер 27 апреля, а брат его 6 июня. Полн. собр. рус. лет. т. VII, стр. 217.

[138] *Стр. 142.* См. в Полн. собр. рус. лет. т. III Новгородскую первую летопись под означенными в тексте годами.

[139] *Стр. 142.* Полн. собр. рус. лет. т. IV, Псковская 1-ая, стр. 230, 231. Карамзин, Ист. Гос. Росс. т. VI, стр. 11 и прим. 10 и 11.

[140] *Стр. 143.* См. Башуцкого «Панорама Санкт-Петербурга» С. Пб. 1834, кн. II, стр. 45 и след.

[141] *Стр. 144.* См. в Полн. собр. рус. лет. т. III Новгор. 1-ая л. под означенными в тексте годами, и Новгр. 2-ая л., стр. 138 и след.

[142] *Стр. 144.* Полное собр. рус. лет. т. I, стр. 92, 208; Т. III, стр. 93, т. IV, стр. 91.

[143] *Стр. 144.* Там же, т. III, стр. 111.

[144] *Стр. 146.* Латинский подлинник этого договора хранится в Московском Архиве Ин. Коллегии, см. Карамзин т. VII, прим. 296. Ср. также Тегеля, История короля Густава (Konung Gustaffs Historie af Erich Iörensson Tegel, Stokholm, 1622), ч. I, стр. 76, 121, 150.

[145] *Стр. 147.* Договор этот также хранится в Московск. Архиве Ин. Коллегии, см. Карамзин т. VIII, прим. 17. Ср. Тегель (l. c.) ч. II, стр. 87 и след. Что касается до упомянутой в этом договоре деревни Соболино, то по переписной книге 1500 года (см. ее продолжение во Временнике Москов. Общ. Ист. и Древн. кн. 12-ая) в Саккульском погосте Корельского уезда несколько раз (на стр. 52, 54 и след) упоминаются деревни «на Соболинке, принадлежавшие частью разным своеземцам, частью монастырям Коневскому и Никольскому из Корельского городка». След., Соболинна (финск. linna – крепость) или одна большая деревня, или округ из нескольких деревень «на немецком рубеже, на реке Вокше».

[146] *Стр. 148.* Тегель, ч. II, стр. 199, 232. Терваиоки (Terwajoki) лежит в нескольких верстах к северу от Сестрорецка по дороге к Выборгу. О Нильсе Грабе см. Stjernmans Hofdingaminne II Del., p. 493.

[147] *Стр. 148.* Тегель, ч. II, стр. 273 и след.

[148] *Стр. 149.* Там же, стр. 306.

[149] *Стр. 150.* Там же, стр. 307 и след. Имя предводителя русских отрядов Тегель пишет: Jffuan Tedderson Boruffsin; по Переписной книге (см. Врем. кн. 11-ая, стр. 297) значится в Дудоровском погосте Ореховского уезда, поместье из нескольких деревень «за Кузмкою, да за Федком, да за Ондрейкой, за Михалевыми детьми Бровцына». Может быть, упомянутый Иван Федорович был сын этого Федьки Бровцына, вероятно, самовольно ходивший на промысел в шведские владения. Упрекая некоторых безрассудных фогтов и в особенности Андерса Нильсона в самовольных набегах на русские владения, Тегель утверждает однако, что русские первые подали к тому повод своими вторжениями в шведские пределы; русские же летописи сваливают вину на шведов и в особенности на то, что король их не хотел сам сноситься с новгородскими наместниками, которые, со

своей стороны, не хотели опять иметь дела с королевскими наместниками в Выборге, «И потому», говорит Ник. л. ч. VII, стр. 247, «люди по рубежу многие ссорились, на обе стороны почали быть убийства и грабежи многие; и Немцы, приходя, почали села жечь и детей боярских убивают, и гостей у собя многих задержали, не отпустили и сына боярского на кол горлом посадили».

[150] *Стр. 150.* Тегель, ч. II, стр. 309.

[151] *Стр. 151.* Там же, стр. 311 и след. Ник. л. (ч. VII, стр. 247), умалчивая о подробностях, говорит только, что «Немцы Бибикова побили на голову, да пришли войною во многие места».

[152] *Стр. 152.* Тегель, ч. II, стр. 313–316. Боярин, с которым беседовал Багге, назван у Тегеля Fedder Fedderson а нётеборгский начальник Knäs Iffuan Iffuanson.

[153] *Стр. 154.* Там же, стр. 317–319.

[154] *Стр. 155.* Ник. л. ч. VII, стр. 248 и сл. Ср. «Летописец Русской», изданный Львовым, СПб. 1792, т. V, стр. 102.

[155] *Стр. 156.* Ник. л. ч. VII, стр. 252. Ответ выборгских начальников на письмо новгородского наместника князя Палецкого к королю, помещенный у Тегеля (ч. II, стр. 326–335) вслед за описанием похода русских к Выборгу подписан 30-м числом января 1556, и Тегель притом объясняет, что письмо есть ответное на письмо Палецкого, писанное будто бы уже по возвращении из похода, и что этот смелый и твердый ответ именно и побудил русских к заключению перемирия. Все это явно несправедливо, во-первых, само содержание письма (в котором упоминается о походе Багге в Неву и о предшествовавших вторжениях русских в шведские владения, но ни слова не говорится о походе 1556 года) уже достаточно обличает ложность показания Тегеля; во-вторых, время от 24 января (дня отступления русских от Выборга) до 30 января слишком коротко для того, чтобы Палецкому можно было возвратиться в Новгород и оттуда (ifrån Nowgårdh) написать письмо к королю, а выборгским начальникам дать ответ на него 30 января; наконец, в-третьих, Палецкий по возвращении из похода был тотчас сменен и, следовательно, не мог писать к королю, а действительно писал к королю, как ниже увидим, новый наместник новгородский, князь Глинский.

[156] *Стр. 157.* Тегель, ч. II, стр. 322 и след. Ник. л., ч. VII, стр. 254. По показанию Ник. л., русские войска перешли границу «в Смолиной и в Лебяжье». Первое из этих названий, вероятно, означает дер. Терваиоки (см. выше прим. 146), ибо финск. terwa – смола, а второе, может быть, деревня Иоутселки близ Кивиненби, так как финск., сокращенное из, значит собственно лебяжья спина. Каук-ярви (Kauk-järwi), где по сказанию Тегеля остановились русские, есть

округ из нескольких деревень, расположенных по берегам озера того же имени, близ дороги от Сестрорецка к Выборгу, в Новокиркском приходе. Кивинебская королевская мыза (Kiffuenebs Konungs Gårdh в русских летописях называется «городом (в коренном значении этого слова) Киподень, Киновень, Киновесть» и пр., а Портан (Chron. Episc. p. 747) упрекает русских летописцев, будто они выдумали город, никогда не существовавший! Из сказаний об этом походе видно, что на русской границе где-то близ реки Вокши было в это время и другое шведское укрепление, которое в Ник. л. называется «городком Дощаным», а у Тегеля – Dosas.

[157] *Стр. 157.* Тегель, там же, стр. 324.

[158] *Стр. 160.* Это письмо, равно как и многие другие предписания короля Густава I, касающиеся его войны с русскими, см. у Адлерспарре, в его «Historiska Samlingar» ч. I.

[159] *Стр. 161.* Ник. л. ч. VII, стр. 268, 280 и след. Тегель, ч. II, стр. 351–354.

[160] *Стр. 165.* Stjernman, Samling af Kongl. Bref, Stadgar. m. m. Stockholm, 1747, I Del.

[161] *Стр. 167.* Dissertationes Acad. III Narrationem R. V. Pauli Justen Episcopi Aboensis de legatione sua Russica exhibentes edid. H. G. Porthan, Aboe 1775. Перепечатано у Эверса в Samlung Russischer Geschichte т. I, стр. 143.

[162] *Стр. 168.* См. в Журн. Мин. Вн. Дел ч. XX. Статью Буткова о состоянии местностей Санктпетербургских в XVI веке, стр. 391–425.

[163] *Стр. 169.* Там же, стр. 395, 400. Это вторжение шведов последовало «после Петрова дня в другую среду».

[164] *Стр. 169.* Там же, стр. 416, прим. 25.

[165] *Стр. 169.* Карамзин, Истор. Гос. Росс. т. IX, стр. 224 и прим. 425.

[166] *Стр. 170.* Kon. Iohan III: S.Chronika af Aegidus Girs, Stockholm 1745, p. 70, 73 sq.

[167] *Стр. 172.* О жизни и подвигах Де-ла-Гарди см. Claudius Arhenius Oernhielm, Vita illustrissimi Herois Ponti De-la-Gardie, Lipssiae, 1690.

[168] *Стр. 173.* О тогдашнем бедствии Ингерманландии ясно свидетельствует Писцовая книга «Воцкой пятины» 7090 [$15^{81}/_{82}$ года], напечатанная во «Врем. Москов. Общ. Ист. и Древн.» кн. VI, 1850. В этом современном памятнике при описании одних только ближайших к Новгороду 23 погостов беспрестанно встречаются такого рода заметки: «а дворы сожгли и крестьян побили немецкие и литовские люди в нынешнем 90 году» – «зженых и воеваных 71 место дворовое крестьянское; а жгли и восвали Литовские и Немецкие люди в нынешнем 90 году» – «была церковь... были дворы церковные... а церковь и дворы сожгли немецкие люди» – «а на погосте церковь... стоит без пенья» – такая-то волость «сжена и воевана и проч». Далее

о всех 8-ми погостах Ореховского, 4-х Ладожского и 1-м погосте (Тиготском) Новгородского уездов замечено, что эти 13 погостов остались недописанными «для войны Немецких людей как стояли под Орешком и под Ладогою Немецкие люди». Наконец, о погостах Ямского, Копорского и Корельского уездов сказано, что писцы их вовсе не писали, потому что этими 25-ью погостами «владели Немецкие люди».

[169] *Стр. 174.* Карамзин, Ист. Гос. Росс. т. IX, стр. 412 и след., прим. 727. Село Лялицы по Переписной книге значится в Опольском погосте Ямского уезда (см. Неволина «О пятинах и погостах» приложение I, стр. 43.

[170] *Стр. 175.* В Моск. Архиве Ин. Коллегии в делах Шведск. л. 226 об. находится следующее известие о смерти Понтуса Де-ла-Гарди: «Послы свейские поехали в судне на гребле; а с ними было человек с 70, и принесло судно ветром на пень да выломало доску, а Немцы почали метатца в воду, и судно потонуло, а на завтра в субботу выволокли из воды Пупцу» (см. Карамзин, т. X, прим. 90).

[171] *Стр. 176.* См. брошюру: Pontus de la Gardie oder Nachforschungen über eine in der Gegend von St.-Petersburg bekannte Volkssage. St.-Petersb. 1819.

[172] *Стр. 177.* Карамзин, Ист. Гос. Росс. т. X, стр. 109 и след. Ср. Aegid Girs, Kon. Iohan den III: Chr.

[173] *Стр. 178.* Дневник шведских послов, содержащий в себе ход мирным переговоров в Тявзине, помещен в сборнике Бергиуса Nytt förråd af aldre och nyare handlingar rörabde Nordiska Historien, Stockholm, 1753, p. 78 (1757, p. 65). Содержание статей Тявзинского договора изложено у Вервинга в «Konung Sigismunds och Carl den IX Historier» Stockh. 1746. I Del. p. 276; см. также Карамзин, т. X, стр. 168 и след. прим. 290. Самый же договор со шведского подлинника, хранящегося в Шведск. Кор. Архиве в книге «Muscovitica», напечатан вполне в Гельсингфоргском Журнале «Suomi» за 1851 г. В «Журнале М. Вн. Дел» 1840, № 9 помещены Бутковым: a) предварительная запись шведских послов от 20 февраля 1595 года, b) Тявзинский мирный договор и c) три межевые записи 14 и 19 октября того же года и 25 марта 1596 года.

[174] *Стр. 180.* О судьбе принца Густава и политике Бориса Годунова в отношении к Ливонии см. Карамзин, т. XI, стр. 31–36, 40–42.

[175] *Стр. 183.* Iohan. Widekindi Historia belli Svveco – Moscovitici Decennalis, Holmiae 1672, pag. 53 sq. Ср. также Карамзин, Ист. Гос. Росс. т. XII, стр. 152 и прим. 371, и след., в коих помещены выдержки из договорной записи русских послов, хранящейся в Моск. Арх. Ин. Колл. в Делах Шведск. № 9.

[176] *Стр. 185.* Widekind, l. c., pag. 184 sq.

[177] *Стр. 189.* Там же, стр. 223: «Ad. regem quoque accuratam topographiam et lineamenta universi lacus Ladugensis circumjectorumque portuum sinuumque misit, ostenditque quanti ponderis esset excitare castellum prope Nevense flumen sex milliaria supra Notheburgum, ejusque operis architectum qui singula momenta exponeret Holmiam ablegavit».

[178] *Стр. 189.* Видекинд, стр. 313 и след: «Vicinum castellum, nuper excitatum, jam ita aggeribus, vallo fossisque surrexit, ut 500 homines intra munimina sua tueri posset».

[179] *Стр. 189.* Ник. л. ч. VII, стр. 169; а Василий Бутурлин «с Немецкими людьми сылашеся, и торговые люди вожаху к ним всякие товары, Василий же с ними, съезжашесь. Немцы ж, пришед, сташа на Колмове в монастыре; той же Василий тут с ними съезды творяше и пияше с ними, а мысли их никто не ведаше». Видекинд, говоря о совете, данном Бутурлиным, прибавляет (стр. 246): «Hisce amice quidem sed proditorie dictis ambigebat Noster (т. е. Де-ла-Гарди) an fidem habiturus esset. Namque praeter sublestam fidem omnium fermè Moschorum, miracili instar videbatur hunc unum in amicitia promissisque constantem fore».

[180] *Стр. 190.* Договор этот напечатан в Собр. Гос. Грам. и Дог. II, 553, но не в подлинника, а с латинского перевода, помещенного у Видекинда, стр. 252–271, где временем его заключения ошибочно показано 11 июля вместо 17. Ср. Карамзин, т. XII, стр. 319 и прим. 810. О взятии Новгорода шведами кроме Видекинда (стр. 248 и дал.) см. Полн. собр. рус. лет. т. III, Новгр. 3 лет., стр. 264–266.

[181] *Стр. 191.* Столбовский договор и обе межевые записи напечатаны в Полн. Собр. Зак. т. I, № 19, стр. 194–216; в виде приложения к договору, заключенному между Швецией и Россией в Стокгольме 1649 г. октября 19.

[182] *Стр. 196.* Доктор богословия *Иоган Гецелиус* был суперинтендантом в Нарве, когда производил описанные им осмотры. Он был потом епископом в Або и известен под именем *Гецелиуса младшего*, для отличия от его отца, *Гецелиуса старшего*, бывшего также абовским епископом. О результате своих осмотров Гецелиус представил правительству донесение и, кроме того, сочинил *Beskrifning om Ingermanland, sördeles i Exxlesiastikt afseende, år 1684* (Описание Ингерманландии, в особенности в церковном отношении, 1684 г.), о чем мы будем говорить ниже.

[183] *Стр. 196.* Монахи, дворяне и дети боярские имели право при переселении брать с собою жен, детей и слуг; приходские же священники и все люди крестьянского сословия со своими женами и детьми должны были непременно остаться. Но по заключении мирного договора в Кардисе в 1661 году крестьянам было дано такое же право,

о чем в 1663 году издана публикация под заглавием: *Placat om Finska och Ryska Bönder, att få efter fredsfördraget sätta sig under den Herrens beskydd, som de hälst åstunda* (Указ о дозволении финским и русским крестьянам, по заключении мирного трактата, переходить под защиту того Правителя, которого они сами пожелают). *Warmholtz, Bibliotheca Historica Svio Gothica.* Том 9, стр. 140. Однако после мира в Столбове многие из крестьян тайно перешли в Россию, но были шведским правительством вытребованы обратно, что можно заключить из нескольких указов царя по сему предмету, которыми он повелевал отыскивать и высылать на родину таковых перебежчиков. Таковы царские указы от 10 сентября 1625, от 18 февраля 1629, от 25 июня 1632 и 31 июля 1636 года, напечатанные в *Актах, собранных в библиотеках и архивах Российской Империи археографической экспедицией Императорской Академии Наук.* С.-Петербург, 1836. Том III.

[184] *Стр. 196. Петр Нассакин* был боярин, перешедший в шведскую службу по взятии Нарвы в 1611 году. Сын его *Петр* был в 1668 году в чине ротмистра записан в Шведской Рыцарской Палате и женат на Анне фон Геннингсгузен (Henningshusen).

Федор Аминов, русский боярин и штатгалтер в Ивангороде. Когда крепость сия перешла к шведам, то он вступил в шведскую службу. В 1618 году был он возведен в дворянское достоинство, но внесен в Рыцарскую Палату не прежде как в 1650 году. Он был тогда штатгалтером в Гдове и писался владетелем Глюкгуа, Обсковой, Барра и Плесковицы. Он был женат на *Авдотье Ламаковой.* Отец его, *Григорий Аминов* был царским стольником и женат на Елене Голицыной. Род сей происходит из Богемии; праотцом его был *Иван Аминов*, в супружестве с Прасковьей Щарбатовой.

Василий Бутурлин был при взятии крепости Гдова в 1614 году захвачен шведами в плен, после чего вскоре вступил в шведскую службу и оказал много опытов храбрости, так что в 1638 году был произведен в полковые квартирмейстеры, в 1645 году в майоры, а в 1649 в подполковники. В этом последнем звании он был в 1651 году возведен в дворянское достоинство, а в 1652 году имя его внесено в Рыцарскую Палату. Он происходил от древней русской благородной фамилии, и, вероятно, был сын того *Василия Бутурлина*, который в России предводительствовал партией, старавшейся возвести на российский престол брата короля Густава Адольфа, Герцога Карла, и потому признан был изменником. Первоупомянутый Бутурлин не мог быть одним и тем же лицом со вторым, хотя имена одинаковы, ибо сей последний уже в войне с Яковом де ла Гарди называется полковником и, вероятно, был человек с большим весом, тогда как

первый, напротив того, не достиг степени выше подполковника; был женат на Анне Христеровой из Бёркё и умер бездетным.

Александр Любин Дмитриевич Рубцов был в русской службе подполковником, но в 1617 году перешел в шведскую службу: король Густав Адольф употреблял его в посольство в Крымскую Татарию. Он был женат на *Анне Исаевой Иминовой*. Сын его *Константин Александрович Рубцов*, родившийся 11 мая 1642 года, был женат на дочери ниэншанцского коменданта, полковника *Александра Пересветова-Мората*, отец которого, *Петр Филипов Пересветов-Морат*, перешел в шведскую службу во время царствования Густава Адольфа, был ротмистром и женат на дочери ингерманландского воеводы Фридриха Аминова и жены его Екатерины Пересветовой *Агафье Аминовой*.

Григорий Цебетриев был в 1635 году возведен королем Густавом Адольфом в дворянское достоинство и тогда же принял прозвание *Аполлов*.

[185] *Стр. 197.* Этот важный документ, составленный на латинском языке, помещается in extenso в числе приложений под № 2. После, именно 12 ноября 1627 король Густав Адольф снова повелел издать *Ausschreiben an die in Teutschland, wegen der Religion vertriebene und bedrängte Evangelische Christen* (Послание к изгнанным и угнетенным за веру христианам в Германии), в котором он, обещая разные права, побуждал их переселяться в Швецию. Хотя здесь не упоминается прямо об Ингерманландии, однако можно думать, что король предполагал принять их именно в этот край. Рескрипт о том напечатан в изданной Матвеем Луквицием книге под заглавием *Dreyfacher Schwedischer Loorbeerkranz und triumphirende Siegs-Krone* (Тройной шведский лавровый венец и торжествующая победная корона). Лейпциг, 1632. 4°.

[186] *Стр. 200.* Имения, освобождаемые за кавалерийскую службу в милиции от платежа повинностей казне, назывались фрельзовыми (Frälse gods), а владевшие ими носили общее название Frälse (фрельзовый, свободный от всех повинностей), для различия от прочих, шкатовых, т. е. плативших подати. Происхождение этих фрельзовых земель основывается на изданном в 1285 году шведским королем *Магнусом Ладуласом* постановления, которым он побуждал владельцев шкатовых земель вместо платежа повинностей казне, снабдив себя лошадью и военной аммуницией, обязаться к службе против врагов отечества. Правила же, которые при том должно было соблюдать, определялись сельским правом (landslag). В самом начале не было определено величины имения для приобретения на оное фрельзового права; не было также определено, можно ли соединять несколько

имений или гейматов для исправления одной конной службы. Но Густав I постановил о том, чтобы владелец имения, приносившего 100 марок доходу, желавший освободить оное от податей, ответствовал за оное одним конным солдатом; но вскоре (1525) отнес таковое обязательство к имениям, дававшим дохода 400 марок, каковая сумма впоследствии была, смотря по обстоятельствам, иногда уменьшаема. Те, которые таким образом ставили конного солдата, делались *владельцами фрельзового имения*, и от них дворянство в Швеции получило свое настоящее начало. Как повинности, платившиеся в казну со шкатового геймата, были в древние времена очень незначительны, то казна через то ничего не теряла. Но когда повинности эти впоследствии весьма увеличились и составили больше того, чего стоила поставка одного конного солдата, и дворяне, кроме того, королевским указом от 11 мая 1603 года освобождены от обязанности поступать за свое имение в военную службу лично, почему они и начали поставлять за себя других под именем *Sventjenare* (наемник), тогда дворяне наперерыв стали домогаться, чтобы не только превратить все свои имения во фрельзовые, но и получить на купленное или по наследству доставшееся шкатовое, фрельзовое право. Очень понятно, что казна совершенно потеряла бы от того свои доходы, и из редукции Карла XI видно, каковы были следствия.

[187] *Стр. 201.* Способ налогов на земли по *арвио-рублям* еще и ныне в употреблении в некоторых приходах Карелии, и, кажется, ведет свое начало от тех древних времен, когда область эта принадлежала России. Имя арвио-рубль происходит от финского слова *arwata* (испытать, догадаться), ибо когда земли еще не были ни разделены, ни размежеваны, оброк их ежегодно определялся по арвио-рублям. Из древних времен у нас не осталось ничего, что могло бы объяснить этот предмет; но по оценке 1754 года, на лучшей земле урожая полагалось на бочку семян 2, на худшей земле $1^3/_4$ до $^1/_2$ бочки свыше посева, и если при хозяйстве, имевшем земли на одну бочку посева, было довольно лугов и лесу, то хозяйство это оценялось в один *арвио-рубль*.

[188] *Стр. 202.* Sammiung Russischer Geschichte von Mülltr, том V, стр. 470 Софийск. лет., том II, стр. 193. Никон. лет., том VI, стр. 96. Карамзин, т. VI, в примеч. 171-м говорит, что «в сохе было 3 обжи».

[189] *Стр. 204.* После я узнал, что *кмет*, хотя, может, не чисто русское слово, однако было известно в России уже в древние времена и встречается даже в знаменитой песне о походе Игоря. Значение его в разных славянских наречиях не одинаково: в одном оно значит судья, сановник; в другом – *слуга;* в третьем – *поселянин*, основавшийся на каком-либо месте для обрабатывания земли. В царских

льготных грамотах это имя могло означать людей низшего сословия, переселившихся в Россию из чужих краев, в особенности из Германии, которые, получая участок земли для обработки, освобождались на несколько лет от платежа всех повинностей, как это и ныне делается с новоселенцами в Швеции и Финляндии. Когда же льготные годы исходили, то эта маленькая повинна, кому бы она ни принадлежала, дворянину или какому-нибудь арендатору, несла только половину податей, платимых шведским крестьянином. Удивительно, однако, что этого слова ныне никто не понимает в Ингерманландии, хотя при завоевании ее оно было там известно. Но исследовать и судить о происхождении этих кметов я предоставляю знатокам славянских древностей.

[190] *Стр. 205.* Ср. древне-лат. выражения *bubulci vecturales, bobalterii* и древне-франц. слово *bobelin.*

[191] *Стр. 205.* Под именем *бобыль* (Inhysing) в Финляндии разумеются такие люди, которые, не имея никакой земли, не имеют даже собственных дилищ и потому живут у других. К другому же роду бобылей, называющихся Backstugahjon, принадлежат люди, которые, не имея собственной земли, владеют однако домами, построенными на чужих дачах. В Ингерманландии и Карелии они по-фински называются Läxiamet; впрочем, в Ингерманландии для выражения слова бобыль более в употреблении Bobuli.

[192] *Стр. 205.* Topographische Nachrichten. Big. 1777 II, p. 213.

[193] *Стр. 209.* Я не мог дознаться, в каком приходе находилась мыза *Свида*, также к какому званию принадлежал Георг von Rohr. Известно только, что он был дважды женат: в первый раз на ..... Хемниц, а во второй на Маргарите фон Флестен, и оставил трех сыновей, которые все служили в Ингерманландии, а именно: a) Иоахим Георг, бывший подполковником ингерманландского дворянского знамени и женившийся трижды: 1) на Христине Кронман, 2) Юлиане фон Функен и 3) Софии Берендес, вероятно, дочери генерал-майора Фабиана Берендеса, имевшего поместье в приходе *Перно;* см. Beskrifning om Perno (Описание прихода Перно), соч. А. И. Гиппинга, стр. 59; b) Карл, бывший в Ингерманландии подполковником и имевший в супружестве Гедвигу фон Брандтен, и c) Ганс Христофер, родившийся от второго брака и владевший мызою Свидою. Он был капитаном в Ингерманландии и, подобно старшему брату, женился трижды: в первый раз на Анне Екатерине Кронман, дочери полковника Иоахима Кронмана, брат которого Фриц был посланником в России; во второй раз на Елисавете Шульман и в третий на Маргарите Ребиндер.

[194] *Стр. 211.* Ингерманландское поместье якова Делагарди, вероятно, находилось на нынешнем Васильевском острове, ибо на карте, составленной в 1698 году, и находящейся в Императорской Академии Наук, часть Васильевского острова называется охотничьей дачей Якова Делагарди. По обычаю того времени особы королевского дома и высшего сословия имели свои дачи для охоты. Ингерманландскими имениями Делагарди управлял в 1650 году нижнштанцский обер-пастор Генрих Фатенборг или, как он действительно назывался, сын Фатабура Генрих, который впоследствии возведен в дворянское достоинство и назван Лильеборгом.

[195] *Стр. 212.* Об этих фамилиях, перешедших из Финляндии в Ингерманландию, смотри приведенное выше сочинение Шёнгрена Ueber die Finnische Bevölkerung des St.-Petersburgischen Gouvernements, стр. 23 и др.

[196] *Стр. 213.* По торговому уставу 1614 года, в Финляндии только двум городам дано было право вести свободную торговлю с иностранцами, именно *Або* и *Выборгу*. Впрочем, гельсингфорские, бьернеборгские, боргоские и экнесские купцы могли на своих кораблях плавать за границу. О торговле по Неве ничего не упоминается.

[197] *Стр. 214.* Исправник или, буквально, коронный фохт есть чиновник, собирающий казенные оброки и доходы, приводящий в исполнение вошедшие в законную силу решения судебных мест и в совокупности с подчиненными ему ленсманами составляющий земскую полицию.

[198] *Стр. 215.* См. Приложение № 3.

[199] *Стр. 215.* См. Приложение № 4.

[200] *Стр. 216.* См. Приложение № 5.

[201] *Стр. 216.* См. Приложение № 6.

[202] *Стр. 217. Бьёркё* есть приход, смежный с приходом Выборгским, и получил это название от острова Бьёркё, лежащего недалеко от материка, на котором находится церковь этого прихода. По хорошей пристани место это с незапамятных времен посещалось плывшими в Неву и из оной, и вот почему я разделял прежде мнение, что король Густав хотел там основать город. Но вникая в дело глубже, я нахожу это предположение невероятным, ибо Бьёркё лежит на расстоянии около 40 верст от города Выборга, именно при входе в Выборгский залив, которым всякий, отправлявшийся в этот последнеупомянутый город, должен проходить. Если бы при Бьёркё был построен город, то падение Выборга было бы неизбежно, чего никогда не могло быть в намерении короля, тем более, что постановлением, в котором упоминается о проекте заложения города при Бьёркё, он дает Выборгу права стапельного города. Вследствие того я полагаю,

что под словом Бьёркё тут должно разуметь совсем другое место, а именно так называемую ныне *Петербургскую Сторону*, которая до основания С.-Петербурга именовалась *Бьёркё* (Koiwu Saari). Кроме того, там было прекрасное место для основания города, хотя он и был впоследствии перенесен выше, поближе к крепости, вероятно по той причине, что на сем последнем месте было стечение народа больше и самый город, находясь при крепости, был в большей безопасности. Что это действительно было так и что король уже в 1617 году имел намерение построить при реке Неве город, видно из того же постановления, где он дал иностранцам право посещать *Нарву* и *Ниэн* (Неву), из коих последнее место он в следующем параграфе обозначает яснее, говоря, что город должен быть основан при *Бьёркё*. Могло быть также, что и тогда уже король думал заложить этот город против крепости, ибо от нее было недалеко до Петербургской Стороны, и притом в сказанном постановлении говорится, чтобы город был заложен не *на*, а близ Бьёркё (Koiwu Saari, т. е. Березового острова). Упоминаемый в том же постановлении город *Пайтала*, получивший вместе с другими городами право производить на собственных кораблях торговлю за границей, был *Вейсенштейн* в Лифляндии, который у лифляндских туземцев назывался *Пайса*.

[203] *Стр. 218.* Древнее название *гакельварк* соответствует нынешнему слобода или предместье. Часто бедные люди, не могущие платить обыкновенные городские повинности, поселялись вне города и ходили в город для заработка. Там селились также ремесленники, из коих многие занимались мелочной торговлей и другими промыслами.

[204] *Стр. 219.* См. Приложение № 7.

[205] *Стр. 221.* См. Прил. № 8 и 9.

[206] *Стр. 222.* Собственно крепость называлась Nyenskans, а город Nyen, с ударением на букве *y*, которая произносится подобно франц. *u* или нем. *ü*. Нева уже в средние времена называлась Ny. Название Nyen мало-помалу исчезло и именем Нюэнсканс стали называть как город, так и крепость. Таким же образом и мы будем впредь употреблять это имя, с общепринятым немецко-русским видоизменением его в *Ниэншанц*.

[207] *Стр. 222.* Чтобы дать некоторое понятие о деятельности графа Петра Браге, приводим следующее. Он прибыл в Або в ноябре 1637 года и немедленно, зимой 1638 года, предпринял путешествие по всему княжеству в Тавастгус, Нюслотт, Кексгольм, Выборг, Орешек и Ниэншанц, пресекал беспорядки в городах и деревнях и осматривал пешее и конное войска. Весной он проехал часть, прилежащую к морю, через Нюланд обратно и летом обозрел морской берег от Або до Бьернеборга и местоположение страны и реки. В 1639 году

отправился он морским путем из Нюслотта через всю Кексгольмскую область, по всем опасным озерам и рекам вверх и вниз к Либелицу и до Леудаля в России, потом в Каяну чрез озеро Уля и таким образом морским и сухим путем чрез Большой Кюро-лес возвратился в Або. В то время как он был в самой глубине страны, велел он исследовать русские селитряные заводы у Белого моря и послал правительству из Або подробное описание всего путешествия и положения страны. Он раздробил большие округи на меньшие, построил много церквей, распространил и улучшил Або, Выборг и Гельсингфорс, окружил весь город Або земляным валом и каменной стеной, поправил абовский замок, подверг обитателей Саволаксы рекрутскому набору, восстановил церковную дисциплину в областях выборгской и кексгольмской. По его представлению правительство согласилось учредить новое наместничество в Саволаксе, под именем Нюслотской губернии и другое в Нюланде, основать города на Сандене (Песочном острове) под именем Нового Гельсингфорса, и другой у Таватгуса, обратить поставки произведений природы в рожь, масло, рыбу и деготь, соединить Пейпе, Лаппис и другие озера каналом. Его стараниями учреждены народные школы в Гельсингфорсе, Бьернеборге, Нюкарлебю и Улео, и низшие школы в Тавастгусе, в Кексгольме и Нюслоте. Школа в Выборге переименована в гимназию, в Або основана Академия, которая издала полный перевод Библии на финском языке. См. Начертание Шведской Истории Фанта, 3-й отдел стр. 110.

[208] *Стр. 222.* Мне не случалось видеть изображение герба города Ниэна; причиной тому, кажется, что, что городская печать прикладывалась только к магистратским бумагам, из коих мне не удалось найти ни одной. Собранные же мною документы частью королевские, частью же Торговой Коллегии, частью генерал-губернаторские и наконец немногие – из бумаг частных лиц, к которым, естественно, не могла быть приложена городская печать.

[209] *Стр. 222.* Дарованные им права состояли в том, что в течение 12 лет они освобождались от платежа *малой пошлины* за товары, привозимые из внутри края, от платежа за право печения хлеба и наконец от платежа за право продажи пива и водки.

[210] *Стр. 223.* См. Приложение № 10.

[211] *Стр. 224.* См. Приложение № 11 и 12.

[212] *Стр. 225.* Более обстоятельные известия о русской торговле и о тогдашнем ее состоянии можно найти в описаниях путешествий лиц, посетивших Россию в 17 столетии, между которыми отличался Кильбургер, сопровождавшими шведское посольство. Его сочинение помещено в Büschings Magazin T. III. p. 246 под заглавием Unterricht

vom russischen Handel, wie solcher 1674 durch ganz Russland getrieben worden.

[213] *Стр. 226.* См. Приложение № 13.

[214] *Стр. 227.* Инструкция главному правителю таможни Шерману Т. II. ст. 421.

[215] *Стр. 228.* Различные резолюции на эти жалобы города Выборга подписаны 20 сентября 1646, 29 апреля 1647, 31 марта 1649 и 4 мая 1649 года и хранятся в архиве выборгского магистрата.

[216] *Стр. 229.* См. Приложение № 14.

[217] *Стр. 230.* См. Приложение № 15.

[218] *Стр. 232.* См. Приложение № $15^{1}/_{2}$.

[219] *Стр. 233.* См. Приложение № $15^{3}/_{4}$.

[220] *Стр. 235.* Через месяц после издания рассматриваемой здесь инструкции, король назначил членов для учреждавшейся тогда в Стокгольме Торговой Коллегии. Директором оной определен Иоган Бердес, бывший стокгольмским Обер-Штатгалтером, а Вице-Директором Мортен Лейоншёльд. Кто был назначен для наблюдению за хлебопашеством и торговлей Ингерманландии, я не могу сказать. – См. Приложение № 16.

[221] *Стр. 236.* См. Приложение № 17.

[222] *Стр. 238.* Как все места внутри страны обязаны были содержать пехотную армию, так некоторые селения на морском берегу должны были содержать вместо солдат, боцманов для нужд флота. В содержании боцманов участвовали и города; в силу решения государственного сейма 1644 и 1660 гг., число их в военное время удваивалось. Число содержимых таким образом боцманов составляло в совокупности 1200 человек.

[223] *Стр. 238.* Уже давно я питал надежду найти между документами, хранящимися в архиве Императорского Финляндского Сената, какие-нибудь сведения о состоянии Ингерманландии в 17 столетии и в особенности о Ниэншанце и его торговле; но получив от г. Доктора Эдварда Грёнблада, имевшего поручение привести этот архив в порядок и вследствие того с большой тщательностью рассмотревшего оный, письмо от 1 декабря 1851 года, в котором он уведомил, что там нечего искать для моей цели, я должен был оставить ее. Архив этот, составленный из собрания документов с разных мест, действительно содержит в себе много старых бумаг, но все они касаются Финляндии вообще. Бумаги же относительно Ингерманландии были при заключении мира 1721 года пересланы в Россию и хранятся ныне, вероятно, где-нибудь в С.-Петербурге или Москве. При помощи этих документов труд мой был бы, без сомнения, полнее; но так как мне пока не известно, где находятся эти бумаги, то читатель, надеюсь,

извинит меня. И если мне удастся узнать о том, то, получив дозволение воспользоваться ими, я не премину пополнить то, чего здесь не достает. В Шведских архивах, вероятно, можно было бы найти разные сведения для разъяснения истории Ниэншанца и для этой цели стоило бы побывать в Швеции, но мои обязанности к приходу и в особенности преклонные лета заставляют меня отказаться от надежды исполнить это желание.

[224] *Стр. 239.* Что было поводом к неудовольствиям, возникшим между русскими и шведскими купцами в *Ниэне*, о которых говорится в вышеупомянутой резолюции и которые довели до того, что русские заперли таможню, так кажется, подробно описано в сочинении, изданном уже в 1635 г., под заглавием: *Ausführung des 38 jährigen Schadens, den I. K. M. in Schweden auff den Gross Fürsten in Moscau, um dass den Kön. Schwed. Unterthanen, Kauff und Handelsleuten, wieder die zu Tensina, Nibourg und Stolbowa a-1595, 1609 und 1617 aufgerichtete Friedens Vertrag, durch ganz Russland zu handeln und ihre Kauffhäuser zu haben nicht gestattet, viel mehr aber sie von a.1617 biss dato daran gehindert worden, kraft angeregter Verträg mitt Rest zu praetendiren und zu fordern haben.* См. соч. Вармгольца Biblioth. Historica Sveo Gothica. Часть 8 стр. 49. Но этого сочинения я не мог приобрести.

[225] *Стр. 240.* Смотри: Samuel Lib. Bar. de Pufendorf de rebus a Carolo Gustavo Sveciae Rege gestis Comentariorum Libri septem. fol. Norimb. 1696. стр. 180.

[226] *Стр. 241.* Смотри: Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow u. s. w. durch Peturm Petrejum de Erlesunda. Leipz. MDCXX 4°.

[227] *Стр. 241.* Что касается сожжения в Ниэншанце, по приказанию генерал-губернатора Густава Горна, как о том пишется, большого количества хлеба, то это, без сомнения, есть ясное доказательство тогдашнего благосостояния народа, ибо этот запас хлеба принадлежал не казне, а частным лицам. Но удивительным кажется, что правительство обращало так мало внимания на укрепление Ниэншанца, несмотря на то, что место это было весьма важно, и хотя этот город лежал так близко к границе, что при первом нападении русских мог быть взят и разрушен. Еще существует несколько писем от тогдашнего Ингерманландского генерал-губернатора Густава Горна, писанных в 1654 и 1656 годах, в которых он описывает то жалкое положение, в которое впала Ингерманландия в царствование королевы Христины и до какого ужасного беспорядка и запущения доведены были крепости, так что, по словам его: «никогда еще граница благоустроенного царства не была так открыта для неприятеля, как наша в то время для России». Усердием своим он старался исправить дурные

распоряжения, и вину их, кажется, во многих случаях приписывал рижскому губернатору графу Магнусу Габриелю Делагарди, ибо он имел приказание содействовать графу Горну в управлении. О Нарве, хотя она была старинным городом с крепостью, он пишет следующее: «Нарва так упала, что я не могу описать. Многие в деревне имеют лучшие ворота перед своим двором, чем здесь в крепостях. Все здесь стоит вверх дном; духовные во вражде со светскими, закон и суд совершенно забыты и все оставлено в небрежении, так что здешнее состояние по справедливости можно назвать *confusum chaos*, и если бы случилось что-нибудь враждебное (что и было год спустя), то честный человек легко мог бы лишиться своей чести и доброго имени. А в Швецию представлены большие планы и рисунки в таком изящном виде, что я ничего не мог думать, как только то, что здесь крепости лучше, нежели в самой Голландии». (Письма эти помещены в повременном издании *Nya Svenska Bibliotheket* (Новая шведская библиотека) 1763 года и рецензированы в журнале «Шведский Меркурий» в июне 1764 г., стр. 437). Из многих рескриптов короля к графу Магнусу Габриелю Делагарди за 1656 год, напечатанных в *Historiska märkvärdigheter* (Исторические происшествия) соч. Лёнбома. Стокгольм, 1768 г., стр. 168 и т. д. видно, что он был им весьма недоволен и в строгих выражениях упрекал его за беспечность о приведении в порядок крепостей.

[228] *Стр. 242.* Пуфендорф, стр. 180.

[229] *Стр. 243. Кардис* есть частное имение, лежащее на так называемой Пиерской дороге между Дерптом и Ревелем. Этот мирный договор напечатан особо на шведском и латинском языках. Часть русского подлинника издана в 1816 г. Е. Г. Эрстремом; она находилась в рукописи в Абовской университетской библиотеке, которая потом сгорела.

[230] *Стр. 243.* Мирный договор, заключенный в Кардисе в 1661 году, напечатан на латинском языке в *Corps Diplom.* том VI P. II стр. 363 и в целости на шведском языке помещен в журнале «Суоми» за 1843 год, тетрадь 2 стр. 85. В нем в первый раз говорится о Ниэншанце, как о городе, в котором русские без препятствия со стороны шведского правительства могли производить свою торговлю.

[231] *Стр. 244.* См. Приложение № 18.

[232] *Стр. 247.* См. Приложение №№ 19 и 20.

[233] *Стр. 248.* См. Приложение № 21.

[234] *Стр. 249.* См. Приложение №№ 22 и 23.

[235] *Стр. 249.* См. Приложение № 24.

[236] *Стр. 250.* Дерптский президент Карл Мёрнер, умерший в 1665 г., владел также участком луга близ Ниэншанца, который его потомки принуждены были возвратить.

www.rurbulsph.ru

[237] *Стр. 250.* См. Приложение № 25. – Стен Бёлья был в 1627 году в качестве шведского дворянина внесен в рыцарскую палату и тогда принял материнский герб древнего своего Бёльяского рода. Сам он, вероятно, назывался фон Стенгузен, происходил из немецких дворян и был одним из тех, которые переселились в Швецию в царствование короля Густава Адольфа.

[238] *Стр. 251.* См. Приложение № 26.

[239] *Стр. 251.* Удивительно, что уже спустя три года после заключения мира с Россией, в 1664 году в шведском королевском совете были совещания о том, не начать ли новую войну с Россией, представляя поводом в ней те затруднения, которые русский царь всегда находил, как скоро поднимался вопрос о проведении пограничной линии. Из письма же королевского советника Бенгта Оксеншерна к королевскому казначею графу Густаву Бонде от 1 мая 1664 года видно, что план этот основывался совершенно на других причинах, а именно: как дела России были в расстройстве и кроме того, она была тревожима татарами, казаками и поляками, то хотели воспользоваться этим случаем, тем более, что *«Швеция должна иметь войну, которая не расстраивала бы ее силы, дабы отечество наше тем было очищено от беспокойных умов, любящих нововведения»*. (Смотри журнал «Шведский Меркурий», июль 1764 года, стр. 448). Более благоразумные слепы совета, в числе коих в особенности был граф Оксеншерна, отклонили однако этот план, доказав, что положение России не так опасно, как думают, но что, напротив того, восточные провинции Швеции, состояние которых было очень бедно, новой войной могли бы быть совершенно разорены.

[240] *Стр. 252.* См. Приложения №№ 27, 28, 29 и 30.

[241] *Стр. 252.* См. Приложения №№ 31 и 32.

[242] *Стр. 253.* См. Приложения №№ 33, 34, 35 и 36.

[243] *Стр. 254.* См. Приложение № 37.

[244] *Стр. 254.* См. Приложения №№ 38, 39 и 40. – Права, которые по просьбе города Нарвы резолюцией от 14 октября 1675 года были пожалованы также городу Ниэншанцу, состояли главнейше в следующем: 1) Так, как ввоз табака в Россию был запрещен и иностранцы могли продавать его в городе только здешним гражданам, которые отправляли его в Швецию, то им самим дозволено было производить эту торговлю на точно таких же условиях, какие установлены были законом для торговли солью и сельдями. 2) Так, как мелочная продажа была чужеземцам запрещена, но не определялось, что должно было разуметь под оптовой и мелочной продажей, то губернатору было поручено составить для руководства список тем товарам, которые должны продаваться оптом, с устранением розничной их про-

дажи. 3) Как на несовместное с пользой города, жаловались на то, что русские учредили в Нарве и Ниэншанце свои торговые конторы; в ответ на то король постановил, что так, как торговые конторы учреждены ими для усиления их торговли с Москвой, Ярославлем и др. городами, то уничтожить их нельзя; но если русские, находящиеся в сих конторах, станут вмешиваться в торговлю с соседними Ниэну местами, то им не должно дозволять этого, если на то не будет особенного согласия со стороны городского общества. 4) Хотя уже прежде офицерам и гарнизонному войску было воспрещено варить пиво и курить водку в городе, несмотря на то эта дурная привычка еще продолжалась, почему на генерал-губернатора возложено было наблюдать за тем и преступивших таковое запрещение наказывать – офицера исключением из службы, а солдата розгами. 5) Русским дозволено было поселяться в городе и пользоваться одинаковыми правами с прочими гражданами оного, но с условием, чтобы они принимали лютеранскую веру, строили каменные дома и подвергались платежу городских податей.

[245] *Стр. 255.* См. Приложения № 41 и 42. – До того времени (1679) в Швеции не было настоящего устава о браковании; но поступавшие жалобы на различные обманы в Ревеле, Нарве и Ниэншанце, кажется, дали к тому повод. В числе товаров, подлежавших браковке и строгому осмотру до выгрузки из судна, были: *лен, конопля, масло коровье, сало, воск, мед, хмель, жир* и разного рода *соленая говядина.* Лен был трех родов: а) так называемый *лен-сырец*: под этим именем разумели обыкновенный хороший, очищенный от костриги, волокнистый лен; б) *чистый лен*, который приготовлялся из первого и был волокнист, без пакли и костриги, и в) полукрученый лен, который русские называли *донцом* или *полубраком.* Пакля не браковалась. С коноплей поступали точно так же, как со льном, и каждый сорт оной, как и каждый сорт льна, связывался различно, так что не знавший мог различать сорта по одному роду связывания. Если же этого не было соблюдено, то ни лен, ни конопля не принимались, а развязывались, причем все негодное выбрасывалось и снова на счет продавца связывалось. *Масло* было двух сортов: летнее и зимнее. Первое должно было быть плотно набито в дубовых бочках, и последнее, употреблявшееся на мыло, запрещалось смешивать с первым. *Сало* было также двух родов, а именно: *сало свечное*, которое было белое или желтое, но твердое, и *сало мыльное*, которое было темного цвета, мягкое и обыкновенно привозилось из России. Оба эти рода сала должны были укладываться в березовые или другие бочки, на крышке которых со свечным салом означалось два, а с мыльным салом один круг. В продаже *хмеля* обман состоял в том, что в него подмешивали

www.starosmolspb.ru

мелкие листья, толченую траву или что-нибудь похожее на семя; по открытии подмеси товар очищали от нее на счет продавца. Представлявший к весу негодные товары с намерением обмануть должен был в первый раз взять их обратно, во второй он был наказываем по качеству преступления, а в третий раз таковые товары были публично сжигаемы, а на их владельца налагалась пеня. Эти строгие меры, вероятно, не оставались без желаемого успеха.

[246] *Стр. 255.* В древнейшие времена крестьяне в Швеции обязаны были, кроме определенной казенной поденщины, в случае надобности работать еще, так сказать, в добавочные дни в крепостях, королевских дворцах, скотных дворах и зверинцах, и вероятно, вследствие этого древнего обычая тяжелая рабочая повинность при постройке крепостных стен Ниэншанца была разложена на каждого рабочего человека в Ингерманландии и Карелии. Удивительно, впрочем, что здесь была принята такая строгая мера, когда известно, что число добавочных дней, прежде неопределенное, было уже в 1652 году на государственном сейме точно определено, а именно: с каждого полного двора рабочий должен был ходить на работу 6 дней с лошадью и 12 дней без лошади; таким образом здесь со двора приходилось меньше работы, чем там при постройке крепости. Важность дела, как видно, требовала напряжения, которое для ниэнских обывателей старались умерить тем, что вместо работы их обязали содержать рабочий народ, хотя и это, конечно, было нелегко.

[247] *Стр. 255.* См. Приложение № 43.

[248] *Стр. 257.* См. Приложение № 44.

[249] *Стр. 258.* См. Приложение № 43.

[250] *Стр. 260.* См. Приложение № 46.

[251] *Стр. 261.* См. Приложения №№ 47 и 48.

[252] *Стр. 261.* См. Приложение № 49.

[253] *Стр. 262.* См. Приложение № 50.

[254] *Стр. 263.* См. Приложения №№ 51, 52, 53 и 54.

[255] *Стр. 267.* О всех беспорядках можно читать в истории Густава Адольфа. Том IV, стр. 882 и т. д. соч. Галленберга.

[256] *Стр. 268.* В №№ 41 и 44 Абовской газеты за 1796 год находится статья о злоупотреблениях в Ингерманландии и Кексгольмской губернии во время царствования короля Густава Адольфа и после того, основанная на документах, хранившихся в Абовском гофгерихтском архиве.

[257] *Стр. 269.* См. Приложения №№ 55, 56 и 57. – Когда Нильс Ассерсон был назначен ландсгевдингом Нарвской губернии и Ингерманландии, то Эрик Андерсон, как более опытный в делах, касающихся управления губернией, был определен ему в помощники. Из

данной им обоим королевской инструкции видно, что король не много полагался на способности Нильса Ассерсона, но, вероятно, считал его, впрочем, благомыслящим человеком, ибо в начале этой инструкции говорится: «*Memorial på de saker Kongl. Majestät finner godt att Ståthållaren Nils Asserson jämte Commissarien Eric Andersson, efter Nils än okunnig är om landsens lägenhet, skall beställa uti stads- och landsregeringen uti Narvens län och Ingermanland*». (Мемориал тех дел касательно управления Нарвской губернией и Ингерманландией, исполнение которых его королевскому величеству благоугодно поручить штатгальтеру Нильсу Ассерсону с комиссаром Эриком Андерсоном, поелику первому еще неизвестно положение того края.)

[258] *Стр. 270.* См. Приложение № 55.

[259] *Стр. 273.* В объяснение сказанного в тексте я должен присовокупить, что нынешние Выборгская губерния и Ингерманландия были, после мира в 1617 году, разделены на две губернии, каждая под ведением особого наместника (штатгальтера), а именно: 1) *Кексгольмскую* губернию, к которой принадлежали приходы, лежащие вокруг озера Ладоги, начиная от Саккольского прихода до границы Олонецкой губернии, с присоединением так называвшейся Шведской Карелии. 2) *Нарвскую* губернию, под которою числилась вся Ингерманландия и часть Эстляндии. Однако я не могу определить, к Кексгольмской или губернии принадлежал Ниэншанц вначале или к Нарвской. Генрих Спарре был 17 октября 1618 года назначен штатгальтером Кексгольмской губернии и исправлял эту должность до увольнения его от службы в 1636 году, в которое время Кексгольмская губерния была соединена с Нарвскою. Но соединение это было недолговременно, ибо в 1642 году тогдашний нарвский штатгальтер Нильс Ассерсон Маннершёльд, по приказанию начальства, уступил Кексгольмскую губернию Рейнгольду Медтстаке, и с того времени Ниэншанц причислялся к Нарвской губернии.

В сочинении под заглавием *Nordische miscellaneen* Гупеля, Stück 18 и 19 на стр. 475 и т. д., находится список лифляндских генерал-губернаторов в бытность того края под властью Швеции, и на стр. 495 список лифляндских губернаторов с краткой биографией каждого. Списки эти однако очень неполны и неверны. Другой список находится в Bihanget till *Rosenhanes Svea Rikes Rådslängd* (Прибавление к списку шведских сановников, соч. Розенгане), в котором особенно показаны: а) генерал-губернаторы Лифляндские, б) генерал-губернаторы Эстляндские и в) генерал-губернаторы Ингерманландской и Кексгольмской губерний; но в этом списке, как и в предыдущем, смешиваются генерал-губернаторы и губернаторы, а также и управляемые ими губернии. Имея такие различные списки и нахо-

дясь в недоуменьи, я сравнил имеющиеся у меня документы с сочинениями разных писателей и попробовал составить новый подобный список, по моему мнению, вернейший; но, может быть, и я в отношении порядка их следования друг за другом ошибся.

[260] *Стр. 276.* Ганс фон Ферзен был барон, в каковое звание он был возведен 4 ноября 1674 года и вместе с тем получил в баронское поместье имение *Скабершё* в провинции Сконе, которое потом переименовалось в *Кронендаль*. Двоюродный брат его Отто фон Ферзен был до смерти Сперлинга Нарвским губернатором, и как ближайший к тому, вскоре был произведен в генерал-губернаторы, хотя года этого производства в *Materialien zu einer Liefländischen Adels-Geschichte*, помещенных в Nordische Miscellaneen (Северная смесь) соч. Гупеля, Stück 15, стр. 389, не показано. Там говорится только, что Отто фон Ферзен в 1681 году был назначен Нарвским губернатором и наконец в 1693 году произведен в фельдмаршалы, после чего он в 1703 году умер в имении своем *Курналь*, не оставив по себе наследников. Ни Шултц, ни Фарзены, ни даже Веллинг не показаны в вышеприведенном списке Розенгане, который кончается именем Сперлинга. Но что Веллинг однако был генерал-губернатором Ингерманландии и Кексгольмской губернии, об этом свидетельствуют не только Шерман в *Svea och Götha Höfdinga-minne* (Жизнеописания вождей Швеции и Гётии) том II, стр. 174, но и канцелярский советник И. В. Лагус в *Åbo Hofrätts Historia* (История Абовского Гофгерихта) стр. 28. Он родился в 1649 году и был сын полковника Отто Готгардсона Веллинга, в браке с Христиною Маннершёльд, дочерью губернатора Нильса Ассерсона Маннершёльда.

[261] *Стр. 277.* О прибытии Лофельта в Москву см.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Росс. имп. Археограф. Экспедиции. Т. III стр. 466.

[262] *Стр. 278.* Каким образом Генрих Пипер был назначен ингерманландским штатгальтером, я с достоверностью не могу объяснить. Шёрман в своей метрической книге на стр. 1501 пишет, что Генрих Пипер был произведен в штатгалтеры в 1678 году. Но как Отто фон Ферзен был определен Нарвским губернатором в 1681 году, где он находился до смерти Сперлинга в 1691 году и тогда был произведен в генерал-губернаторы, то Пипер поэтому был губернатором только три года и потом о нем неизвестно. Обстоятельство это, может быть, надобно объяснить тем, что один был нарвским штатгальтером, а другой ингерманландским, или тем, что Ферзен был только нарвским комендантом и вместе с тем назывался штатгальтером (губернатором) самого города. Так как род Пиперов, получивший известность в царствование короля Карла XII через Карла Пипера, происходит из Выборга и Ниэншанца, то я представляю здесь древнюю его родословную:

Бенкт Пипер

выборгский купец, женат на Марии Генриховне Строльман

1) Генрих Пипер, бургомистр в Ниэншанце, шведский комиссар в России, женат на Екатерине Андефлюкт.

Генрих, возведен в дворянское достоинство в 1698 году, ингерманландский губернатор, был женат на:
а) Екатерине Лоз.
б) Гедвиг Кронстрём.

1) Густав Абрагам, родился в 1692 г., генерал-майор, был женат на:
1) Елеоноре Густавиане Тунгель.
2) Мерте Христине Стуре.
3) Евсфоне Шовен.

2) Екатерина Елисавета, в замужестве за полковником Карлом Иогансоном Бьёрнбергом.

2) Петтер, начальник выборгской таможни.

Петтер родился в 1642 г., возведен в дворянство в 1684 г., майор, женат на Анне Маргарите Ребиндер; бездетны; умер в 1690 году, а оставшаяся вдовою жена вступила во 2-й брак с майором Клаэсом Иоганом Врангелем.

3) Карл, родился в Выборге 16 сентября 1620 года, военный камерир, женился в 1644 году на Ингриде Карлсдоттер и умер в Стокгольме в 1650 году.

Карл, родился в 1647 г., граф и барон, канцлер Упсаль. университета и полковник-маршал, женат на Христине Тёрнфлюкт, умер в Нётеборге в 1716 году. От него начался графский род Пиперов в Швеции и Финляндии.

[263] *Стр. 278.* См. Приложение № 58 и 59. Поелику оба эти документа заключают в себе важные сведения о поддержании порядка в Ниэншанце, то они прилагаются с русским переводом.

[264] *Стр. 281.* Жалованье бургомистра юстиции составляло на нынешнюю монету 240 руб., бургомистра полиции 192 руб., двоим ратманам по 96 руб. серебром. Но по новому штату жалованье первого бургомистра увеличено было на 48 руб., второго на 40 руб. и жалованье каждого ратмана по 24 руб. серебром.

[265] *Стр. 289.* По моему убеждению, Ландскрона находилась на северном берегу Охты.

[266] *Стр. 291.* Эти владения Бутерлина не изображены ни на какой другой карте. Его настоящая фамилия Бутурлин, но в шведских памятниках он всегда называется Бутерлин (Butterlin).

[267] *Стр. 296.* Öfver Nyens situation и проч.

[268] *Стр. 297.* Rhenländska Rhoder.

[269] *Стр. 305.* Напечатана во «Временнике ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Общества истории и древностей Российских»; книга десятая. Москва 1851, под заглавием: *Переписная Окладная книга по Новгороду Вотьской Пятины 7008 года.*

[270] *Стр. 305.* См. Журн. Министерства Внутренних Дел за 1836 год, стр. 420.

[271] *Стр. 305.* Historien und Berichte von dem Grossfürstenthum Muschkov etc. Leipz. 1620.

[272] *Стр. 307.* Может быть, ганзейцы.

[273] *Стр. 307.* Желая вполне убедиться в согласии моего предположения с действительностью, я просил моего корреспондента в Стокгольме справиться, действительно ли в подлиннике, с которого снята моя карта, написано «Kellasaari», или не произошла ли ошибка от небрежности при списывании сего слова, причем я также просил его отыскать большую древнюю карту, с которой заимствована первая. Ныне, когда мое сочинение было уже кончено, получил я в ответ, что древнюю карту нельзя уже отыскать, или по крайней мере она не находится в числе хранящихся в военном архиве чертежей, но что на подлинной карте, с которой снята помянутая копия, действительно написано «Kettusaari» (Кеттусари), хотя горизонтальная черта на буквах – tt – значится весьма слабо. Кроме того, мой корреспондент сообщил мне, что в той же папке, где хранится этот чертеж, находится еще другая копия с него, где слово «Kettusaari» прописано совершенно четко, так что о первобытном наименовании острова не остается никакого сомнения. Подтверждения же моему убеждению в преданиях нельзя найти, ибо это имя в памяти народа уже не существует, между тем как слово «Rettu saari» (Реттусари) и до сих пор сохранилось в письменных источниках, хотя этим ничего существенно не доказывается. Название «Rettu saari», по-видимому, основывается на авторитете Петрея, который, сколько мне известно, в первом своем описании Москвы (1620) упоминает об этом острове под названием Rethusari, что впоследствии было принято другими. Вероятно, при печатании буква К принята за R, отчего и произошла опечатка, сохранившаяся до наших времен. См. шведский подлинник Описания Петрея (Regni Muschovitici Sciagraphia. Stockh. 1615 I. стр. 65). Немецкий перевод издан в 1620 году.

[274] *Стр. 307.* См. Журн. Министерства Внутренних Дел за 1836 год, стр. 421.

[275] *Стр. 308.* Журнал Министерства Внутренних Дел 1836 г. Часть XX, стр. 422.

[276] *Стр. 308.* Оно называлось в 1701 году Коновым двором (Konovihof).

www.aroundspb.ru

[277] *Стр. 309.* В 1701 году оно называлось Окерфелтовым двором.

[278] *Стр. 313.* См. стр. 103 и след.

[279] *Стр. 313.* См. Лаврентиевск. летопись в II. Собр. Русск. Лет т. I стр. 25.

[280] *Стр. 313.* Карамзин т. I прим. 361.

[281] *Стр. 319.* О состоянии С.-Петербургских местностей в XVI веке см. сочинение г. Буткова, помещенное в XX-й части Журнала Министерства Внутренних Дел, стр. 411.

[282] *Стр. 320.* Было еще другое место беления на юг от Ниэна, из чего можно заключить, что жители Ниэна изготовляли много тканей.

[283] *Стр. 324.* См. сочинение Шёнгрена об Ингерманландии.

[284] *Стр. 328.* Об этом можно узнать подробнее в Воспоминаниях о Гецелиусе младшем Тенгстрема (Gezelii den yngres minnen af J. Tengström) и в других статьях, сюда принадлежащих, напечатанных в *Актах для объяснения Церковной Истории Финляндии* (Handlingar till uplysning af Finlands Kyrko-Historia), изданных епископом Тенгстремом, тетрать IV и V и в новом продолжении их, издан. В. Г. Лагусом, тетрадь I.

[285] *Стр. 334.* 15 тонн земли, принимаемые здесь за гак, в котором собственно заключается 30 т, объясняется тем, что здесь разумеется годовой посев. Другие 15 тонн оставались всегда незасеянными до след. года.

[286] *Стр. 337.* См. Tengström, Handl. Häftet V, стр. 112.

[287] *Стр. 341.* Thomae Hiärn's Ehst-, Lyf- und Lettländische Geschichte. (См. Monumenta Livoniae antiquae. Riga und Leipzig 1835. Том I).

[288] *Стр. 344.* См. Grot, über die Religionsfreiheit in Russland. Thl. I, стр. 262.

[289] *Стр. 344.* Абрам Таубониус был тогда суперинтендантом.

www.aroundspb.ru

СОДЕРЖАНИЕ *

Глава 1

История р. Невы и племена, обитавшие вблизи ее берегов в древнее время: финны и скандинавы; варяги и славяне; призвание варяжских князей племенами славянскими и финскими 14

Глава 2

История той же местности со времен Владимира Святославича до смерти Ярослава Владимировича 32

Глава 3

Враждебные отношения новгородцев, шведов и карелов к Ями 49

Глава 4

Завоевательные стремления шведов и распространение их владычества в Финляндии, их отношения к Ями и новгородцам; борьба последних с ливонскими немцами и распри с князьями; усиление шведов в Финляндии: основание Выборгской крепости; основание и падение Ландскроны; роль Ганзы в борьбе между шведами и новгородцами; Ореховский договор 1323 года 61

Глава 5

Те же отношения в связи с отношениями новгородцев к великим князьям Московским и Литовским, а также к рыцарям Ливонским до исхода XV века 100

---

* В известных мне бумагах А. И. Гиппинга оглавления к его труду (I и II чч.) не оказалось; оно составлено, по возможности, придерживаясь собственных выражений автора. А. Л.-Д.

Глава 6
Быт обитателей Невских побережий в XV–XVI вв.: пятины, уезды (присуды) и погосты, дворцовые и другие земли Вотской пятины; сельское население, его оброки и дани; религиозный быт; экономическое состояние края 125

Глава 7
Возобновление борьбы между Россией и Швецией из-за господства на побережьях Невы после утверждения династии Густава Вазы на шведском престоле. Тявзинский договор 1595 года 145

Глава 8
Отношение России к Швеции в Смутное время и утверждение шведского господства на побережьях Невы: Столбовский договор 1617 года 179

Глава 9
Причины, побуждавшие шведское правительство стремиться к господству над побережьями Невы, и внутреннее состояние Ингерманландии в XVII в. 192

Глава 10
Основание города Ниэна и его привилегии 213

Глава 11
Новые столкновения между Россией и Швецией и влияние их на Ниен со времени объявления войны в 1656 г. до заключения Кардисского мира 239

Глава 12
Восстановление благосостояния города и развитие его привилегий, торговли и коммерческого быта; обстоятельства, вредно отзывавшиеся на преуспеянии города и ускорившие разрыв между Россией и Швецией 244

Глава 13
Местное управление краем; генерал-губернаторы; наместники и ландсгевдинги; постановления касательно городского самоуправления; комендanты крепости; некоторые бургомистры, сановники и другие замечательные лица, жившие в городе и в его окрестностях 265

Глава 14
Положение и вид Ниэншанца, города и его окрестностей: описание карт и планов, приложенных к исследованию,

и других; топографические сведения об Ингерманландии в XVII в.; замечания о названиях поселений, о значении слова «погост» и о местоположении деревень, означенных на картах 289

Глава 15

Церковное управление и быт; школа 324

Глава 16

Падение Ниэншанца в 1703 году 346

Примечания 349

Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппиусом и А. А. Куником 394

Чумакова Т. В. Арист Аристович Куник (1814–1899) 403

Указатель личных имен и географических названий к картам и планам Невы и Ниеншанца, собранным А. И. Гиппиусом и А. А. Куником 407

Улла Эренсверд. Нева, Ингерманландия и Ниеншанц (из истории картографии) 419

Лебедев Г. С. Заключение 455

не отсканировано

Гиппинг А. И.

Введение в историю Санкт-Петербурга, или Нева и Ниеншанц. – М.: Редакция альманаха «Российский Архив», 2003. – 472 с.

ISBN 5-86566-045-4

Переиздание труда А. И. Гиппинга (1909) предлагает вниманию читателей плод многолетней, по сути своей международной, работы российских и шведских историков. История Санкт-Петербурга в этом издании предстает в совершенно новом, даже для большинства научной общественности, виде. Вновь открыта забытая страница, такая важная для понимания истории города.

ББК 63.3 (2-2 СПБ)

А. И. Гиппинг

Введение в историю Санкт-Петербурга, или Нева и Ниеншанц

Редакция альманаха «Российский Архив»

Редактор Ю. И. Смирнов

Корректор И. Л. Александрова

Издательская лицензия ЛР № 071963 от 10.09.1999 г.

Подписано в печать 20.12.2002 г. Формат 84x108/32

Печать офсетная. Печ. л. 14,75.

Тираж 3000 экз. Изд. №28. Заказ № 817.

АНО «Редакция альманаха «Российский Архив»

119019 Москва, Гоголевский бульвар, д. 6/7, стр. 1.

ГУП «Псковская областная типография»

180007 Псков, Рижский пр., 17.

www.obltip.pskov.ru

e-mail: print@obltip.pskov.ru